m-10.

PEHEPTYAPT PYCKATO

ПАНТЕОНЪ

RESTRICTED HOSBOLHETCH

ппостранных в тватровъ.

road, mepro 30 dad

Usucora H. Kopeanosa

1843.

томъ второй.

шинь по САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Менинградская Теат завная БИБЯИСТЕ ТО

имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

THOMTHAM

печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843 года, марта 30 дня.

Ценсоръ И. Корсаково

000

1045.

TOTOTE ENOT

въ типографін въдомостей с.-п.-б. городской полицін.

РЕПЕРТУАРЪ

HAHTROHB.

SEPRAMO COBPEMENULIXE TEATPOBE, PYCCRAFO II UNOCTPAN-

годъ пятый.

RATRII ANKUHN

CAHRTHETEPBYPT 5. 1843.

первый и послъдній отзывъ о. кони,

пли

РАЗЪ НА-ВСЕГДА!

Нѣкто О. Кони, въ «Литературной Газетѣ» которая нахолится уже при послѣднемъ издыханіи, упорно преслѣдуетъ «Репертуаръ и Пантеонъ» взводя на него разныя клеветы и небылицы. Такое ожесточеніе со стороны О. Кони очень понятно: онъ былъ первымъ редакторомъ «Пантеона» и доредакторствовалъ до того, что издатель его, книгопродавецъ Поляковъ, чтобы спасти свое изданіе отъ конечной гибели, не нашелъ ничего лучше, какъ совершенно отстранить О. Кони отъ редакціи. Редакція «Репертуара и Пантеона», читая всѣ эти выходки, не считала нужнымъ и даже приличнымъ для своего изданія входить въ споры съ О. Кони, по слѣдующимъ причинамъ:

1. Не смотря на всѣ выходки Θ . Кони, а, можетъ-быть, еще и благодаря имъ, «Репертуаръ и Пантеонъ», подъ новой редакціей, находятся на пути къ преуспълнію, и, получая со всѣхъ сторонъ самые похвальные отзывы, редакція вѣритъ имъ болѣе, нежели пристрастнымъ отзывамъ Θ . Кони.

2. Что могла редакція «Репертуара и Пантеона» отвічать на выходки, подобныя напримёръ слёдующимъ: будто-бы «Репертуаръ и Пантеонъ», перепечаталъ изъ «Москвитянина» повъсть Берту «Діана», когда первая книжка «Репертуара п Пантеона» на нынѣшній годъ вышла 16-го января, а первая книжка «Москвитянина» получена въ Петербургъ 18-го тогоже мъсяца? Или что будто нынъшній годъ «Репертуаръ и **Пантеонъ**» печатается крупнымъ шрифтомъ, разгонисто, что нынъшній листь его вдвое, если не втрое, менъе прошлогодняго, что нынъшняго года, «Репертуаръ и Пантеонъ « хуже-«Пантеона» 1840 и 1841-го годовъ, т е. того времени, когда «Пантеонъ» находился подъ редакціей О. Кони!!! А этотъ знаменитый редакторъ по сіе время, въ 1843-мъ году, не додаль еще остальныхъ книжекъ за 1841-й годъ. Нечего сказать, славный редакторъ!!.. На все это редакція «Репертуара и Пантеона» отвѣчала молчаніемъ, заботясь только объ улучшеній своего изданія, и можеть сказать съ спокойною совъстію, что книжки ея выходять не съ упадающею занимательностію, по примітру иныхъ-прочихъ изданій, а съ возрастающею, т. е. вторая лучше первой, третья лучше второй, и т. д. Редакція, не смотря на крупный шрифтъ, разгонистую печать, малый объемъ книги, какъ утверждаеть

дъйстви нервог

сынъ кромвеля

или

BOSCTAHOBJEHIE.

Комедія въ пяти дъйствіяхъ, въ прозв.

Соч. Скриба.

Въ Парижѣ представлена въ первый разъ на театрѣ Франпузской-Комедіи (Comédie-Française), 29 ноября 1842 года.

unn oluona naenn Knoupeant

дъйствующія лица:

Ричардь Кромвель, сынъ протектора.

Карлъ Стюартъ, претендентъ.

Монкъ, парламентскій генералъ.

Эфранть Кильсинъ, членъ новаго парламента.

Лордъ Пинроддокъ, роялистъ.

Леди Реджина Терринэмъ, роялистка.

Елена Ньюпортъ, наслъдница подъ опекою Пинроддока.

Парламентскій офицеръ.

Сейденэмъ, офицеръ свиты.

Первыя три дъйствія происходять въ графствъ Бирксъ, въ замкъ Леди Терриномъ, въ маїъ 1660 года.

якли реджика, ст экисосино. Изги... и br al... надмось, что его не троизтк; ин одно инсьмосиль Лонкова, ин одна

l'adera ne nominaiera, con più sa alarki

дъйствіе первое.

Сцена представляеть богато-убранную гостиную въ замкъ Леди Терринэмъ. – Дверь въ концъ комнаты. – Двери влъво. – Двери вправо.

явление 1.

Леди Реджина съ бумагами въ рукахъ. Ехена за вышиваньемъ. Объ сидятъ у стола, на правой сторонъ комнаты.

леди реджина. Да, милая Елена, я въ восторгъ: все идетъ какъ нельзя лучше.

елена. Ты такъ полагаешь, сестрица, когда даже здъсь мы не смъемъ разговаривать иначе какъ шопотомъ, затворивъ хорошенько двери, когда вся Англія трепещетъ при одномъ имени Кромвеля!

леди реджина. А я такъ люблю его! Онъ разогналъ парламентъ, который изгналъ своего Государя; онъ принесъ въ жертву своего короля! прекрасно! справедливо! Я поступаю какъ народъ; приношу ему благодарность.

елена. Не принесешь-ли благодарность и его солдатамъ, которые поступаютъ съ Англіею, какъ съ покоренною землею?

леди реджина. Тъмъ лучше!

елена. Которые на прошлой еще недёлё хотёли разграбить здёшній замокъ за роядизмъ владёльцевъ.

леди реджина. Что за бъда!

елена. И не будь нашего молодаго сосъда, Клэрка, который за насъ вступился, и которому его храбрый поступокъ будетъ, можетъ-быть, стопть жизни!...

леди реджина, ст живостію. Нѣтъ!... нѣтъ!... надѣюсь, что его не тронутъ; ни одно письмо изъ Лондона, ни одна газета не поминаютъ объ этомъ дълъ.

елена. Между-тъмъ, вотъ ужъ два дня мы не видали Клэрка, а офицеръ, который командовалъ отрядомъ, послалъ рапортъ къ Кромвелю.

леди реджина. Ну, чтожъ, милая! того и гляди, придетъ повелъніе Протектора отнять... нътъ, взять подъ протекцію мое им'вніе, какъ онъ ужъ взяль твое къ себъ подъ протекцію!... Что за бъда!... Конфискацій, ссылокъ, заключеній въ тюрму, онъ столько надълаетъ ихъ намъ и своимъ, что добрые Англичане, похожіе на лягушекъ, которыя требуютъ.... протектора, станутъ наконецъ жалъть о прежнемъ тиранствъ, которое уважало ихъ собственность и лица. (Вставая съ мъста.) Да, скоро, я увърена, Стюартъ воротится въ свое королевство!... Тогда-то мы, его приверженцы и друзья, заблещемъ у него при дворъ!... Я буду герцогиней и первою статсъдамой королевы... можетъ-быть, чъмъ-нибудь еще важиве!... А ты, Елена, дочь лорда Ньюпорта, убитаго при Дэмбэръ, ты, моя кузина и питомица Лорда Пинроддока, самаго неутомимаго изъ заговорщиковъ, ты будешь.... ты будешь, чемъ захочешь.... Во-первыхъ, тебъ возвратятся всъ твои помъстья.... по-крайней-мъръ!...

елена. Что мив въ нихъ?... леди реджина. Теов дадутъ молоденькаго прекраснаго мужа, образованнаго и знатнаго, съ которымъ станешь блистать при дворъ.

елена. О! этимъ, сестрица, я не дорожу!

леди реджина. Понимаю, ты все съ своей страстью къ уединенію; хочешь удалиться въ свои пом'ьстья, когда тебъ ихъ возвратятъ, и жить фермеркою Валлійскаго kpan was prome error on directory and avenue and foreing

елена. Почему-жъ и не такъ? Кромъ брата моего, лорда Ньюпорта, который дълить изгнание съ королемъ, почти всъ мои родственники погибли на полъ сраженія; сироть безъ состоянія, самая бъдная жизнь, если она дастъ покой души и сердца, покажется ми'в лучше волненія и безпокойствъ, какія насъ окружаютъ, этихъ надежъ столько разъ обманутыхъ и безпрестанно оживающихъ, этихъ таинственныхъ заговоровъ, этихъ короткихъ сношении

съ толпою второстепенных заговорщиковъ, интригановъ, которыхъ вы укращаете всъми возможными добродътелями, какъ скоро подозрѣваете въ нихъ добродѣтельроялизма! Не говорю, чтобъ я меньше твоего уважала всёхъ тьхъ, которые, будучи истинно достойными званія роялистовъ, подобно отцу моему, проливали кровь за Стюартовъ на поляхъ Дэмбара и Ворчестера.... Ихъ рождение, ихъ положение въ свъть, все налагало на нихъ обязанность принять д'ятельное участіе въ наших государственныхъ смутахъ!... Но намъ, милая кузина, намъ, женщинамъ, стараться смирять ненависть, сближать нашихъ братьевъ, или хоть возвращать во внутренность ихъ домовъ сколько-нибудь того спокойствія и того счастія, которыхъ они уже не находять внъ дома, подавать руку страждущимъ, утъщать плачущихъ или плакать съ ними, и, не смотря на званіе и мивнія, знать одну только сторону-сторону несчастія - воть наша роль....

леди реджина, насмъшливо. Въ-самомъ-дълъ!....

елена. И не понимаю, какъ вы съ моимъ опекуномъ можете жить въ этой атмосферь интригъ: для меня она была-бы пыткой!

леди геджина. А для меня—она счастіе! Именно потому, что намъ, женщинамъ, отказываютъ въ твердости и правъ пренебрегать опасностями, именно потому и есть столько наслажденія и прелести въ этой отважной, скользкой жизни! Вдова лорда Терринэма, свободно раснолагая своей участью, и рискуя только самой собою, я люблю дъятельность, какая нужна въ политическихъ заговорахъ! А впрочемъ, въдь я не забываю осторожности, необходимой для нашихъ предпріятій: по утру занята распоряженіями по имънію, видаюсь, по наружности, съ однимъ только нашимъ молодымъ сосъдомъ, Клэркомъ, который проводитъ у насъ всякій вечеръ, и, пока мы работаемъ, читаетъ намъ рукописные стихи Кромвелева секретаря....

леди реджина. И не подозръваеть, что эта женщина, свиду такая скромная и застънчивая, не уступаеть въ дерзости сатанъ республиканца Мильтона; ведеть по ночамъ совъщания съ окружнымъ дворянствомъ, переписывается еъ лордомъ Ньюпортомъ, и съ самимъ Стюартомъ, рискуя головою!... Страшно, но занимательно! Я выбрала себъ девизомъ итицу бурь, гальціону, которая весела только при наступленіи непогоды; осудить-же себя на домашнюю жизнь, для меня была-бы это смерть.... я не церенесиа-бы! пред том том том Т дене то том том менена Тишевал этепляс атаромо тапала, этеплене от

тев выросия; потому-что, поминтея виз... важется, что

нвление плито бытогорозал бор

mercury Tours traped Caspell gapping market care Елена, леди Реджина, Эфраимъ, показавшійся у оконечной двери ст нюсколькими людьми въ черноме платыь, которыме онь раздаеть приказанія, потомь медленно приближается:

елена. Кто это къ намъ?... Его священный нарядъ, боль-

леди реджина. Какой-нибудь пуританинъ, независимый, приверженецъ пятаго царства.... Какъ его впустили сюда?

эфранмъ. Передо мною всѣ двери отворены.... Я прі-Бхаль оть имени и по повельно Его Высочества Оливера Кромвеля, лорда Протектора трехъ королевствъ, сдълать тщательный осмотръ здъшняго помъстья съ его дачами, и взять ихъ подъ секвестръ.

леди геджина. Поторопплись-же вы повиноваться....

эфраимъ, про себя. Еще-бы нътъ... въдь тиранъ-то.... (громко) повелитель сказалъ: «Эфраимъ Кильсинъ, ступай въ замокъ Терринэмъ, гдъ одинъ молодой человъкъ, по имени Клэркъ, осмълился обнажить шпагу на нашихъ.... У меня есть причины простить этому безумцу, прощаю также и Моавиткъ, за которую онъ вступился; но не прощаю ея замку.... ступай, возьми его.

елена. Себъ!

елена. Себъ! вораниъ. Нътъ. (Про-себя) То-то и бъда....

леди реджина, которая между тъм вглядывалась въ Эфраима. Ахъ! да.... я не ошибаюсь... голосъ.... черты.... мы знакомые люди.... это Джосуа Никльби.

эфранив. Въ мірѣ такъ меня звали запизэжов диканци

леди реджина. Одинъ изъ нашихъ вассаловъ.... который долго отправлялъ въ округъ двойное ремесло трактирщика и школьнаго учителя.

эфранмъ. Я самый.... Небесное имя мое теперь, Эфраимъ Кильсинъ, защитникъ народа и въры, членъ новаго

парламента: пет оту табеет ыб внои ил, произ описнового,

леди реджина. Такъ ты-то.... (спохватясь) Такъ выто, Эфраимъ, должны отобрать замокъ, гдъ вы родились, гдъ выросли; потому-что, помнится мнъ... кажется, что

мой благородный отецъ....

эфранить. Точно такъ! Старый дворянинъ велълъ дать мить образованіе, и свътъ насталь: я спросилъ самъ себя, отчего у другихъ есть помъстья и замки, а у меня, Джосуа Никльби, ихъ нътъ? Надо, чтобъ вст были равны, и королей-ли, правительства-ли, я поклялся ниспровергать встъх, кто не отдастъ мить моего.... котораго я еще жду.... Затъмъ покинулъ я мой трактиръ чернаго медальдя, пошелъ съ пресвитеріанской арміей на Стюарта.

леди реджина. Ну, чтожъ, вамъ удалось, и вся выгода

на сторонъ вашей.... преме ден преме положения причения

вораннъ. Хороша выгода! Человъкъ нагнулся, поднялъ ее, да и оставилъ себъ одному.... не стоило и драться.

ныхъ....

эфраимъ. Да какъ и быть довольнымъ, если тѣ, кто послѣдніе явились на дѣло, грабятъ нашу братью.... Мы сѣяли, а они жнутъ.... Все, что мы взяли, они у насъ беругъ.

леди реджина. Это обидно!...

эфранмъ. Не правда-ли?

леди геджина. Удивляюсь, какъ еще вы не взбунтуе-

эфганмъ. Потерпимъ! Они выбрали меня въ тотъ парламентъ, что долженъ былъ править Англіей. Насъ было сто сорокъ четыре повелителя.

леди реджина, Еленљ. Да, народъ представляють обыкновенно высшими сословіями, Кромвель сділаль напротивъ; онъ искаль большинства между портными, трактирщиками, кожевниками и пивоварами....

эфранмъ. Которые едва умели читать. Мив, старинному школьному учителю, показалось, будто я въ классъ, и разумъется, я пріобрълъ власть, какую языкъ даеть надъ молчащими! Ужъ у меня было двадцать-два голоса, преданные мнв во всвхъ обстоятельствахъ! Двадцать два голоса кричали только моимъ ртомъ. Было чвмъ пошу-мвть, было чвмъ сдвлаться страшнымъ! Оно ужъ и начиналось, какъ однажды является въ Вестминстеръ это Ваалово исчадіе, этотъ Кромвель, гонитель, посланный на Израиля. Пробрался въ середину парламента, не спросясь, завлальль монмъ правомъ говорить, какъ и всемъ завладълъ, и началъ громовымъ голосомъ, передъ которымъ мон двадцать-два ничего не значили: «Вы ужъ не избранники народа, ступайте вонъ! Господь васъ отвергъ.... Вонъ»! Мы было замъшкались, не смотря на его приглашеніе, идти вонъ.... отъ себя, онъ топнуль ногою, двери настежъ, глядь, за ними два ряда солдать съ аллебардами; туть ужъ отступление моихъ почтенныхъ товарищей и мое превратилось въ бъгство. Кромвель вышелъ позади всъхъ, заперъ двери Вестминстера, положилъ ключи въ карманъ, и на другой день, на стънахъ камеры, откуда выгнанъ парламентъ, лондонскіе насмъшники написали карандашомъ: Отдается квартира безъ мебели.

лэди реджина. Понимаю, какъ васъ должно было это обидъть.

эфганиъ. Да меня-ли одного!... Всѣ служители истиннаго Бога, всѣ наши обижены какъ я.... Они нынче ужъ ничто.... и не имѣютъ ничего; они въ бѣшенствѣ на измѣнника, котораго мы облекли властію, и который остается при ней.... хочетъ при ней остаться....

леди реджина. Вы сами виноваты!... Зачёмъ такому отличному оратору запрягаться въ колесницу тирана?

эфганмъ. Что-жъ дълать? Пока онъ на этой колесницъ.... О! а когда не будетъ на ней.... посмотримъ.

леди реджина, ет помолоса. Если-же было-бы средство столкнуть его и вамъ занять его мъсто....

эфраниъ. Миф!он пок сопра в эки И запомала по и

леди реджина. Вамъ и вашимъ!

эфраниъ. Мониъ двадцати-двумъ!... на колесницъ?... леди реджина. Отчего не такъ?

эфранмъ. Они къ этому не привыкли! А я, Эфраимъ, старый членъ парламента и защитникъ народа, я уже не гоняюсь за суетою почестей.

леди реджина. Такое безкорыстіе....

эфраимъ. Общественныя должности выдвигають на видъ, поднимаютъ толки, между-тъмъ-какъ капиталы.... ихъ не видать, и народнымъ быть они не мъщаютъ.... Моя система такова, чтобъ всѣ были счастливы.... а для этого, чтобъ у каждаго было сотъ пять-шесть гиней домон дълдель, од начего не процен: чистель не по. вкож

неди реджина, усмъхаясь. Для бережливаго правленія... это немножко дорого, и пока-то еще у всехъ menie, a rea south corn corn our rougers percentage

эфранмъ, потупляя глаза. Я не прочь, чтобы начали съ меня.

леди геджина, 65 помолоса, съ живостью. Невозможнаго туть нътъ.... Надо только условиться, соединить наши усилія противъ общаго врага, и свергнуть Кромвеля.... такимъ образомъ и дойдемъ до вашей системы.

эфганив. Какъ!... вы, милели, вы также съ ней согласны!

леди реджина. Почему-жъ нътъ? Когда ничего не имъещь.... а я не богаче васъ! Въдь все мое имъніе конфисковано. ви вно зозории атолеми он и ....отрии

эфранмъ. Правда, въ такомъ случав можете положиться на меня.... долгато нен при атегог .... Мен при во

леди реджина. Мы съ нашими и полагаемся, но чтобъ не подать какихъ-нибудь подозрвній.... псполняйте ваше поручение.... приступайте къ описи, о которой вамъ приид.... О! а когда не будеть на ней... несмотримъонакая

о воглимъ. Вы согласны!... Храни васъ Госполь, ми-... croznavyt ero n name negata ero micro...

леди реджина. И васъ также, мой новый союзникъ. (Эфранма уходить).

ABAEHIE III.

Леди Реджина, Елена.

cayla, an shopeth, dog.tedomorma. Porme on a liming a

елень, которая оставалась у стола во время ихъ разговора. Опомниться не могу, удивляюсь тебъ.... врагъ, присланный противъ тебя....

меди геджина, садясь ко столу со другой стороны. Я сдълала изъ него приверженца; люблю соблазиять враговъ.... побъждать пепріятелей!

элена. Какъ-же тебъ быть, когда враговъ у тебя не будеть, когда ты возстановишь короля Карла на отеческомъ престолъ?

леди реджина. Всегда есть министры, которыхъ можно опредълять или отставлять, можно отнимать мъста у враговъ, отдавать друзьямъ! И что за наслаждение видъть у своихъ ногъ все это племя придворныхъ и искателей! Особенно, что за радость, когда въ толив, въ забросв, есть скромное и робкое достоинство, которое само собою не было-бъ ничемъ, а черезъ тебя становится всемъ, на которое глядишь съ гордостью, какъ на свое твореніе, на свое создание, и которое втайнъ покланяется тебъ, какъ благод втельному и таинственному божеству.... Это моя всеглашиля мечта!...

влена. У тебя!... нъжныя мечты.... быть не можеты! леди реджина, ст улыбкою. Такъ по-твоему я неспособна любить!

влена. Напримъръ, опекунъ мой, лордъ Пинроддокъ, за котораго ты объщала выйдти, если удастся заговоръ.... леди реджина. Это политическое дъло.... а мы гово-

римъ про любовь! елена. Такъ ты любищь?

леди реджина. Почему-жъ нътъ?

елена, весело. Ахъ! какъ я рада!

леди реджина. Тебь что изъ этого?

елена. Я также давно сбиралась открыть тебъ косчто, да не смела!... Ты такъ занята!... Я ужъ ждала возвращенія дядюшки.... но тенерь....

Ka. V. - 2.

леди реджина, съ живостью. Говори скоръе! слуга, въ ливрењ, докладываетъ. Господинъ Клэркъ. объ, въ волнении, зажимая другь другу роть. Молчи! леди реджина. Не поминай ему ни объ Эфраимъ, нио его посъщения.

елена. Разумъется, а то онъ его выкинетъ изъ окна.

H . Busques Sales BREHIE IV. Char. Accounts on стальная перепоразонца; люблю побланиув дин-

Клоркъ, стоя, Леди Реджина и Елена, сидя.

ma. Martiere rech figure, not in approprie v reba ne леди реджина. Мы безпоконлись за васъ, господинъ CHON'S CHRESTOR'S Клэркъ.

елена. Двое сутокъ васъ не видать.

леди реджина. Въ три мъсяца, что вы живете въ на-

шемъ краю, это первый разъ. клэркъ. Благодарю васъ, миссъ Елена, и васъ, леди Реджина, что удостоили замътить отсутствие вашего бъднаго сосъда, при принаго допината положения и поли

елена, съ безпокойствомъ. Однако-жъ это отсутствие не имъло ничего опаснаго?

клоркъ. Да, конечно! Нужное дъло... наводнение грозило моему маленькому лугу, который идеть по берегу Кеннета.

лэди реджина. Только-то?

клэркъ. Очень-много для меня, у котораго все достоинство въ хозяйствъ.

леди реджина. Вы слишкомъ скромны! Съ вашимъ образованіемъ и талантами, вы можете составить себ'в имя, блистать въ нашихъ политическихъ собраніяхъ, достигнуть не хуже другихъ власти....

клэркъ, со вздохомъ. Ахъ!... миледи!... у себя дома такъ хорошо.... Есть одна персидская пословица, которую я очень уважаю; она говорить: Если хочешь быть счастливъ, прячь свою жизнь.

елена, ст живостью. Эта пословица правду говорить. клоркъ. Вы согласны? прич поляд част. В дине

леди реджина. Но если все стануть такъ разсуждать, что-же будеть съ государствомъ. жлэгкъ. Съ государствомъ!... Видите-ли, миледи, въ это слишкомъ многіе мѣшаются!... и мнѣ кажется, все шло-бы лучше, еслибы половина нашихъ государственныхъ людей оставили кормило правленія и принялисьбы по моему за плугъ.... Прекрасное состояніе быть фермеромъ.

елена, ст улыбкою. Когда въ немъ живутъ по-вашему! леди геджина, встаетт и отходитт на львую сторону сцены; дъйствующіе размыщены вт такомт порядкь: Реджина, Клэркт, Елена. Да!... оригинальный фермеръ.... Уъхать за двънадцать миль отъ Лондона.... купить въ графствъ Бирксъ маленькое помъстье, гдъ ни съ къмъ не видаться, никого къ себъ не принимать....

какой партіп, не имъть здъсь никакого покровителя.

клэркъ, смотря на нихъ. У меня есть лучшее.... Кажется, у меня есть друзья.

леди реджина. Ваша правда....

елена. А батюшка вашъ, господинъ Клэркъ? леди реджина. Онъ къ вамъ не ѣздитъ? клэркъ. Нѣтъ! мы съ нимъ въ ссорѣ! елена. За что?

клэркъ. Нужно-ли спрашивать? Есть-ли нынче въ Англіи хоть одинъ домъ, гдѣ-бы разность мнѣній не раздъляла брата съ сестрою, сына съ отцомъ?... Мой отецъ, за котораго я готовъ отдать жизнь, равнодушный къчувствамъ любви, наполнявшимъ мое сердце, не могъ ни понимать меня, ни любить!... Онъ удалилъ меня отъ себя.... я повиновался....

леди реджина. Онъ въ Лондонъ?...

клэгкъ, равнодушно. Да, миледи.... Онъ тамъ занимаетъ мъсто, на которомъ, можетъ-быть, не удержится долго.... Тогда я раздълю съ нимъ его участь.... какова-бы она ни была!... Тогда, не спрашивая меня о миъніяхъ, онъ, можетъ-быть, позволитъ быть миъ его сыномъ....

леди реджина. Одно слово только.... Такъ онъ не ро-

клэркъ, вздрогнувъ. Нътъ, сударыня!... (Съ мрачнымъ видомъ). Напротивъ!...

леди реджина, ст радостью. Между-тыть какъ вы, го-

клэркъ, холодио. Я, миледи!... я держусь мира, истинной свободы и счастія Англіп!... Другими словами, я не
принадлежу ни къ одной изъ теперешнихъ партій.... да
и за мною никто не гонится! Оттого-то я и ръшился
жить одинъ! Тамъ, между своими, я не жилъ; а когда,
подъ развъсистыми деревьями моей маленькой мызы,
увидълъ себя вдали отъ смутъ партій и семейныхъ раздоровъ, вздохнулъ свободно, ожилъ, и весь предавшись
спокойствію полей, ученію, дружбъ.... провелъ три мъсяща счастливъйшіе въ моей жизни, три мъсяца, когда видался каждый день съ вами, когда всякій день оставлялъмпъ по себъ пріятныя воспоминанія, и еще пріятиъйшую надежду на завтра.

неди реджина. Къ-несчастію, живемъ мы въ такое время, когда не уважаютъ ничего, даже фермеровъ. Жизнь вашу могли пощадить, но вашихъ прекрасныхъ луговъ, по берегу Кеннета, не пощадить, можетъ-быть!..

клоркъ. Почему такъ?

елена. Потому-что вы вступились за насъ.

леди реджина. Осмѣлиться защищать имущество собственное или друзей, противиться грабежу или притъснсніямъ, это такое преступленіе, которое тиранъ наказываетъ конфискаціей либо смертью.

(Елена, отошедшая вілубь сцены, возвращается къ своей кузинь, итобы та замолиала. Дыйствующія размищены въ такомъ порядкь: Реджина, Елена, Ричардъ).

клэркъ. Ахъ! неужели вы такого понятія о Кромвель? елена. Такъ вы не знасте, на что онъ способенъ? вы его не знасте?

клэгкъ. А вы, Елена, вы сами разв'в знасте его?

елена. Слишкомъ!.. Одно его имя внущаетъ ми'в ужасъ, съ которымъ совладъть не могу. Будто теперь вижу его суровыя и угрюмыя черты, его сърые произительные глаза; слышу его голосъ, раздающійся въ моемъ слух'в погребальнымъ колоколомъ, и деведись ми'в очутиться передъ нимъ во второй разъ....

кларкъ. Когда-же видъли вы его въ первый? гдъ вы были?

елена. У его ногъ, -просила пощады моей матери, которая послѣ Ворсстерскаго сраженія приняла у себя въ замкъ Карла II, несчастнаго бъглеца!... Да, сударь, подожена была смертная казнь тому, кто дасть кровъ и инту королю, а матушка сама призналась въ преступления! Подобно мужу, лорду Пьюпорту, она должна была заплатить головою за свою твердость и върность. Этому десять лъть назадъ, миъ тогда едва было двънадцать; одной, всеми покинутой, мив казалось, что просьбы и слезы ребенка должны тронуть самое свирвное сердце, даже Кромвелево! Но какъ пробраться до него? - Отвергнутая его солдатами, я стала у дверей дворца, прося и плача, какъ двое парламентскихъ офицеровъ, изъ которыхъ одинъ походилъ на дворянина, а другой на городскаго пивовара, остановились передо мною и спросили, о чемъ я плачу. «А, она дочь лорда, сказалъ первый.-И недурна собою, прибавиль другой.... Ступай съ нами, мы идемъ къ его высочеству лорду Протектору, мы тебя къ нему проводимъ!» Я пошла за ними по безчисленнымъ корридорамъ, наполненнымъ солдатами, которые всв почтительно отдавали имъ честь.... Приходимъ въ маленькую комнату, низкую и мрачную, гдъ большая семья, собравшись около круглаго стола, внимательно слушала какого то военнаго человъка средняго роста, который, сидя спиною къ дверямъ, читалъ торжественнымъ голосомъ главу изъ Библін. При шум'є отъ нашего входа, онъ вскочиль въ испугъ .... Но, увидя моихъ проводниковъ, поспъшно сълъ онять, сказавъ: А! это ты, Джорджъ Монкъ; это ты, Лэмбертъ, что вамъ надо?

клэркъ. Джоржъ Монкъ?

леди реджина. Тотъ, что былъ прежде роялистомъ, а теперь служитъ Кромвелю.

клоркъ. А Ломбертъ, республиканецъ?

лели гелжина. Который требовалъ смерти Карла I....

елена. Правда; но въ ту минуту онъ просилъ жизни моей натери! Я кинулась къ ногамъ тирана, прося

пощады и милости! Онъ, не глядя на меня, отвъчалъ: уведите этого ребенка.... Монкъ хотълъ-было исполнить его приказъ, по Лэмбертъ загородилъ ему дорогу. Нътъ, я не выйду, вскричала я, хватаясь за платье Кромвеля, подъ которымъ ощупала кирасу, которой онъ никогда не смъетъ снимать: нътъ, я не выйду! Ради этой священной книги, ради святой Библін, которую вы читали, будьте великодушны и милостивы!-Эта Библія,-отв'вчалъ онъ, потупивъ голову съ притворно-опечаленнымъ видомъ, эта Библія въ-самомъ-дъль учить насъ ашей обязанности; въ ней сказано: «Поразите Амалекитянъ и дътей ихъ до последняго колена»!... Дитя, видишь-ли, я не правъ, щадя тебя.... Тутъ раздался крикъ негодованія; его испустиль одинь изъ молодыхъ людей, который, сидя за столомъ, спиною къ намъ, сделалъ было движение встать съ мъста; но сестра удержала его за плечо и принудила опять състь. Въ это время, меня потащими вонъ изъкомнаты, и двое генераловъ, стоя съ потупленными глазами передъ повелителемъ, не смъли за меня заступиться; удаляясь, я слышала голосъ Кромвеля, кричавшаго въ бъщенствъ: Молчать, Ричардъ! молчать, сынъ! Потомъ голосъ утихъ.... я уже ничего не слыхала. Я побъжала въ тюрму къ матушкъ, надъясь уже только умереть вивств съ нею! Глядимъ, вечеромъ, двери тюрмы отворяются, входить Монкъ. Успокойтесь, сказаль онъ матушкъ: вы не умрете, миледи, такъ-же какъ и дочь ваша; Кромвель ограничивается конфискованьемъ вашихъ помъстій и ссылкою вась въ Шотландію.... Ни Лэмберть, ни я не могли его склонить; но сынъ его, Ричардъ Кромвель, по уходъ вашей дочери, вскричаль: «Батюшка, когда я просиль у васъ пощады Карлу I, вы отказали мив, ссылаясь на благо государства; неужели благо государства зависить теперь отъ смерти этихъ двухъ женщинъ? Ужели вы хотите заставить дътей красиъть при вашемъ имени, отвергнуть со временемъ ваше наслъдство, въ которомъ будеть больше крови, чёмъ славы? — Законъ, законъ, твердилъ Кромвель, поблёдиёвъ отъ ярости: законъ ихъ осуждаетъ! Я пошлю на плаху Стюартовъ и всьхъ ихъ приверженцовъ. Такъ начните-же съ своего

сына: Да здравствуетъ Стюартъ! Да здравствуетъ король!» Леди Елисавета, его сестра, схвативъ его за руку, повторила съ нимъ этотъ восклицаніе: «Да здравствуетъ Стюартъ»!.. При такомъ нежданномъ ударъ, Кромвель смущенный, упаль въ кресла, лепеча про-себя: Даже среди собственных детей!! Черезъ часъ после того подписано было наше прощеніе!

клэркъ. А Ричарда.... вы потомъ не видали?

елена. Въ тотъ-же вечеръ надо было ъхать въ ссылку, не изъявивъ ему признательности, какую всегда солозубина, овискитеть променлы. храняю къ нему. aute enimena, or Germoro

клэркъ. А Монка?

леди реджина. О! Монкъ другое дъло! Мы часто видали его прошлый годъ въ Шотландіи, гдв онъ командоваль войсками. (На дворь слышень стукь подъвзжающей кареты).

елена. Слышите!... слышите, сестрица.... На дворъ замка въбэжаетъ карета!... Это онъ!.,. дядюшка.

леди реджина. Лордъ Пинроддокъ. влена. Побъту къ нему на-встръчу.

Леди Реджина, Клоркъ.

клэркъ. Лордъ Пинроддокъ... не родня-ли онъ тому, который извъстенъ участіемъ въ дъль капитана Грэва и въ дълъ доктора Герве?... пополон в достоини в зог

леди реджина. Онъ самый... по-крайней-мъръ, миъ кажется такъ.... Опекунъ Елены, послъ смерти ея матери.... онъ къ намъ ръдко вздить!... Планкана и на

клеркъ. И прекрасно, миледи! по участію, по искренней привязанности къ вамъ говорю: тъмъ-лучше, что ръдко! Онъ одинъ изъ тъхъ безпокойныхъ, вздорныхъ людей, какіе всегда появляются и жужжать на исходь всъхъ революцій! Настоящія мухи на дугъ, носятся взадъ и впередъ, выставляются, толкуютъ, развъдываютъ о новостяхъ, и воображаютъ себя заговорщиками, оттого-что

возятъ письма... которыхъ содержанія не знаютъ; политическая маріонетка, которая не видить и не знаетъ руки, какая дергаетъ нитку; этотъ господинъ, агентъ знатнаго дворянства, преданнаго королю, курьеръ, служитель возстановленія, которое распоряжается имъ для своихъ плановъ, никогда ихъ ему не открывая.... Такимъ образомъ, нѣтъ заговора, въ которомъ-бы онъ не былъ замѣшанъ, отнюдь не зная его сущности; и, если до-сихъ-поръ онъ остается цѣлъ, не приписывайте этого ни его ловкости, ни его ничтожеству, а услугамъ, какія онъ, самъ не подозрѣвая, оказываетъ Кромвелю.

леди реджина, ст безпокойствомъ. Какъ такъ?

клэгкъ. Меня увъряли, что лордъ Протекторъ смотритъ на него, какъ на одного изъ лучшихъ и върнъйшихъ своихъ агентовъ.... Благородный шиіонъ, который служитъ ему... даромъ, и никогда его не обманываетъ! Какъ скоро гдъ появился лордъ Пинродоккъ, тамъ на върное заговоръ!... подслъдите его.... откроете.

леди реджина, про себя. Ахъ, Боже мой!

клэркъ. Оттого-то его присутствіе за всь безпокоило-бы меня на вашъ счеть.

леди реджина, идя ему на встръчу. Вотъ и онъ.

ABACHIE VI.

логдъ пингоддокъ. Наконецъ-то, послѣ трехмѣсячныхъ разъѣздовъ, любезная леди Реджина.... (Увидљег Клэрка). Что это за господинъ?

леди реджина. Г. Клэркъ, который послѣ вашего отъъзда купилъ маленькое помѣстье, смежное съ нашимъ, и который недавно оборонилъ насъ отъ кромвелевыхъ солдатъ.

логдъ пингодокъ. Такъ онъ язъ нашахъ.... Кавалеръ, Стюартъ, розлистъ.

клэркъ. Я сосваъ, сударь от жотоправления деподопи и

педи реджина. И другът вот претинейсен и петогом

логдъ пингоддокъ. Именно такъ я и думалъ! Очень радъ съ вами познакомиться, а особенно радъ увидъть васъ, прекрасная леди Реджина!... Значитъ, при немъможно говорить!... (Реджина дълаетъ ему знакъ, что пельзя.) Да!... Такъ мы говорили, что....

леди реджина. Леди Елена, ваша племянница и интомица, ждала васъ съ большимъ нетеривніемъ.

логдъ пинроддокъ. Знаю!... знаю!... Нъсколько словъ, которыя я сей-часъ слышалъ отъ нея, особливо ея письма, дають мнъ почти угадывать.... въдь мы, люди проницательные тонкіе и дъловые, всегда понимаемъ....

леди реджина. Что такое?

догдъ пингоддокъ. Ну! да то́... что она-бы не прочь выйдти за-мужъ, и что есть человъкъ, который ей нравится. клэгкъ, во смущения. Въ самомъ дълъ!....

леди реджина. Да кто-жъ такой?

логдъ пингоддокъ. Вы, съ вашей проницательностью, и не отгадываете!... Тотъ, кто помогъ ей выпросить пощаду матери, кто прошлый годъ такъ постоянно ухаживалъ за нею въ Шотландіи....

леди реджина. Губернаторъ!

клэгкъ, съ живостью. Генералъ Монкъ!

леди реджина. Да, этотъ человъкъ, который въ своемъ обдуманномъ энтузіазмъ сдълался усерднымъ республиканцемъ, какъ прежде былъ усерднымъ роялистомъ, сомнительный факелъ, который зажигается иногда на огиъ революцій, но никогда не пылаетъ; генералъ просилъ руки Елены.

клэркъ. Возможно-ли?

леди реджина. Огромныя-ли помъстья сироты, возвращеніе которыхъ объщаль онъ ей выхлонотать, были непротивны его республиканскому сердцу, или, какъ Кромвелевъ генералъ, онъ въ бракъ съ роялисткою видитъ средство напередъ быть приверженцемъ и союзникомъ всякихъ переворотовъ!... Однакожъ мы ему отказали, даже не говоря Еленъ...

логдъ инигоддокъ. Которая это узнаетъ, которая тоскуетъ по немъ и занята имъ.

леди реджина. Полноте!

клэркъ, вт волненіи. Гдь-жъ доказательство?...

лордъ пинроддокъ. Доказательство! (Указывая на лобъ)
Тутъ!... Когда привыкнешь къ важнымъ дъламъ... другіе смотрятъ.... а ты ужъ видишь!... Гдъ ничего нътъ, на-ходишь.... Короче, вотъ узнаемъ.

клэркъ. Она идетъ сюда.

ABJEHIE VII.

Тъже и Елена,

елена. Ахъ! сестрица.... какіе-то верховые прі хали на дворъ замка.... Боюсь, нътъ-ли опасности.

клэркъ, въ-полюлоса, пока Пипроддокъ отошель вилубы сцены. Въдь я вамъ говорилъ!... Присутствие лорда Пинроддока!... Неминуемое слъдствие!...

елена. Нътъ, я боюсь за васъ.... Даромъ что, какъ сказывали сего-дня поутру, будто Кромвель прощаетъ господина Клэрка.

клэркъ. Такъ здесь были?

леди реджина, съ живостью. Что за важность!

клэркъ. Нападать на васъ, вмъсто того, чтобъ взяться за меня, нътъ, я этого не допущу.... Я вступлюсь за васъ.... поъду въ Лондонъ....

пинроддокъ. А у господина Клэрка есть вліяніе въ Лондонъ?

клэркъ. Не у меня...: но отецъ мой, по своему мъ-

елена. Такъ точно!... Върно, какая-нибудь бъда ему или вамъ, потому-что одинъ изъ верховыхъ, весь въ пыли, говорилъ мнѣ, что пріѣхалъ сюда отъ васъ. Ему сказали, что вы здѣсь, и онъ желаетъ говорить съ вами о вашемъ батюшкъ, о вашей безопасности, о какихъ-то нужныхъ предосторожностяхъ, и все съ такимъ тревожнымъ видомъ, что я перепугалась до-смерти!

леди реджина. Ахъ! поъзжайте.... поъзжайте скоръе! клэгкъ. Но какъ-же оставитъ васъ однихъ.... иннгоддокъ. А я развъ не могу защищать дамъ? елена. Поъзжайте, ради Бога!

" . I . H.

клоркъ. Посмотримъ, съ чемъ ко мие отогъ послан-

вы воротитесь, — вы намъ это объщаете?

клэркъ. Да, да, сего-дня вечеромъ. (Въ-полюлоса). Леди Елена, мнъ нужно съ вами поговорить.

елена. Ждемъ васъ.

(Клэркт уходить).

ABAEHIE VIII.

Леди Реджина, Елена, Лордъ Пингоддокъ.

елена. Что если онъ не воротится!... если его аресту-

леди реджина. Такъ мы его освободимъ или отметимъ за него; наше время ужъ не далеко, можетъ-быть. (Пипроддоку). Не правда-ли?

логдъ инигоддокъ. Да, разумъется.

леди реджина, Елень. Оставь насъ, оставь насъ. (Елена уходить).

ABAEHIE IX

Леди Реджина, Лордъ Пингоддокъ.

леди геджина. Ну, милордъ, что новаго?... Говорите. логдъ инигоддокъ. Позвольте поговорить сначала объ насъ!... въдь и могу сказать, какъ Ларошфуко герцогинъ Лонгвиль:

Чтобъ вамъ понравится, чтобъ заслужить любовь, Съ царями въ бой пойду, съ богами въ бой готовъ!

Теперь, посл'в стольких в трудовъ и опасностей, понесенных по вашему приказанію на пользу праваго д'вла, я им'єю право на награду, которая мн'є об'єщана.

леди реджина. Послъ славнаго возвращения нашего молодаго государя....

логдъ пингоддокъ. Справедливо!... Но бываютъ возстановленія, которыя идутъ медленно, бываютъ молодые государи, которые стариками возвращаются во дворцы предковъ.... Моей-же династіи ждать некогда: я безпрестанно опасаюсь какого-нибудь похитителя.

леди реджина. Что за вздоръ!... Мы, друзья законнаго правленія.... Поговоримте лучше о вашей поъздкъ.... что, каковы дъла?

логдъ пингоддокъ. Мив у васъ надо спросить!... Все такъ хорошо ведется, что я самъ, главное лицо, ничего не знаю.... развъ то, что я заговорщикъ....

леди реджина. Такъ и должно.... еще нынче поутру.... мнъ говорили объ васъ.... о подозръніяхъ, особенно-же о понятіи, какое вы внушаете Кромвелю.

лордъ пинроддокъ. Онъ меня боится....

леди реджина, лукаво. Не онъ одинъ.... Такъ вы были во Франціи и въ Испаніи?

логдъ пингоддокъ. Съ цыфирными письмами и депешами отъ васъ, отъ леди Гамильтонъ и отъ всъхъ леди, которыя составили заговоръ для возстановленія. Оттого совътъ короля и прозвали въ насмѣшку ленточнымъ бантомъ.

леди геджина. Этотъ бантъ всехъ ихъ свяжетъ.... Ну! и такъ.... прежде всего въ Мадрите; что первый министръ?

логдъ пингоддокъ. Людовикъ де-Гаро! Вѣрно, по осторожности отъ Кромвелева посланника, онъ меня не принялъ и даже не отвъчалъ мнъ.... Вѣдь добрый знакъ, не правда-ли?

леди реджина. Потомъ вы были во Франціи?

логать пингоддокъ. Опять тоже, изъ-за Кромвелева посланника я не принятъ кардиналомъ Мазариномъ. Удивительно, какъ всѣ они боятся этого Кромвеля, который, вы говорите, боится меня!... За-то, герцогиня Лонгвиль, къ которой вы отправили со мною пару манжетъ, дала мнѣ бантъ оранжевыхъ лентъ, и я свезъ его въ Голландію, въ Бреду, къ лорду Нюпорту, брату Елены.

леди реджина, ст живостью. Который при Стюарть. Ну, онъ что?...

пордъ инироддокъ. Онъ казался очень-обрадованнымъ, и

поручилъ миѣ къ вамъ важную посылку... она у меня здъсь... запечатана.

леди реджина. Подайте-же скоръе....

(Поспышно распечатывает бумагу).

логдъ пингоддокъ, подходить и заглядываеть. Опахало!... (Леди Реджина переламываеть его по-поламь и вынимаеть изъ ручки лоскутокъ бумаш, который читаеть.)
Чудо, что за успъхи сдълала дипломатія.... Сверхъ-того,
лордъ Нюпортъ представилъ меня нашему августъйшему государю, который самъ собою, безъ всякой просьбы
съ моей стороны, объщалъ мнъ губернаторство надъ Девоншейромъ и Майдльсексомъ....

леди реджина, не переставая читать. Ахъ, Боже мой! Какая неосторожность!

лордъ пинроддокъ, подходя ближе. Что?

леди реджина. Ничего, ничего! (Про-себя, читая письмо.) Вышелъ на берегъ въ Бристолъ, скрымся въ надежномъ мъстъ... Король ждетъ только знака, чтобы явиться въ Лондонъ, путешествуетъ по ночамъ и остановится въ вашемъ замкъ.

лордъ пингоддокъ. Что такое?

леди реджина. Такъ, комплименты, учтивости.... Послушайте конецъ письма.... «Монкъ рѣшительно преданъ возстановленію монархіи.... онъ выжидаетъ только минуты открыть свои намъренія и идти на Лондонъ; но не осмѣлится этого сдѣлать, пока власть будетъ въ рукахъ Кромвеля; а потому и должно, всѣми способами, ускорять паденіе тирэна.»

лордъ пинроддокъ. Въ томъ-то и вся трудность.... Конечно, мы и самые искусные и самые многочисленные.... для совъта.... но найдти средства, ловкихъ людей, которые исполняютъ....

леди реджина. Они будутъ у насъ!... (Увидьвъ Эфраима, входящаго въ оконечную дверь.) Да вотъ другъ.... врагъ Кромвеля.... прибылъ къ намъ.... одинъ изъ сильныхъ членовъ новаго парламента.

явление х.

Эфраимъ, Леди Реджина, Лордъ Пинроддокъ.

леди геджина, представляет Инпроддока Эфраиму. Представляю вамъ одного изъ самыхъ блестящихъ господъ бывшаго двора. (Оба кланяются друго другу, взглядывають и смотрять одинь на другаго.)

логдъ пингоддокъ. Эфраимъ Кильсинъ, что сжегъ мой замокъ!

эфранмъ. Лордъ Пинроддокъ, что хотваъ меня повъсить!

логдъ пингоддокъ. Ораторъ черни! эфранмъ. Старый придворный!

леди реджина. Полноте, господа, выслушайте меня!

логдъ пингоддокъ. Скоръй позволю осквернить и растоптать ногами гербъ моихъ предковъ, чъмъ пойду подъ однимъ знаменемъ съ этимъ человъкомъ!

эфранмъ. Изсохни моя рука скорбе, чъмъ Израиль съ Вааломъ станутъ работать надъ однимъ зданіемъ!

леди реджина. Надо не созидать, а разрушать. Дъло не о гербъ вашихъ предковъ, не объ Израилъ, не о Ва-алъ, а о вашей выгодъ, а выгода ваша теперь въ томъ, чтобы все разрушать.

логдъ пингоддокъ. Правда!

леди реджина. Свергнуть того, кто захватилъ всю власть, и занять его мъсто.

эфранмъ. И драться на ея развалинахъ!

логдъ инигодлокъ, подходить къ Эфраиму. (Апйствующіе слыдують такъ: Эфраимъ, Пинроддокъ, Леди Реджина.) Я вашъ.

эфранмъ. А я вашъ! Забудемъ вражду.

логдъ пингоддокъ. Союзъ и дружба.... (Тихонько Леди Реджинъ.) Покамъстъ....

эфганиъ. Я скажу всёмъ вашимъ благороднымъ друзьямъ: снимите свои раззолоченные камзолы, и пойдемъ рука-объ-руку.... логдъ пингоддокъ. А я вашимъ скажу: надъньте перчатки и подадимъ другъ-другу руки!

леди реджина. Такъ рѣшено, кончено: кавалеры и круглоголовые.

эфраимъ, протягивая руку. Мы союзники. пордъ нипроддокъ, также. Друзья.... на жизнь! эфраимъ. На смерть!

(Эфраимъ отходить въ-глубь сцены.)

ABJEHIE XI.

Тъже, Парламентскій Офицеръ.

офицеръ подаетъ Эфраиму запечатанный пакетъ. Почтенному Эфраиму Кильсину, члену Парламента. (Кланяется и уходитъ.)

эфглимъ возвращается на правую сторону сцены; дыйствующіе размыщены такъ: Пинроддокъ, Реджина, Эфраимъ.

мордъ пингодлокъ, реджина, эфранмъ. Что такое значитъ? бывшему члену... (Глядя на адресъ пакета.) Нътъ, написано какъ должно, и еще рукою почтеннаго Леудаля, бывшаго нашего президента.

леди реджина. Видите-ли?

эфганмъ, *читаетъ*. О небо! «Парламентъ, своевольно распущенный Кромвелемъ, законно возстановленъ и созванъ для совъщанія о новой системъ правленія».... (Про-себя.) Что, если-бы приняли мою!

леди реджина. А Кромвель? логдъ пингоддокъ. Онъ свергнутъ? эфранмъ. Умеръ!...

леди реджина съ иннроддокомъ. Умеръ!... эфраимъ. У себя во дворцъ... въ постелъ....

логдъ пинроддокъ, съ негодованіемъ. Какъ всякій!...

эфранмъ. Какъ король.... на рукахъ четырехъ докторовъ.... (Продолжаетъ читать.) «И съ его арміей, Монкъ идетъ на Лондонъ!....»

леди реджина, тихонько Иштродоку, ст радостью. А! возстановлять королевскую власть!

лордъ пингоддокъ, радостию. Кончено!... наша взяла!... эфглимъ, читая шопотомъ. Ба! это что! «Онъ идетъ возстановить свободу, независимость, уничтожить роялистовъ и всъхъ ихъ приверженцевъ....» (Про-себя.) Господи!... вотъ попался-было!...

логдъ пингоддокъ, ст насмышливыми видоми. Ну, новый союзникъ, что скажете?

эфглимъ. Скажу, что Эфраимъ Пуританинъ знастъ только свободу да честность! Кромвель свергнутъ! по уговору, я опять вашъ врагъ.

логдъ пингоддокъ. А я вашъ!
леди реджина. Какъ! за что́, господа?
эфранмъ. Очень-просто!... Мирились!...
логдъ пингоддокъ. И дерутся!
эфранмъ. Были друзьями!...
логдъ пингоддокъ. А этого не слъдуетъ!
эфранмъ. Нынче уважаютъ другъ-друга.
логдъ пингоддокъ. А завтра презпраютъ!
эфранмъ. Если-же представится случай....

логдъ пингоддокъ. Если понадобится опять взаимное уваженіе....

эфганмъ. Всегда таже честность.
логдъ пингодлокъ. Тоже расположеніе!
эфганмъ. Съ этихъ поръ, каждый свое.
логдъ пингоддокъ. Да здравствуетъ Стюартъ!
эфганмъ. Да здравствуетъ свобода!

(Эфраимъ уходить въ оконечную дверь; Пинроддокъ съ леди Реджиною въ дверь на льво.)

dierzen en "argent er ades

Dervine flak i seje is... va prava gerapeva zonaposti... prepotente entimas,/ «H et. av amieii. Moren-

MAIN the mannie, merconous Harpoddury, et pontimine. Il

and the second second second second

возстановлять породовского власть!

Minute Facil ...

дъйствие второе. ственное лицо.... достигнуть власти инчен

Декорація таже. В пладент возгаж

no apprie doaperaviora. on couril... Tenepa on a cuara.... B APHIE I. doroub it BIHAKAR

Елена, одна.

елена. Сегодня ве черомъ.... сказалъ онъ! а его нътъ.... Съ кузиной говорить нельзя.... она все съ своими политическими происшествіями, отъ которыхъ такъ счастлива.... а я трепещу.... Смерть Кромвеля, отъездъ дядюшки покакому-то роялистскому дълу.... походъ Монка на столицу!... Они вст увтряють, будто-бы онъ провозгласить Стюарта.... Они върятъ, потому-что надъются этого и желаютъ.... Но другіе не захотять!... Какъ-будто на свъть одни роялисты!... А круглоголовые, которые свергли Карла I, не захотять Карла II.... Опять сраженія.... ссылки, смертные приговоры!... Ахъ, бъдная родина!... А Клэрка все нътъ.... Не онъ-ли это?... Нътъ.... незнакомый.

ERRIA, es possiculeus. Lis pacelli.

меневъ содатъ ... Ловко голорить по тивно... не учил-ся: Мисть Елена, ради услуги, которую я вамъ оказалъ,

лэмберть. Не миссъ-ли Еленъ Нюпортъ честь имъю кланяться? влена. Да, генералъ.

елена. Точно такъ, сударь.

лэмбертъ. Вы не узнаете меня?

лэмбертъ. Вы не узнаете меня: елена, глядя на исто съ удивленіемъ. Да.... кажется, по-

мню.... лэмбертъ. Лътъ съ пять или шесть тому, у дверей Кро-

мвелева дворца.... елена, вскрикиваеть и идеть къ нему. Лэмбертъ!...

лэмбертъ, холодио. Я самый опода на за селена

елена. Мой защитникъ!... другъ!... ахъ, какъ вы перемьнились! эправон зотове и видони .. Ku. V. - 4.

лэмбертъ. Вотъ ужъ шесть лътъ, какъ я правительственное лицо.... достигнуть власти ничего.... но удержаться, сударыня, воть задача! Самъ Кромвель не вынесъ! Заботы, безпокойства.... опасенія.... онъ потерялъ сонъ!... Теперь онъ спитъ.... но другіе бодрствуютъ.... я и пришелъ поговорить съ вами о нашихъ интере-

елена, въ удивлении. Со мною, генералъ? лэмбертъ. Съ вами!.... Время дорого.... (Отрывисто.) Г. Клэркъ любитъ васъ!

елена. Меня.... Боже великій! Кто вамъ сказалъ?

лэмберть. Онъ самъ!... Цёлый часъ толковали мы съ нимъ.... Онъ разсказалъ мнъ, что три мъсяца былъ здъсь каждый день.... что, пораженный красотою леди Терринэмъ, вашей кузины, онъ сначала оказывалъ къ ней нъкоторое вниманіе.... но что потомъ ваша доброта, вашъ характеръ, и другія причины.... Короче, я вамъ сказалъ, и совершенно увъренъ, онъ въ васъ страстно влюбленъ.... вы! .

лэмбертъ. Миъ это нужно знать!... Это важно для меня.

елена, съ удивлениемъ. Для васъ!!!

лэмбертъ. Извините за такой ръзкій вопросъ; я-Кромвелевъ солдатъ.... Ловко говорить не умъю.... не учился! Миссъ Елена, ради услуги, которую я вамъ оказалъ, отвъчайте откровенно! Любите-ли вы Клэрка?... Да или нътъ?

елена. Да, генералъ. лэмберть. Темъ-хуже.

елена. Почему?

лэмбертъ. Потому-что онъ хочеть на васъ жениться.... и отказаться для васъ отъ высокаго мъста.

ижил. Точно такъ, судора,

елена. Какая любовы! Ахъ, какъ это хорошо съ его стороны!... какъ похвально....

елена. Ахъ! вы, върно, никогда не любили?

лэмбертъ. Никогда и не знаю, что за любовь; за то знавалъ дружбу.... иногда, и часто, ненависть! Полагаю, что любовь съ ненавистью одна и таже горячка, одинъ бредъ.... въ обратномъ смыслъ....

елена, съ улыбкою. Почти такъ!

лэмбертъ. Чтобы погубить врага, котораго ненавижу, я готовъ отдать свою кровь, и больше еще, готовъ отдать свое счастіе на этомъ свъть.... Саблали-ли-бъ вы тоже для человъка, котораго любите?

влена. Сей-же часы!

- лэмберть. Ну, вотъ... этой-то жертвы я и прищель у васт просить от атакжосту атажина или аль, получен,

елена. У меня!... какимъ образомъ?

лэмбертъ. Скажу вамъ все; если вы не забыли маленькой услуги, какую я оказалъ вамъ, проводивъ васъ къ ногамъ нашего генерала, то, върно, помните еще съ большей признательностью другаго защитника, который, моложе и смълъе насъ, не побоялся спорить съ Кромве-Jour, Present Jamesers. лемъ.

елена. Ричарда!... который спасъ матушку и которому

принадлежить моя жизнь:

лэмбертъ. Такъ видите-ли... не лишайте его громкаго наслъдства, какое его ждетъ: въдь г. Клэркъ, незнако-мецъ, который васъ любитъ и хочетъ всъмъ для васъ пожертвовать ... самъ Ричардъ Кромвель.

елена вскрикиваетъ. Ахъ! лэмбертъ. Родительскую волю, союзъ Франціи, племянницу кардинала Мазарини.... онъ все презираетъ.... у него одна страсть — жить въ деревиъ, въ своихъ помъстьяхъ, въ своемъ козяйствъ, съ своей семьею.... Есть, сказаль онъ мнѣ, особа, которую я люблю и отъ которой зависить моя участь!... Если я любимъ, чего не знаю и о чемъ спрошу при тебъ, я не соглашусь промънять ожидающее меня счастіе на муки, какія вы мнъ предлагаете; если-жъ она меня не любитъ.... предпочтеть кого-нибудь другаго.... в сторой в под в при в под в п

елена. Никогда, никогда! паложущь зотговио нова оват

лэмбертъ. Въ такомъ случат, до его прихода, потомучто онъ самъ сей-часъ будетъ сюда, -я прибавлю только одно слово, котораго не послушался-бъ Ричардъ, но которое поймете вы, миссъ Елена!... Сынъ Кромвеля ошибается, думая будто для него возможна и сбыточна жизнь частнаго человъка. Предметъ подозрънія для всъхъ партій, отступившійся претенденть, не можеть быть правымъ; ему ставять въ преступление тъ самыя права, отъ которыхъ онъ отказался и которыя со-временемъ онъ, либо его друзья, всегда могутъ пустить въ ходъ. Среди уединенія, за нимъ будутъ подсматривать, сторожить его поступки, слова, и при мальйшемъ предлогь, при мальйшемъ подозрѣнін, ядъ или кинжалъ угрожаютъ его беззащитной вляна. У меня пакич в образома? жизни.

делена. О Боже! при при при дина укак динатичной лэмбертъ. Вотъ и онъ!

погата вашего генерала, то, вбрио, почните еще ет больmell reprogresses and all single and a company, wo-

lowe a celarte men, ne notomen coopera ca linoue-Елена, Ричардъ, Ломбертъ.

ричардъ. Вы не ошиблись, миссъ Елена, миъ грозило большое несчастие. (Указывая на Лэмберта.) Вотъ другъ, который привезъ мнъ роковую новость. Теперь мнъ больше чъмъ когда-нибудь нужна ваша дружба.... Я потерялъ

елена, протягивая ему руку. Ахъ, судары!

ричардъ. Не-смотря на то, что три мъсяца онъ не пускалъ меня на глаза, я всегда былъ у него въ сердцъ, и въ последнюю минуту, онъ меня назначилъ единственнымъ наследникомъ состоянія, которое ему обощлось очень-дорого!

влена, ст волнениемъ. Никто его не заслуживаетъ больше вашего; никто не употребить его лучше васъ.... я HO MAND II O MENT, COPOURY THE TO

ричагдъ. Вы можете ошибиться.... Я мало дорожу благами, которыя льстять только честолюбію или суетности. Есть другія, болье существенныя, въ которыхъ я полагаю свое счастіе: дружеская рука, на которую моя всетда можетъ опереться; чистое и преданное сердце, которое живетъ мною и счастливо моей участью, какова-бъ она ни была; любовь, для которой богатство ничего незначить, и которую несчастіе можеть только усилитьвотъ блага, какимъ я завидую, мечты, которыя всегда я составляль, глядя на вась, и которыя почти разрушены однимъ словомъ.

- СЕЛЕНА! Какимъ? Мул. тале М . почетов поставлено да далине

ричардъ. Дядя вашъ, лордъ Пинроддокъ, увърялъ насъ по-утру, будто вы любите генерала Монка.

пепростигальных погону-чистом манадагитоориза

ричардъ. Правда-ль это.... скажите?

лэмберть, указывал на Ричарда. Счастіе и жизнь друга

ричардъ. Правда-ли, что вы любите Монка?

елена, отворотясь. Правда! Увидьег леди Редоксину, которая вошла конечной дверью и слышала послыднія слова.) Сестрица!... (Про-себя.) Ахъ, хорошо что она пришла.... У меня недостало-бъ духа дольше его обманывать. (Уходить въ конечную дверь, и Лэмберть идеть за нею вглубь сцены.) В ветем быт он опода и в вышения и п

SBAEHIE IV.

CHRISTO CHRCEIM ... VI

Ізмберть, проводиет Елену, останавливается вт глубинь сцены, и смотрить вслыдь инсколько времени по ея уходь; Ричардь и Леди Реджина, впереди сцены. nado-armine ar de de de la composição de

леди реджина, весело Ричарду. Какъ, г. Клэркъ, вы у нея въ повъренныхъ.... Она любитъ Монка!

ричардъ. Да, миледи!... Вамъ это непріятно?...

леди реджина. Напротивъ, очень рада!... (Указывая на Лэмберта.) Что это за человъкъ? CITHERES INTL CHINESE

ричардъ. Лучшій мой другъ.

леди реджина. Да, эта новость можетъ быть чрезвычайно полезна для нашихъ плановъ. (Въ-пололоса.) И если я скрывала ихъ досель отъ васъ, мой другъ, то потому только, что хотьла рисковать своей жизнью, а не вашею. Со смертью Кромвеля опасность миновалась; все готовится къ возвращенію Стюартовъ.... И когда узнаете....

ричардъ, живо. Не хочу ничего знать; хочу только васъ избавить отъ опасностей....

леди реджина, съ пылкостью. Которыхъ я не боюсь! Мое честолюбіе и смёлость служать не мнё одной.... Я хочу успёха, чтобы васъ извлечь изъ уединенія, доставить вамъ участь и званіе, достойныя васъ!

ричардъ, возвысиет голост. И вы думали, будто я приму ихъ?...

леди реджина, твердо. Да, потому-что теперь равнодушіе и покой непростительны, потому-что въ день опасности всякій Англичаннить долженъ вспрянуть, выбрать партію и сражаться за свое мибніе! (Указывая на Лэмберта.) Ссылаюсь на вашего друга.

лэмбертъ, который уже воротился ињеколько минутъ. Миледи говоритъ правду: когда поднялись партін, тотъ измінникъ, кто не держится ни которой!

леди реджина. Кто остается въ сторонъ, тотъ трусъ!

лэмбертъ. Готовый пристать на сторону побъды!...

леди реджина. Вы этого не сдълаете! Есть нъчто дороже самого счастія.... честь!

ричардъ. Да, вы оба говорите правду.... Да, съ какойбы цълью вы ни говорили, мечты, которыя строилъ я, уже не возможны.... надо отказаться отъ нихъ и обратить къ славной цъли мои разбитыя обольщенія!... Все равно, въ чьихъ-бы ни было рядахъ, подъ какимъ-бы ни было знаменемъ, всегда можно служить отечеству.... и я посвящаю ему свой покой и жизнь....

леди реджина. Такъ и должно! полименто полименто

ричардъ. Прошу васъ объ одномъ.... Умоляю васъ отступиться отъ своихъ предпріятій; потому-что я рѣшаюсь возвыситься не черезъ васъ, а черезъ самого себя. Если судьба мнѣ враждебна, мы съ вами не увидимся больше, и дружба моя отнюдь не повредитъ вамъ; еслижъ благопріятна, я ворочусь и никогда не забуду того, что вы хотъли сдълать для Клэрка.... Я могу быть несчастливъ, но никогда не могу быть неблагодаренъ!... Прощайте, миледи! (Лэмберту.) Пойдемъ.... Я твой.

Выходять съ Лэмбертомь въ оконечную дверь.)

Compromer warehold a serie A trade man contract,

Леди Реджина, одна.

леди реджина. И мив оставить заговоръ для него!... такого благороднаго.... великодушнаго.... Нъть, нъть, напрасно онъ говорить и запрещаеть мив .... онъ бъденъ, я сдълаю его богачомъ.... онъ незнатенъ, я его сдълаю вельможей; любовь моя будеть ему служить противъ его воли.... Притомъ-же все намъ благопріятствуеть.... все за насъ. (Разсматривая на столь, по львую сторону, письма, которыя принесла вначаль явленія.) Оть герцогини Гамильтонъ... отъ графа Лэндердэль. (Останавливается) Ахъ, Боже мой!... (читаетъ.) «Все пошло дурно, милая леди, не спъшите прибытіемъ короля; Монкъ, котораго считали преданнымъ нашему дълу, отказался принять роднаго брата, капеллана Николая Монка, которому мы было поручили предупредить его о нашихъ планахъ!... Мало того, недавно онъ написалъ и обнародовалъ письмо, гдъ говоритъ, что Стюарты и прежняя монархія теперь не возможны; наконецъ — и за достовърность извъстія ручаюсь, на-дняхъ, въ городъ Йоркъ, генералъ далъ пощечину одному офицеру, обвинявшему его въ замыслахъ о возвращении Карла И.... (Падая въ кресла.) Прощайте всв наши надежды!

Blate, not on Mepnery normal or new manterie, are our nowers upit care, wheaten a factor of the con-

Лорав Пинродлокъ, Леди Реджина, пр. драго

леди реджина. Ахъ, милордъ! это вы.... Ну, что?

логать пингоддокъ. Горецъ Кернегуи увхаль при ыпъ, и черезъ полсутокъ, сказалъ онъ, письмо булеть доставлено!

леди геджина. Теперь, тъмъ-хуже: обстоятельства уже не такъ благопріятны, какъ я падъялась.

логдъ пингоддокъ. Еще благопрінтиве! Я даваль отдыхъ лошадянь въ трактиръ Золотаю яблока, какъ туда прі-

ъхали двое офицеровъ Монка, которыхъ я поподчивалъ портвейномъ....

леди реджина. И болтали съ ними?

логдъ пингоддокъ. Не высказавши ничего!... вѣдь вы меня знаете.... Они ѣхали впередъ арміи, съ порученіемъ заготовить на нынѣшнюю ночь квартиры для генерала съ его штабомъ. Сторона здѣшняя имъ незнакома, я и замѣтилъ при нихъ мимоходомъ, что лучшій замокъ въ окрестности принадлежитъ леди Терринэмъ.... что онъ теперь почти порожній....

леди реджина. Ну, чтожъ они?

логдъ пингоддокъ. Ну! они переглянулись съ улыбкою.... и я увъренъ, что еще черезъ нъсколько минутъ.... вамъ надо готовить ужинъ и ночлегъ генералу со всъми офицерами....

леди реджина. Несчастный!... что вы надълали?

логдъ пингоддокъ. Устроилъ отличное и, какъ нельзя больше натуральное свиданіе съ Монкомъ; я привожу его къ вамъ сюда, дня на два, на три, не возбуждая подозрѣній....

леди реджина. А здъсь въ замкъ, завтра вечеромъ, будетъ Карлъ Стюартъ!

логдъ пингоддокъ. Король! Фод типитом оп жили

леди реджина. Да, онъ.... вышедшій на берегь и скрывавшійся н'ьсколько дней въ окрестностяхъ Бристоля. В'єдь вы съ Кернегуи послали къ нему изв'єстіе, что онъ можеть прі вхать см'єло, и что будеть зд'єсь въ безопасности.

логдъ пингоддокъ. А я не зналъ ничего.... Однакожъ тъмъ лучше, въдъ Монкъ изъ нашихъ, нашей партіи! леди реджина. А если нътъ!

логдъ пингоддокъ. Полноте! одо 1 ... полноте и под

леди реджина. Если онъ объявилъ...

логдъ пингоддокъ. Изъ осторожности.... Монкъ очень остороженъ....

леди реджина. Если написаль и обнародоваль!

логаъ пингоддокъ. Чтобы лучше прикрыть дело!... Ведь письмо, которое вы получили нынче утромъ отъ лога

Нюпорта говоритъ очень-положительно. .. Я видълъ лорда Нюпорта въ Голландін; видъль его самъ; онъ при король, совътуетъ все королю... а королевскій совътникъ долженъ знать, что говоритъ....

леди реджина, вслушиваясь. Тсъ!... Слышите шумъ. ..

верховыхъ.... Это Монкъ съ своими офицерами....

логаъ пингоддекъ. Союзникъ къ намъ.

women, objected at Descript Tora sai romopare, are

Елена, Лордъ Пинроддокъ, Леди Реджина.

елена, поспъшно прибъжавъ. Сестрица! сестрица! ожидала-ль ты.... генералъ Монкъ!...

- леди реджина, ст усмъшкою. Такъ и есть, это видно по твоему волненію.

елена. Ты хочешь сказать по моему удивлению! Вотъ sendent distribution of apparent wanteres

ASSESSED ABJEHIE VIII. DATE DE DESCRIPTION

монга. Всегда съ "почтентент и попеционения

Елена, Лордъ Пинроддокъ, Леди Реджина, Монкъ, офицеры вт глубинь сцены, Эфраимъ.

монкъ, говоря ст нъсколькими офицерами, не вошедшими въ комнату. Чтобы не было безпорядковъ, господа.... Хоть этомъ замокъ и принадлежить, говорять, приверженцамъ Стюарта, я однако хочу, чтобъ его уважали.

логдъ пинроддокъ, тихо Реджинъ. Сами слышите.... Не говорилъ-ли я?

монкъ. Намъ остается отсюда только двънадцать миль до Лондона; завтра мы тамъ... явимся въ распоряжение парламента, который почтиль насъ присылкою трехъ своихъ членовъ: Гг. Скута, Робинсона и почтеннаго Эфранма Кильсина.... Ступайте!... Офицеры, стоявше на сцень, уходять. Монкъ прибли-

жается напередъ. Дъйствующіе расположены такъ: Елена,

Ппироддокъ, Леди Реджина, Монкъ, Эфраимъ.)

монкъ, раскланявшись ст Редэкиною и Еленою. Извините, миледи, что мы такъ завладъли вашимъ замкомъ. Я Кн. V. - 5.

только уже здёсь узналь, что онъ принадлежить вамъ, отъ почтеннаго члена парламента, который къ намъ присоединился, и радуюсь, что я здёсь у знакомыхъ.

леди реджина. Мы очень-счастливы, что принимаемъ васъ у себя, и если, послъ такого долгаго перехода, генералу угодно освъжиться.... (Генераль кланяется възнакъ согласія, а Реджина даеть знакъ Елень распорядиться.)

монкъ, обращалсь къ Эфраиму. Такъ вы говорите, что парламентъ смотритъ на наше прибытіе съ удовольствіемъ....

емъ.... эфраниъ. Съ восторгомъ.... Онъ видитъ въ немъ торжество праваго дъла, и единодушно отправилъ меня къ вамъ съ порученіемъ....

монкъ. Которое вы и передадите намъ при всей ар-

эфраниъ, ез-полюлоса. И еще съ другимъ особеннымъ, которое касается до однихъ васъ....

монкъ. Всегда съ почтеніемъ и покорностью приму приказанія парламента, и всё вм'єсть, и порознь.

леди реджина указывает Монку и Эфраиму столь на львой сторонь, куда поставили стаканы и бутылки съ виномъ. Господа, прошу покорно!...

(Пинроддокт, Монкт и Эфраимт проходять по сцень и приближаются къ столу, гди Елена наливаеть имъ вино. Дъйствующе слыдують въ такомъ порядки: Эфраимъ, Елена у стола, наливая вино, Монкъ, Пинроддокъ, Леди Реджина.)

логдъ пингоддокъ, Монку. Вамъ, генералъ, первый

монкъ, поднимая свой стакант. За здоровье дамъ, за пріятныя восноминанія, какія оставило во мнѣ знакомство наше въ Шотландіп! Теперь вамъ, милордъ!

логдъ иннгоддокъ. О! мой тотстъ извъстенъ!... За здоровье Карла Стюарта! (Эфраимъ ставить свой стаканъ на столь и не плетъ.)

монкъ, холодно. Пожалуй!... Я никогла не отказываюсь пить за изгнанниковъ.... особливо за въчныхъ. (Поднимая стаканъ.) Здоровье Карла Стюарта!

реджина, тихо Пипроддоку. Слышите!
логдъ пингоддокъ, ез-полюлоса, подходя къ Монку. Генералъ, миъ надо поговорить съ вами.

монкъ. Со мною, мплордъ? том далон освоет в в ваном

логдъ пингоддокъ. Да, надъюсь, вы не откажетесь побесъдовать со мною наединъ!...

монкъ. Не могу принять чести, какую хочеть оказать мнъ милордъ Пинроддокъ....

логдъ пингоддокъ, ст гиљеомъ. Генералъ!...

монкъ. Не угодно-ли замънить меня подлъдамъ и предложить имъ руку.... Миъ нужно заняться съ почтеннымъ Кильсиномъ, посланникомъ парламента.

логдъ пингоддокъ, дамамъ, которыя его уводятъ. Да, этотъ человъкъ измънникъ....

этотъ человъкъ измѣнникъ.... леди геджина, холодно. Нѣтъ!... просто государственный человъкъ. Пойдемте.

(Уводить его, и вст трое съ Еленою выходять вонь.)

MOTHER, He CAMERTY LATE CO STROM, SPENSOR SHIP SEPARATE MARCHES HALL SHOWS LIMIT.

Эфранив, Монкв.

монкъ, холодно Эфраиму. Слушаю васъ, сударь.

эфгаимъ. Парламентъ, возстановленный вами, имѣлъ первое засѣданіе, гдѣ всѣ говорили.... этого съ ними ужъ такъ давно не случалось!

монкъ, холодио. А! такъ всъ говорили?...

эфранмъ. И оттого нельзя было понять другъ друга, я и теперь еще охрипъ.

монкъ, тономо участія. Въ-самомъ-дъль?

эфранмъ. Не безпокойтесь, генералъ, если это для блага отечества!... Но отечество, въ лицъ насъ, своихъ представителей.... не въдая вашихъ намъреній, не знаетъ, какое объявлять правительство!

монкъ, холодио. Я жду его повельній....

эфранмъ. Большая часть почтенныхъ членовъ говорили, выходя изъ засъданія: «Въ главу революціи, основанной мечомъ, нуженъ военный. Генералъ Лэмбертъ, бичъ совъщательныхъ собраній, разръшающій всь споры саблею, теперь далеко въ Ирландіи съ своей арміей; Монкъ съ своею подл'в насъ!...»

women Heater upmars of

монкъ, холодно. Они такъ говорили?

эфранмъ. Да, генералъ. ..... писте по предоставления

монкъ. А доказательство?

.... газования принования эфранть, отдавая ему бумагу. Знаю, что вамъ оно нужно.... вотъ оно!... Я, или, лучше сказать, мы двадцатьдва голоса, составляющіе одинъ!... Наши голоса громки и сильны, мы дъйствуемъ дружно, и увлекаемъ за собою всъ неръшительные умы.... И если-бы, въ ту минуту, когда никто не смъетъ произнесть своего мнънія, двадцать-два голоса, первые вдругъ провозгласили преемникомъ Кромвеля генерала Монка.... Если-бъ генералъ, принявъ предлагаемую нами помощь.... и давши намъ съ своей стороны обезпечение....

монкъ, не спуская глазъ съ бумаги, врученной ему Эфраимомъ. Вижу!... мъста для всъхъ!... а для Эфранма Кильсина.... ничего!... кромъ пяти-сотъ гиней дохода! (Обращаясь холодно кт Эфраиму.) Очень признателенъ, сударь, къ услугъ, какую хотите оказать мнъ, и отплачу за нее еще большею.... добрымъ совътомъ! Мы живемъ въ такую пору, когда осмотрительность и осторожность столько необходимы, что достаточно-бы уже подобнаго предложенія.... подписаннаго.... какъ это, вами и вашими пріятелями, чтобы дать будущему правительству, не знаю какому, прямой предлогъ сослать васъ либо повъсить.

эфранмъ, въ испуль. Генералъ!...

монкъ. Я не употреблю во зло знака довъренности, твмъ большаго, что онъ всъхъ васъ отдаетъ въ мое распоряженіе. (Прячеть бумагу въ кармань) Но я скажу

Эфранмъ, сборотясь и увидью еходящаю Лэмберта. Боже! Лэмбертъ...

the biaroun not see their B. Clare regenering of the

t saux, Acoper Moure.x sindness uty enoug menus

и отъ имени вебхъ респредиканских офицеровъ. Флитоти дения и Эфранив, Монкъ, Лембертъ вноеност денув пасть на никогла по прилысти паними повелителемъ...

монкъ. Вы, генералъ, покинули Ирландію.... лэмберть. А вы Шотландію!

монкъ. Почтенный Эфраимъ Кильсинъ скажетъ вамъ, что парламентъ зоветъ меня въ Лондонъ съ моей арміей.

лэмбертъ. А моя опередила его повелънія.... Она воротилась туда, и расположилась около Вестминстера.... Съ завтрашняго дня она также будетъ оберегать засъданія парламента, который, по вашей милости, снова возникъ.

икъ. монкъ. Радуюсь, храбрый и любезный товарищъ, что войска наши соединены опять подъ тъмъ-же знаменемъ и за то-же д'бло, какъ и при жизни нашего славнаго генеdistribution of the b рала и друга, лорда Протектора.

лэмбертъ, отрывисто. Послушайте, Монкъ.... дерусь я не хуже вашего, но вы уми ве меня.... У васъ есть даръ скрывать свои мысли, а у меня недостатокъ высказывать свои, и воть онъ!... Говорять, будто вы замышляете занять м'всто Кромвеля, будто съ этимъ нам'вреніемъ вы воскресили покойный парламентъ, который надъетесь пить! монкъ. Чъмъ-же купить? купить!

эфранмъ. Да!... чёмъ? хотёлъ бы я знать!...

лэмбертъ, глядя на Эфраима. Говорю парламентскимъ, въ лицъ вотъ Кильсина, что если узнаю хоть одного изъ нихъ готоваго подать въ вашу пользу голосъ, то онъ его подасть въ последній разъ; я самъ возьмусь лучше Лендэля, ихъ президента, закрыть ему навсегда ротъ!

монкъ. Именно то самое говорилъ я сей-часъ почтен-

ному Эфранму!...

эфранть, смутившись. Да.... да.... дъйствительно....

лэмбертъ. А вамъ, генералъ, я скажу: мы согласны были повиноваться Кромвелю; онъ имълъ надъ нами превосходство генія! Голов'в солдата можно было гнуться передъ тъмъ, по чьей волъпадали королевскія головы.... Но

вамъ, Джоржъ Монкъ, вамъ объявляю отъ своего имени, и отъ имени всъхъ республиканскихъ офицеровъ, Флитвуда, Гаррисона и двадцати другихъ, равныхъ вамъ, что васъ мы никогда не признаемъ нашимъ повелителемъ....

монкъ. Понимаю..., потому-что и я не соглашусь никого изъ васъ признать своимъ.

эфранмъ. Ну, если со всеми съ нами такъ трудно совладъть, къ кому-же намъ обратиться?

монкъ, смотря на нихъ. Ваше мивніе, госнода!... лэмбертъ. А ваше?

монкъ, медленно. Республика.... чистая и простая!... Власть принадлежить всемъ.

лэмбертъ, также. То-есть все равно что никому.... эфранмъ. Да и республика-же правительство бъдное.... лэмбертъ, презрительно. Покупаетъ только на кредитъ.... а какъ раздълываться.... дорганизация выдот датер и выд

эфраниъ. Такъ не платитъ!... Развъ Стюартовъ.... монкъ. Ихъ не хочетъ Англія! А вы?

лэмбертъ. Это значило-бы подписать себъ смертный приговоръ; мы свергли отца, а сынъ явился-бы къ намъ съ мщеніемъ.... re saunts where Represents of two

монкъ. Съ изгнаніемъ....

эфраимъ. Либо съ прощеніемъ.... вышло-бы одно и тоже....

лэмбертъ. Между-тъмъ какъ Ричардъ Кромвель.... монкъ. Сынъ Протектора?...

лэмбертъ. Не обвинилъ-бы насъ за пожертвование Карломъ 1-мъ....

мъ 1-мъ.... эфраимъ. Ни за ниспроверженіе монархіи....

монкъ. Одно затрудненіе....

лэмбертъ. Какое?

монкъ. Я знаю склонности и характеръ Ричарда; онъ способенъ отказаться.... в сператот диап А аттанса.

аэмбертъ. Онъ принимаетъ!... ужъ я его уговорилъ!... монкъ. Угадываю-же, кто будетъ править за него! лэмбертъ, ет-полюлоса. Вы да я! эфранмъ, ст живостью. Только двое?... монкъ, про-себя. Одинъ-то лишній! Month, success, daniell. лэмбертъ, Монку. Поняли?

монкъ, колеблясь. Благодарю васъ, генералъ, что вспомнили обо мив, но.... парламентъ?...

эфраимъ. Да... парламентъ?.... лэмбертъ. Развъ мы не командуемъ двумя единственными арміями Англіп? Разсуждать следуеть темъ, у кого mnara!

эфранть. А совъщательнымъ собраніямъ....

лэмбертъ. Повиноваться безъ дальнихъ словъ! Такъ дъйствовалъ Кромвель, который придавилъ красноръчіе! А какъ Вестминстеръ-то занимаютъ мои драгуны....

монкъ. Вы ручаетесь мив за свободную и независимую подачу голосовъ почтенныхъ членовъ?

лэмбертъ. Ручаюсь вамъ за нихъ, если вы мив поручитесь за себя!... Сегодня-же, вы велите вашимъ солдатамъ, какъ я своимъ, объявить Протекторомъ Англіи Ричарда Кромвеля.... если-жъ нътъ.... позвольте намъ съ нашими заколоть васъ, какъ измънника....

монкъ, холодно. На что позволеніе?.... вы человъкъ,

который и безъ него обойдетесь! лэмбертъ, нетерпъливо. Хоть разъ въ жизни, Джоржъ Монкъ, скажете-ли вы, да или нътъ? Я ръшился сдълать эту прокламацію, съ вами-ли, безъ васъ-ли, все равно.... миръ или война!... чего вы хотите?

монкъ. Сроку написать прокламацію.... Прошу на это у васъ четверти часа....

лэмбертъ. Черезъ четверть часа.... пожалуй — я приду за нею....

эфранть, подойдя къ Монку, между-тымъ какъ Лэмберть удаллется со сцены. Такъ значить, мы за Ричар-

монкъ, въ-полюлоса. Можетъ-быть!... (Громко). Вы не оставите свидътельствовать мое уважение почтенному Лендэлю, вашему президенту!...

(Лэмберть, а за нимь и Эфранмь, уходять вы конечную дверь.

явление XI.

Монкъ, потомъ Леди Реджина, вышедъ изъ правой двери.

монкъ, сидя одинъ за столомъ. Ричардъ Кромвель.... либо Карлъ Стюартъ.... я такъ предпочелъ-бы кой-кого другаго.... но покамъстъ.... (Увидъвъ леди Реджину). Ахъ! это вы, миледи?

леди реджина. Я шла было поговорить съ вами о ивкоторыхъ семейныхъ двлахъ.... но вы сли шкомъ заняты теперь....

монкъ. Я занятъ.... ни мало.... кой-какія временныя распоряженія.... можете сами ув вриться....

леди реджина, глядя ему черезо плечо, пока оно пишето. Боже!... Ричардъ Кромвель объявленъ Протекторомъ, то есть Королемъ Англіи.

монкъ, продолжая писать. Почему-жъ не такъ? въ теперешнихъ обстоятельствахъ.... я не вижу ничего лучшаго. (Въ сторону, указывая на самого себя, между-тъмъкакъ Реджина отошла затворить дверь на концъ комнаты). Лучшее невозможно.... или, по-крайней-мъръ, требуетъ отсрочки.... да и прокламація обязываетъ только тъхъ.... кто ей върнтъ.

(Леди Реджина, пока онъ пишеть, воротилась къ нему. Дъйствующіе въ такомъ положеніи: леди Реджина стоить, Монкъ сидить за столомъ).

леди реджина. И вы, генералъ.... чья будущность была такъ завидна, вы ръшаетесь подчинить себя какойнибудь однодневной власти!...

монкъ, холодио. Мив кажется, миледи, что этакъ мы говоримъ не о семейныхъ двлахъ!

леди геджина. Напротивъ, именно по дѣлу того союза, котораго вы нъкогда желали....

монкъ. И на который вы съ лордомъ Пинроддокомъ не согласились....

леди реджина. Потому, что мы думали, сама Елена на него не согласна!... но теперь, когда увърились въ противномъ, вамъ нечего сомнъваться въ нашемъ согласіи....

Это-то, генералъ, мы, съ ел опекуномъ, и хотъли вамъ сказать!

монкъ, вставъ. Извините, миледи, я по природъ недовърчивъ; воображаю, что теперь, когда считаютъ нужнымъ склонить меня на свою сторону, согласіе такое точно будутъ миъ объщать.... но, когда придетъ срокъ сдержать его, меня по-прежнему упрекнутъ прошедшимъ.

леди реджина. Тогда мы были-бы строже самого Стюарта, который давнымъ-давно все вамъ простилъ; тъмъ прискорбиве было-бы намъ видеть супруга Елены Нюпортъ, нашего ближняго родственника, предпочитающаго безславную выгоду поддерживать республику безсмертной чести возстановить монархію, видъть, что онъ оспариваетъ лохмотья власти у Лэмберта и всей республиканской партіи, вм'єсто того, чтобъ быть первымъ лицомъ въ государствъ послъ короля, который назначилъ-бы его своимъ коннетаблемъ и первымъ министромъ! (Монкъ дълает знакт удивленія). Да, назначилъ-бы.... Онъ самъ писалъ ко миъ, и письмо еще у меня... а нельзя не пожальть свою фамилію и родныхъ, отступаясь отъ славы, которая отразплась-бы на всъхъ.... Однимъ словомъ. генералъ, если нужно доказать вамъ нашу искренность, въ которой вы еще сомнъваетесь... кузина мод Елена любитъ васъ, она ваша, и завтра, нынче пожалуй, подпишемъ ея контрактъ. монкъ, смотря на нее пристально. А леди Елена.... не

монкъ, смотря на нее пристально. А леди Елена.... не отопрется отъ вашихъ словъ?

леди реджина, медлеино. Ни она, никто!... Развъ только одно, можетъ-быть, затрудненіе?

монкъ, также медленно. Ужъ и есть!...

леди реджина. Но оно зависить отъ васъ. монкъ. Каквиъ образомъ?

леди реджина, медленно, смотря на него. Если-бъ у насъ былъ.... такой другъ семейства, который-бы долженъ подписать контрактъ.... а вы, генералъ, не захотъли-бъ встрътиться съ этимъ другомъ....

монкъ, также. Почему-же!... если союзъ этотъ состоится, развъ ваши друзья не мои?

Кн. V. — 6.

леди реджина. А другъ этотъ пламенно желаетъ такой встръчи... но желалъ-бы, чтобъ она была секретною и безъ свидътелей.... никого кромъ насъ двоихъ....

монкъ. Никого!!!.

монкъ. никого:::.. леди реджина. Божусь вамъ!... если онъ васъ пріобрътеть, все прочее ему не нужно и безполезно.

монкъ. Какъ, всъ мои остальные товарищи.... Гарри-

сонъ, Флитвудъ и Лэмбертъ....

леди реджина. Въ отставку или подъ судъ.

монкъ, съ живостью. Ахъ! знаете-ли, что онъ очень хорошо разсуждаетъ.... этотъ другъ вашего семейства!

леди реджина, лукаво. Конечно, лучше моего, онъ объясниль-бы вамъ самъ.... если-бы могъ какъ-нибудь.... встрътить васъ завтра вечеромъ. .. напримъръ.... въ этомъ замкъ, гдъ вы квартируете.... (Оборотившись и увидьег, что дверь на концъ комнаты растворяется). Сюда идуть! (Она отходить от Монка, удаляется въглубину сцены и садится на правой сторонь). Steam . At . Hannaquan-bitter.

on our abstract a ... HENERIE STITUTE I LITTLE ON STADISH

Эфраимъ, Лэмбертъ, Монкъ, Леди Реджина, ильсколько офицеровъ, остановившихся въ глубинь сцены.

лэмберть, подходя къ Мойку. Ну!... монкъ. Вотъ вамъ прокламація!

FH. V. - 8.

лэмбертъ. Спасибо, Джоржъ Монкъ.... теперь върю вамъ.

монкъ, офицерамъ. А вы, господа.... завтра на коней и развезите прокламацію по нашимъ постоямъ.... (Лэмберту). До завтрашняго утра, генералъ! (Тихо, леди Редожинь, кланяясь ей). До завтрашняго вечера, миледи! эфранмъ, подходить къ Монку. А мон двадцать-два голоса... чын-же они? бачоладо амака ланом

монкъ. Еще ничьи.... Тише вдешь, дальше будешь....

(Монкт, Лэмбертт и Эфраимт выходять вы конечную дверь, поклонившись леди Реджинь, которая уходить въ дверь на-право).

croured, pass deane appears

дъйствие третие.

леди неджина. А отпазывается или за пето за-игиъ. Декорація таже, какт и прежде.

чка ... туть просто заговеръ.... вачего не разберень ... distributed and a state at Hall Ballet at he communication of the commun

Једи Реджина, дордъ Пинроддокъ.

логаъ пингоддокъ. Ну! славныя новости!... Мы радуемся смерти Кромвеля, думая, что тронъ наконецъ своболенъ и что намъ стоитъ только взойти на него.... а между-тымъ выбираютъ государя!...

леди реджина. Въ-самомъ-дълъ!

логдъ пингоддокъ. И отнюдь не мы!... Арміи Лэмберта и Монка, соединившись въ Лондонъ, провозгласили!...

леди реджина. Ричарда Кромвеля!... Я знала еще вчера вечеромъ.... Я прежде всъхъ прочла прокламацію!...

лордъ пинроддокъ. Но вы еще не знаете дъйствія, какое она произвела... Лондонскій народъ, который жлалъ насъ такъ давно и съ такимъ нетерпъніемъ, кажется, совершенно ръшился ждать насъ еще!... Ни малъйшаго сопротивленія, ни мальйшаго препятствія.... За то веселье, крики, восторгъ, пллюминаціи.... Я увъренъ, что они ошибаются!... Они думають, что это ихъ настоящій государь.... Видно, напрасно я говорилъ, напрасно хлопоталь, успъха намъ нътъ... ни на шагъ не подаемся впередъ.... Изъ всёхъ заговоровъ, въ какихъ я бываль, этотъ самый неподвижный!... Только я одинъ и тружусь, а я не могу сдълать всего!...

леди реджина. Имъйте териъніе!... Вы сей-часъ видъ-ли Елену: върно она въ восторгъ.

логдъ пингоддокъ. Ничуть не бывало. леди реджина. Развъ вы ей не говорили, что мы со-гласны на бракъ ея съ Монкомъ?

логдъ пингоддокъ. Какъ пе говорить!... Да она не хо-четъ.... хочетъ остаться дъвушкой.

леди реджина. Но я сама слышала, какъ она призна-валась, что любитъ Монка.

логдъ пингоддокъ. Какъ-же!... въдь и я вамъ гово-

леди реджина. А отказывается идти за него за-мужъ. лордъ пинроддокъ. Подите-же!... Молоденькая дъвочка... тутъ просто заговоръ.... ничего не разберешь!...

леди реджина. Но воть что страшнъе всъхъ вашихъ новостей.... Монкъ подумаетъ, что его обманывали... онъ уъдетъ изъ замка.

лордъ пинроддокъ. Что-жъ! чёмъ скоре, темъ лучше: вёдь вы мне сказывали, что сюда будетъ Король.

леди реджина. Для свиданія съ Монкомъ....

лордъ пинроддокъ. А! вотъ что!

леди реджина. Все обдълалось! ужъ мы условились.

лордъ пинроддокъ. Миѣ опять ничего не сказано!... Какъ-же теперь намъ быть.... на что мы рѣшимся?...

леди реджина. Вамъ надо убхать!

лордъ пинроддокъ. Опять!

леди реджина. И увезти съ собой Елену, чтобъ избъжать всякаго объясненія у нихъ съ Монкомъ.... Остановитесь вы на половинъ дороги, въ трактиръ Чернаго Медвъдя.

лордъ пинроддокъ. Гадкій трактиръ.... это Эфраима Кильсина.... Лучше я поъду прямо въ Лондонъ, къ себъ въ домъ....

леди реджина. Нътъ.... Въ трактиръ Чернаго Медвъдя вы найдете переодътыхъ герцогиню Гамильтонъ и графиню Лэндердэль, которыя ждутъ меня.

логдъ пингоддокъ, потирая руки. Насилу-то! Наконецъподвигаемся впередъ.

леди реджина. Вы скажете имъ, какое важное дъло удерживаетъ меня здъсь.... А завтра я къ нимъ буду.

логдъ пингоддокъ. Хорошо.... хорошо.... вотъ дипломатическая поъздка.

леди реджиил. Дорогою старайтесь уговорить Елену послушаться насъ.... Спѣшитс-же, поѣзжайте....

логдъ пингоддокъ. А сюда прівдеть король!... Я хотыль-было напомнить ему про свое губернаторство надъ-Девоншейромъ и Майдльсексомъ. леди реджина. Я приму его величество.

лордъ пинроддокъ. Такъ и есть!... это-то меня и безпоконтъ.... Карлъ Стюартъ молодъ, любезенъ и влюбчивъ.... Ночью, на-единъ, въ этомъ замкъ, съ хорошенькою женщиной....

леди реджина. Какъ! вы можете опасаться, милордъ? логдъ пингоддокъ. Когда любишь... всего боишься... леди реджина. Ревновать... ревновать къ своему королю! логдъ пингоддокъ. Вы такая роялистка!...

леди реджина. А вы, милордъ, вы не стоите быть ро-

лордъ пинроддокъ. Однакожъ (Слышенъ стукъ въ лъвую дверь.)

леди реджина. Стучатся!... это опъ.... Повзжайте, нето я отступлюсь отъ всвхъ монхъ объщаній....

логдъ пингоддокъ. Бду!... Бду!... Повинуюсь двумъ мо-

- Уходите въ оконечную дверь.)

RIPER JE CLU W. II SHHARBERINE UPUSHANY ROPO-

Једи Реджина отворяет вторую дверь на-право; Караъ Стюартъ, очень просто одътый, въ плащь.

леди реджина, падал накольни предъ Королель. Госу-дарь!...

карлъ. Полноте, миледи.... на коленахъ... передо мною, бъднымъ претендентомъ, который покамъстъ еще ничто.... (Поднимая ее.) Съ тъми, кто царствуетъ.... съ вами надо такъ говорить!...

до такъ говорить.... леди реджина. Измокшій плащъ.... (Снимаетт ст него плащт.) Бхать въ проливной дождь!...

караъ. Пора прикаюченій.... пора, которая не обманула меня, вотъ я у васъ.... (Реджина подвигает ему кресла, онъ садится въ пихъ.) О, здъсь лучте, чъмъ по ручьямъ, да оврагамъ... либо на сучьяхъ королевскаго дуба!...

леди реджина. Такъ то, что намъ разсказывали-правда!... карать. Да, изъ всёхъ воспоминаній Ворсстерскаго сраженія, это самое непріятное.... Прятаться цёлыя сутки въ этихъ густыхъ листьяхъ и видёть подъ собою проклятыхъ круглоголовыхъ.... бёшеныхъ пресвитеріанъ, которые искали меня и часто останавливались подъ моимъ дубомъ, единственнымъ оставшимся у меня владёніемъ, закусывать и пить на глазахъ своего государя, который умираль отъ усталости, и въ эту минуту отдалъ-бы всёсвои права на корону за стаканъ портера.

леди реджина. Ваше Величество шутите!

караъ, со смъхомъ. Нътъ, миледи, королевство на-тощакъ такіе пустяки! Божусь вамъ, что въ тотъ день я только и ждалъ, какъ-бы сойдти!

леди реджина. Въ-самомъ-дълъ, не думаю, что-бы въвашей столько тревожной жизни было время ужаснъе.

караъ, вставая ст креселт. Да, кромъ первой моей экспедиціи въ Шотландію.

леди реджина. Посл'в смерти храбраго Монроза, убитаго за васъ?

карлъ. Да! если для того, чтобъ быть признану королемъ, мнѣ надо было каждое утро являться на проповѣдь, на пуританскую службу.... Тронъ обходился слишкомъ дорогъ! Шотландскій того не стоилъ.... Мистическіе обѣды, за которыми молились вмѣсто ѣды.... вѣчный постъ.... хорошенькихъ женщинъ нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ, онѣ прятались! предики и пресвитеріанскія лица заставили ихъ бѣжать! Между-тѣмъ-какъ здѣсь, въ Англіи.... какая разница! Въ-теченіе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ какъ я высадился въ Бристолѣ, только и вижу прелестныхъ и преданныхъ женщинъ!... Все мое вѣрное дворянство чередуется меня принимать.... Третьяго дня, у леди Уилло-уби Паремъ; прошлую ночь, въ замкѣ маркизы Трелоне. Всякій день новая хозліка.... переѣзжать такимъ образомъ отъ друзей къ друзьямъ, до самаго Лондона, такая скитальческая жизнь, какъ нельзя лучше, идетъ къ искателю, подобному мнъ!

леди реджина. Я писала Вашему Величеству, что вы можете прівзжать, что ворота столицы для васъ отворены.

карлъ. Да, разумъется.... Кромвеля уже нътъ!... Нътъ змъи, нътъ и яду!...

леди реджина. Но вчерашній день, солдаты провозгласили Протекторомъ Англін, сына тирана: Ричарда Кромвеля, военный бунть, который скоро минуется.

карль. А если надо будеть обнажать шпагу, тъмъ лучше. Мы не осрамили себя подъ Ворсстеромъ, гдъ съ горстью Горцевъ выдержали натискъ Лэмберта со всей кавалеріей.... И представьте, миледи, въбхать-бы въ Лондонъ раненому, съ подвязанной рукою.... Какое-бъ это произвело впечатленіе!

леди реджина. На вашихъ подданныхъ?...

карлъ. Особливо на дамъ, которыя стояли-бы по балконамъ.... Въ насъ немножко крови Генриха IV французскаго.... отца моей матери, который завоевалъ Парижъ и королевство, заплативши собственной жизнью; у насъ съ нимъ одинакая склонность... къ шпажнымъ ударамъ.

леди реджина, съ улыбкою! И къ кое-чему другому.

караъ, пылко. Правда!... (Улыбаясь.) Помню, что во время бъгства, когда Кромвель и смерть грозили мнъ въ Боскоблъ, молоденькая мызница.... а въ Вудстокъ, хорошенькая Алиса.... Что прикажете делать, миледи, это свыше монхъ силъ; хоть-бы дъло шло о коронъ или о жизни, я не устою противъ пары прекрасныхъ глазокъ.

леди реджина. Позвольте-же мив, Ваше Величество.... хоть и знаю ваше отвращение отъ назидательныхъ ръчей, TELEMBER OTOTE MERCHAN сказать вамъ проповъдь.

караъ. Извольте! готовъ слушать.... и не перерву!... Такъ, вы говорите, миледи?... леди реджина. Что въ этомъ замкъ вы сойдетесь съ Монкомъ, самымъ сильнымъ изъ генераловъ....

карлъ. Да, въдь вы мнъ писали; парламентскій Монкъ совершенно миъ преданъ-

леди реджина. Нътъ еще! . . . напротивъ, надо его привлечь на нашу сторону; я уже начала.

карлъ. Чтожъ! привлечемъ! Это не трудно, они булутъ очень рады увильть своего Государя.

леди реджина. И для этого, Государь, я надавала Монку объщаній....

- карлъ, прерывая. Я ихъ сдержу.... дъло ръшеное.... Что это за корошенькая дівушка, которую виділь я сейчасъ въ нижней заль, въ дорожномъ платьъ?

леди реджина. Родственница моя, леди Елена Нюпортъ, которая возвращается въ Лондонъ.

карлъ. Теперь понимаю.... фамильное сходство.... одно изъ техъ липъ, какія я особенно люблю.... Мить она очень понравилась. дача Палиневиден от учинина спод

леди реджина. Этого не должно!... Остерегайтесь; иначе все пропало. пенантиров финанси АН жантары шан

кариъ. Отчего? по дополня дейся на опилости

леди реджина. Она невъста Монка: надеждою на ея руку мы и обольстимъ его.

карлъ. А! на ней женится Монкъ.... Счастливъ-же онъ! Для такого негоднаго пресвитеріанца, какъ онъ. это слишкомъ много.

леди реджина. Но онъ вамъ нуженъ, и потому вы должны осыпать его ласками, наградами и почестями. карлъ. Я уже сказалъ.

леди реджина. Что-же до его соперниковъ, Лэмберта, Флитвуда, которыхъ вы должны привлечь къ себъ, только порознь, потому-что они завидують другъ другу.... такъ вамъ надо будетъ....

карлъ, весело. Э! золото, титуловъ, лентъ.... У меня

ихъ довольно. леди реджина. Этого мало.... Надо, чтобы всякій изъ нихъ считалъ себя первымъ въ милости Вашего Величества, хотя на-дълъ ваша довъренность будетъ принадлежатъ одному Монку, который всехъ сильнее, особенноже хитръе всъхъ. карлъ. Да, да.... Лучше всего съумъемъ мы выбрать

себъ министровъ.... во-первыхъ васъ!

леди реджина. Меня, Государь? чероди бил опинент-1900

карлъ. Я увлекался иногда одной красотою; но когда съ самыми прелестными чертами соединяется умъ, тонкость и разсудителеность, тогда самое лучшее не повем'ввать, покоряться; теперь, какъ и всегда, я полагаюсь на однъхъ васъ; вы будете моимъ другомъ и совътницею.... не будучи королевою, будете царствовать; приказанія ваши, отдаваемыя втайнъ, тъмъ покорнъе будутъ выполняемы, а король, который отдаетъ вамъ всю власть, требуетъ взамъну только небольшой власти надъ вашимъ сердцемъ.

леди реджина. Да! но.... если это невозможно.... если, для пользы Вашего-же Величества, сердце это уже отдано.... или объщано....

карать. Знаю.... знаю!... Маркиза Трелоне разсказывала мив вчера, что, изъ преданности ко мив, вы объщали свою руку, въ случав успъха, Лорду Пинроддоку, одному изъ нашихъ приверженцевъ, въ которомъ эта надежда воспламенила такое горячее и неутомимое усердіе, что нътъ способа заставить его молчать или успокоиться.... Сохрани насъ Богъ оспаривать права такого върнаго подланнаго. Если онъ женится на васъ, миледи, мы осыплемъ его наградами и почестями, будемъ питать къ нему особенное уваженіе и вниманіе....

леди реджина. Ваше Величество слишкомъ великодушны... что, если-бъ я уже осмълилась воспользоваться моимъ вліяніемъ... и попросила наградъ, почестей.... значительнаго мъста при васъ?

караъ. Для Пинроддока?

леди реджина. Можетъ-быть!... я не говорю, для кого, и желала-бы даже, чтобъ меня не спрашивали.... двойная милость.... за которую.... я вдвойнъ буду признательна.

карлъ. Мић трудно будетъ отказать въ просъбъ, которая подаетъ такую надежду; но государи видятъ столько неблагодарныхъ, признательность съ каждымъ днемъ становится такою рѣдкою и трудною добродѣтелью, что король имъетъ права потребовать ручательства.

леди реджина. Какъ, Государь!... Ваше Величество могли подумать....

карать, езяет ее за руку. Спрашиваю самыхъ васъ, моя совътница, не благоразумнъе-ли это.

леди реджива. Тсъ!

карль. Кто сюда идеть?

онъ идеть съ нами говорить, такъ важно....

карлъ, ст любезностью. Не такъ важно въ моихъ глазахъ, какъ то, которое онъ прерываетъ.

The resemble of the Single of the Store of the ore-

Караъ, Једи Реджина, Монкъ, который холодно клаилется Леди Реджинъ и Карау.

леди реджина, помолиавт ст минуту и видя, ито никто не говоритт. Каждый изъ насъ въренъ слову. (Монку, указывая на Карла.) Вотъ другъ, о которомъ я вамъ говорила вчера.... другъ моего семейства, который сей-часъ еще наноминалъ мнъ, что вы когда-то были другомъ его фамили.... что, будучи генералъ-маюромъ ирландской бригады, вы сражались за Карла I-го, при осадъ Нэнтвича; что за него вы два года стонали плънникомъ въ Лондонской башиъ....

монкъ. Какъ! миледи....

леди реджина. Остальное.... онъ забылъ его.... помнитъ только оказанныя услуги....

карлъ. Да, Монкъ....

леди реджина. А доказательство.... я говорила Его Величеству о должности великаго констабля....

'assert ogmid-mil

карлъ. И онъ прибавляетъ къ ней титулъ герцога Эльбермерля и губернаторство Майдлысекса.

монкъ. Государь!

карлъ, подходя къ Монку. Даю вамъ еще больше.... полную мою довъренность, потому-что вручаю вамъ сульбу, мою и монархіи.

монкъ. Которой возвращенія мы такъ часто желали! карлъ. Почему-жъ было не увъдомить меня?

монкъ. При жизни Кромвеля, это значило-бы все потерять... малъйшее подозръніе лишило-бы меня средствъ служить вамъ... и теперь еще, если-бъ вамъ грозила какая-нибудь опасность, я не могъ-бы спасти васъ иначе, какъ продолжая казаться приверженцемъ противной пар-

караъ. Понимаю.... это будетъ новымъ доказательствомъ върности, и какъ скоро я узналъ, что могу на васъ полагаться.... под изменения водот в потот, отор вядерона палед

монкъ. Присягать я вамъ не буду, Государь.

карать. И хорошо саблаете. (Леди Реджинь, которая подвигаеть ему кресла.) Ахъ! извините, миледи.... (Садится. Дъйствующіе расположены въ такомъ порядкъ: Реджина стоить; Карат сидить; Монкъ стоить.)

монкъ. За офицеровъ моей арміи я отв'вчаю.... они не разсуждають, повинуются, и пойдуть за мною всюду, куда я ихъ поведу....

леди реджина. А парламентъ....

монкъ. Кажется, онъ нынъшній годъ не будеть ничего значить.... я могу разсчитывать на двадцать-два голо-

леди реджина. И мы также!

карлъ. И того сорокъ-четыре.

монкъ. Голоса Эфраима Кильсина.

леди реджина. Значить одни и тъже....

караъ. Такъ только двадцать-два!

монкъ. Другіе пристанутъ къ этимъ.... Остается сталобыть республиканская партія, которую надо-бы скло-

караъ. Мудрено!

леди реджина. Меньше, чъмъ вы думаете, и если Ва-шему Величеству угодно выслушать меня.... карлъ. Все вы и все вы, меледи?

леди реджина. Давно уже—(указывая на Монка) ге-нералъ самъ этого не зналъ—многіе республиканскіе офицеры, недовольные Кромвелемъ, составили противъ него тайное общество!... герцогиня Гамильтонъ узнала объ ихъ предпріятіи отъ полковника Прайда, который давно за ней ухаживаетъ.

карлъ, весело. Въ-самомъ-дълъ!... Говорять, герцогиня Гамильтонъ очень-хороша собою.... брюнетка она или блонаннка?

леди реджина, нетерпъливо. Она... она... очень предана Вашему Величеству, это главное! И такъ, офицеры. которыхъ цъль была установить военное правление, хотыли свергнуть Кромвеля, и заговоръ, какой составленъ былъ противъ него, готовъ теперь вспыхнуть противъ его сына; скажу больше: такъ-какъ выгоднъе всего дъйствовать быстро, то они завтра-же хотять сбыть Ричарда съ рукъ, или по-крайней-мъръ похитить его, и для ръшительныхъ мъръ, собрание должно происходить въ пяти миляхъ отъ Лондона, подъ предлогомъ полковаго объда, въ трактиръ Чернаго Медвъдя.... Герцогиня, которой это извъстно, остановится тамъ будто случайно, проъзжая въ свой замокъ, а завтра ѣду къ ней я, чтобы постараться обратить въ пользу Вашего Величества, планы, начатые съ иной цълію.... Если намъ удастся, то друзья наши, которые уже на-готовъ, пристанутъ къ офицерамъ... и заговоръ вспыхнетъ завтра, какъ-скоро король прівдетъ въ Лондонъ.... Это будетъ сигналомъ!... Каково мивніе Вашего Величества!...

карлъ. Каково мивніе генерала?

монкъ. Таково, что немудрено употребить офицеровъ на свержение Ричарда.... а послъ.... видно будетъ!

карлъ. Хорошо!... увидимъ... (Вставая.) Значитъ, все устроено!...

монкъ. Нътъ еще.... а за прошедшее.... что мы положимъ? LARREST. MYTERIAL

карлъ, садясь опять. Общее.... и полное прощеніе.

монкъ. И Лэмберту?...пителяя онготу унгантыя умент.

караъ, весело. А! Лэмбертъ... который командовалъ кавалерією подъ Ворсстеромъ, и съ которымъ дрались мы пълый день.... бъщеный пресвитеріанинъ....

монкъ. Кажется, такъ... и продред запатокогов даржи

карлъ. Воплощенный демонъ!

монкъ. Къ-сожальнію, да....

карлъ. Радъ съ нимъ видъться... съ удовольствіемъ ножмунему руку!пло заправления при примента прим

леди реджина, кладя ему руку на плечо. Нътъ, государы!... SJOSJEHEN! карлъ. Какъ нътъ!... Что-же бы ему дать?... главное начальство надъ кавалеріей; онъ это дъло знаетъ!...

монкъ, ст досадою. Вы думаете?

карлъ. Увъренъ.... (Вставая.) Онъ гиался за нами во всю мочь, безъ отдыху.... я не разъ его проклялъ....

монкъ, холодно. Объ этомъ-то.... и о другомъ, столько-жъ важномъ, не мъшало-бы поговорить особенно нъсколько минутъ.

леди реджина, ставя на мъсто кресла, которыя подвинула королю. Понимаю, и удаляюсь.... Или лучше, вамъ удобнъе будетъ разговаривать у меня въ библіотекъ. (Указываеть на дверь въ-право.)

монкъ. Сюда никто не войдетъ.

леди реджина. Никто!

монкъ. Кромѣ Эфраима Кильсина.... (Тихо Реджинь.) Эфраимъ парламентскій членъ, котораго преданность продается по таксѣ, просилъ пяти-сотъ гиней дохода.... У меня ихъ нѣтъ.... Но я имѣю право его повѣсить, и онъ явится сюда нынче вечеромъ ко мнѣ за окончательными приказаніями.... Онъ придетъ по маленькой лѣстницѣ, которую очень хорошо знаетъ....

леди реджина. Давно-ля?

монкъ. Съ-тъхъ-поръ, какъ дълалъ опись замка.

караъ, кланяясь Реджинъ. Тысячу извиненій, миледи.... (Монку.) Идемте, генералъ.... идемте толковать о дъ-лахъ.... Долго это продлится?... Миъ казалось, что мы ужъ обо всемъ условились, и не знаю, о чемъ-же еще говорить....

монкъ. Какъ! да въдь только королевская проклама-

караъ. Ахъ! да, правда!...

монкъ. И если я могу составить ее для Вашего Величества...

леди реджина, съ улыбкою. На прокламаціи генераль большой мастеръ!

монкъ, ст поклономт. Вы слишкомъ добры, миледи!... леди реджина, про-себя. Это ужъ вторая со вчерашняго дня!... (Карлъ съ Монкомъ уходять въ первую дверь на-право.)

NAME OF STREET OF STREET, VI. STREET, COLD OF STREET, CALL STREET, COLD OF STR

Једи Реджина, одна мобороб во денном

леди реджина, смотря ез-слыдт королю. Вътренъ, легкомысленъ, опрометчивъ... не терпитъ дълъ, обожаетъ удовольствія и дамъ... такого намъ и надо короля... фаворитка или министръ, кто первый имъ завладъетъ, тотъ и будетъ править Англіей... а ужъ хитрому Монку хотълось-бы... Наше дъло за нимъ смотръть, и не допустить завладъть имъ министровъ (Прислушивалсь на стороиу львой двери.) Стучатся... върно, Эфраимъ (Отворлетъ.)

ACAR PERSONAL HORSY SIHSERR (Turo Peteron)

MORRES. CIONA HURTO HO ROBLIST'S

Ричарав, Леди Реджина.

меди реджина, ст удивлениемт. Г. Клеркъ!... какими судьбами!...

ABOTCA - no Takell, uppenira nara-cora-rangal rogues ----

ричардъ. Леди Реджина!... (Осматриваясь вокругъ.) Ахъ! давно я васъ не видалъ... васъ и здъщнихъ мъстъ.

леди реджина. Откуда-же вы? - при да данных прод

ричардъ. Изъ Лондона, гдѣ, какъ объщалъ вамъ, послъдовалъ вашимъ совътамъ!... Мнѣ предлагали мѣсто, должность, и я принялъ ее.... ужъ начались мученія, неволя!... два дня ни минуты свободной.... это первая, и я воснользовался ею, чтобы покинуть свою ссылку, навъстить прежнихъ друзей и прежнее счастіе.... васъ.... и леди Елену!...

леди реджина. Ея ужъ здёсь нётъ... она въ Лон-

ричардъ, печально. Акъ!... жаль!... Я котълъ ей сказать.... ей.... и вамъ ... довольно важныя вещи на-счетъ моего положенія....

леди реджина, весело. Каково-бы ваше положение нибыло, а не сравнится съ тъмъ, какого теперь для васъ надъюсь!

гичарав, съ улыбкою. Едва-ли.

озинов Ченичина лен

леди реджина, Кто-же вамъ его выхлопоталъ? ричардъ Друзья батюшки!... Генераль Лэмбертъ.... что затьсь быль.

лели реджина. Боже!... враги короля!

ричардъ. Въдь я васъ предупреждалъ, что къ возвышенію пойду, в'вроятно, своей дорогою. Честь можно пріобръсть во всъхъ партіяхъ.... Но прежде нежели скажу вамъ, что я сдълалъ и что я теперь.... я хотълъ-бы знать, не сильнъе-ли въ вашемъ сердцъ мнънія, чъмъ чувства... и можеть-ли другь, который на-примъръ держалъ-бы сторону Ричарда Кромвеля, сохранить права на вашу дружбу. (Слышень стукь вы дверь на-льво.)

леди реджина, про-себя. Боже!

ричардь. Что такое?... Что за стукъ?...

леди реджина. Тайна.... чужая.... это последняя....

ричараъ. Какая-нибудь политическая интрига, заговоръ... не лордъ-ли Пинроддокъ?...

леди реджина. Они сей-часъ убдутъ, я буду свободна и скажу вамъ все.... вы увидите, люблю-ли я васъ.... увидите, есть-ли въ этихъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые вы осуждаете, коть одинъ, который-бы не клонился къ вашему счастію и возвышенію.... (Указывая ему первую дверь на-льво.) Туда... сударь... туда... на нъсколько минутъ... пожалуй-ста!... (Ричардъ уходить въ первую дверь на-льво, а Редэкина отворяеть вторую дверь съ той-же стороны.) из (про-себя.) И если

эвленіе VI. Эфранив, Леди Реджина.

эфраимъ. Мић нужно видъться съ генераломъ.... леди реджина. Онъ ждалъ васъ! эфранть. Гав опъ? прои думи от ин и .... атаприйс

леди гелжина, указывая на Монка, выходящаго изв двери ст правой стороны. Вотъ онъ!...

y noncounce despar A rough our storm. But auchanter

TELEFORMATION OF THE PERSON OF three of the farronnel. Tenoness I arrow a

Эфраниъ, Леди Реджина, Монкъ.

монкъ, выходя изъ двери на право и продолжая говорить съ королемъ. Да, за насъ я ручаюсь.... а парламентъ.... какъ скоро прівдеть Эфранмъ... (Увидьво его.) А!... Эфранмъ... мы васъ ждали.... Что? что новаго?

эфранмъ, идетъ и останавливается между Монка и Ред-

жины. Новости довольно-странныя....

монкъ. Что такое? эфранмъ. Чтобы явиться сюда секретно, какъ прика-зывали ваше превосходительство, я отправился отъ себя изъ трактира Чернаго Медвъдя, и крался по парку, не думая тамъ никого встрътить.... ... BERRY . AUBINDED HAVE

монкъ. Ну, а что-жъ?

эфранмъ. Ну! а подъ большими деревьями, что вокругъ замка.... я услышалъ.... лошадиный топотъ, взглянулъ черезъ заборъ и увидълъ стоящихъ тихомолкомъ роту драгунъ, а промежду нихъ, хоть онъ и говорилъ шопотомъ, узналъ генерала Лэмберта.

монкъ. Лэмберта! въдь онъ былъ въ Лондонъ....

эфранмъ. Онъ отдаважь приказъ окружить замокъ и разставить солдать внутри.... Слышите.... (Указывая на дверь на концъ.) У этой двери ужъ есть! (Идеть слушать на конецъ комнаты.)

монкъ. Измънникъ подслъдилъ меня.... Онъ что-нибудь подозръваетъ... (Про-себя.) И если застанетъ здъсь.... ночью.... въ тайныхъ сношеніяхъ съ Стюартомъ....

леди реджина, подошедо къ Монку. Если-жъ король небудетъ завтра въ Лондонъ, заговоръ не состоится.... все

пропало....

монкъ, съ безпокойствомъ. Ну, разумъется.... Объ этомъ ужъ нечего думать.... этотъ Лэмбертъ.... (Про себя) Ему хочется погубить меня навсегда, отдать подъ судъ и обвинить.... Я на его мъстъ непременно-бы сдълалъ!... (Эфраиму, который опять подходить къ нему слыва, между тьм какт Реджина идеть вы глубь сцены слушать у конечной двери,) А точно онъ это.... Вы видъли?...

эфраниъ. Мало что его.... Кинувшись въ другую алею! я увидълъ, мимо меня пробъжалъ кто-то, и готовъ побожиться, не головою, а всёми праведными, что это былъ самъ Ричардъ Кромвель. (Опять уходите ег-илубъ сцени).

монкъ, про-себя. Ричардъ, съ Лэмбертомъ.... Такъ и

есть, это засада.... Они все знають. Т одноч станов

леди реджина, въ безпокойстви, возоращаясь слива. И такъ, генералъ?

монкъ, ев-полюлоса. Ваши роялисты до того не скро-

мны, и не ловки. Они погубять насъ....

леди реджина, еъ-полголоса. Развъ скоръе вы съ своей всегдашней перъщительностью.

монкъ. Я!... стану я безразсудно подвергать себя спа-

леди реджина. Ну!... что-жъ теперь дълать?...

монкъ, въ-полюлоса. Что дълать!... (Эфраиму, подошедшему справа.) Я сейчасъ къ вамъ, Эфраимъ.... (Отошедъ отъ него, и отведши къ сторонъ Реджину, на лъвый бокъ сцены.) Нало удалить Карла Стюарта.... выпроводить его изъ замка.

леди реджина, вт-полюлоса. Вы возметесь за это?...

монкъ, ст-полюлоса. Я! какъ можно!... Значило-бы погубить себя.... не спасши его.... Что-бы беречь его, служить ему, освободить его впослъдствии, должно, чтобы меня даже не подозръвали.... Притомъ вы хозяйка здъшняго замка, лучше моего знаете средства побъга и спасенія.

леди реджина, также въ-полюлоса. Да какія?...

монкъ, также. Какое-нибудь потаенное мъсто.... переодъванье.... это ваше дъло....

леди реджина, также. Развъ довъриться Эфранну!... монкъ, также. Сохрани васъ Богъ!...

монкъ, также. Тъмъ больне... въ друкът, нало полагаться только на себя... на однихъ себя, миледи....

эфранмъ, громко, вставъ съ креселъ, на которыхъ сидълъ. И такъ, генералъ!... за кого-же мы, ръшительно? Кн. V. — 8. монкъ, еб-полюлоса. За Ричарда!... за Ричарда Кромвеля! помните... Пойдемте.... пойдемте.... я ужъ знаю, что намъ дълать.... Прощайте, миледи. (Они отворяють дверь.)

двое солдать, за дверями. Кто идеть?... монкъ, громко. Генералъ Монкъ! эфраимъ, также. Членъ парламента! монкъ. Идемъ къ генералу Лэмберту.

(Солдаты отдають честь; Монкь съ Эфраимомь уходять въ оконечную дверь, которая затворяется опять.)

вестланней первантельностью. монкъ Я... стан. ПУ ЗІНЗКЯВ полириять себя она

Леди Реджина, одна.

леди реджина. Онъ выдастъ его! объявитъ товарищу, чтобъ отвратить отъ себя подозрѣнія, и вмѣсто Лондона, гдѣ ждалъ его тронъ, я завела короля въ такія сѣти! Гнусность, измѣна. (Увидъвъ Ричарда, выходящаю изъ лъвой двери.) Ахъ! Клэркъ.

ричардъ. Наконецъ ваши убхали....

леди реджина. Не всъ еще! Особливо есть одинъ... онъ и не подозръваетъ грозящей опасности.... человъкъ, за котораго я трепещу....

котораго я тренешу.... ричардъ, взявъ ее за руку. Въ-самомъ-дълъ!... Кто-же такой?

леди реджина, стараясь оправиться. Мой родственникъ, вузенъ!... вы его не знаете.... лораъ Нюпортъ

ричардъ. Братъ Елены. ...ок. д. эшая отс. .... ванянато

леди реджина. Да... да... другъ Стюарта....

ричардъ. Я думалъ-было, что онъ при король, въ Гол-

леди реджина. Завсь.... спратанъ въ замкв.... Его ищутъ!... если найдутъ, онъ погибъ, и мы тоже всв, можетъ-быть!

можетъ-быть! ричледъ. Не говорилъ-ли я вамъ, миледи? Видите, къ

чему приводять эти заговоры, интриги... хитрости эти подвергають опасности васъ и близкихъ вамъ....

леди реджина. Ахъ! другъ мой, избавьте меня отъ бътельная в при принципальной в пот в под в принценти при в под в по

ричардъ. Ваша правда!... Когда спасетесь, узнаете, что я 'думаю:...

леди реджина слушаеть у оконечной двери. Слышите.... идутъ сюда... это солдаты его ищутъ... остановите ихъ.... только, пока онъ убъжитъ черезъ паркъ, если моmercan and consepsant superdiscount edimenture

(Уходить въ-дверь на-право.)

лем велиния, общежи винякая опружения Карла. Hossoste-ske, rocmoval

Ричардь, потомо Ломберть, входя ст конца комнаты. требованія нескромный... Какой-же законъ запретить мій із

- ричардъ, 65 солнении. Братъ Елены.... да.... да, я спасу его, онъ и знать не будеть, чья это услуга.... (Увидъег Лэмберта.) Вы здёсь, генераль! зачёмъ вы сюда?

лембертъ. И Ваше Высочество спрашиваете!

ричардъ. Тсъ!... Въ забшнемъ замкъ, какъ и въ окружности, помните, я для своихъ старыхъ сосъдей хочу быть просто Клэркомъ ...

лэмбертъ. Отчего? ричардъ. Какъ отчего!... льстецы, искатели, просители мъстъ!...

лэмберть. Пожалуй! но убхать изъ Лондона, однимъ.... въ такую пору.... мой долгъ оберегать главу государства, mare pervenuereno на то мы со свитой!

ричардъ. Для чего? гдъ-же не можетъ быть опасность? зэмбертъ. Вездъ!... въ Лондонъ и здъсь.... въ первую пору власти, которой всякой домогался, надо всего опасаться! Не я одинъ такъ думаю! Монкъ возвращается въ Лондонъ и два аня провель забсь въ замкв, такъ онъ, увзжая, сказаль миъ: «Смотрите, генералъ, боюсь, нътъ-ли по окружности какихъ замысловъ, либо какихъ-нибудь роялистскихъ сборищъ. Върнаго ничего не знаю.... а кажется! Съ вами-же есть аюди.... завтра на разсвътъ обыщите окрестность, да не забудьте, что я далъ ванъ этотъ совътъ - Спасибо, отвъчалъ л ему.... а вмъсто разсвъта... я далъ приказътотчасъ обыскать все.... начиная съ здъшняго замка.... вкругъ него я разставилъ караулы; и всякаго подозрительнаго или незнакомаго.... вотъ, не говорилъ-ли явамъ?

лели реданил слушеже за изжений свери. Савините,... угъ сюла... это солдаты его инутъ... остановите

Лэмберть, Ричардь, Караь, выходя изт покосвы на-право, сы тремя или четырымя парламентскими офицерами; Леди Редина.

леди реджина, офицерамъ, которые окружають Карла. Позвольте-же, господа!

караъ Милорды или господа, говорю вамъ, что ваши требованія нескромны!... Какой-же законъ запретить мив проводить вечеръ у леди Терринэмъ, которой угодно меня принять; а что до моего имени, которое, въроятно, извъстно больше всъхъ вашихъ, я готовъ-бы, еслибъ этого не требовали, тотчасъ сказать вамъ, кто я...

ричардъ, подходя къ нему и протягивая руку. Альбертъ Литтльтонъ!... мой деревенскій сосъдъ!

карлъ, пожимал ему руку. Святый Джоржъ! радъ съ вами видъться! (Тихо Реджинъ.) Что это за господинъ? леди реджина, также тихо. Клэркъ... одинъ изъ нашихъ друзей!

шихъ друзей! карлъ Любезный Клэркъ ... Какъ я радъ васъ встрътить и пожать руку пріятелю.

у померть. Вы знакомы? ... эж-для тотое выд статария

разъ охотились выботь за мисицами! по подотом полько

(Удаляется на конецъ сцены и подходить къ Леди Редэсииъ; дъйствующе слъдують такъ: Лэмберть, Карль, Леди Редэкина, Ричардъ.)

лэмбертъ. Другое дъло.... А вы тамъ продолжайте поиски; пошлите дюжину драгуновъ по деревнъ (Офицеру, столешему возлю.) И если вамъ попадется какой-нибудь оъглый Стюартъ.... хоть-бы самъ Карлъ... (Въ-подголосов такъ ито Ричарду его не слыхать, а Карлъ, стоящій подльего, слышить.) Безь шума, безъ тревоги... понимаете!... двъ пули въ голову.

карль, ст живостью. Эге!... воть вы какъ, сударь? лэмберть. Такое у меня правило.... оно избавляеть отъ суда и процесса.

карлъ. А вы не любите судей, сударь?

караъ. Съ къмъ имъю честь говорить?

ричардъ. Съ генераломъ Лэмбертомъ... другомъ батюшки.... и моимъ....

лэмбертъ. Вы знаете меня....

караъ. Нътъ... по слухамъ... А притомъ... (Указывая на Ричарда.) Друзья друзей, наши друзья... къ вашимъ услугамъ, генералъ....

ричардъ, подходя къ леди Реджинъ. Довольны-ли вы мною?

леди реджина, съ признательностію. О! вы нашъ избавитель.

ричардъ, *обращаясь ка Карлу*. Куда лордъ Нюпортъ прикажегъ его отвезти?...

леди реджина, поспъшно. Въ Лондонъ.... (Тихо Карлу) Тамъ наши заговорщики ждутъ только васъ, чтобы начать дъло.

лэмберть, уходя въ глубь сцены, по отдачь ивкоторыхъ приказовъ офицерамъ. Что? что такое?

(Апиствующіе слыдують такь: Карль, Леди Реджина, Рииардь, Лэмберть, офицеры, на конць сцены.)

ричардъ, стоявшій передъ Лэмбертомъ. Литтльтонъ мой сосъдъ.... спрашиваетъ, нътъ-ли мъста....

лембертъ. Какъ!... стало-быть онъ знастъ....

ричардь, торопливо. Мъста тамъ, въ каретъ... я свезу его въ Лондонъ.... (Карлу). Долженъ васъ предупредить, что генералъ вдетъ по одной дорогъ съ нами....

мон рота драгунъ не слишкомъ безпокоитъ васъ....

караъ, пылко. Напротивъ!... очень радъ!... въ восхищенін ... (Тихо леди Реджинь). То-то прелесть! Торжественный въбздъ въ столицу, въ сопровождении генерала Лэмберта съ его кавалеріей.... того, который когда-то.... подъ Ворсстеромъ.... пири у зоивТ агтимиел

леди реджина дълаето ему знако молчать. Безразсуд-

ный!...

RAPITS. A BET HE JIOUREE CYLEN, SYTHING лэмберть. Ну! ъдемте! въ Лондонъ воротимся очень поздно!

караъ, бросая взглядъ на леди Реджину. 0!... лучше поздно, чъмъ никогда!

(Карль уходить въ оконечную дверь съ Лэмбертомь и Ричардомь, который ведеть его подь руку, а леди Реджина провожаеть ихъ глазами; занавъсь опускается. варав. Ибтъ. по слуханть за притомъ с Уназисал

na Pasapolash Appara appacil, namn 193 dat. a un namnua

STREET, ROOM OF RESIDENCE PRODUCE

BRESAR

ДЪЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Трактирь Чернаго Медевьдя. - Трактирная зала. - Дверь на концъ. - Двое дверей по бокамъ. - Окошко на второмъ планъ, деля вельник, посименновари-то обронь ... (како Карлу) Тамъ пафи эктопорицики жууть, только васъ, чтобы на-

ABJEHIE I.

замберть, чтодя ст глубь счены, по отдань уськотенить Лордъ Пинроддокъ выходить изг первой двери на-право; Еле-- Ч прижения при на на на конць.

елена. Что за шумъ въ этомъ трактиръ!... ни я, ни горничная не могли уснуть у себя въ комнатъ.... А вы? лордъ пинроддокъ. Я!... я другое дъло!... я не сплю.... у меня есть иное занятіе. Пай-от сто ... а які даталка.

елена За чемъ намъ было остановиться у этого Эфраима.... чемъ-бы вечеромъ жать прямо въ Лондонъ?

лордъ пинроддокъ. Племянница... племянница... есть причины, которых вамъ нельзя... не должно домогаться узнавать.

елена. Опять какой-нибудь политическій замысель!... какой-нибудь планъ заговора!...

- лордъ пинроддокъ. Видно будетъ... я ничего не говорю....

- елена. А я такъ говорю.... что для заговора надо-бы выбрать трактиръ, гдъ можно разслушать другъ друга.... здъсь этого не льзя.... даже ночью! Эта суматоха у крыльца и на дворъ.... ...... In H H TETH HE DOLING BENTALL

лордъ пинроддокъ. Сломалась почтовая карета.... проъзжіе требують ночлега.... нъть ничего на свъть проще и обыкновенные. А мудрено воть то, племянница, что вы такъ упорно мъщаете мит съ честью выполнить поручение, какое мит дали.... отказываетесь отъ замужетва съ Монкомъ....

елена, съ нетерпъніемъ. Вы сами его вчера осуждали. мораъ пинродаокъ. А сего-дня одобряю.... Иначе, что-бы за политика.... а она нужна, когда дело, по-теперешнему, идеть о самыхъ важныхъ интересахъ.... объ интересахъ короля и нашей партіи.... Отъ васъ-же требують только времени. Алт выдадой отвидов ато втаг

елена, ст истерпънісмъ. Хорошо, дядющка, если кузина придаеть этому такую важность, все, что я могу вамъ объщать.... развъ только подражать генералу — не объявлять ръшительнаго намеренія, примент від видел

дордъ пинроддокъ. Ни да.... ни пътъ.... именно такъ.... въ такомъ случат я могу сказать, что вздумается....

(Слышент звонт ст инскольких сторонт). елена. Ну.... ну.... слышите?... мочи нътъ.

narra. Het aut vara reconstant one u ne yanarcas-not... Cu-rer-nopu, rath reposences croueta nors

Елена, Карав, съ колокольчиком въ рукь, который бросаетъ при входъ, Лордъ Пинродлокъ. те людей силиполи... пенели чънъ-пибтав другимъ.

караъ, входя въ дверь на концъ комнаты. Право, въ

трактирѣ Чернаго Медвѣдя оглохли....
логаъ пингоддокъ. Боже!... кого я вижу?
клрдъ. Лордъ Пинроддокъ, нашъ вѣрноподданный!... и
прекрасная особа, которую я видѣлъ вчера въ замкъ

Терринэмъ.... дъвушка съ такими прелестными глазами....

- елена, про-себя. Какой вътренный видъ у этого дворянина!

порать пинроддокъ. Представляю вамъ мою племянницу.... леди Елену, которой отецъ, лораъ Нюпортъ.

лія, да и я чуть не родной вамъ.... стю артамъ фами-

пость пиностокъ Слоналованованования в постопина в пос

карль. Да, въ-самомъ-дълъ, чтобъ избавить иена отъ розысковъ этихъ бъщеныхъ круглоголовыхъ... меня выдали за брата этой прекрасной дъвушки....

лордъ пинроддокъ. Ахъ! какая честь для насъ!... для васъ, племянница....

елена, про-себя. Развъ только честь! ..... во дина

карль. А спутникъ мой, принимая меня за настоящаго брата, осьшалъ меня услугами и вниманіемъ... только и говорилъ со мною, что о сестръ.... Тутъ ночью, за нашими разговорами, карета изломалась въ двадцати шагахъ отъ Чернаго Медвъдя, гдъ мы попросили пріюта, а между тъмъ нашъ конвой.... (Смъясь). Въдь у насъ былъ конвой, продолжаетъ погоню за Карломъ Стюартомъ....

елена. Развъ полагають, что онъ въ Англіп?

карлъ. Да, миледи; говорятъ, онъ прівхалъ завоевы-

логдъ пингоддокъ. Это и сбудется, потому-что все готово для славнаго возстановленія! Англія жаждеть увидъть своего короля.... народъ на его сторонъ.

караъ. Всё мнё такъ говорили.... оно и не удивительно!... Съ-техъ-поръ, какъ королевство стонетъ подъ пресвитеріанскимъ игомъ.... суровые нравы, проповёди, поученія!... умрещь со скуки!... Кромвель погубилъ больше людей сплиномъ.... нежели чёмъ-нибудь другимъ.

лордъ пинроддокъ. Оттого народъ и держитъ сторону Стюарта.... не скрывается.... требуетъ его вслухъ.... да вотъ.... вотъ.... слышите на дворѣ крики: ура, Стюартъ?

На дворь кричать: ура. Ричардъ)!

елена. Странно... а мив послышалось: «Ура, Ричардъ»... лордъ пинроддокъ. Какая нибудь отдъльная кучка.... черни... а за насъ все лучшее, сердце націи... за насъ гостиныя.... Тамъ-то, между дамами и высшимъ дворянствомъ послушать, какъ превозносять храбрость, любезность, добродътели короля....

елена, качая головою. Добродътели....

лордъ пинроддокъ. Да, племянница.... въ король все добродьтель.

карлъ, шутливо. Правило хорошее.... основательно-ли оно, не станемъ разбирать... вы заставите меня, милордъ, покраснъть за короля Карла.

елена. Тъмъ-больше, что дядюшка самъ....

лордъ пинроддокъ. Илемянница!...

елена. Часто говаривалъ намъ, что онъ очень легкомысленъ, очень нескроменъ, довъряетъ всякому свои пла-ны и надежды, особливо большой вътренникъ....

логдъ пинроддокъ, торопливо. Неправда, Государь, неправда!...

елена, съ удивлениемъ. Король!... Великій Боже....

карлъ, улыбаясь. Онъ самъ, миледи, и видя столько прелести и красоты, почти радуется, что уже не брать вамъ. Actorn dance lies

елена, потупляя глаза. Теперь Ваше Величество видите, что дядюшка не совствить ощибался.

логаъ пингоддокъ, съ живостью. Не говорилъ, Государь, никогда не говорилъ: миъ-ди, такому усердному роялисту?... Это вст вамъ засвидътельствуютъ, начиная съ прекрасныхъ и знатныхъ дамъ, которыя здёсь нахо-

дятся. карлъ. Знаю.... прежде чёмъ я пойду къ товарищу, который ждеть меня завтракать, проводите меня къ нимъ; я не надъялся увидъть ихъ нынче до Лондона; встръча ихъ удивитъ.

лордъ пинроддокъ, ет-полюлоса. Да и обрадуетъ. .. есть какіе-то важные планы, которыхъ я не знаю....

карлъ, съ-пололоса. Мит они извъстны.... Замышляютъ свергнуть Ричарда, либо сбыть его съ рукъ. Кн. V. — 9.

елена, про-себя. Боже!...

карлъ. Прощайте, миледи, не надолго.... Я поручу королю оправдать передъ вами Карла Стюарта. (Уходять).

SEACHIE III.

Елена, одна.

елена. Свергнуть Ричарда, говорили они... либо сбыть съ рукъ.... угрожаютъ его власти или жизни.... а мы навсегда разлучены, я не могу его предостеречь.... Дай Богъ, чтобъ онъ былъ далеко отъ нихъ, защищенъ отъ опасности!... Ахъ!...

(Она увидъла Ричарда, который выходить изъ львой двери, и замолчала).

ABAEHIE IV.

Елена, на правой сторонъ комнаты, Ричардъ идет изг лъвой двери, съ офицеромъ.

ричардъ. Такъ вы говорите, Сайденэмъ, что третья дивизія, которой я когда-то командовалъ, стоитъ въ одной миль отсюда.

сайденэмъ. Да, милордъ, на-готовъ двинуться въ Лон-донъ.

ричардъ. Я напередъ съ ними повидаюсь.... Эти давно мив преданы. Выстройте ихъ батальоны на равнинв, что подъ окошками, и пошлите сказать генералу Монку, чтобы прівхаль ко мив въ здішній трактиръ.... Я стану его ждать для смотра дивизіи.... Ступайте!... (Сайденэм уходить дверью на льво; Ричардъ дълаеть пъсколько шаговъ и видить Елену, стоящую въсторонъ). Леди Елена!...

елена, бросаясь ко нему. Ричараъ!....

ричардъ. А!... вы знаете кто я... вы меня знаете.... (Съ волненіемъ). И то правда!... Монкъ, върно, вамъ сказаль!... Разумъется, вы владъете его довъренностью, если владъете его любовью.... и, какъ ни завидую его уча-

сти.... не могу однакожъ не признать его достойнымъ ея: онъ върный и прямой солдать, другъ батюшки и мой.... Притомъ-же.... какъ ни жестока она, я уважаю вашу откровенность.... вы открыли мнъ всю правду, когда я былъ Клэркомъ... не значилъ ничего.... былъ просто вашимъ другомъ!...

елена, про-себя. Небо .... Теперь, когда онъ царствуетъ, я больше прежняго должна молчать!.

ричардъ. Повърьте, леди Елена, что Ричардъ Кромвель, въ высокомъ званіи, въ какое его облекли, не забудетъ ни судьбы, ни друзей, которыхъ выбралъ.... Я вамъ обязанъ счастливъйшими днями или, лучше сказать, счастливъйшими мечтами моей жизни, не удивляйтесь-же моей признательности и не бойтесь подвергнуть ее испытанію.... Уже вчера у леди Терринэмъ, куда, по прежнему, шаги мои направились почти невольно.... у леди Терринэмъ, гдъ я искалъ видъть васъ... мнъ удалось спасти особу, дорогую вамъ; особу, которой мои новыя обязанности не позволяли, можетъ-быть, покровительствовать... или нътъ, ошибаюсь, онъ уже не былъ врагъ мив.... опъ вашъ братъ.... значитъ, и мой!...

елена. О! какъ вы великодушны!... Избавить отъ опасности... того, кто сію минуту, даже, зд'всь....

гичардъ. Вы виделись съ нимъ? обняли его?

елена. Какъ-же милордъ! (Про-себя.) И я должна его обманывать... (Вслухъ) Теперь мнъ остается просить у васъ еще одной милости.... ричардъ. Скажите.

елена. Убзжайте изъ здешнихъ месть.

елена. Да.... и за васъ такъ-же. ричардь. Чего-же? — по пода пределения с впремендаци

елена. Не знаю.... не могу вамъ сказать.... но у меня есть какое-то предчувствіе, которое заставляетъ меня треengarga. H weterche - o петать за васъ.

ричардъ. Кто-же станетъ враждовать мив?... Мой санъ, я его не искалъ.... миъ предложили его. Ахъ! въ то время, а не теперь, можно было мив завидовать! Жить не для себя

уже, а для тыхь, кымь призвань править, заниматься уже не собственнымь счастіємь, а счастьемь другихъ.... блюсти законы, честь страны, и для свободы всёхъ сковать собственную.... вотъ какова, по-моему, власть. Кто хочеть за этимъ отнять ее у меня, едва-ли тому не буду благодаренъ.

елена. Ахъ! ненависть не разсуждаетъ! Они не знаютъ, какъ вы добры, какъ вы справедливы, и враги ваши....

ричледъ. У меня ихъ нётъ! Приверженцы Стюарта, знатившие вельможи королевства, всё являлись присягать мив въ вёрности. Кто-же станетъ мив измёнять? Я не измёнялъ никому, и, благодаря небо, во мив довольно чести, чтобы вёрить чести другихъ!

елена. Именно, ваша довъренность меня пугаетъ.

PHERMS, TIP E REGARD SOLITE AND S... MEE VALUE CON-

-потиворной диай-странов применения и процинению

эфранмъ, не замъчая присутствія другихъ. Вотъ нашли затрудненіе! Офицеры съ лошадьми, знатные господа съ каретами.... что за дъло, всъхъ примемъ.... Здъсь не то, что у другихъ.... всегда есть мъсто для желающихъ.

елена. Это Эфраимъ!

ричледъ. Почтенный Эфраимъ?

эфганиъ. Его Высочество, Лордъ Протекторъ, у меня въ домъ!

ричардъ. A! такъ этотъ домъ вашъ?

эфглимъ. Я отдалъ его зятю, потому-что члену парламента; нельзя-же быть въ распоряжени у всякаго! Я занимаюсь только въ промежуткахъ засъданий, либо иногда, какъ нынче напримъръ, кричу для забавы.

ричардъ. И мастерски.

видъли генерала Монка? .... Ваше Высочество

оричардъ. Жду его...обист done од 30 овжов заравт эп

эфранмъ. Онъ вамъ скажетъ, что вчера мы съ нимъ вмъстъ были на одномъ политическомъ собранін, и что я и мои почтенные товарищи, совершенно преданы вамъ.

ричардъ, тихо Еленъ. Слышите!

эфранть. Вы имъете во миъ двадцать-два голоса къ своимъ услугамъ; они горячо будутъ поддерживать ваше правленіе.

ричардъ. Пока оно будетъ того стоить...

эфранмъ, кланяясь. То есть всегда... Мало того, я даже самъ хотвлъ нынче явиться въ вашъ Уайтъ-Гильскій дворецъ...

ричардъ. Вы тамъ всегда, во всякое время, будете хо-

рошо приняты.

эфраимъ. Доложить вамъ объ одномъ дълъ, объ одномъ заговоръ....

ричарав, съ улыбкою. Уже?

эфранмъ. Котораго следы, кажется, я открылъ.... и который угрожаеть вашей свободь или жизни!

елена, Ричарду. Слышите.

эфраниъ. Меня боятся, какъ нарламентскаго члена, а какъ трактирщика меня не остерегаются... вчера, именно здъсь, я получилъ, собралъ свъдънія, словомъ, напалъ на слъдъ, буду продолжать.

елена. Ахъ, какъ вы добры, господинъ Эфранмъ! Повърьте, что признательность.... (останавливаясь) милорда.

эфранмъ. Я таки и надбюсь; жаль только, что генерала Монка нѣтъ, онъ-бы лучше меня объяснилъ Вашему Высочеству. (Елень.) Извините, миледи, (Елена удаляется на нъсколько шаговъ. Въ-помолоса Ричарду, съ нъкоторымь смущениемь.) Хотя честь-служить вамъ безценна, однако, кажется, Ваше Высочество сами согласитесь, что для человъка не честолюбиваго, но не одинокаго.... скромное и смирное мъстечко сотъ въ иять-шесть гиней....

ричардъ, ст негодованіемт. Замолчите, сударь! Не знаю, если между вашими товарищами люди, которые видятъ въ своей благородной должности одинъ торгъ мъстами и наградами, но объявляю вамъ, что по мит они не столько виновны и не столько низки, какъ правительство, которое рѣшится ихъ принимать и награждать! Покупать чужую совѣсть значитъ продавать свою. А что касается до убійцъ, которыми вы мнѣ грозите, отецъ мой носилъ для защиты отъ нихъ кирасу, а я противопоставлю ихъ кинжаламъ только сердце безъ страха и особенно безъ упрековъ совѣсти. Подите вонъ и не являйтесь мнѣ никогда на глаза!

эфранмъ, про-себя. Такому правительству не устоять.

(Уходить въ оконечную дверь.)

ABJEHIE VI.

Елена, Ричардъ.

елена, подбъгая къ нему. О! вы достойны трона!

ричардъ. Не этихъ-ли заговоровъ, не этихъ-ли людей боялись вы за меня?

елена. Ихъ я не знала.... но есть другіе, опаснѣе.... Мое положеніе таково, что, не смотря на дружбу, другія чувства можетъ быть не позволять мнѣ говорить.

STURED OUR TEAL ATERE

ричардъ. Какъ-же это?...

елена. Поклянитесь, по-крайней-мъръ... вашей честью.... чтобъ вы ни услышали, вы не будете ничего знать, простите всъхъ.

ричардъ. Клянусь вамъ! прощу всъхъ, начиная съ вашего брата.

елена. Ну такъ, эти роялисты, на которыхъ вы полагались, и нъкоторые другіе изъ вашихъ друзей....

(За дверьми слышень говорь.)

ричардъ. Голосъ вашего брата, Лорда Нюпорта.

елена, про-себя. О, Боже!... (Громко.) Послъ, милораъ, нослъ.... Но послушайтесь меня, уъзжайте отсюда.

(Уходить въ дверь на концъ комнаты.)

HEAEHIE VII.

караъ, входя правою дверью, и говоря самъ съ собою. Пусть къ намъ пошлють мастера Эфраима или коть когонибудь изъ его придворныхъ, но ради Св. Джоржа, пустьже подають намъ кушанье!... (Клэрку.) Видите, что я не забылъ дорожнаго товарища! Я для васъ, любезный Клэркъ, покинулъ прекрасныхъ дамъ, которые останавливали меня завтракать.... Вы не голодны?

ричардь. Не знаю.... Миъ некогда....

карль. У меня такъ ужасный аппетить, который нетершить отсрочки.

ричардъ. Да вы и сами таковы-же.... Для теривнія.... сядемте, и поговоримъ о вашихъ дълахъ.... я сей-часъ видълъ леди Елену. (Береть кресла и садится первый къ столу на-льво.) Садитесь.

карять, смотря на него. Добрякть Клэркть со мною запросто.... (Подвигаеть себь кресла.) А если онъ бъдный узнаетъ когда-нибудь истину....

(Садится по другую сторону стола.)

ричардъ. Я объщалъ леди Терринэмъ и кой-кому другому спасти васъ.

карль. И сдержали слово, какъ следуетъ порядочному и честному дворянину.... Вы не виноваты, что ваша ка-рета изломалась.... Потому, какова-бъ ни была ваша должность, я требую одного только, чтобы правое д'бло поб'ьдило, чтобы Ричардъ былъ свергнутъ.

ричардъ. Вы очень списходительны.

карль. Чтобы Стюарть заняль свое законное мъсто, и тогда объщаю вамъ....

пичардъ, съ улыбкою. Что мив не усидъть долго на моемъ.... едва-ли, но дъло не обо миъ, милордъ, а объ васъ.... Ваша сестрица....

карль, съ удивлениемъ. Моя сестра. (Спохватясь.) Ахъ, BUTLER OTL CHORN'S BARRAIN. да, точно.

ричагдъ. Леди Елена боится нашего пребыванія здісь, и желала-бы, чтобъ вы убхали.

карль. Послъ завтрака.

ричледъ. Но, чтобъ избъжать преслъдованій Ричарда или его министровъ.... гдъ вы остановитесь въ Лондовъ? карлъ. Вотъ хорошо! у васъ!

вичардь. Правда! Но если васъ откроютъ?

деть, что я въ Англия.

гардъ. А, можетъ-быть, онъ ужъ знаетъ?

кардъ. Онъ! полноте!

ричардь. Вы знаете его? и фил. ... опис оН .издатия

карль. Говорять, будто онь честный человькь и отличный простой обыватель... всь мъщанскія добродьтели.... Въ немь одинъ недостатокъ.

ричарав. Какой? да дриная о двидополод и откака

карль. Верховная власть. верона при верхия

ричардъ. Недостатокъ, отъ котораго не прочь-бы Стюартъ.

карль. Правда! почти только этого ему не достаеть.... остальное въ немъ все есть. Онъ любить расточительность, роскощь и удовольствіе, и если подданные не будуть при немъ счастливы, то ужъ не по его винѣ, потому-что его царствованіе будеть безпрерывнымъ праздникомъ. (Приносямъ подносъ съ чаемъ). А! недурно. (Продолжаемъ говоримъ, заемракая). Оттого надежда видъть возвращеніе баловъ, удовольствій и двора, гдѣ можно блистать и интриговать, заставляетъ всѣхъ леди усердно хлопотать о нашемъ дѣлѣ.... Во-первыхъ они привлекаютъ къ намъ своихъ мужей, а это что-нибудь значить.... а потомъ и другихъ.... которыхъ еще горавло больше.... Да и вы сами перейдете.... будете нашивъ.... хоть леди Реджина и увѣряетъ, будто вы немножко держитесь пуританской партіи.... я взялся обратить васъ.... и ручаюсь за успѣхъ.

ричардъ, ст улыбкою. Это забавно!... я именно бымъ намеренъ, для ващей-же пользы, уговорить васъ отступиться отъ своихъ надеждъ.

карль, ст живостью. Онъ никогда не были върнъе теперешняго.... Посудите, что на нашей сторонъ герцогъ Гамильтонъ, графъ Лэндердэль, маркизъ Осмундъ и лордъмэръ! taren da erratorogen hin

ричардъ. Быть не можетъ! Они пристали къ Ричарлу

и дали ему присягу въ върности. карлъ, со смъхомъ. Присягу!... Мало того, Горацій, Тоузендъ, Мэйдльтонъ, Арондель.

карлъ. Такъ было условлено.... Правительству протягивають руку, чтобъ оно не шло впередъ.

гичагат. Увъряю васъ, ошибаетесь.

карлъ. Я сей-часъ видълся съ ними и говорилъ.

ричледъ, про-себя. Не ужто леди Елена сказала правду?...

у?... карль, намивая ему чай. Это еще ничего. Дамы предприняли склонить враговъ.... Для праваго дъла все позволительно!... Кокетство служить въ помощь върности п роялизму, и скоро, мой милый, сама ваша партія, самые BEREAUTHER ARES AND RES CARRES строгіе ваши пуритане....

ричардъ. Шутите.

карлъ. О! вы еще не знаете, сколько хитрости и ума въ этихъ молоденькихъ леди. Герцогиня Гамильтонъ, особливо леди Терринэмъ, или, лучше сказать, вы знаете ее, великая женщина.... государственная женщина, у которой все въ головъ, ничего въ сердцъ... прекрасная собою.... надо быть однако скромну.... въдь я встрътилъ васъ у нея, и вы можетъ-быть имъете на нее виды?

- вичарат. Я!... нимало.... от отпедатор на опеда зан

карль. Въ-самомъ-дъль!... тъмъ лучше.... потому-что сказать вамъ по секрету и по дружески, король въ нъсколько дней влюбился въ нее безъ памяти.

ричардъ, поспъшно. Такъ Стюартъ въ Англія? карль. Э! ну, да, мой милый, только молчите! . (Оба встають изь-за стола).

ричардъ. А леди Реджина....

карль, улыбаясь. Прекрасна... она съ леди Гампльтонъ ужъ спорять о месть фаворитки.... и объщая той и другой.... Ки. V. — 10.

пичардь. Какъ! обожать ихъ объихъ?

-карлъ. Король долженъ это!... онъ имъ столько обязанъ!... Черезъ нихъ, черезъ ихъ ловкость республиканцы переходять къ намъ....

ричардь, ст истодованиемт. Женщины могуть изм'ьнить.... но друзья, солдаты Кромвеля, невозможно!

карать, со смежомъ. Э! да вы, любезный Клэркъ, ничему не хотите върить!.. всъ педовольные или обманутые республиканцы, всв, которые надвялись заступить м'всто Кромвеля.... а ихъ было не мало.... всъ они враги сына его Ричарда.... Трогова оказ оп оправотр

ричардъ. Которому отдали власть!...

карлъ. Покуда.... и даже нынче.... въ этомъ трактиръ, подъ предлогомъ полковаго объда, должно происходить тайное собраніе, на которомъ миъ надо быть....

ричардъ. Вамъ!

привали склонить праговъ-

карлъ. Отъ имени короля. ричардъ. А я, милордъ, увъряю васъ, что васъ обманываютъ.... либо вы сами себя обманываете.... Они не будутъ.

караъ, со смъхомъ. Полноте.

osofinno, cena Teppanous, but al vine essatts, ant pure-

Ричардъ, Леди Реджина, Караъ. corogod ace was resound, navero na ceptuba...

леди реджина, быстро входя въ дверь справа и увидњег Ричарда. Ахъ! это вы, Клэркъ, кому мы столько обязаны! върно вы раздълите нашу радость и надежды.... Сейчасъ прівхалъ полковникъ Прайдъ....

карль, Ричарду. Видите!...

леди реджина. А Гарриссонъ, котораго онъ долженъ быль привести съ собою....

ричардъ, съ негодованиемъ. Гарриссонъ!... начальникъ Ofa semilaria nat-10 emplial штаба!

леди реджина. Онъ не будеть. 197 илл. А жазарич

ричардъ, Карлу. А! въдь я вамъ говорилъ!

леди реджина. Его удержали въ Уайтъ-Галав, но еще лучше... смотрите, вотъ, онъ присладъ письмо, послъ котораго ему нельзя воротиться назадъ.... Другіе-же, вс-в собираются съ разныхъ сторонъ.

карль, Ричарду, съ торжествующимо видомо. Что! ричардъ. Нътъ, не могу повърить, развъ увижу соб-

ственными глазами.

TRASE DE COURSE DE LA CONTRACTA DE LA CONTRACT леди реджина. Если только это нужно, чтобы склонить васъ ръшительно на сторону праваго дъла.... (Идеть къ окошку на-право.) Вотъ, вотъ, изъ окна, что на дворъ, смотрите, они идуть въ сборную залу.

(Апиствующие расположены въ такомъ порядкъ: Карлъ, Реджина, на передней части сцены; Ричардъ, на концъ, у

окошка на-право.)

ричардь, глядить. Овертонъ, Элоредъ, Ледловъ, (просебя) друзья батюшки! (Смотрить опять.) Флитвудъ, (про-себя) мой зять, родственнникъ... (Ст горестью.) О! Елена, вы правду говорили!

(Продолжает глядить ет окно на-право, а леди Реджина между-тымь, середи сцены, говорить съ Королемь, ко-

торый читаеть письмо Гарриссона.)

леди реджина. Ну, вотъ они собрались... ждутъ толь-

ко васъ.... ступайте.

- карль, подавая Рицарду письмо, которое читаль. Смотрите, невърующій. (Реджинь, которая его понуждаеть.) Иду, миледи, иду.... скажите только.... (Отводить ее подъ руку и разговаривает тихо.) Еще слово.... о Гаррисcont. Is an all of the contract of the day of the contract of

ричардъ, стоить на правой сторонъ комнаты, у окна. Слишкомъ много низости и измъны! (Увидавъ Монка, входящаго въ дверь слъва.) А! вотъ наконецъ другъ.

карль, усидьет Монка. А, генераль!... Пойдемте-же мой мильти!...

монкъ, увидњет Короля. Боже! (Подбъгая къ нему съ Реджиною.) Что это значить?... войска преданныя Ричарду сходятся со всехъ сторонъ на смотръ.... а вы, миледи, здісь, съ королемъ.

ричардь, идеть къ Реджинть. Король!

монкъ, увидъвъ Ричарда, останавливается въ оцъпсиснии. tayen and memberolf annumit Небо!

леди реджина, сесело. Ну, да, сударь, король!...

карль, Рицарду. Да, мой милый, я. (Оборачиваясь къ Монку.) Успокойтесь, генераль, не бойтесь за меня.... Послъ нашего вчерашняго свиданія, дъла идутъ отлиrangeria. Hirry ne nory northness, pasade ymary copp ствойный вызывание

леди реджина. Всъ за насъ.

каглъ. Леди Реджина и Клэркъ....

монкъ, въ изумлении. Какъ!...

карлъ. Клэркъ нашъ повъренный, нашъ другъ, про-чтетъ вамъ письмо Гарриссона, которое объяснитъ вамъ все. (Реджинь, которая зоветь его знаками идти.) Меня ждуть! точность есть учтивость королей, когда они короли, тъмъ больше, когда еще нътъ. SOUBSTEL STEAMS

(Уходить въ дверь на-право, а Ричардъ, отошедши на конеит сцены, отдаеть приказь Сайденему, который показался въ дверяхъ.) ... чаван на жизей

Hondonaccione andones et orno un-upues, a redu Pedacuof new dy-manis, organi calhanarem es hopolens, soторый чатальный письма Гаррагсина.

- мот атта Монкъ, Леди Реджина, Ричардъ.

тели релжина, подходить къ Монку, стоящему неподвижено. Видите, генералъ! никакой опасности открыть наконецъ свои нам'вренія, а какъ вы намъ вчера говориputte a permanenterias marco.) Ente como. C. o l'apr. en

монкъ, ст пилвомт, ет-полюлоса. Да, замолчите! леди реажина. Отчего?

монкъ, въ-полюлоса. Въдь это Ричардъ.

леди геджина, съ изумленіемъ. Онъ! Ричардъ!

ричардъ, возвращается напередъ сцены и подходить къ иимъ. Да! Ричардъ Кромвель, которому вы измънили, не вы, сударыня, васъ я не упрекаю ... вы мнъ ничъмъ не обязаны, и знатная дама можеть, безъ нарушенія законовъ, сдълаться фавориткою короля.... Онъ самъ мнъ это engage whem no Polycome, Repond

леди реджина. Хвастовство и клевета! ричардъ. Можетъ-ли онъ лгать? монкъ. Удостойте выслушать меня! ричардъ. На что? ваши поступки говорять ясно.... мои будуть вамъ отвъчать.... Отъ всъхъ васъ я не видалъ ничего, кромъ измъны, —вы получите мой приговоръ. (Ноджодя къ двери на-право.) Всъ измънники, окружающие меня....

леди реджина. Ахъ! что вы хотите дълать?

гичардъ. А вы, сударыня, пока наказаніе не настало, снѣшите къ королю; скажите ему, что мнѣ все извѣстно, пусть онъ уѣзжаетъ, бѣжитъ сейчасъ, ступайте, ступайте те скорѣе! Пусть Стюартъ не искушаетъ дольше моего мщенія, пусть не заставляетъ меня вспомнить, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Кромвеля. До близкаго свиданія, Джоржъ Монкъ.

(Уходить въ дверь на концъ; Реджина въ дверь на-право, Монкъ бросается въ кресла, на львой сторонъ сцены, у стола, и сидитъ, подперши голову руками.)

H BIRELER

. Putar in Jean In Samma

дъйствіе пятое.

Комната въ дворцъ Уайтъ-Галль. Дверь на концъ. Двое дверей по бокамъ

де и вединила бубрана, правла, чого обощиную меня и во томпром и во томпром в править в полобиний мироки, то институть, по постать, по

Ричардъ, одине, сидите у стола на-лисо. отолка до

ричардъ. Да, тотъ, чье имя ношу я, не отложилъ-бы наказанія; при первой измѣнѣ, которую я узналъ, я самъ почувствовалъ желаніе подражать ему; но за ней слѣдовало столько другихъ, что та, которая сначала казалась мнѣ ужасной и неслыханной, представляется теперь такой простою и обыкновенною, что я считаю ее неминуемымъ слѣдствіемъ власти! Правитель долженъ быть къ нимъ готовъ.... Нужно-бы наказывать слишкомъ многихъ, и я пренебрегъ, не изъ великодушія, а изъ отвращенія!

Инчего не видалъ... ничего не знаю... и они также!... въдь при одномъ слухъ объ опасностяхъ, какихъ я избъжалъ, ко мнъ со всъхъ сторонъ летятъ поздравленія, съ именами тъхъ... (Глядитъ па нихъ.) Да... они-же самые!... Сберегу эти поздравленія какъ памятникъ ихъ низости.... Теперь начинаю понимать преэрьніе къ людямъ вътъхъ, кто царствуетъ... Нъсколько дней власти достаточно, чтобы оцънить ихъ... стоятъ такъ мало... а продаютъ себя такъ дорого!.. Монкъ, другое дъло... онъ поступилъ откровенные или ловче.... во всемъ признался мнъ!... понимаю, что онъ старался заслужить, получить Леди Елену, и слъчая любовь увлекла его къ ея партіи.... понимаю, для нея можно все забыть. .. (Входитъ дворцовый дежурный и говоритъ ему на ухо.) Леди Терринэмъ, говоришь ты?... Зови!... Зови!...

ABJEHIE II.

Ричардъ, Леди Реджина,

ричардъ. Леди Терринэмъ требуетъ у меня аудіенціи? леди реджина. Требуетъ правосудія, милордъ, и вы не откажете въ немъ, надъюсь, друзьямъ.

ричардъ. Такъ-же какъ и врагамъ!... Извольте гово-

рить.

леди геджина. Стюартъ, правда, могъ обвинить меня въ ложныхъ объщаніяхъ, въ хитростяхъ, въ кокетствъ, но, если я заслужила подобный упрекъ, то вы знаете, съ какою цълью и въ надеждъ чего!... Любовь моя къ нему выдумана имъ самимъ!... Увъдомить его, какъ вы мнъ приказали, чтобъ онъ тотъ-же часъ оставилъ Англію, значило-бы отнять у меня средства къ оправданію.... Я еще удержала его, маня невозможнымъ успъхомъ; онъ спрятанъ въ домъ Пинроддока, и вы сами можете увъриться, сколько онъ былъ несправедливъ ко мнъ!

- гичардъ. Върю, миледи, върю, что вы его никогда не любили, также какъ и Лорда Пипроддока, который, говорять, другой мой соперникъ.... также какъ и самого меня.

леди реджина. И вы можете это говорить!

ричардъ. Я васъ не виню; но покуда вы еще сами себя обманываете. Вы любите только шумъ и блескъ.... тревогу и опасность!... Любите упоеніе величіемъ, власть!... Меня вы скоро-бы разлюбили.... золотыя цъпи, предметь зависти для столькихъ, внушаютъ мнъ одно желаніе.... стряхнуть ихъ съ себя!... О! я не поколебался-бъ ни минуты, если-бъ единственное благо, котораго я желаю, могло мнъ принадлежать.... Но я простилъ... возвращаю Леди Еленъ всъ конфискованныя помъстья, позволяя располагать ими для супруга, котораго она избереть.... Такъ отмститъ за себя сынъ Кромвеля.... Теперь не върю, чтобы Монкъ могъ мнъ измънить.

леди реджина. Сколько я знаю васъ, и того и другаго, то вы могли простить ему изм'вну, но онъ вамъ никогда не простить великодушія.... и скоро можетъ-быть....

ня послъдняго очарованія!... Я хочу еще върить въ признательность.... (протягивая ей руку) и въ дружбу.

леди реджина, съ солисиемъ. А! Ричардъ!

ричардъ. Пусть послъдуетъ она за нами на различныхъ стезяхъ, какія положила намъ судьба, и какъ мы не можемъ покинуть ихъ безъ униженія для себя.... останемся на нихъ, что-бъ ни случилось, и каковы-бы ни были ихъ недостатки! Станемъ служить по-прежнему, вы королю, который къ вамъ несправедливъ, я друзьямъ, которые мнъ измъняютъ, останемся върны.... даже неблагодарнымъ.

леди геджина экметь ему руку. О! Милораъ... (боязливо прислушивалсь.) Сюда идутъ!...

ричардъ. Ступайте, ступайте, миледи!... Никто не долженъ видъть, что вы, роялистка, жмете руку Кромвелю.

леди реджина. Нътъ, нътъ, не Кромвелю, а другу....

нчардъ. Правда!... Повелитель я на и всколько минутъ, можетъ-быть... а другъ вашъ... всегда.

(Леди Реджина уходить въ дверь на-право.)

A CARROLL H CHICARAGE COLORED

моро при от от на положения от совти от совти В. адбрейс - от совти от сов

armata grandense suppor support all strongers of the ричардъ. Что, Лэмбертъ, что такое?

дэмберть. То, что Ваше Высочество слишкомъ довъряете окружающимъ. Вы никого не подозрѣваете; а это an dentitate of all other police Canto, "toropar...lokyx

ричардъ. А ты всъхъ подозрѣваешь.

лэмбертъ. Мив больше ввроятности напасть на правду. Благодаря вашему великодушію, готовится какая-то изміна: носятся темные слухи, толиятся сборища; по всъмъ окрестнымъ улицамъ наставлены были баррикады; рогатки опущены, городскія ворота заперты, безъ моего приказанія, и если только не по вашему.... и том на от

ричардь. Отнюдь ивтъ!...

лэмбертъ. Все таки, мы знаемъ, что дълать... На дворцовомъ дворъ есть караульный эскадронъ, а въ дежурной заль иять-шесть офицеровъ, за которыхъ я ручаюсь, какъ за самого себя, и въ несколько минутъ мы очистимъ Лондонскія улицы!... ричледъ. Какъ, уже сраженіе, среди самой столицы!

лэмбертъ, отрывисто. Чтожъ, если нужно!... Главное править мирно!... Кромвель, вашъ батюшка, былъ на это мастеръ! смонающения извения извения! !пответовой вая

ричардь. Да, Оливеръ Кромвель не поколебался-бы... и будто слышу, какъ онъ говорить: - Карлъ въ моихъ рукахъ, - смерть сей-часъ; - другіе кажутся намъ подозрительны, - избавиться отъ нихъ по подозрѣнію; -послать приказъ парламенту!-На газеты молчаніе,-по улицамъ картечъ, -порядокъ и тишина водворятся... Дълай и я также!... подобно тебъ, батюшка, и буду великій человъкъ, ненавидимый, но чтимый современниками, которые бу-дуть молчать!... Но я, Ричардъ, хотъвшій править не силою, а законами, я, первый гражданинъ республики, несчиталь себя поставленнымъ выше другихъ только для того, чтобъ издалека предвидъть опасность, съ высоты смотръть за общей безопасностью и общинъ счастіемъ!

я, безумецъ, достойный жить не въ Уайтъ-Галлъ, а въ Бедлэмъ, мечталъ, върилъ въ возможность признательности и любви согражданъ... и обманутъ, вижу измъну отъ всъхъ, кого любилъ... (Береть за руку Лэмберта, который хотълг-было говорить.) Нётъ, нёть не отъ всёхъ, мнь остался еще ты, Лэмбертъ, одинъ ты съ истинной и безкорыстной преданностью... Видишь-ли, я разсуждаль самъ съ собою нынче утромъ: я не гожусь имъ въ правители! Середи соперничества честолюбій, которыя не териять равенства иначе какъ подъ условіемъ каждому быть первымъ.... Карлъ Стюартъ для нихъ лучше меня; по-крайности на его сторонъ - право священиъйщее, право порфирородства....

лэмбертъ. Вы думаете?

ричардъ. Нуженъ титулъ, имя!... Онъ родился въ томъ санъ, въ который я выбранъ. Не говорю, сколько могу судить, чтобъ царствование Стюартовъ было славно или продолжительно; но при Кромвел'ь Англія пріобр'вла довольно славы, а при Карлъ II-мъ, истощенная страна найдеть, по-крайней-мъръ, на нъсколько лъть отдыхъ, въ которомъ нуждается, и котораго не дало-бъ ей мое правленіе!...

дэмбертъ. Что вы хотите сказать?

ричардъ. Ничего... ничего... навърное, я ошибаюсь... Однакожъ, еслибъ покой и благо Англіи зависѣли отъ моего удаленія.... подотод почно вито облади птур Ма

лэмбертъ, съ негодованиемъ. Благо Англін, говорите вы?... А наше-то!... Мы облекли васъ въ верхов ный санъ чтобы продолжать Кромвелево правленіе, чтобы защитить отъ Стюарта и отъ всъхъ наши чины, наши права и имущества. Вы не отступитесь отъ власти; не должны этого саблать, потому-что съ вашей участью связана наша; королемъ-ли, протекторомъ-ли назовутъ васъ, но или вамъ тронъ.... или намъ эшафотъ!... Или корона на вашей головъ... или топоръ на нашей... Выбирайте!

ричардъ. А! теперь понимаю!... Я вамъ нуженъ!... Вы върны и преданы не мив.... а себъ самимъ.... своимъ выгодамъ!... - Кв. V. — 11.

лэмбертъ, ет замъшательствъ. Нътъ, Милордъ.... Одна-

ричардъ, про-себя, съ горестью. Ахъ! какъ легко обольщаться, держа въ рукахъ власть!... давно-ли еще я съ гордостью върилъ, что у меня есть другъ!... а ихъ нътъ.... ни одного!... (Вслухъ.) Ваша правда, Лэмбертъ, эгоистъ не вы, а я!...

лэмбертъ ласково. Не правда-ли?

ричардъ. Хотя-бы ми'в суждено погибнуть, я долженъ удержать власть для обороны друзей и сохраненія ихъ выголь!

лэмбертъ, ласково. Разумъется.

ричардъ. Будьте покойны, я никогда не забуду вашихъ выгодъ!

лэмбертъ. Такъ и слъдуетъ! (Оборачиваясь.) Что это? Сайденэмъ, офицеръ свиты.

явленіе IV.

Ричардъ, Лэмбертъ, Сайденэмъ, входить въ дверь справа.

сайденэмъ. Генералъ Монкъ прівхалъ съ многочисленнымъ конвоемъ, и желаетъ видъть Ваше Высочество! Да еще, меня просили немедленно отдать вамъ въ собственныя руки письмо, одна особа, которая хотвла удалиться, не объявивъ имени!...

лэмбертъ. И ты отпустилъ ее! сайденэмъ. Нътъ, генералъ, я ее задержалъ. гичардъ. Хорошо сдълалъ! Проси генерала Монка.

OR TORS ATTENDED BARBAEHIE V.

Лэмбертъ, Ричардъ, Монкъ, Сайденемъ.

ричардъ, иштаетъ письмо, между-тъмъ какъ Монкъ подходитъ къ нему и кланяется. Ричардъ холодно отвъчаетъ на поклонъ и говоритъ Сайденэму. Отошлите назадъ конвой, который провожалъ генерала.... эскадрона Лэмберта достаточно для дворцовой стражи!

(Сайденэмь уходить и возвращается чрезь инсколько минуть.) монкъ, ст удивлениемъ. Что это значитъ, милордъ!

ричардъ. За-чъмъ-же намъ столько народу для разговора о делахъ.... да и ездить по лондонскимъ улицамъ съ королевской стражей, повредило-бы вамъ у народа, заставило-бы подозръвать намъренія, отъ которыхъ вы очень далеки.пиль с. .. очите выпа почению с почения

монкъ. О, да, конечно!... Но теперешнее волнение по

ричардъ, хладнокровно. Вотъ что мнъ пишутъ на-счетъ этого волненія.... Не угодно-ли прислушать, господа? (Yumaemz.)

«Народъ, подстрекаемый тайными агентами, долженъ бъжать нынче вечеромъ по городу, съ крикомъ: «Прочь Стюарта! прочь Ричарда! Да здравствуетъ Монкъ! Монкъ на-въкъ»!...

а-вѣкъ»!... монкъ, прерывал. И вы върите!... ричледъ. Не върю ни одному слову.... Надо однакожъ прочесть до конца. (Продолжаеть.)

«Солдаты Монка, запершись въ казармахъ, готовы поддержать это провозглашение, на которое будутъ настаивать въ парламентъ двадвать-два голоса. Повърьте этимъ извъстіямъ: они несомивины! Особа, доводящая ихъ до васъ, не можетъ и не хочетъ быть извъстна; но она слышала всв подробности отъ агента Монка, Эфраима Кильсина, которому генералъ объщалъ пять-сотъ гиней дохода изъ приданаго будущей жены! ..»

монкъ. О! какая низость!: . Подобная клевета....

ричардъ. Не стоитъ даже, чтобы говорить объ ней!... монкъ. Я буду отвівчать на нее не словами, а ділами. ричардъ. Единственное достойное васъ оправдание, я вамъ и хочу его предложить. Съ какою-бы цълью, подъ какимъ-бы предлогомъ ни было, но въ городъ готовится бунть; ціни натянуты, рогатки опущены; возьмите караульный эскадронъ генерала Лэмберта; прорвите цъпи и рогатки; разгоните бунтовщиковъ, а если они станутъ защищаться, велите стр'влять! (Cahienana washing

монкъ, ет смущении. Стрълять въ народъ!... ричардь. Въ бунтовщиковъ и измънниковъ! лэмбергъ. Развъ вы бонтесь стрълять по своимъ?

монкъ. Нътъ, разумъется.... но есть обстоятельства.... ричардъ. Напримъръ то, если они собраны вами.... въ

такомъ случать, конечно, стрълять въ нихъ изъ ружей.... лэмбегть. Было-бы низкой изміной....

ричардъ, хладиокровно. Даже хуже!... большой неловкостью.... это значило-бы погубить навсегда всв свои надежды! ...

монкъ, ст жаромъ. Стало-быть вы подозръваете.... ричардь, строго. Все, — если вы колеблетесь!... ничего, если немедленно ъдете!

ellanore; no teranegastic columnical

монкъ. Бду!...

ричардъ, Лэмберту. Лэмбертъ, прикажите шестерымъ офицерамъ, которые вамъ преданы и которые теперь въ караульной заль, провожать, на время экспедиціи, генерала Монка, и не отставать отъ него ни на шагъ.

лэмбертъ. Охотиве-бы я взялъ на себя эту честь!

ричардъ. Нътъ!... воротитесь!... Вы мнъ нужны!... прикажите только офицерамъ, въ случав, если генералъ станетъ мъшкать, чего я впрочемъ не думаю.... лэмберть. Чтó-же?...

ричледь, хладнокровно. Стрълять... лэмбертъ. Въ бунтовщиковъ?...

ричардъ, указывая на Монка. Нътъ.... въ него! лэмбертъ, выразительно, взявт его за руку. Сынъ Кромвеля! хорошо! Montes, Of many dispersed !

ричардъ. Ступайте!

(Монкт ст Лэмбертоми уходять вт оконечную дверь.) гичаств. Единствиную достовное насъ справлаще, в

THE THE THE THE THE PARTY OF THE PARTY OF THE THE THE THE THE

ESEMBLE-OUT DOCTOLORS HE OFTO, HE DE LODOLE DOCUMENT - причарать, Сайденэмъ.

РИЧАГАТ., Сайденэму, стоящему въ глубинъ сцены. Введите особу, которой мы обязаны этимъ извъстіемъ!... (Сайденэмъ уходить въ дверь на-право). Извъстіе, къ-несчастію, кажется, слишкомъ справедливо.... Я долженъ наградить того, кто мнѣ его доставиль, а нуще всего разспросить!... (Увидьез женщину подъ вуалью, полвившуюся въ дверь на-право). Боже!... женщина! (Подходить къ ней и береть за руку). Войдите, войдите, сударыня, не бойтесь.—Боже мой!... рука ел дрожитъ въ моей.... она шатается! ей дурно!... (Она падаеть оъ кресла, Ричардъ кидается къ ней, поднимаеть вуаль и вскрикиваеть.) Ахъ!... Елена!

ABAEHIE VII.

Лэмбертъ, входить въ дверь на-концъ, Ричардъ, Елена, въ обморокъ, на креслахъ съ правой стороны.

лэмбертъ. Приказъ отданъ! они повхали! (Подбъгал къ Ричарду). Что такое? что съ вами?

ричардъ. О! не могу придти въ себя отъ удивленія! Это Елена!... Елена Нюпортъ.

лэмбертъ. Благородная дъвушка!

ричардъ. Сама доноситъ на Монка....

лэмбертъ. Въдь я вамъ говорилъ!

ричагдъ. На Монка, за котораго шла за-мужъ, котораго любитъ!... обожаетъ!

лэмбертъ, съ сердцемъ. Пустое!... любитъ она—васъ! ричардъ. Меня!... кто тебъ сказалъ?

лэмбертъ. Она сама! По моей просьбь, чтобъ не лишить васъ власти, она ръшилась изъ любви отказаться
отъ васъ! (Ричардъ ескрикиваетъ и бъжитъ къ столу,
за которымъ начинаетъ поспъшно писать, а Лэмбертъ
между-тьмъ, стоя у креселъ на-право, продолжаетъ говорить Ричарду). Это нужно было тогда, чтобы занять
мъсто правителя, а теперь, когда вы ужъ на немъ...
когда Монкъ обличенъ, а роялисты разсъяны, и власть
неотъемлемо за вами, я возвращаю ей ел клятву, а вамъ
велю ее любить! Любите тъхъ, кто васъ любитъ!... ихъ
не такъ много!... Она очнулась!... приходитъ въ себя....

ричардъ, быстро вставъ и подавая ему бумагу, которую только-что запечаталь. Отвезите это въ парламенть!... Лендэлю, его президенту! (Лэмбертт уходить въ дверь на-концъ, а Ричардъ говоритъ Санденэму, воротившенися въ дверь справа). Доставь эти бумаги въ домъ Пинроддокка — Альберту Лэйттльтону. — Пусть онъподпишеть при тебъ!... онъ не замъшкаетъ!... собственная его выгода ручается мив за это!... Ступай скорве и возвращайся!

(Сайденэмъ уходить вы дверь на-право).

ABAENIE VIII.

Ричардъ, Елена, все еще сидить въ креслахь; она очнулась и смотрить съ удивлениемь вокругь себя.

елена. Гдв я?

ричардъ. Подлъ того, кого вы спасли сей-часъ!

влена, съ волненіемъ. Ахъ! могла-ли я поступить иначе?... Этотъ Эфраимъ, по секрету пришелъ спрашивать у меня, точно-ли лордъ Протекторъ возвратилъ мнъ всъ помъстья... потому-что ими слъдовало заплатить ему за изм'вну!... Не помня ничего больше, я бросилась.... уже пришедши къ дворцу, я остановилась, испугалась сама своего поступка.... Но.... дворецъ этотъ быль Уайть-Галль, гдв вы сами некогда спасли мою

ричардъ. И такъ, даже въ тотъ день, когда вы отвергали мою любовь и руку.... вы знали, кто я!

елена. Да, Ричардъ!...

ричардъ. И меня, который любилъ васъ!... меня, который хотьлъ посвятить вамъ жизнь.... вы отвергли!...

елена. Для того, чтобъ вы были правителемъ, чтобъ вы были счастливы!

ричледъ. Счастливъ! Ахъ! что вы сдълали! какъ вы ошиблись! Взгляните на этотъ дворецъ, спросите у этихъ сводовъ, сколькихъ скорбей были они свидътелями? Сколько царскихъ вздоховъ и рыданій слышали они?... Я быль еще очень молодъ, когда вдоль этъхъ галлерей,

сквозь стражу и безмоленую толпу, мимо меня проходилъ человъкъ въ черномъ платьъ.... солдаты глядъли на него съ негодованіемъ и оскорбляли его; вокругъ раздавались крики: Казно!... Судо!... Я спросиль, что это за человъкъ? мнъ отвъчали: Король!... Король, который шелъ на судъ, или, върнъе, на безбожную казны!!? Потомъ, я видълъ, что плиты этого дворца попиралъ солдать, передъ которымъ дрожала Англія, и который, подъ здъшними мрачными сводами, трепеталъ звука собственныхъ шаговъ!... видълъ, какъ онъ проводилъ дни безъ радости и ночи безъ сна!... Хватая меня за руку, онъ векрикивалъ: «Проснись!... они идутъ.... идутъ.... «слышишь?... воть убійцы!... воть они!...» Нъть, не они будили его середь ночи и заставляли вскакивать съ постели, а кровавый царственный призракъ, и сжимая руки мив, ребенку, онъ твердилъ: «Защити-же меня!... укрой отъ него!...» Онъ задыхался, облитый потомъ.... волосы стояли дыбомъ у него.... Этотъ солдать, этотъ человъкъ.... былъ хищникъ власти.... былъ мой отецъ!!! Вотъ наслъдство, котораго желали вы мнъ для моего счастія!... О! можно принять эту власть, если напередъ отказаться отъ дружбы, отъ любви, отъ всёхъ радостей жизни!... Но когда онъ возвращены, когда насъ любять, когда можно, подл'в подруги и жены, наслаждаться прелестями уединенія, семейными радостями, сельской тишиною, ученіемъ, счастіемъ, свободою!... можно-ли дольше оставаться рабомъ честолюбія? какъ не разбить оковы?... (Съ радостью). Я такъ и сублалъ!

елена. Вы!... Боже!... Мщеніе будетъ пресл'вдовать вашу жизнь даже въ уединеніи....

ричардъ. Успокойтесь.... Могутъ бояться правъ или честолюбія претендента, который еще не достигъ власти; но его прямотъ върятъ, когда онъ держалъ бразды правленія, могъ сохранить ихъ, и бросилъ добровольно, безъ сожальнія.... Свободенъ! я свободенъ!... Власть и величіе! возвращаю вамъ ваши золотыя цъпи, вашихъ льстецовъ и придворныхъ.... Возвращаю вамъ ихъ пизости и пронырства, ихъ неблагодарность и измъну.... Теперъ у меня вътъ ничего вашего, возьмите ихъ назадъ!... а

мнъ отдайте мою радость, мон удовольствія, мою довъренность и друзей!...

то съ деготоващенъ в искорбаван сто; вокругъ посени: ABAEHIE IX.

Лэмбертъ, сходить съ конца, Леди Реджина, Ричардъ, Елена, Сайденэмъ, вошедшій за Лэмбертомь.

леди реджина. Ахъ! что я вижу? Елена и Ричардъ! ричардъ. Нътъ! уже не Ричардъ, а Клэркъ, вашъ другъ. (Береть изъ рукъ Сайденэма бумагу, которую тоть подает ему).
леди реджина. Котораго мы идемъ спасти отъ гибели.

лэмберть. Знаете-ли что делается? Все говорять, будто вы отреклись.... тотчасъ при этомъ слухъ, Монкъ, который стрыляль въ своихъ и разгоняль собственныхъ приверженцевъ, Монкъ, котораго надежды рушились навсегда, велълъ провозгласить своимъ солдатамъ на лондонскихъ улицахъ Карла II королемъ Англіи!

леди реджина. Какъ! выигралъ Карлъ!

ричардъ, цитавшій въ это время буману, поданную ему Сайденэлюму. Да, миледи, но онъ думаеть, что выиграль черезъ васъ, черезъ вашу преданность! Я писалъ ему, что на отречение ръшили меня ваши совъты и ваша дестани усланий, основными палостинь, сем вожуда

намы в не буду-же я свидътелемъ этого отречения, хоть-бы долженъ взорвать на воздухъ Уайтъ-Галль. Монка, и весь дворъ!

ричардь. Не ділай этого.... Тыг много потеряещь въ акть, подписанномъ рукою Стюарта: онъ предлагаетъ мить первое по себъ мъсто.... и я отказываюсь!... (Пожимая руку Елены). У меня есть нъчто лучшее!... Но, по моей просьбъ, онъ оставляетъ всъмъ моимъ друзьямъ, офицерамъ Кромвеля, ихъ титулы, достоинства, отличія.... Мало того, онъ дъластъ Лэмберта герцогомъ Норфольскимъ, губернаторомъ Девоншейра, первымъ коммиссаромъ казначейства.... лэмберть, ст радостью. Возможно-ли!

when white surery comerc sometro and

ричардъ. Теперь, когда я увеличилъ твое богатство и знатность, когда при дворъ Стюарта ты все... позволишь-

ричарав. А вотъ.... слышите крики?

apment.... SRAEHIE X.

IZ ZIRZLER За сценою слышны крики: «Да здравствуеть Королы! » Входять множество офицеровт и Эфранть, вт бышенствы. Money, Kapate, Hapoda, separentes e serrogene, manuar nenolo

эфраниъ. Это низость, измъна!

- ричардъ. Я не могу дать вамъ удовлетвореніе, мистеръ

Эфраимъ.... Обратитесь къ Стюарту!

эфранмъ. Я подаю въ парламентъ голосъ за Монка, а онъ провозглашаетъ Карла II! Опять правительство, у котораго я въ немилости и которое ничего для меня не сдълаетъ.... Только однъ измъны на-свътъ!...

ричардъ. Въ первый разъ мы съ вами сходимся во мнъніяхъ! (Обращаясь ко офицерамо, вошедшимо и окружающимъ Лэмберта). Гаррисонъ, Людловъ, Флитвудъ, и вев вы, друзья батюшки и мои.... разръшаю васъ отъ вашей прислги! Будьте вёрны Стюартамъ, какъ мив самому! Позволяю вамъ, республиканцамъ, быть роялистами!... Оставляю навсегда дворецъ.... (Береть Елену за руку). И на порогъ его найду вновь счастіе, которое оставиль на немъ....

(Уходить съ Еленою въ дверь на-право; между-тъмъ крики за сценою возобновляются). Інтовія вода

логдъ пингоддокъ входить въ дверь съ конца. Король, господа! Король!... Да здравствуеть Монкъ! да зравствуеть король!... !птоопот в трассия ствуеть король!...

Эфганив, вы-полюлоса, между-тымы какы народы толпами тъснится въ дверь на-концъ. Замолвите за меня слово Его Величеству!

логаъ пипроддокъ. Я съ вами больше незнакомъ, мой милый! Когда настанеть день суда, каждый долженъ получить награду или наказаніе за мивнія, какихъ дерsame fortunardi... (Ydaprems no every topde Undanam эфраниъ. Да я держусь всъхъ!... точно также, какъ Монкъ!... и я ничто.... а онъ герцогъ, министръ.... Вотъ! слышите?

(За сценою и на сцень, повторяють крики: «Да зравствуеть Монкь! да здравствуеть Король!... да здравствують Стю-арты!...»

BU CHEN OF CHANGE AND CHANGE TO STREET OF THE STREET

Лэмбертъ, Эфранмъ, Леди Реджина, Лордъ Пинроддокъ, Монкъ, Караъ. Народъ, мужчины и женщины, знатные господа и дамы, идутъ впереди и вокругъ Монка и Карла, входящихъ въ дверь на-концъ сцены. Махаютъ платками. За сценою слышны колокола и барабаны.

карль, среди криковт: «Да здравствують Стюарты»! разкланивается со встями головой и рукою. Народъ мой.... добрый мой народъ!... върные мои Англичане!... да.... да.... вижу всъхъ старыхъ друзей!... (Проходить мимо Лэмберта, Гаррисона, Десборо и Флитвуда, которыхъ привътствуеть ласковыми улыбками). И другихъ.... новыхъ, но тъть не меньше любезныхъ мнъ!... Генералъ Монкъ, герцогъ Эльберметль, вашей храбрости, особенно вашему благоразумію, обязаны мы престоломъ; вы простерли до героизма свою преданность; разогнали, какъ мятежниковъ, тъхъ, которые хотъли провозгласить васъ главою государства! объявили измънниками двалцатерыхъ-двухъ членовъ парламента, которые требовали для васъ власти!...

эфраниъ, про-себя. Ужъ это слишкомъ!

карлъ. И Монка въчно будетъ поминать исторія, какъ героя, какъ образецъ върности!

монкъ. Могу, по-крайней-мфрф, сказать, Государь, что десять лътъ старался я объ этомъ славномъ возстановления....

карлъ. Знаемъ это! (Подходить къ леди Реджинь). Ваша, миледи, преданность къ намъ также заслуживаетъ отъ насъ всей признательности... (Въ-полюлоса). Ахъ! даже большаго!... (Ударлеть по плечу лорда Пикроддо-

ка). Вотъ еще върный слуга, другъ своего короля! Жалую ему всю мою довъренность....

логдъ пингоддокъ, ез-полюлоса. И губернаторство

Мэйлльсекса....

карлъ, ст огорченными видоми, тихо. Оно дано Мон-

логать пингоддокъ. А Девоншейра?...

лордъ пинроддокъ. А мъста камергеровъ?...

караъ. Розданы Флигвуду, Гарриссону, Людлову.... они были враги.... нужно упрочить ихъ върность.... А ваша ужъ испытана.... (Леди Реджинъ) какъ и ваша, миледи!... (Подходитъ къ Эфраиму). Васъ-же, сударь, который, упорствуя въ ненависти къ королевской власти.... подавали голосъ противъ меня, въ то самое время, когда цълая Англія объявляла себя въ мою пользу.... васъ я не надъюсь и не хочу склонять на свою сторону; но уважаю ваши мнънія, потому-что они совъстливы.... и жалую вамъ.... (Эфраимъ клаилется) прощеніе!

эфраимъ, про-себя. Только-то!

логдъ пинроддокъ. За все, что я сдълалъ!... О небла-

леди реджина, про-себя. Того-ли я ожидала!...

эфранмъ. Онять пришлось бороться съ правитель-

всв, махая шляпами и платками. Да заравствуеть Стюарть!... да заравствуеть король!...

ениютельно банко (Занавист опускается). в ней сля выстаной и при сля выправления выправлен

constant administration of the control of the contr

ты сти те думати выбратать ил со старовы изый, бы пристаій Олей ветла румасти из силь, порожиенисть обстоянськегизми, их коихъ нахозимись ови, отвичали ихи произведенія. Такъ Майерь и Пасръ, живийе их Германіи, прабликались къ писац Моларта; Фіоратанти вильт за образець Гумастьщи; в Фариниеля, нодражаль Чичейоть — Изъ векум сихъ имень; таровиті П- ка). Вотъ сще върный слуга, пругъ своебо короля! Жалую сму всю мою довъронность.... дотдъ пинголдокъ, въ-полюдоса. И пубериаторство

пледъ са опорисипация сидома, тико. Оно дано Мон-

Философія и исторія музыки.

torer, nunrottone. A fenouncilpate.

rogapuoera rocygapelii

еще А.... агронал сти отрочно упрочить их вень, мадеужь испытана. РОССИНИ. выша, мадеотог дергу под стану выпольный пото-

Жизнь его. — Музыка. — Достоинство музыки. — Недостатки. — Вліяніе на искусство. — Подражатели.

рый, упоретичя из ненавнети из короленской власти...

уважаю вание миллія, поточу-что они совъстивы, се и жалую вахъ... /Эфранце в Трасшев) происсые!

время Благопріятствовало появленно россини.

Самый блистательный періодъ драматической музыки въ Италіп миновался. Трое геніальныхъ современниковъ: Гульельми, Паэзіелло и Чинароза обогатили сцену сочиненіями прелестными, —образцами пінія, пріятности, ума и оригинальности. Даровитъйшими послъдователями ихъ были: Майеръ, Паеръ, Фаринелли, Фіораванти, Николини и Натиолини. Но какъ велико разстояніе, между способностію и геніемъ! Довольствуясь, съ большимъ или меньшимъ успъхомъ, подражаниемъ образцамъ, бывшимъ у нихъ передъ глазами, - музыканты сін не думали изобрътать ни со стороны пънія, ни дъйствія. Однъ легкія разности въ стиль, порожденныя обстоятельствами, въ коихъ находились они, отличали ихъ произведенія. Такъ Майеръ и Паеръ, жившіе въ Германіи, приближались къ школ'в Моцарта; Фіораванти взяль за образецъ Гульельми, а Фариннелли подражалъ Чимарозъ.-Изъ всъхъ сихъ именъ, даровитъйшіе композиторы были: Майерт и Паерт. За тымъ нікоторые, менъе извъстныя имена, встръчаются между компонистами, писавшими съ 1790-го по 1812-й годъ. Таковы: Федеречи, Моска и Ньеко (Gneco). Словомъ, хотя италіянскія школы, подъ конецъ XVIII-го стольтія, и произвели достойных уваженія композиторовъ; но ихъ творенія, - при вебхъ прикрасахъ, - не отличались однакожъ никакимъ особеннымъ качествомъ. Какая-то вялость тяготила италіянскую музыку: ее любили всегда, но такъ, какъ любятъ предметы, къ коимъ привыкли. - Достойно замъчания предположение, что болъе уже ничего не оставалось дълать! Думали, что искусство достигло совершенства, и что нътъ для него другаго пути, кромъ возвратнаго! Нуженъ былъ человъкъ съ дарованіемъ, для доказательства противнаго, и человекъ этотъ явился. -Такъ было въ Италіи. — ументи ви — отобови вотобили

Въ тоже время, въ Германіи царствоваль Бетховень, имя котораго тотчасъ возбуждаеть идею о генів независимомъ, оригинальномъ и естественномъ, иногда своенравномъ и затъйливомъ, но безпрерывно-дъйствующемъ на умы своихъ соотечественниковъ вліяніемъ, которое завело ихъ за извъстныя границы; - отъ чего и кажется, что не возможно шагнуть далье, не переставъ быть понятнымъ! - Не входя въ подробное суждение о твореніяхъ Бетховена, * ограничусь только зам'вчаніемъ, что сочиненія его, въ отношеній къ музыкъ, то-же, что произведенія Гете, въ отношеніи къ литературъ. Сходство, мив кажется, поразительное! Часто таже возвышенность мысли, таже независимость плана; иногда такая-же неопредъленность мечты, такое-же забвение началъ самыхъ положительныхъ. То простота, самая изысканная, или тонъ самый высокопарный; наконецъ, часто стиль увлекательный, а иногда — непостижимый! — Какъ-бы то ни было, но обстоятельства, кои воспрепятствовали-бы развитію идей Бетховена, если-бы онъ родился 50 годаворотъ, розобиорлоніе пенуския, Икраїниская зачина

seordicano implemente se rema anocados anistosoasos

^{*} Желающіе получить полное понятіе о твореніяхъ Бетховена, могутъ прочитать «Revue musicale» томъ 1-й.

ми раньше, —удивительно пособили ему, въ то время, когда онъ существовалъ. Система трансцендентальности идей, которую Кантова философія ввела въ моду; новое направленіе, данное умамъ сочиненіями Шиллера и Гете — все способствовало къ тому, чтобы заставить съ энтузіазмомъ принять композиціи, въ которыхъ видно стремленіе миновать общія правила. Успѣхи Бетховена проложили дорогу молодымъ музыкантамъ; каждый старался по ней слѣдовать. А такъ-какъ трудно остановиться въ этомъ музыкальномъ романтизмъ, то и кончили тѣмъ, что образецъ нашли слишкомъ простымъ и переступили границы, въ которыхъ онъ остановился. — Словомъ, послѣдователи его и подражатели впали въ крайность.

Около того-же времени революція, произведшая столько перемънъ во Франціи, должна была подъйствовать на искусства вообще, — на музыку въ особенности. Волнуя иден, она приготовляла артистовъ къ произведеніямъ, а публику къ слушанію музыки мужественнюй, соотв'ьтственно ощущеніямъ, къ коимъ непримътно привыкли. Такому расположению должно приписать внезапное измъненіе въ стиль французской музыки, произшедшее около 1790 года, и усибхъ новой методы, которая прославилась при посредствъ Меноля и Керубини. По системъ сей следовали Лесюэръ, Бертонъ и Спонтини. Наконецъ французская школа расширила свою область, она уже имъла свойственный себъ стиль, сходный съ чувствованіями націн, по своей энергін. Вся Франція была въ какой-то лихорадкъ, побуждавшей всъ искусства из системь преувеличенія, которую должно было принять, если кто желаль какихъ-либо усивховъ. Система эта, впрочемъ, обогатила музыку дъйствіями, прежде неизвъстными, и имъла слъдствіемъ усовершенствованіе дарованія инструментистовъй - приставания прис

Однимъ словомъ, состояніе музыки въ эпоху явленія Россини было таково, что непремѣнно требовался переворотъ, возобновленіе искусства. Италіянская музыка нѣкоторымъ образомъ виала въ летаргію; послѣдователи Глюка, Моцарта, Бетховена, Мегюля, Керубини дошли до крайности: отъ преобладанія ученыхъ трудностей, тармоніи нало мелодією, потерялся музыкальный ритмъ; музыка у нихъ явилась однообразною, монотонною, су-кою. Тогда не сомиввались даже, что система, о которой мы скавали выше, породить новую музыку, которая явится изъ Италіи; и отъ соединенія этой системы съ италіянскими мелодіями,— обработанными геніемъ,—родилась музыка Россини!... Такимъ образомъ, для того, чтобы вывесть италіянскую музыку изъ летарій и дать новое направленіе искусству вообще, нуженъ быль человъкъ съ геніемъ, и человъкъ этотъ явился.

Необыкновенная странность судьбы человъческой: однъ и тъже умственныя способности возводять обладающаго ими на высшую степень славы, или оставляють во мракъ, - смотря по обстоятельствамъ, въ которыя участь бросить человъка! Моцарть не имъеть себъ равнаго, — однимъ шагомъ миновалъ всъхъ посредниковъ, которые должны были существовать между простою му-зыкою предшественниковъ его и его собственною; но въкъ Моцарта не былъ пріуготовленъ слушать его: онъ опередилъ время, — оттого увидълъ талантъ свой непризнаннымъ. Одна тънь великаго артиста вкушала онміамъ, сожигаемый на алтаряхъ его. Россини, осыпанный дарами отъ природы и руководимый счастіемъ, долженъ вполнъ чувствовать цъну времени, въ кото-рое онъ родился. Будучи современникомъ Чимарозы, Паэзіелло, онъ долженъ былъ-бы довольствоваться славою раздъленною; но глаза его увидъли свътъ тогда, когда глаза тъхъ великихъ людей, готовы были закрыться, и слава его затмила всякую славу! Явись Россини во-время Моцарта, онъ еще менъе былъ-бы по-нятъ, чъмъ самый Моцартъ.—Природа назначаетъ пере-мъну наружнаго вида вещей: это истинно въ отношеніи къ великимъ людямъ, и еще болбе къ темъ, съ которыми обходилась она съ меньшею благосклонностію? Сколько людей съ дъйствительнымъ дарованіемъ не пользовались заслуженною знаменитостью, потому-что время появленія ихъ имъ не благопріятствовало! Такъ два брата Оргитано, Дженерали, Морлакки и друг. увидъли поприще свое въ предълахъ нъсколькихъ мъстныхъ успъховъ въ Италіи; — остальной музыкальной міръ не зналъ объ участіи ихъ въ драматическомъ перевороть, произведенномъ Россини. А это потому, что едва открытія ихъ стали извъстны, какъ явился страшный соперникъ и приковалъ къ славъ имени своего самыя нововведенія эти, которыхъ довольно было, дабы доставить тъмъ композиторамъ безсмертіе, между-тъмъ, какъ для Россини, онъ были только побочными.

вое паправляте искусству ввобще, пужень быль человых съ теневъ, и человых этори винася

музыкальное поприще россини и его произведения.

Іоахимо Россини родился 28-го февраля 1792-го года въ Пезаро, небольшомъ городкъ Папскихъ владъній, на берегу Венеціянскаго залива — отъ двухъ бъдныхъ артистовъ Іосифа Россини и Анны Гвидарини. Отецъ его игралъ на волторнъ въ оркестрахъ маленькихъ городовъ, гдъ жена была, въ качествъ seconda donna; въ промежутки театральнаго времени, возвращались они въ бъдный Пезарскій домикъ. Въ 1799 году, родители Россини отвезли его въ Болонію, но онъ началъ тамъ учиться уже въ 1804-мъ году—одиннадцати лътъ. Первымъ учителемъ его былъ нъкто патеръ Андожело Тезеи. Отъ него научился онъ искусству пънія, акомпанированія и нъсколько контрапункціи. Менъе нежели въ три года, сдълалъ онъ довольно успъховъ и былъ въ состояніи играть на фортепіано въ оркестрахъ нъкоторыхъ небольшихъ городовъ (Люго, Форли, Синигалія), гдъ акомпанировалъ матери своей въ 1806 году. Въ слъдующемъ году Іоахимо поступилъ въ Болонскій лицей и бралъ музыкальные уроки у Патера Маттеи, —который былъ образователемъ большей части музыкантовъ въ Италіи.

Три композитора: Рафаэль Оргитано, Дженерали, Морлакки, казалось, предназначены были господствовать на лирической сценъ Италіи. Какъ вдругъ, молодой че-

^{*} Замвчательно, что въ томъ-же году, въ декабрв мвсяцв, умеръ Моцартъ

новѣкъ, двадцати лѣтъ, поставившій двѣ маловажныя оперы, «La Cambiale di Matrimonio», въ Венеціп 1810 г., и «Еquivoco Stravagante», въ Боловіп 1811 г., вывелъ на сцену, въ Венеців, въ 1812 году, оперу свою, l'Ingan-по Felice». Въ ней нашли изобрѣтеніе, вмѣстѣ съ заимствованіемъ, смѣлость съ робостію, пѣніе удачное, изящный оркестръ и тріо—образецъ пріятности и комическаго жара. Человѣкъ этотъ былъ Россини. Еще въ 1808 г. услышали первое его произведеніе, состоявшее изъсимфоніи и кантаты «il Pianto d'armonia», а въ 1809 г. онъ написаль первую оперу «Demetrio e Polibio», которая представлена въ Римѣ въ 1812-мъ-же году. За «l'Ingan-по Felice» слѣдовала ораторія «Ciro in Babilonia» написанная въ Феррарѣ; потомъ явились, въ Венеціи, оперы-фарсы: «la Scala di Seta» и «l'Occasione fa il lardo.»

писанная въ Ферраръ; потомъ явились, въ Вененци, оперы-фарсы: «la Scala di Seta» и «l'Occasione fa il lardo.» Въ 1813 году Россини написалъ тоже оперу-фарсъ «Figlio per «azardo»; наконецъ, во время карнавала, поставленъ въ Венеціи Танкредъ (Tancredi). Въ этой оперъ было почти совершенное преобразованіе важной оцеры; въ ней сильнымъ блескомъ сверкало воображение юное, дъвственное, пъніе сладостное, оркестръ восхитительный; въ ней было то новое, чего отвожду требуютъ отъ артистовъ, — но чемъ редко въ состояни подарить они! Заимствованное Россини помъстилъ съ такимъ умъньемъ, что оно имъло всю въроятность принадлежности ему. Есть, впрочемъ, въ первомъ дъйствін хоръ, въ которомъ мысль и расположенія, безъ околичностей, взяты изъ Моцартовыхъ «Noces de Figaro». Успъхъ Танкреда превзошель всв ожиданія. Восторгь отъ музыки этой онеры доходилъ до безумія; она сдълалась до того народною, что лазарони и нищіє п'єли по улицамъ мотивы изъ Танкреда, выпрашивая себь милостыню. За Танкредомъ дена была, въ Венецін, «l'Italiano in Algeri». Эта опера поставила Россици, въ Италіи, на первое м'єсто между современными ему композиторами. Въ ней есть прекрасная каватина (languir per una bella); дуэть, одинъ изъ лучнихъ мъстъ у Россини, стилю которато онъ подражаль потомъ въ идеъ квартета, въ первомъ дъйстви Чеперентолы (Zitto, itto piano - piano); финалъ перваго Кв. V. - 13.

дъйствія исполненъ комическаго жара, — это истинно театральное мъсто, много теряющее въ залъ. Въ томъ-же году Іоахимо написалъ «Pietra di Paragone». Нъкоторые почитаютъ оперу эту за одну изъ лучшихъ его комическихъ оперъ. Она имъла чудеснъйшій успъхъ.

Въ 1814 году явилась, въ Миланъ, «Avreliana in Palmira». Опера эта не имъла успъха. Введеніе есть одно изъ лучшихъ мъстъ у Россини. Идея перваго хора (sposa del grande Osiride), впослъдствін, помъщена имъ въ каватинъ Севильскаю цирюльника (ecco ridente il cielo). Мысль употребить напъвъ священнаго хора для серенады любовника своей возлюбленной, есть шутка, которая чудесно живописуетъ характеръ знаменитаго маэстро!-«Il Turco in Italia» и «Sigismondo», -одна въ миланъ, другая въ Венеціи. Первая опера сначала не пошла, а потомъ принята съ восторгомъ. Tpio (un marito scimunito), дуэть (per piacere alla signora) и квинтеть во второмъ дъйствін (o guardate che accidente) — превосходны. Sigismondo не имъла усиъха; — изъ ней наиболъе извъстна одна только арія, пътая даже и у насъ, въ Петербургъ, какою-то любительницею музыки.

Въ 1825 году явилась *Елисавета* (Elisabeth) — опера серьозная. Это былъ первый опытъ Россини въ Неаполъ.—Опера эта имъда успъхъ.

Въ 1816 году написаны въ Римъ: Торвальдо и Дорлиска (Torvaldo е Dorliska) — опера серьозная, сочинение посредственное, успъха не имъла, и Севильскій Цирюльникъ, (Barbiere di Seviglia) — образцовое произведеніе и лучшая изъ его комическихъ оперъ. Твореніе это, по уму, пріятности и обилію идей, въ немъ заключающихся, по богатству и разнообразію мотивовъ, по выраженію дъйствія драмы и характеровъ дъйствующихъ лицъ,—навсегда останется камнемъ преткновенія для всъхъ, желающихъ написать что-либо въ подобномъ родъ! Прекрасная опера эта обошла цълый міръ. За симъ слъдовала опера-фарсъ «La Gazetta» — произведеніе незначительное и успъха вовсе не имъла. Опера сія поставлена въ Неаполъ, гдъ потомъ явился «Отелло» (Othello). Ита-

ліянцы почитають это произведеніе образцомъ лирической трагедіи. Стиль его совершенно отличается отъ стиля «Елисаветы». Въ немъ болье драматической истины, иден лучше раскрыты, ощущенія, возбуждаемыя ими, живье и разнообразнье. Вообще «Отелло» есть одно изъ лучшихъ произведеній Россини; интродукція къ 3-му акту и весь этотъ актъ превосходны.—Въ семъ твореніи Россини началь измынять методу свою длинными развитіями, введенными имъ въ важныя оперы, великольпіемъ оркестра, болье шумнаго,—методу, улучшенную потомъ въ Моисеъ, Магометь, Зельмирь и Семирамидъ....

Въ 1817-мъ году явились Ченерентола (Cenerentola) въ Римѣ и Сорока-воровка (Gazza ladra) — въ Миланѣ. Первая, опера комическая, имѣла величайшій успѣхъ во всѣхъ столицахъ Евроны. «Сорока-воровка» тоже всѣмъ извѣстна: — опера полуважная и исполненная красотъ первостепенныхъ. За ними, въ томъ-же году, написана для Неаполя «Армида» (Armida). Оперу эту находятъ слабѣе «Сороки-воровки», хотя въ ней есть нѣсколько прекраснѣйшихъ дуэтовъ.

Въ 1818-мъ году написаны слъдующія оперы: «Adelaide di Borgogna» (для Рима), «Agina ossia il califfo di Bagdad» (для Лиссабона), «Mose in Egitto» и «Ricciardo e Zoraide»— (для Неаполя). Всё эти оперы, за исключеніемъ «Моисея», мало извёстны, и имёли небольшой успёхъ; въ «Ricciardo» есть прекрасное тріо. Что касается до «Моисея», то эта превосходная, по всёхъ отношеніяхъ, опера пріобрёла успёхъ европейскій. Всёмъ изв'єстна геніальная молитва Моисея!...

моисел:...

Въ 1819 году явились въ Неанолъ «Ermione» и «Donna del Lago». Первая имъла успъхъ не большой, а вторая совершенно упала и на другой день исчезла. — «Eduardo e Cristina», въ Венеціи, составлена изъ отрывковъ прочихъ оперъ.

Въ 1820 году. «Bianca e Faliero», въ Миланъ, имъла усиъхъ средственный; заключаетъ въ себъ прекрасный квартетъ. Въ томъ-же году поставленъ въ Неанолъ «Маоmetto secondo». Опера эта, несмотря на то, что имъетъ много превосходныхъ мъстъ, сначала была принята холодно; въ-послъдствия производила восторгъ ведичайшій.

Въ 1821 году Россини написалъ для Рима «Matilde di Shabran», въ которой есть прекрасивиний секстетт.

Въ 1822 году, Зельмиру (Zelmira), въ Венеціи. Эта партиція считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній, относительно изобрътенія и раскрытія идей. Успъхъ величайшій.

Въ 1823 году явилась, въ Венецін-же, Семирамида, (Semeramide) также превосходная опера, заключающая въ себъ много геніальныхъ мъстъ.

Въ 1824 году Россини женился на пъвицъ Кольбранъ и отправился въ Въну. Потомъ посътилъ Англію и Францію, принимая повсюду лестные знаки уваженія и удивленія. Наконецъ въ 1825 году онъ написалъ «Il viaggio a Reims» — произведеніе незначительное.

Вообще Моисей, Маюмет, Зельмира и Семирамида, написаны въ болъе строгомъ, обдуманномъ стилъ, чъмъ предшествовавшія его сочиненія, и метода маэстро сдълались ощутительно тяжелье. Произошло-ли это отъ системы или усталости воображенія, — могло открыть одно только будущее!...

«Семпрамидой» Россини окончиль свое музыкальное поприще въ Италіи; опера эта служила залогомъ зрѣлости таланта, который вскорѣ долженъ былъ принять болѣе основательное и серьозное направленіе. — Такъ дѣйствительно и случилось. Россини поселился въ Парижѣ. Здѣсь начался новый рядъ торжествъ для прославленнаго комнозитора; здѣсь талантъ его созрѣлъ и достигъ апотеи евоего творчества. Россини сталъ глубже чувствовать свое призваніе; творенія его получили значеніе болье возвышенное, болѣе солидное. Онъ принялся за изученіе нъмецкихъ композиторовъ, желалъ соединить ихъ глубину съ игривостію и блескомъ своихъ мотивовъ, и основать такимъ образомъ новую школу?...

По приглашенію французскаго правительства, онъ долженъ былъ посвятить труды свои Большой Оперъ въ Парижь. Какъ человькъ умный и сметливый, онъ дебютировалъ на сценъ Большой Оперы прежими своими произведеніями, дабы чрезъ это ивсколько пріучить публику къ своему стилю. Расчетъ его былъ довольно-върснъ потому,-мегко могло случиться,-что таже французская публика, которая восхищалась его произведениями на сцень италіянскаго театра, могла принять его-же произведенія, въ Большой Опер'в, холодно! Въ-следствіе сего и явилась въ 1826-мъ году, на сценъ Большой Оперы, Осада Кориноа, (Le siège de Corinthe), которая есть ничто-вное, какъ тотъ-же Маюметт И-й, съ прибавкою превосходной сцены благословенія знамень и прекрасной увертворы, вновь написанныхъ. За-тъмъ, въ 1827-мъ году, поставленъ передъланный Моисей, съ превосходнымъ финаломъ 2-го акта, также вновь написаннымъ.-Въ 1828-мъ году Россини написалъ Графа Ори (Le comte Ory), комическую оперу, которая была какъ-бы воспоминаниемъ юношескихъ лътъ, шуткою геніальнаго человъка, но шуткою умною, умъренною, полною благороднаго комизма и милой игривости. Партитура этой оперы богата прекрасными мотивами. Вся опера исполнена граціи и веселости. Особенно хорошъ хорт мнимыхъ пилигримовъ, который въ высщей степени оригиналенъ; -- равно превосходно тріо во 2-мъ актъ.

Наконецъ въ 1829-мъ году, на сценѣ большой оперы, явилось послѣднее драматическое произведеніе Россини, лучшее, великое его созданіе—Вильгельно Тель. Предетавьте себѣ не оперу, какъ привыкли понимать это слово въ обыкновенномъ, простонародномъ его значеніи;— но цѣлый міръ возвышенныхъ идей, исполинскихъ образовъ и музыкальныхъ соображеній, совершенно новыхъ и неожиданныхъ;—цѣлый океанъ гармоніи и мелодіи,— и вы получите только слабое понятіе о партиціи «В. Теля». Чтобы вполиѣ оцѣнить это великое созданіе, надобно изучить его въ подробностяхъ, надобно вникнуть во всѣ красоты его и совершенства. Мы полагаемъ, что еслибы Россини не написалъ ни одного изъ предшествовавшихъ своихъ произведеній,—ничего кромѣ «В. Теля», и тогда одно это произведеніе могло-бы пріобрѣсть ему

неотъемлемое право на званіе перваго изъ современныхъ компонистовъ. - Въ «В. Тель» Россини показалъ себя глубокимъ знатокомъ музыки и соединилъ съверную ученость стиля и гармоніи съ южною мелодією; св'єжесть мысли, онъ слилъ съ прелестію выраженія, и мастерски умълъ нридать оперѣ колорить мѣстности; -- согрѣлъ ее теплымъ чувствомъ любви къ отчизнъ, которое составляетъ гордость каждаго Швейцарца!-Явленіе «В. Теля» весьма важно въ исторіи драматической музыки еще и въ томъ отношенін, что день перваго представленія этой оперы быль днеме рожденія новой школы, которой основаніе несправедливо приписываютъ Мейерберу, произведенія котораго явились въ такихъ-же огромныхъ размърахъ, какъ «В. Тель», хотя и въ эклектическомъ родъ. Началъ всеже Россини. Фетисъ старшій сказаль * что Вильгельмо - Тель открыло новое поприще для Россини! Въсамомъ-дълъ, колоссальная музыка, чистые и простые напъвы, богатое, но всегда благоразумное употребление оркестровыхъ эффектовъ, - все вмѣстѣ ясно показало, что «В. Телемъ» Россини проложилъ себъ новый путь,болье естественный, простой и обширный!-Никогда Россини не представляль болье полнаго сочетанія всьхъ достоинствъ; никогда онъ не-былъ такъ постоянно новъ, разнообразенъ, могучъ, чувствителенъ, трогателенъ, глубокъ; никогда не обнаруживалъ онъ такого изящнаго вкуса, о которомъ нынѣ мало говорятъ, потому-что это ръдкое качество притуплено у насъ слишкомъ сильными ощущеніями. Въ этой превосходной музыкъ замъчаются: музыкальныя массы, сильные эффекты, огромные размівры, начертанные могучимъ умомъ, и вмісті съ тімъ чудесный выборъ украшеній, ясность, при безконечномъ множествъ подробностей, чувство приличія, умъстность оттынковы!-Въ «Вильгельмы Тель» не замытно совсымъ. или, если и замътно, то очень-мало, слъдовъ прежняго рода, который потому только доставиль Россини множество почитателей, что ему легко было подражать; -

бы Россий исполнать на одного нат предостиона-

^{*} См. « Revue musicale», 7-го августа 1829 года.

здёсь нёть тёхъ готовыхъ фразъ, тёхъ пошлыхъ модуляцій, тёхъ общихъ мёстъ, — однимъ словомъ всего того, что безобразитъ самыя новыя идеи. Въ этой оперё идеи всегда полны, музыкальная рёчь развивается сама-собою, безъ усилія, и большая часть мотивовъ ведена съ удивительнымъ искусствомъ. Напевы самые полные, мелодіи самыя свётлыя, разливаются огромными волнами. Злёсь тріумоъ Россини!

Перехожу къ частямъ. Увертюра «В. Теля» нисколько не похожа на другія увертюры Россини; въ ней даже нътъ ни одного мотива, взятаго изъ оперы, и она составляеть какъ-бы отдъльную поэму, служащую прологомъ къ піесъ. Извъстны были и прежде нъкоторыя симфоніи, представлявшія подобное соединеніе различныхъ сценъ, но въ твореніяхъ Россини не было тому примъровъ. Эти тихіе звуки віолончелей, неожиданное молчаніе, прерывающіеся раскаты литавръ, завыванія скрипокъ, раздирающіе вопли тромбоновъ, глухой стукъ, предшествующій взрыву, и между-тьмъ сельскіе звуки англійскаго рожка, гобоя и флейты; сигналь трубъ, рѣзкій звукъ валториъ, и наконецъ этотъ гордый воинственный ритмъ, исполняемый огромнымъ оркестромъ, съ такимъ жаромъ, быстротою, точностію, -въ то время, когда, по-видимому, уже истощены всв ощущенія, увлекающій слушателей и сообщающій имъ какъ-бы электрическій толчокъ; эта последовательность идей и положеній,—все вм'єсть составляеть чудную драму, въ кото-рой все принадлежить изобр'єтенію и ничего—уму!—Такова увертюра оперы, въ которой музыкальнымъ языкомъ изложено содержание цълой оперы. Надобно много надъяться на свои силы, чтобы употребить подобные эффекты въ томъ родъ, который могъ-бы сдълаться смъшнымъ отъ множества неудачныхъ или тщетныхъ попытокъ, если-бы не оправдался двумя или тремя произведеніями двухъ или трехъ великихъ именъ. Очевидно, что эта увертюра есть плодъ мгновеннаго вдохновенія! Потомъ слъдуетъ интродукція, -- образецъ прелести, привлекательности, мъстныхъ оттънковъ. Музыка въ ней дышеть чувствомъ чистой нъги, погружающимъ въ какоето очарованіе, которое обольщаеть, но, по-видимому, скоро улетаеть. Знаменитый дуэть въ ті bemol, являющій см'ьлое созданіе, пастораль, брачный хорь, плясовой хорь въ la mineur, и финаль, все вмъсть кипить чувствомъ, жизнію и лействіемъ, блещеть новостію мыслей и выраженій, одітыхъ въ прекраснійшія формы. Второй акть, не большой по объему, есть chef d'oeuvre драматической музыки. Этимъ актомъ Россини смело становится на ряду съ Моцартомъ. За хоромъ Австрійцевъдикимъ и буйнымъ, -- слъдуетъ прелестный романсъ Матильды, въ которомъ скрипки, альты и віолончели по перемънно отвъчають другь другу, и нотомъ, прекрасный дуэть въ ut; клятвенное тріо, расположенное съ такимъ величіемъ и дышащее чистосердечіемъ, вступленіе такое увлекательное, наивы столь трогающій, и финаль этого акта, составленный изъ трехъ огромныхъ хоровъ, которые поются сначала каждый отдельно, а потомъ сливаются въ одно цълое, поражають силою, огнемь и удивительнымъ величіемъ. Кажется, геній музыки не можеть произвесть ничего выше и грандіознъе этого! -Третій и четвертый акты исполнены высокихъ музыкальныхъ красоть и новыхъ эффектовъ. Решитативы «Вильгельма-Теля», сильные, крынкіе, мощные, какъ будто вылитые изъ бронзы, --- не дають останавливаться сценическому двіїствію, и превосходно выражають и живость разговора, и суровые нравы горцевъ. Ясно видно, что, но этимъ образцамъ созданы речитативы Роберта и Гутенотовъ .... година в образа двобрате и почето .... габотонат

Остается зам'ятить, что въ этомъ величественномъ произведения, Россини быль не чуждъ тъхъ первоначальныхъ идей простоты и вдохновения, которыя были изгнаны изъ умовъ безполезнымъ ученьемъ, но къ которымъ, по видимому, увлекаетъ ихъ снова потребность истины. Словомъ, зд'єсь Россини показаль все свое ботатство въ превосходныхъ мелодіяхъ, въ граціозныхъ мотивахъ, въ пиструментовкъ; весь огонь и пылъ своего творчества въ сильныхъ положеніяхъ; всю прелесть и силу своего стиля—въ хорахъ. Эта опера поста-

сова уворгора оперы, на которой муньшальных вист-

вила Іоахимо рядомъ съ великими его предшественниками: Глюкомъ, Мегюлемъ, Керубини и Спонтини!...

«Вильгельмомъ-Телемъ» кончились труды Россини по драматической музыкъ. На сценъ Большой Оперы явился, съ своими эклектическими произведеніями, «Робертомъ» и «Гугенотами», Мейерберъ и привлекъ къ себъ внимание Европы.-На долго-ли-покажеть время, хотя, по-видимому, публика къ нему порядочно уже охладъла, потомучто онъ слишкомъ ръдко даритъ своими произведеніями? Какъ-бы то нибыло, но съ-техъ-поръ Россини, составивъ огромное состояніе, удалился въ Италію, живетъ постоянно въ Болоніи и ничего не пишеть.-Жаль! Россини могъ-бы создать еще много прекраснаго. Говорять, что онъ написалъ оперу, которую завъщалъ сыграть послъ своей смерти: это отзывается нъсколько высокомъріемъ и чувствомъ оскорбленнаго самолюбія; это родъ мщенія измінниці публикі, которая міняеть своих в любимцевъ также часто, какъ покрой платья!... Впрочемъ опасенія Россини не основательны: публика не охладветь къ нему до-тъхъ-поръ, пока чувство граціи и музыки будеть жить между людьми. Россини никогда не состаръется, ибо писалъ не головой, а черпалъ свою музыку изъ воображенія и сердца, и потому ее весьма хорошо можно выразить следующими словами: душа, чувство, воображение, - такой союзъ никогда не старъется!... Въсамомъ-дълъ, не далъе, какъ въ прошломъ году, явилось ero «Stabat Mater» изъ котораго ясно видно, что Россини сохранилъ во всемъ цвъть свои чувства и воображеніе. Stabat Mater написано въ строгомъ стиль духовной музыки, - и, не смотря на толки близорукихъ люлей. — есть геніальное произведеніе, которое въ частяхъ имбеть красоты первокласныя и оригинальныя, хотя въ цъломъ, все вообще, и не проникнуто возвышенностію и тельно, по горима мороче. Вота почрем залонгоотронения чению жоптравущий, она оприменталь, способы приме-

РОССИНИ, КАКЪ ЧЕЛОВЪКЪ И КОМПОЗИТОРЪ; КРАСОТЫ И НЕ-

достатки музыки; вліяніє на искусство.

Тоахимо Россини, по своимъ произведеніямъ, по своей Кн. V. - 14.

плодовитости, по граціи и огненной жизни своего стиля, безъ всякаго сомнівнія, долженъ быть причисленъ къ величайшимъ композиторамъ новібішихъ временъ. — Его жизнь такъ слитна съ его творчествомъ, что произведеній его почти не должно обсуживать, не изучивъ его жизни.

Молодой Іоахимо * съ раннихъ лѣтъ привыкъ къ скитальческой жазни; но это послужило ему, нъкоторымъ образомъ, въ пользу. Онъ былъ рожденъ артистомъ. Съмалольтства въ душт его господствовали безпечность и веселость, которыя характеризують человъка съ высокимъ призваніемъ, съ перваго его шага въ жизни. Пымкое воображение, разсъянность и вольная въга души, были для него лучше всъхъ сокровищъ міра. Онъ помогалъ отцу и матери чемъ могъ и наживалъ иногда и на свою долю конейку; но конейка эта всегда скользила у-него межъ нальцевъ, -- ужъ таково было устройство его рукъ и головы!... Всякая умильная головка вертвла его сердцемъ; каждая молодецкая пирушка кружила ему голову. Неистощимый въ веселости, острякъ и насмъшникъ, запъвала и запивала на вечеринкахъ, двадцатилътній Іоахимо сдълался другомъ молодежи, душою пирушекъ, идоломъ субретокъ, предсъдателемъ оргій: извъстность его началась снизу, и потому вскоръ сдълалась народною. Талантъ музыкальный пришелъ послъ таланта общежительности!... Музыкальное чувство танлось въ душъ молодаго человъка зародышемъ будущаго таланта. Маттен положиль только основание музыкальныхъ знаній Іоахимо. Пылкій характеръ его быль не способенъ къ постоянному напряженію, къ долговременному труду. Россини не былъ рожденъ для строгаго ученія, въ которомъ прямой цели не усматривалъ; ему нужно было наставление практическое, которое хотя не столь основательно, но гораздо короче. Вотъ почему занятіямъ, изученію контрапункцін, онъ предпочиталь способъ приводить въ партитуры сочиненія, кои нравились его уху,

^{*} Очеркъ жизни Россини заимствованъ изъ подробной его біографіи, пом'єщенной въ «Balcon de l'Opera», том'є. 2-мъ.

(напр. квартеты и симфоніи Гайдена и Моцарта), — за что часто получалъ выговоры отъ Маттен. Вкусъ его образовался, въ-послъдствін, самъ собою, —частію изъ своебытныхъ началь, частію изъ созданій великихъ композиторовъ прошлаго времени. Музыка сперва сдълалась его ремесломъ, потомъ любимымо запатиемъ, наконецъ потребностію души! Его природныя дарованія развились вив всякаго школьнаго направленія, чуждыя всякой методы, - самобытно, свъжо и сильно. Этой свободъ висчатявній и мысли, при счастливой своей организаціи, обязанъ онъ разнообразіемъ, полнотою, смітлостію своихъ музыкальных в идей. Такимъ образомъ, чуждаясь каждой избитой колеи творчества, каждой укорен влой системы, Россини, въ своихъ твореніяхъ, следовалъ огненному своему воображенію, прихоти сердца, вольнымъ вдохновеніямъ юности, — и отгого всь его сочиненія получили новый, яркій, оригинальный колорить. Зато въ его твореніяхъ мало соображенія, мало обдуманнаго, мало полнаго. Онъ весь душой и тъломъ отдавался своимъ порывамъ: уму нечего было дълать при такомъ увлечении. Оттого творчество его иногда слишкомъ легко, иногда слишкомъ уже игриво и расточительно, а главное не разборчиво. Часто онъ хваталъ на-лету, безъ строгой взыскательности, каждый мотивъ, который игралъ въ его раздраженномъ воображении, не припаравливая его къ дъйствію оперы, къ положенію лица, къ м'єстности происшествія. Это портить лучшія его произведенія. Такіе недостатки извинялись его молодостью, его пламеннымъ темпераментомъ и частою нуждою въ деньгахъ, —главной пружины въ жизни. У него не было ни времени, ни терпънія, ни довольно воли, чтобы обдумать планъ, сообразить главныя иден, соразм'врить мелодін, принаровить части къ цълому и цълое возвысить надъ частями.

Успъхъ Іоахимо на музыкальномъ поприщъ заставилъ ухаживать за нимъ импрессарієвъ театровъ, а требованія ихъ заставили его работать, какъ поденьщика.—Въ Италін искусства составляють потребность для народа: музыка, живопись, поэзія — его хлъбъ, его воздухъ, его жизнь; тамъ нужна большая дъятельность, большое уси-

ліе творчества, чтобъ удовлетворить ненасытность, и потому скорое пресыщение народа. «Хлъба и зрълищь»! кричить Италіянецъ, вследъ за Римлянами, и вотъ единственная черта характера древняго Рима, упівлевшая въ Италіи!... Къ каждому карнавалу, директоры театровъ должны готовить новое и новое, — не то жаи свистковъ п банкрутства. Каждый изъ нихъ соображается съ составомъ и средствами своей труппы. По ея мъркъ ему нужно создать либретто и музыку новой оперы. — При такомъ положения дълъ композиторъ, если хочетъ усиъха и денегъ, долженъ непремънно сообразоваться съ этими странными условіями, а главное работать на почтовыхъ. - Россини понялъ это очень-хорошо: талантъ его, не имъя возможности развиться въ глубокомъ созданін, ударился на вижшность, на отділку, полировку, огранку мотивовъ и модуляцій. Притомъ, какъ человъкъ геніальный, онъ быль, приличнымъ образомъ, лінивъ; для лівни творчество такого рода самое благодатное, потому-что оно самое легкое. И Россини сдълался ревностивинимъ работникомъ по этой легкой системъ. Полагаясь на плодовитость своего воображенія, онъ обыкновенно откладываль сочинение оперы, какъ можно дальше, и часто до последней минуты, такъ-что не редко писаль свои партитуры въ дорогъ, во время перевзда изъ одного города въ другой. Музыка слагалась у него на-лету: то въ деревушкъ на ночлегъ, то въ трактиръ въ ожиданіи витурина или ужина; или утромъ, во время посъщенія безчисленныхъ друзей, знакомыхъ, - между разговоромъ и шутками, — бутылкой шампанскаго и порціей макаронъ. Въ одну изъ такихъ минутъ вымилась у него превосходная молитва Моисея! Наконецъ онъ кончилъ свой трудъ; но съ концомъ только начиналась настоящая работа? Тутъ надо уръзать арію, потому-что примадонна скоро утомляется; здёсь перемёнить весь мотивъ, потому-что у баритона нътъ нижняго ге и верхняго si; тамъ передълать весь финалъ, потому-что не достаетъ голосовъ въ хорахъ. Словомъ сказать, будучи рабомъ кошелька импрессаріевъ, -Россини былъ рабомъ средствъ и прихотей последняго изъ певцовъ и музыкантовъ.

Нъсколько лътъ сряду Россини скитался изъ одного города въ другой, съ одной сцены на другую: онъ работалъ и ставилъ свои оперы, то въ Ферраръ, Миланъ, то въ Венеціи и Болоніи. Главное занятіе его состояло въ любовныхъ интрижкахъ, праздникахъ и пирушкахъ; въ шалостяхъ, часто достойныхъ героя школьной лавки; музыка и композиція были дъломъ побочнымъ, на досугъ, отъ-скуки, когда не было попойки и волокитства!—Наконецъ онъ сошелся съ извъстнымъ пройдохою Барбаею *, заключилъ съ нимъ контрактъ и поселился въ Неаполъ. — Неаполь надолго привязалъ его къ себъ. Все ему тамъ нравилось: и небо, и воздухъ, и все, что подъ небомъ, — а въ особенности огненныя глазки Изабеллы Кольбранъ, — одной изъ лучшихъ пъвицъ тогдашияго времени, —на которой онъ въ послъдствіи женился.

Изъ представленнаго здъсь очерка можно видъть также; почему нъкоторыя оперы Россини, принятыя холодно вначалъ своего появленія, возбуждали, впослъдствіи, сильный энтузіазмъ?... Все это потому, что Россини часто писалъ свои оперы передъ самою постановкою ихъ на сцену. Копистамъ нужно было переписать партіи, пъвщамъ оставалось очень мало времени для выучки ролей, музыкантамъ для просмотрънія партій, наконецъ, вообще, для дъланія репетицій, — и чего можно было ожидать отъ произведенія, представленнаго публикъ въ такомъ несовершенномъ видъ?

Мы замътили выше, что музыка для Россини спервасдълалась ремесломъ, потомъ любимымъ занятиемъ, а наконецъ потребностью души. Все это имъетъ прямое отно-

^{*} Барбая быль сперва прислужникъ въ кофейнѣ, потомъ буфетчикъ и пѣвунъ, хористъ оперы, наконецъ Наполеонъ италіянскихъ театровъ. Онъ возвысился до директорства двухъ первыхъ театровъ Италіи: San-Carlo и la Scala. Онъ обогатилъ ихъ, на-счетъ италіянскихъ банковъ, которые мастерски умѣлъ срывать:—Россини переселился въ Неаполь и по контракту съ Барбаею обязался поставлять по оперѣ каждые 6-ть мѣсяцевъ. — Похожденія Пезарскаго маэстро съ Барбаею и пѣвицею Кольбранъ — всѣмъ извѣстны!!!...

шеніе въ его произведеніямъ. Вообще, эпоху драматической музыки Россини, по тъмъ перекодамъ, которые замьчаются въ измъненіи его стиля, можно раздълить на три періода: первый начался его оперою «Cambiale di Matrimonio» и кончился «Il filio per azzardo», то есть, когда было ни то, ни се, —когда не было ничего опредъленнаго; второй начался Ташкредомъ и заключился Графомъ Ори, когда опредълился стиль его музыки; а въ третьемъ должно поставить одного Вильгельма-Телл! При внимательномъ и строгомъ разборъ твореній Россини видна ръзкая противоположность въ произведеніяхъ его, во всъхъ сихъ трехъ періодахъ, кои можно опредълить словами: молодость, возмужалость, эрълость...

Если взять во внимание все то, что мы сказали при описаніи жизни Россини, то нельзя строго судить его за легкое увлечение, съ какимъ написацы: Танкредъ, Отелло, Сорока-воровка, Ченерентола, Графъ Ори и прои. Произведенія сін, не смотря на всь свои недостатки, всегда останутся живыми, прелестными импровизаціями человъка геніальнаго, который шутя разбросаль блестки ума и воображенія, поперем'єнно, игривыя, блестящія, нъжныя, часто увлекательныя, - но вообще поверхностныя. За то въ эрълыхъ лътахъ, тотъ-же Россини написалъ: Моисел, Магомета, Зельмиру, Семирамиду и, на-конецъ, Вилыельма-Телл. Одной изъ этихъ оперъ былобы достаточно для славы дюбаго изъ новъйшихъ композиторовъ, даже целой дюжины музыкантовъ! Безспорно, аучшія изъ его оперъ-«Вильгельмъ-Тель» и «Севильскій Цирюльникъ», - которыя навсегда останутся образцами, каждая въ своемъ родъ. - Россини во всъхъ родахъ драматической музыки хорошъ: величественъ въ патетическомъ и высокомъ, -- какъ на пр. въ «Семирамидъ», «Зельмиръ»; нъженъ въ страстномъ, —какъ въ «Танкредъ»; игривъ въ шутливомъ, какъ въ «Севильскомъ Цирюльникъ». Но особенно счастливъ онъ въ выраженіи пламенной любви, упоснія страсти. Туть онь рішительно въ свосії сферв, и если ему, въ півкоторых в операхъ, случалось повторять одиу и ту же мысль, — онъ всегда умълъ найти для нея новый колорить!... Если Россини мало сдѣлалъ для теоріи искусства, если онъ не основалъ новой музыкальной школы, —такъ онъ (бездѣлица!) создалъ свой особенный, ему одному принадлежащій родъ музыки, такъ-сказать, соединивъ въ себѣ одномъ всѣхъ италіянскихъ композиторовъ, ему предшествовавшихъ; своими граціозными вдохновеніями привелъ искусство въ движеніе, далъ ему новую жизнь въ Италіи, увлекъ за Италіей всю Европу, владѣлъ ею деспотически 20 слишкомъ лѣтъ и образовалъ множество великихъ пѣвцовъ, между которыми имена: Пасты, Фодоръ, Малибранъ, Момбелли, Зонтагъ, Гризи, Персіани, Гарсіи, Донцелли, Лаблаша, Тамбурини и друг., занимаютъ первыя мѣста.

Появленіе Россини въ исторіи музыки составляєть нажиую эпоху. Необыкновенный успъхъ его произвелъ реакцию вз искусствы, которая очень-легко объяснится, если обратить внимание на состояние музыки въ то время. Глюкъ и Моцартъ открыли міру непсчерпаемый источникъ сокровищъ инструментовки и гармоніи. Последователи и подражатели; -- какъ подражатели каждаго генія, -употребили во-эло эти сокровища. У нихъ явились ученыя трудности, перевъсъ гармоній или модуляцій, который нарушиль всякое эстетическое равновъсіе въ частяхъ, всякую скрытую симметрію, составляющую существенный элементь граціи въ каждомъ творческомъ искусствъ. Кромъ того, усиленіемъ голосовъ, натяжками, искусственностію, они отдалились отъ естественной простоты, а звукоподражаніями умертвили фантазію и привели искусство въ упадокъ. — Вкусъ къ произведеніямъ Бетховена, Керубини, Мегюля, Спонтини также увлекъ толны подражателей, которые обратили искусство писать великія созданія въ родъ какой-то архитектурной постройки, на извъстныхъ данныхъ, изъ казеннаго матеріала. Родилось однообразіе, монотонность, вялость; эстетическое ухо требовало отдыха; душа жаждала новыхъ впечатлъній; однимъ словомъ, переворотъ, возобновленіе искусства, сдълались необходимыми. Въ эту минуту явился Россини, съ своимъ неистощимымъ запасомъ вкуса, олушевленія, вымысла, блеска, граціи, и щедрою рукою началъ разсьшать цвёта поэзіи, жемчужины своихъ бёглыхъ вдохновеній. Невольно къ нему обратились все сердца; его произведеній не судили строго, какъ не судять, остеръ или нёть инструменть, которымъ снимають съ насъ оковы, лишь-бы мы были безъ цёпей и могли вздохнуть свободнёе. Но если предшественники Россини дошли до крайности въ своемъ родь, то и онъ, въ противоположность къ нимъ, составилъ также полюсъ, другую крайность. Предшественники его слишкомъ строго слёдовали формуламъ,—онъ за то не слёдовалъ ничему, кромѣ правила Дидро: «Бросаю мысли мои на бумагу и пусть изъ нихъ выйдетъ, что хочетъ». Прекрасная философія для безсознательнаго генія, но плохая для искусства.

Народность музыки Россини удивительна. Съ тъхъ-поръ, какъ въ Италіи начали являться его произведенія, всё сочиненія его предшественниковъ исчезли со сцены. Сами Нъмцы принуждены были уступить прелестямъ этой восхитительной музыки; въ Англіи долгое время превосходство ен не было оспариваемо!... Ни одна музыкальная слава не составилась такъ быстро, какъ слава Россини.—Въ этомъ отношеніи онъ настоящій завоеватель: въ самое короткое время, всенобъждающіе звуки его оружія пронеслись съ одного конца Европы на другой, отъ береговъ Адріатики до скалъ балтійскихъ, —вся Европа была окована его мелодическими цъпями.

Россини обладаетъ великимъ умомъ, огромною памятью, сильнымъ воображеніемъ и большимъ вкусомъ, — словомъ голова его и сердце созданы для музыки! Основаніе его музыки или, лучше сказать, фактура ея, безспорно, болье мелодическая; произведенія его заключаютъ въ себъ не-исчернаемый источникъ мелодій, изъ коихъ формы нъкоторыхъ онъ создалъ самъ. Здъсь тріумфъ Россини! Въ этомъ отношеніи ни одинъ композиторъ не превзошель его и даже, можетъ-быть, не сравнялся съ нимъ. У кого можно найти въ одномъ произведеніи, (наприм. въ «Вильгельмъ-Тель») столько мелодій? Есть напъвы, удивляющіе своею чистотою, изяществомъ, выраженіемъ у Моцарта, Чимарозы, Паэзіелло, Паера, Мегюля, Вебера и проч.; но мы смъло скажемъ, что никто не создавалъ

ихъ въ такомъ огромномъ количествъ; никто не умълъ округлять мотива съ такою полнотою, обрисовывать съ большимъ изяществомъ, и въ morceaux d'énsemble проводить, последовательно, и съ такимъ искусствомъ, отъ баса къ тенору, отъ тенора къ сопрано, потомъ вводить его въ оркестръ, такимъ образомъ, чтобы изъ этого соетавлялись самыя восхитительныя гармоническія группы. Здъсь не одно только сухое, школьное знаніе, но знаніе генія, котораго изучить нельзя. — Словомъ располоэксение голосовъ и сочетание ихъ съ оркестромъ играетъ важную роль въ музыкъ Россини и въ этомъ отношении, онъ не имъетъ себъ соперника!-Его пъніе, его речитативы, его хоры-могущественны, и при всемъ этомъ онъ богатъ гармоническими оборотами оркестра! Съ такими средствами онъ умѣетъ возбудить дъйствіе, оживить его огнемъ своего генія;--но вдругъ, когда вниманіе слушателя наиболье напряжено, онъ останавливается, забываетъ дъйствіе, предается исключительно пънію, дълается концертистомъ, и своими нескончаемыми andante и adagio мертвитъ драму. -- Конечно, переходомъ къ движенію живому, скорому, снова возвращается къ дъйствію и возбуждаетъ внимание еще сильнъе, подобно электрическому толчку; при томъ голоса его расположены съ такимъ искусствомъ, пъніе такъ изящно, что можно-бы допустить въ искусство даже и эту нельность, если-бы она не повторялась слишкомъ уже часто, и если-бы мъста такія были мен'ве продолжительны. По особой тщательности въ обработкъ подобныхъ мъстъ видно, что онъ ему самому правятся, питаприциой пронозви запатац жи для о

Для того, чтобы ощутительные вызсказать, что сдылаль Россини для музыки, показать недостатки и вліяніе его на искусство, необходимо войти въ накоторыя подробности.

-эко сіпежни совдення топі типов стави зазом -зв атпечення в. Вещественныя средства: достави сого

Въ самомъ началъ статьи мы сказали, что обстоятельетва благопріятствовали Россини;—можно-бы присовокуцить, что оборотъ ума его былъ неменье благопріятенъ Кн. V. — 15. его успѣхамъ. Моцартъ, артистъ страстный, составлялъ музыку по тому, какъ ее чувствовалъ: онъ писалъ собственно для себя и брался за предметъ не шутя, не воображая, что можно заниматься угожденіемъ и другимъ лицамъ, кромѣ тѣхъ, которые чувствуютъ музыку, равно и тѣхъ, кои судятъ объ ней съ знаніемъ причины. Если видѣлъ, что какое-либо сочиненіе его не имѣло успѣха,—запирался дома съ нѣсколькими друзьями, разыгрывалъ и, довольный похвалами ихъ, болѣе не думалъ о бѣдѣ. Словомъ, это былъ человѣкъ, менѣе всего способный къ удачѣ, почему и не имѣлъ счастливаго успѣха, по-крайней-мѣрѣ, при жизни.

Россини, можетъ-быть, также началъ; но, при развившемся таланть общежительности, онъ не опоздаль замытить, что было пріятно и что не нравилось публикъ, -и тотчасъ ръшился избъгать одного и изыскивать другое. Проницательнъйшій умъ, совершенство прелусмотрительности въ поступкахъ и сочиненіяхъ, пособляли ему предъугадывать потребность публики; о прочемъ онъ не безпокоился!... Вотъ тайна находимыхъ въ партитурахъ его небрежностей, надъ которыми онъ смъется первый.-Подобные расчеты ръдко дълають люди съ геніемъ, -но все доказываеть, что Россини имъеть геній. Опредъленныя и всегда похожія расположенія его арій, дуэтовъ, хорныхъ піесъ; crescendo, такъ часто повторяемыя; однообразныя мерности, постоянно употребляемыя въ последнемъ движеніи многихъ месть; акомпанименты отрывистыми аккордами духовыхъ инструментовъ; множество фугъ въ октаву; наконецъ безпрерывныя модуляціи въ минор'ь верхней терціи, - очевидно все это превратилось въ систему, бывъ прежде вдохновениемъ. Впрочемъ многія изъ этихъ вещественныхъ средствъ не принадлежатъ Россини: crescendo есть изобрътеніе старое, которому Моска далъ новую форму (поступательное движеніе оркестра при ход'в единообразнаго баса); акомпаньементъ аккордами валториъ и фаготовъ, въ первый разъ употре-бленъ Моцартомъ въ andante большой симфоніи въ ut; переходъ въ минорный тонъ былъ твореніемъ Маіо,переходъ сей употребляли многіе музыканты прежде,

чёмъ Россини родился, — но до него, этимъ средствомъ, нользовались лишь изрёдка и съ осторожностію. Онъ первый замьтиль, что предметы присволются чрезъ частое ихъ употребленіе; усмотрьль, что съ большею силою действуетъ на людей ощутительная мерность; наконецъ узналь, что, при смене модуляцій, гораздо выгодней держаться той, коею ухо мене утомлено, нежели следовать способу обыкновенному, состоящему въ переходе отъ доминанты въ мажоръ или въ миноръ—относительный. А такъ какъ все это мешаль онъ съ безчисленнымъ множествомъ счастливыхъ выраженій, драматическихъ вдохновеній, и наконецъ, съ какою-то особенною экивостію, доставляющею успехъ, то и кончиль присвоеніемъ всего заимствованнаго и прощеніемъ за свои повторенія....

Подражатели его не мало способствовали сдёлать публику равнодушною къ показаннымъ здёсь недостаткамъ, о которыхъ музыканты подымали большой шумъ! По словамъ множества критикъ, во всей музыкъ Пезарскаго маэстро были одни только средства вещественныя, которыя онъ часто употреблялъ и повторялъ даже до излишества, и которыя доставляли ему способы писать сочиненія въ короткое время!—Но вещественныя средства составлянотъ принадлежность общую: Пачини, Ваккаи, Донидзетти и многіе другіе часто употребляли тёже средства, по что-же вышло? подражанія, музыка, отлитая по одной формъ, и ни одного замъчательнаго произведенія. Слъдовательно вещественныя средства могутъ быть полезны только єг рукахъ человька высшаго,—во власти посредственности, они безплодны....

Нельзя не согласиться, впрочемь, что Россини, всячески принаравливаясь ко вкусу публики, въ извъстныхъ обстоятельствахъ не дълалъ этого — изъ презрънія къ ней. Доказательствомъ сему можетъ служить прелестный дуэть во второмъ дъйствіи «Отелло» (vorrei che pensiere), котораго при представленіи оперы вовсе не замъчали. Неблагопріятный пріемъ лучшихъ произведеній иногла доводилъ его до насмъщекъ. Въ Венеціи вся первая арія Ассура въ «Семпрамидъ» навела скуку, хотя имъетъ

характеръ прекраснъйшій. Россини, знавшій это напередъ, кончилъ арію тъмъ смъшнымъ allegro, въ которомъ маленькая флейта, кажется, освистываетъ партеръ. Подражатели великаго человъка также поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ, но безъ шутокъ,—что чрезвычайно забавно!!..

Вирочемъ, надобно правду сказать, Россини, сочиняя для Италіи, по необходимости долженъ былъ сообразоваться съ манерою и вкусомъ соотечественниковъ своихъ, угождать музыкальнымъ предразсудкамъ, которыми они заражены болѣе, нежели какой-нибудь народъ въ свътъ. Едвали-бы онъ могъ вводить ученыя соображенія въ оперы, писанныя для Италіи, гдъ ихъ не въ состояніи были понимать и цънить, гдъ музыку слушають только ушами, безъ участія ума и сердца. Въ «Вильгельмъ-Телъ» Россини показалъ, что онъ кое-ито знаетъ!...

2. Преобразованіе оперы.

BEAUTH MARKETER OF TREATH OF SHORT HEAVE.

Важная опера (opera seria), какъ писали ее италіянскіе композиторы и даже Чимароза и Панзіелло, содержала много речитативовъ, арій и дуэтовъ, и мало коровъ. Отъ этого происходила монотонія, которая разстроивала дъйствіе красотъ, разсыпанныхъ въ твореніяхъ сихъ композиторовъ. Путь, принятый Россини, начиная съ «Танкреда», въ этомъ отношении произвелъ нужное преобразованіе, довершенное въ «Отелло». Тамъ всѣ положенія сопровождаются музыкою и речитативовъ мало:если и находятся они, то, акомпанируемые оркестромъ, имфютъ болье занимательности, и зрителю некогда охладъть отъ одного мъста до другаго. Такая обработка важной оперы есть творение Россиии, котораго было-бы достаточно для славы его. Къ-несчастію, въ последнихъ сочиненіяхъ, усиливая свою систему, съ желавіемъ безпрестанно занимать внимание слушателя, длинными раскрытіями Россини утомляеть его и преступаеть границы слуховых в способпостей: печатная партитура оркестра Гораціевт Чимарозы заключаеть около 400 страницъ; между-тъмъ, какъ партитуры «Семирамиды» или «Зельмиры» для фортепіано, содержать почти по столько-же!!...

За симъ обратимъ вниманіе на то, что сдълалъ Россини въ отношении форми піесь вы операжь? Павзіелло, Чимароза, Моцартъ, Паеръ и Майеръ писали много полухарактерныхъ арій, составленныхъ изъ движенія медленнаго съ послъдующимъ за нимъ allegro, и нъкоторыя изъ этихъ арій-образцы выраженія страстнаго или комическаго. Такое дъленіе кажется самымъ благопріятнымъ для музыкальнаго дъйствія. Россини заставилъ нринять другое расположение: первое движение дълать умъреннымъ allegro, съ послъдующимъ за тъмъ andante или adagio, и оканчивать піесу движеніемъ живымъ и мърнымъ. Расположение это въ отношении къ дъйствию было-бы хорошо, еслибъ не слишкомъ растягивало ніссу, что нъсколько ослабляеть драматическое положение. Точно такое-же расположение Россини ввель и для дуэтовъ, то есть съ тремя безконечными движеніями!... Что касается до терцетовъ, квартетовъ, секстетовъ, финаловъ и вообще хорныхъ піесъ, то Россиин ничего не изобръят; -- онъ только усовершенствоваль подробности въ мфрности и инструментовкъ. Партію тенора раздълиль на двъ, такъ, что всв хоры теперь пишутся для 5-ти партій *.

Хорная часть оперы была въ Италіи слабъйшею. Паеръ и Майеръ первые дали хорамъ блескъ, который они должны имъть въ драматической музыкъ. Россини обогатилъ эту часть драмы мелодическими формами, коихъ прежде не придавали ей; отсюда произошли новыя, не привычныя дъйствія, имъвшія величайшій усивхъ. Однакожъ надобно признаться, что въ Россипіевыхъ хорахъ, не смотря на все ихъ могущество, очень-пріятны голоса верхніе; прочіе сопровождаютъ ихъ въ видъ какой-то ничтожной накладки, (накладной гармоніи—harmonie plaquée), не имъющей никакой тъни искусства. Само собою разумъется, что это сужденіе общее: хоры «Вильгельма-Теля» «Моисея» и проч., остаются образцовы-

^{*} Для сопрано, контральто, перваго и втораго тенора и баса.

ми. Притомъ-же нужно замътить, что въ произведеніяхъ Россини чрезвычайное множество длиных концертово въ финалахъ и въ другихъ хорныхъ піссахъ. Происхождение ихъ, безъ сомивнія, должно отнесть къ системь, которой следовали вообще италіянскіе композиторы въ составления хорныхъ піссъ, и которой придерживался самъ Россини. Съ тъхъ-поръ, какъ выдуманы хорныя піесы и финалы, драматическую цёль ихъ понимали различно; -- но вообще считали способомъ къ увеличенію занимательности противоположностями характеровъ и страстей.-Нъмецкие и французские композиторы, полагая, что действіе должно быть темъ слабе. чемъ число лицъ на сценъ значительнъе, -если они не принимаютъ тутъ живаго участія, - придерживались той системы, чтобы квартеты, секстеты или финалы имъли хоръ скорый, такъ какъ это более сообразно съ драматическими приличіями. Италіянскіе композиторы, напротивъ, думали, что при многочисленномъ стеченіи пъвцовъ, необходимо пользоваться случаемъ произвесть прекрасныя музыкальныя дъйствія, не смотря на ослабленіе діствія драматическаго. Обів системы иміноть свои хорошія качества и недостатки: драматическая върнье дыствуеть при первомъ представлении какой-либо піесы; музыкальная часто превозмогаеть и ділаеть успъхъ болъе прочнымъ!

3. Увертюра.

Увертюра оперы считается важи-вишею частію какойлибо драмы. Некоторые музыканты утверждали, что увертюра должна быть сокращеніемъ піесы и напоминать и вкоторыя черты главныхъ въ ней положеній, почему и превратили увертюры свои въ родъ какого-то nonyppu! Не входя въ подробное опроверженіе этой странной идеи, замічу только, что образцовыя увертюры (изъ «Ифигеніи» —Глюка, «Демофона»—Фогеля, изъ «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты» Моцарта, «Эгмонта» и «Прометея» Бетховена, «Hotellerie portugaise» и «Анакреона» «Керубини)— написаны не по этой системъ и составляють какъ-бы, драматическія симфоніи.

Россини въ своихъ увертюрахъ изъ Танкреда, Отел-ло, Севильскаго Цирюльника, Семирамиды, Осады Корин-ва, разсыпалъ самыя удачныя мелодін и прелестныя дъйствія инструментовки; но изъ нихъ-же видно, что и счастливъйшаго генія не всегда достаточно, дабы успъть воспользоваться идеями самыми благопріятными. Извъстно, что значительная піеса инструментальной музыки, обыкновенно дълится на двъ части: въ первой содержится изложение идей сочинителя и модулирование въ тонъ относительномъ къ главному тону; вторая бываетъ посвящена раскрытію идей, возвращенію въ первоначальный тонъ и повторенію и вкоторых выраженій изъ первой. Раскрытіе идей во второй части, есть дело наиболъе затруднительное въ искусствъ составленія увертюрь: оно требуетъ предварительнаго упражненія въ наукъ контрацункціи и тщательности въ соображеніяхъ. Россини разсъкъ гордіевъ узелъ: въ увертюрахъ сво-ихъ онъ не составляль второй части, а для перехода въ первоначальный тонъ, ограничивался нъсколькими аккордами и почти совершеннымъ повтореніемъ всей первой части, въ какомъ-нибудь другомъ тонъ.—Исключая увертюру изъ «В. Теля», недостатокъ этотъ оказался во всъхъ увертюрахъ пезарскаго маэстро; при томъ всъ увертюры его отлиты по одному образцу: онъ по своей фактурь, расположению и формамъ оркестровки такъ похожи одна на другую, что стоитъ слышать только одну, и вы получите понятіе о прочихъ!... Безспорно лучшая изъ увертюръ его есть изъ Севильского Дирюльника: она послужила краеугольнымъ камнемъ для всёхъ увертюръ его подражателей и, даже въ своей формъ, прекрасна. Увертюра изъ Осады-Коринва также очень-хороша,-не имъетъ близкаго сходства съ другими его увертюрами;можно сказать, заключаеть въ себъ вторую часть. Что касается до увертюры изъ Вилыельма Теля, то она написана въ формъ симфоніи, состоящей изъ отдъльныхъ картинъ, и сама-по-себъ превосходна. Справедливый упрекъ Россини дълали за то, что увертюры его написаны преимущественно въ тонахъ ге-мажоръ, ге-миноръ, ut-мажоръ, а не въ тонахъ fa, sol и ut-миноръ. Хотя и то правда, что первые тоны наиболъе сообразны съ блескомъ его стиля, —тогда какъ послъдніе гармонируютъ съ выраженіями страстныхъ, сильныхъ музыкальныхъ положеній.

4. Преобразование пънія. призвання попров при на попроводите по

evactariabliano terda ne acede necesarranen.

Всв композитеры старой школы роскошь въ прикрасахъ считали для драматического выраженія разрушительною. Россини далъ голосу болбе естественное направленіе, сообразное съ природою челов'вческаго голоса: показалъ его важность въ драматической музыкъ; вообще даваль болбе работы голосу, нежели его предшественники, потребоваль отъ ибвиовъ исполненія трулностей, о которыхъ они прежде не помышляли;-но онъ-же размножиль украшенія вы пьніи до излишества. хотя и показаль, особенно въ прекрасномъ тріо во 2-мъ актъ «Вильгельма-Теля», что онъ умъеть во-время отказаться отъ нихъ. Есть другой, отчасти основательный упрекъ, который обыкновенно дълають ему за то, что всъмъ пъвцамъ далъ одинакое направление и совершенно уничтожимъ разнообразіе въ пъніи, обозначая всь замашки и прикрасы, представляемыя прежде на-волю п'ьвдовъ. Выключая двухъ или трехъ истинныхъ артистовъ, теперь въ методъ италіянскихъ пъвцовъ такое сходство, что, кажется, они поютъ всегда одно и то-же. Одинакія пріемы, одинакія украшенія, и, къ-несчастію, тоже невъдъніе началь искусства пънія. Россини извинялся, что недостатокъ дарованія півповъ, для которыхъ онъ писалъ, обязывалъ его означать пріемы и прикрасы, которые они въ состояніи были выполнить. Извиненіе это прекрасно для него: оно доказываетъ искусство артиста, умъвшаго извлекать пользу изъ средствъ, находившихся подъ рукою; тъмъ-не-менъе однакожъ, такая его манера и распространение украшений-следали вреда искусству пънія.... от от не изведа миново чанави

5. Преобразование оркестра.

Намъ остается сказать о важивищемъ дълъ Россини, объ его оркестръ. Гайденъ, совершенствуя формы симфоніи, около 1760 года, предуготовилъ ту важность, которую оркестры начали пріобрътать въ драматической музыкъ. Моцарту предоставлено было снова создать эту важность, безъ коей могли обвинять его, что онъ въ действіяхъ инструментовъ искалъ пособій, въ ущербъ пънію, выраженію и силь. Никто, кромъ его, - генія оригинальнаго, когдалибо существовавшаго, - не имълъ напъвовъ болъе пріятныхъ, выразительныхъ и спльныхъ; пиструментовкъ своей онъ умълъ придать степень той занимательности. какой до него не было и остановиться на такой точкъ, за которую не могъ-бы, кажется, шагнуть безъ вреда пънію и безъ утомленія для органовъ. Труды Паэзіелло, Чимарозы и другихъ послъдователей, ничего не прибавили къ изобрътеніямъ этого великаго артиста. Напротивъ-того. они очень далеко отстали отъ него, въ отношении разнообразія гармоніи и дъйствій оркестра. Мегюль и Керубини, къ средствамъ, созданнымъ Моцартомъ, присоединили усовершенствованія инструментовки м'єдныхъ инструментовъ и формъ аккомпаньементовт единообразныхъ и симметрическихъ. - Но быть театромъ полнаго переворота, какъ въ системъ гармонической, такъ и въ инструментовкъ, суждено Италін. Творецъ переворота есть Россини. Заимствовавъ у Моцарта, Бетховена, Керубини, Мегюля средства ихъ, коимъ онъ подчинилъ гибкость собственнаго генія, самъ онъ устремился впередъ съ своими дополненіями къ способамъ предшественниковъ. Сочиненія Россини представляють первые примъры четырехъ нартій скрипокъ, страшное соединеніе четырехъ валторнъ. трубъ обыкновенныхъ, трубъ съ клапанами, тромбоновъ, офеклендъ и проч., - служащихъ единственнымъ аккомнаньементомъ и всколькимъ піесамъ; разнообразныя формы расположенія и гармоніи сихъ инструментовъ, казавшихся мало къ тому способными, удивительныя действія, извлеченныя изъ всего этого, оправдываютъ Россини въ злоупотребленіи средствъ, и ничто лучше не доказываетъ Кн. V. - 16.

его генія, какъ то, что полюбить весь этоть шумъ онъ могъ заставить такой народъ, которому всякій, слишкомъ громкій аккомпаньементъ, прежде не нравился.—Предшественники его въ Италіи, украшая пъніе, мало заботились объ украшеніи инструментовки. Россини, воспользовавшись успъхами оркестрованія вышеноказанных композиторовъ, весьма-искусно умълъ соединить его съ требованіемъ Италіянцевъ кудряваго, изукрашеннаго пънія. Послъднее онъ довелъ до апоген, придавъ аккомпаньементу блескъ и силу духовыми инструментами. - Словомъ, хотя Россини даваль больше дъйствія голосу, нежели его предшественники, за то онъ-же ввелъ злоупотребление силь-ной оркестровки. Гдъ нужна была въ музыкъ сила страсти, для произведенія эффекта, онъ заміняль ее массою инструментовъ, дъйствуя на слушателя механически, оглушительнымъ громомъ звуковъ. Это хитрая уловка: онъ подымался на афферы, какъ геніальный человѣкъ, умно, ловко, — и достигалъ своей цъли. Отдавая полную справедливость высокому таланту Россини, не менъе того должны были согласиться, что частымъ употреблениемъ столь шумныхъ инструментовъ-соразмърности оркестра нарушены. Правда, никому лучше, какъ Россиии, не удалось сдълать оркестръ блистательнымъ и придать ему занимательность, даже для слушателей посредственныхъ; но, отчаяваясь-ли поддержать эту занимательность обыкно-венными средствами или любя шумъ, только въ послъднихъ своихъ сочиненіяхъ ввелъ онъ большой барабанъ, тарелки, треугольникъ и въ такомъ количествъ мъдные инструменты, что у слушателей не остается другаго ощущенія, кром'в утомленія. Если-бы все это сталось отъ челов вка обыкновеннаго, то злоупотребление подобныхъ средствъ, равно сильной оркестровки вообще, было-бы безопасно для искусства; но Россини заблуждающійся увлекъ за собою толиу подражателей, которые, слъдуя его примъру, ввели въ музыку эту музыкальную ересь, отъ которой уши слушателей и искусство много пострадали!-Въ этомъ заключается важнъйшій уголовный упрект Россини.—Я далекъ отъ того, чтобы осуждать употреблен іе въоркестръ мъдныхъ инструментовъ. Желаю только, чтобы не было злоупотребленія ихъ и чтобы было побольше разнообразія въ формахъ оркестровки вообще *. Для чего ограничивать область генія? Приведите Моцарта и Россини въ квартетъ Перголези: они изобрѣтутъ прекрасные наиѣвы, даже изящную гармонію, но не будутъ въ состояніи произвесть тѣхъ сильныхъ дѣйствій, конмъ вы удивляетесь въ ихъ сочиненіяхъ. Какимъ образомъ предположить существованіе послѣдняго явленія въ «Донъ-Жуанѣ», или финала 2-го акта въ «Вильгельмѣ-Телѣ», при скриикахъ, альтахъ и басахъ? Не будемъ сомнѣваться, что прекрасныя, находимыя тамъ дѣйствія, суть слѣдствіе огромнаго оркестра, и генія, умѣвшаго употребить его....

-osto aron us arong the most a market of Soc.

общее заключение.

. Прежде всего должно замътить, что драматическая музыка новъйшей эпохи произвела надъ публикою дъйствіе, которое распространяется на искусство вообще; отъ него кажутся холодными всъ сочиненія, не имъющія роскоши оркестра, къ которой мы привыкли. Въ этомъ заключается дъйствительное зло: наконецъ должно-же глънибудь остановиться! Чувственныя способности наши имъютъ нредълъ. Усиленіе дъйствій можетъ быть не достигло высшей степени, но это случится: что-же тогда стануть делать? Надобно будеть возвратиться назадъ. А такъ какъ новое вводить въ простоту гораздо трудиће, нежели въ сложность, то уже теперь настало время, когда искусство находится въ разслабленіи, - что и будеть, болье или менье продолжительно, пока не явится человъкъ съ геніемъ, для произведенія необходимаго переворота!... Словомъ, влоунотребление средствъ оркестра, въ новъйшее время, дошло до невъроятной степени. Особенно молодые композиторы, какъ скоро нужно произвесть по что плавим ведостатки Российской мульта про-

^{*} См. « Музыкальныя Замётки» въ «Репертуарё и Пантеонё» 1843 г. № 3-й, стр 127 пункть VI.

какой-либо эффектъ, такъ и обдаютъ раздирающимъ трескомъ мъдныхъ инструментовъ, барабановъ и всей этой музыкальной ереси, которой конца не видно! Громъ и шумъ опернаго оркестра, въ наше время, дошелъ уже до того, что бываютъ заглушаемы не только пъвцы въ отдъльныхъ піссахъ, но цільне хоры. Наконецъ, кажется, скоро настанетъ совершенный морт на пъвцовт, потомучто не-человъческихъ голосовъ нужно, чтобы соперничать постоянно съ оглушающими и огромляющими аккомпаньементами драматической музыки нашего времени. Вообще злоунотребление средствъ оркестра превосходитъ всякую мъру и слуховые органы человъка! Корень, основаніе всему этому, положенъ оркестроми Россини, почему онъ заслуживаетъ жесточайшій упрекъ въ этомъ отношенін-за злоупотребленіе сильной оркестровки, введеніе въ оркестръ слишкомъ уже большаго числа мъдныхъ инструментовъ, турецкаго барабана, тарелокъ, треугольниковъ, всей этой музыкальной ереси; за употребление. сверхъ-того, въ операхъ целыхъ военныхъ оркестровъ. и наконецъ, за распространение украшений въ пънии. Все это останется нятномъ его славы! - Но въ тоже самое, время Россини сделалъ слишкомъ много для славы своей! Онъ поразилъ окончательно музыкальную доктрину, которая полагала все свое достоинство въ разныхъ ученыхъ формулахъ и трудностяхъ; показалъ, что искусство должно быть бол'ве свободно, естественно и не стъсняться всеми этими хитростями, надъ которыми онъ жестоко посмъялся, хотя и самъ впалъ въ крайность, не слъдуя никакимъ правиламъ! Россини заставилъ не забывать, что голосъ въ драматической музыкъ играетъ важную роль, показавъ при томъ, что важность оркестра также не должна быть уничтожаема; преобразоваль оперу. Онъ возстановилъ музыкальный ритмъ; распространилъ область оркестра, и обогатиль искусство новыми, до него небывалыми, музыкальными дъйствіями. - Изъ всего этого видно, что главные недостатки Россиніевой музыки проистекали отъ въка и обстоятельствъ, въ коихъ онъ находился и которыя, неизбъжно, увлекали его за собою. Вольтеръ справедливо сказалъ: «Привиллегія истиннаго

генія и притомъ генія, который открываеть новое поприще, состоить въ томъ, что онъ безнаказанно можетъ дълать великія ошибки!» Неоднократно и довольно остроумно давали Россини названіе музыкальнаго Вольтера....

Все сказанное здѣсь показываетъ, что Россини, не имъя глубины и учености Гайдена, Моцарта, Бетховена, —тѣмъ не менѣе, однакожъ, принадлежитъ къ тому небольшому кругу великихъ композиторовъ, которые раждаются вѣками! Слѣдовательно, онъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи музыки вообще, а тѣмъ-болѣе въ исторіи италіянской музыки. Если Германія указываетъ намъ на Бетховена, какъ генія сѣвера, котораго могучее, горделивое, неспокойное воображеніе ведетъ насъ или, лучше сказать, низвергаетъ съ утесовъ учености въ прелестныя долины мелодіи, то Россини представляетъ генія Италіи: это красота его страны, съ ея свободными вдохновеніями, поэзія его климата, блескъ его солнца!...

Россини имълъ сильное вліяніе на искусство, долъ ему новую жизнь и,-кто что ни говори,-безпристрастное потомство отдастъ ему должную справедливость; произведенія его не умруть, какъ не умираеть все великое, самобытное, оригинальное; самая эпоха съ 1812-го по 1830-й годъ, и даже дале, получить наименование века Россиниевой музыки!... Прошло 13-ть лътъ съ тъхъ поръ, какъ Россини пересталь дарить своими драматическими произведеніями. И что-же? Искусство на западъ омертвъло, - источникъ мелодін совершенно изсякъ!... Одни изъ композиторовъ, зная, что она не дается безъ особаго вдохновенія, ищутъ другой дороги; другіе отложили попеченіе о новой мелодін и довольствуются лишь обделкою чужихъ мелодій; иные-же стараются скрыть недостатокъ мелодіи разными музыкальными хитростями. Къ числу последнихъ принадлежить Мейерберъ. Въ Робертъ его нътъ оригинальныхъ мелодій; въ Гугенотахъ - еще менье свъжести. Изъ всъхъ музыкантовъ, нынъ существующихъ, одинъ только Россини отмъченъ ръдкимъ, свыше вдохновеннымъ даромъ мелодін; именно у него (въ особенности въ «Вильгельмъ-Телъ») находимъ ту роскошь мотивовъ, которая поражаетъ своею свъжестію. Этого дара

нельзя пріобръсть ни трудами, ни опытностію; появленіе людей, имъ обладающихъ, составляетъ эпоху въ лътописяхъ искусства; они кладутъ печать своего характера на всь произведенія своего времени и образують то, что называется музыкальнымъ стилемъ того или другаго періода. Отсюда-же можно, — не безъ основанія, — вывесть заключеніе, что Мейерберъ съ своими инструментальными хитростями далеко не уйдетъ? Во всъ въка и у всъхъ народовъ, мелодія считалась первою и лучшею принадлежностію музыканта, - точно какъ мысль въ поэзін. Взгляните на Гайдена, Моцарта, Бетховена и другихъ великихъ композиторовъ, - всѣ они обладали даромъ мелодін свыше, а изучивъ глубоко искусство, произвели тѣ великія творенія, коимъ мы удивляемся! Во всёхъ искусствахъ вообще, а тъмъ-болъе въ музыкъ, эклектизмъ почитался слабостію, разслабленіемъ искусства; ясно показываль, что не было людей, которые обладали-бы даромъ неба и производили что-либо повое, оригинальное!... Новаго въ музыкъ Мейербера, признаемся, мы ничего не находимъ. Въ ней одно только новое-отличная обработка въ частяхъ, за что искусство останется ему благодарнымъ. За то, цълаго, великаго, геніальнаго-ничего нътъ. Притомъ-же все это одно и тоже. Все таже система, которой следовали и Гайденъ, и Моцартъ, и Бетховенъ, и Россини, то-есть, увеличение и распространение дъйствій оркестра и страшное употребленіе м'єдных в инструментовъ. Отнимите отъ «Роберта» и «Гугенотовъ» роскошь оркестра и гармоническія ихъ принадлежности, -словомъ, отдълите мелодію отъ гармоніи, —и что останется? Голые скелеты... Въ настоящее время, только тотъ композиторъ сделаетъ шагъ въ искусстве, только тотъ подвинетъ музыку впередъ, кто произведетъ въ ней совершенный переворотъ, потребность котораго съ каждымъ днемъ все болъе и болъе увеличивается. Подобные перевороты, безъ сомнънія, суждено дълать людямъ съ геніемъ, свыше вдохновеннымъ!.... приставания дарока муниции именни у несо из особен-

norm up. Main carab-York mixomata is normal some-

THE THEORY OF THE THE THEORY OF THE THEORY O

L'One et riente en la con que de ma agus Подражателей у Россини было и есть великое число. Нъкоторые изъ нихъ имъли дъйствительное дарование и заимствовали изъ стиля его только то, что могло слиться съ собственными ихъ идеями. Таковы Мейерберт и

Караффа.

Мейерберъ поставилъ себя въ число италіянскихъ композиторовъ операми: «Emma de Resburgo», «Romildo Constanza», «Il Crociato» и «Marguerite d'Anjou». Посл'єднія дв'є имъли успъхъ. Въ «Il Crociato» хоры и нъкоторыя мъста замъчательны. Но за всъмъ тъмъ, въ Россиніевскомъ родь, Мейерберъ былъ далекъ отъ своего оригинала, и это потому, что въ произведеніяхъ сихъ мало души, чувства, и блеска; напротивъ того, онъ написаны головою, безъ участія сердца, словомъ — огонь и вода. Мы помъстили Мейербера въ число подражателей потому, что стиль всёхъ этихъ произведеній быль более Россиніевскій, и онъ писаль ихъ для Италіи *.

Караффа (умеръ уже) писалъ много. Лучшія изъ его оперъ: «Gabriel de Vergy», «Jean d'Arc», въ которой находятся мъста замъчательныя, «Eusimio di Messina» и «Abu-

Беллини умеръ въ раннихъ лътахъ. Нъкоторые объ немъ скорбъли и полагали на него большія надежды. Постараемся разсмотръть, справедливо-ли это? Беллини, съ 1827-го года, блистательно началъ свое дъло тремя операми: «Zaira», «Bianca e Fernando и «Il Pirato». Оперы сін подавали большія надежды, хотя изобрѣтеніе въ нихъ было не блестящее. За тъмъ слъдовали: «Straniera», I Capuletti, La Sonnambula», «Norma», «I Puritani» u Beatrice de «Tenda».--Сначала казалось, что Беллини предназначенъ былъ для произведенія переворота въ италіянской музыкъ; но ничего этого не было. Онъ имель лишь несколько

Br ment scott mis

^{*} О музыкъ Мейербера поговоримъ когда-нибудь, въ друтое время, въ особой статьъ.

счастивыхъ мотивовъ, которые всѣ носять на себѣ отпечатокъ характера элегическаго, простоты и нъжности. Желая отличиться чёмъ-бы то ни было отъ Россини, онъ ввель болбе простоты въ пеніи, за что Италія ему сильно аплодировала. А такъ-какъ, въ то-же время, онъ плохо зналъ музыку и композицію и былъ самымъ слабымъ инструментистомъ, то, подобно прочимъ подражателямъ, предавался, безъ всякаго разбора, злоупотребленію всіхъ вещественныхъ средствъ и оркестра Россини. Въ особенности любилъ барабанить: у него барабанъ употреблялся даже въ аріяхъ, — стоитъ вспомнить арію Поліона изъ «Нормы»! Следовательно, изъ этого ничего не вышло, кром'в несколькихъ нежныхъ, заунывныхъ арій и дуэтовъ, — и ниодной порядочной хорной піесы, ни одного финала. Въ «Нормъ» Беллини весь высказался и совершенно истощился, такъ, что въ последнихъ его произведеніяхъ видно повтореніе прежнихъ мотивовъ и даже ощущается недостатокъмелодіи. Безспорно, «Норма», по обилію мотивовъ, есть его лучшее произведеніе;оперу эту можно было-бы отнести къ произведеніямъ искусства вообще, если-бы Беллини позаботился объ инструментовкъ. Въэтомъ отношении «Sonnambula» занимаетъ высшее мъсто, потому-что, по самому сюжету этой оперы, недостатокъ инструментовки въ ней менъе замътенъ; - притомъ-же въ оперъ этой вообще видно больше отдълки, нежели въ «Нормъ» и другихъ его произведеніяхъ. Итакъ, изъ всего сказаннаго о Беллини, самособою выводится заключение следующаго рода: хотя произведенія его принимались съ восторгомъ въ Италін и даже имъли успъхъ въ Европъ, - тъмъ не менъе однакожъ, для искусства, существование ихъ не представляеть никакого значенія.

Меркаданте написаль большое количество оперь. Лучшія изъ нихъ: Марія Стюарть, Елиза и Клавдіо; въ особенности послъдняя содержить многія мъста, кои, не смотря на то, что отзываются россинизмомъ, не суть рабскіе списки. Въ оперъ этой находятся движеніе, даже страсть; но поданныя имъ надежды съ послъднихъ сочиненій исчезли.... Начини и Ваккаи. Ихъ пъніе, форма піесъ, инструментовка, —все есть подражаніе стилю Россини. Оба они написали бездну оперъ. Лучшія изъ произведеній Пачини: «La vestale», «L'Ultimo giorno di Pompei, «Gli Arabi nella Gallia» и «Niobe». Изъ оперъ Ваккаи, который теперь уже не пишетъ, извъстны «Giulietta e Romeo», «Bianca di Messina» и друг.

Донидзетти, нынѣ модный и наиболѣе имѣющій устьхъ въ Италіи композиторъ. Онъ по-сію-пору написаль оперъ дюжинъ пять съ чѣмъ-то, и, между всѣмъ этимъ хаосомъ его музыки, нѣтъ ни одного замѣчательнаго произведенія, которое вышло-бы изъ ряда посредственности. Лучшія его оперы: Робертъ д'Эвере, Анна Болейнъ, Велизарій, Любовный напитокъ, Люція Ламермурская, Лу-

креціл Борджіа, Фаворитка *.

За симъ следують въ Италіи целью ряды подражателей Россини. Этого мало-теперь есть подражатели Беллини, подражатели Донидзетти, Меркаданте. За ними слъдуетъ компанія подражателей подражателямъ Россини и всъхъ сихъ композиторовъ и т. д.-Надобно правду сказать, что последователи Россини или, лучше сказать, его рабы и копіисты-Пачини, Ваккан, Меркаданте, Донидзетти и проч., отстоятъ отъ своего подлинника на неизмъримое разстояніе. Они въ отношеніи къ пезарскому маэстро тоже, что, въ отношении къ Шиллеру, новъйшие драматурги, которые переняли у него пятистопный ямбъ, но не могли перенять, (только бездълицы!) одушевленія, мыслей и воображенія! Словомъ, Италія, напитанная россинизмомъ, не обладаетъ такимъ музыкантомъ, который обрадоваль бы ее чёмъ-нибудь особеннымъ. Всё молодые композиторы увъряють себя, что вещественныя средства, которыя представлены мною выше, - музыка Российн, предаются излишествамъ сихъ механическихъ пріемовъ до такой степени, что мало остается надежды слышать что-нибудь другое, кром'в кресшендо, фугъ н

^{*} Понятіе о музыкѣ Донидзетти можно получить изъ очерка, помѣщеннаго мною въ «Музыкальныхъ Замѣткахъ»: см. «Ж З-й Репертуара 1843 года стр. 125, пунктъ II. Кн. V. — 17.

всего этого драматическаго скарба, которымъ мы утомлены, —по-крайней-мъръ, до совершеннаго переворота, какой трудно предвидъть....

Изъ французскихъ композиторовъ, наиболъе подражали Россини Оберъ и Герольдъ, разумъется благоразумно. Лучшія, всъмъ извъстныя ихъ произведенія Фенелла и Пампа проникнуты насквозь стилемъ Россиніевской музыки. Самъ Мейерберъ, наиболье уважаемый композиторъ, въ настоящее время, за свои произведенія Робертъ и Гугеномы, нечужлъ подражанія Россини, не говорю явнаго, — но умнаго, разсудительнаго, благодарнаго, по французской поговоркъ: «беру мое тамъ, гдъ нахожу». Разберите со вниманіемъ его «Роберта», и вы ясно увидите, что онъ весь составленъ изъ двухъ музыкальныхъ стилей Вебера и Россини: 2-й и частію 4-й актъ, что такое, какъ не Россиніевскій стяль?

дуеть концаків подражателей подражителямь. Россиви и

зетта и проче, сотставта отъ своего подлиниява на нер-

дей "Родении. Этого мало-тейера сеть подражатели Беллини, модражатели Допиластти, Меркалание, За иния са 1-

28-го февраля 1843-го года.

С.-Петербургъ.

маниров разотолије. Они въ отношенји къ пенарского манетро тоже; что, въ отношенји къ Швалеру, попејшје драматурга, которые перепали у пого вигистопациј забъло не во не могли перевить, уголько безаблициј обумелени, выслей и оробриженија Слововъ, Италіи, напитанном росенвичавъ, пе обладаеть такимъ музыклатомъ, который образовала бы ее чімъ-янбуль особеннымъ. Ве в чолодь средства, которым превежници мною выше. — из вед вередства, поторым превежавления мною выше. — из вед водений, предости плинисовань силь опутата надежил превемни станову станову

** Hountin o myster Johnszerrn momno nogygure nes ogeg en nombutennaro ander en Mystematanning Sankirung en "F 3. ii Praepryapa 1852 rota esp. 125. nymera II. Ku. V. — 17. одгобио пепробране пропроснуть и помокнуть, путемостиль до пртербургумить успиваем и потока уже согракать свои петибойи поги на разметай канопа и услаждать окусь, и эсональ пакруль-пибуль зароматическими мы-токоль-бан. Тоть, иго питаль сключоскію Комта или «Оточе-

чорный тараканъ.

(фантастическій романь изъ жизни одного чиновника.)

Посвящается моги тетушкь, Аннь Ивановнь, которая очень боится чорных тараканов.

Hoper or stranger for a Large And Property and a supplied

Поэзія петербургской грязи. Знакомство съ двумя героями и одной героинею повъсти.

Знаете-ли вы, мой читатель, (хоть ужъ теперь и не въ модъ обращаться къ вамъ) одно изъ величайшихъ наслаждений въ жизни: ходить осенью, подъ-вечеръ, въ дождь и слякоть, по петербургскимъ улицамъ? Вамъ можеть показаться страннымъ, что я нахожу удовольствіе въ томъ именно, за что вы не любите Петербурга, но я тотчасъ ощупью, по пальцамъ, докажу вамъ всю справедливость моей гипотезы. Согласитесь, что въ колодную осеннюю погоду ничего не можеть быть пріятиве теплой комнаты, въ которой пылаеть и трещить камелекъ, ватнаго халата, стакана чаю и этого сладкаго, упонтельнаго, непереводимаго far niente? Но это истипное наслаждение не будеть производить въ васъ и сотой доли техъ ощущеній, если вы весь день проведете дома, за перомъ или за книгою, и подъ вечеръ усядитесь передъ каминомъ, съ новымъ романомъ и протянутыми ногами. Чтобы вполнъ понять всю прелесть чал, всю поэзію халата надобно непремънно продрогнуть и измокнуть, путешествуя по петербургскимъ улицамъ, и потомъ уже согръвать свои иззябшія ноги на ръшеткъ камина и услаждать вкусъ и запахъ какимъ-нибудь ароматическимъ мы-ю-конъ-дзи. Тотъ, кто читалъ философію Канта или «Отечественныхъ Записокъ» непремънно согласится со мною. Удовольствіе поддерживается въ насъ контрастами. Безъгорести мы-бы не знали что такое радость. А въ нашей прозаической жизни, право, такъ мало удовольствій, что надо самимъ изобрътать ихъ. Послъ всего вышесказаннало я увъренъ, что всъ мои читатели пойдутъ бродить въгрязь по Петербургу и число недовольныхъ осеннею по-годою значительно уменшится.

Я не говорилъ еще ничего объ удовольствіяхъ самой прогулки. Сколько занимательныхъ сценъ можно встрътить во время этого философскаго путешествія, сколько высокихъ мыслей, удобныхъ для помъщенія въ любой водевиль или журнальную критику, могутъ родиться въ головъ? Охотникамъ до наблюдательной и созерцательной жизни я совътую останавливаться въ особенности на перекресткахъ, въ мъстахъ, гдъ пересъкаются двъ или три улицы и особенно гдъ трубы для стока дождевой воды. Завсь сцены несравненно занимательные, потому-что здъсь всегда гораздо грязнъе, чъмъ на прочихъ частяхъ улицы. Если еще къ тому-же труба эта засорилась, и надъ нею разливается цълое море лужъ, то лучше этого быть ничего не можеть. Станьте въ этомъ мъстъ, обутыя, разумбется, не въ колоши, но въ охотничьи сапоги, доходящія до кольнъ, и смотрите на занимательныя картины переправленія вымокшаго человічества съ одной стороны ульцы на другую, или изъ одной улицы въ другую, ея пересъкающую. Большею частію народъ этотъ, мелкій, чиновный, который вздить только зимою, за гривенникъ, отъ Песковъ до Калинкина моста, парою, на саняхъ безъ полости, подлъ которыхъ всю дорогу бъжитъ санька въ бъломъ кафтанъ, и самъ усердно тащить сани вивств съ лошадью. Но твиъ интереснве видвть борьбу искусства съ природою: искусства, говорю я, потому-чтоиначе нельзя назвать этого невъроятнаго умънія нъкоторыхъ лицъ, изнашивающихъ въ годъ двѣ пары сапоговъ, перебираться чрезъ океаны грязи, едва замочивъ носки и подошвы. Человѣкъ, носящій лакированные, непромокаемые сапоги, и франтъ въ новомодныхъ ботинкахъ не пустятся въ этакую погоду, пренебрегая дождемъ и грязью; но еслибы и пустились, то имъ ничего незначитъ испортить пару 20-ти рублевыхъ сапоговъ, тогда, какъ для бѣднаго чиновника потеря эта была-бы невознаградима — и вотъ почему онъ употребляетъ такія невѣроятныя усилія, чтобы спасти свои ноги отъ потопленія.

Въ одну изъ самыхъ ужасныхъ осеннихъ погодъ, когда съ неба идетъ не снъгъ и не дождь, а мутная и жидкая грязь, когда мостовая превращается въ какую-то движущуюся массу, готовую поглотить на каждомъ шагу ноги неосторожнаго пъшехода, когда на улицахъ темно, хотя фонарщики не зажигають еще фонарей, и по уставу городской полиціи вечеръ еще не наступиль, въ это занимательное время, на поворотъ въ Офицерскую улицу, остановился молодой человъкъ, въ старой шинели съ протертымъ мъхомъ и оборварнымъ подоломъ, съ огромнымъ зеленымъ зонтикомъ, съ заплатками мъстахъ въ десяти, Положение этого человъка было весьма плачевно: ему предстояло перебраться въ Офицерскую улицу, черезъ море грязи, изъ которой кое-гдъ, какъ вершины скалъ въ океанъ, выказывались верхушки мокрыхъ камней. Онъ старался проникнуть взорами въ это вмъстилище грязи и угадать направление линіи большихъ камней, которая всегда идетъ косвенно вдоль мостовой. Занятый этимъ тщательнымъ разсматриваніемъ мъстности, онъ не зам'вчалъ любопытныхъ сценъ, происходившихъ вокругъ него. Здъсь чрезъ улицу бъжалъ мастеровой въ нестрядинномъ халатъ, не разбирая ни лужъ, ни камней, и разбрызгивая на всъ стороны грязь и воду; тамъ кухарка съ продыравленнымъ кулькомъ, изъ котораго выглядывали птичьи ножки, ругала его, какъ говорится, на чемъ свъть стоить, отирая грязь съ лица рукавомъ камлотовой куцавейки. Дальше прыгала съ камия на камень курносинькая горничная, подобравши пестрое платье выше кольнъ, и флегматически шаркалъ по грязи Чухонецъ въ

медвъжьей шапкъ съ ушами, отвороченными вверхъ и въ аршинныхъ лаптяхъ. Тамъ два почтенные съ бородками, запрятавъ свијя штаны за отвороты сапоговъ и запахнувши сибирки на козьемъ мѣху, подымали высоко неуклюжія ноги и ставили ихъ прямо въ грязь, сопрово-ждая все это живописными энергическими восклицанія ми. Здъсь ъхалъ шагомъ извощикъ, помахивая кнутомъ, покачиваясь и подрыгивая, и насм'вшливо поглядывая на пъшеходовъ, съ словами «Подать что-ли? Извощика надо»? Ничего этого не замъчалъ бъдный чиновникъ и продолжаль высматривать дорогу. Что онъ быль чиновникъ, въ этомъ удостовъряли серебряныя пуговицы, выказывавшіяся по временамъ изъ подъ шинели, распахнутой вътромъ. Наконецъ что-то нохожее на радостное восклицаніе вырвалось изъ груди его и онъ, приподнявши правою рукою объ полы шинели, лѣвою опустивши зонтикъ почти со всъмъ на шляну и придерживая ею-же еще чтото подъ шинелью, началъ переправу. Счастливо совершилъ онъ полъ-пути, и довърчиво шагалъ по длинной линіи большихъ камней, такъ върно имъ угаданныхъ, какъ вдругъ сильный порывъ вътра вырвалъ у него изъ руки объ полы шинели и распахнулъ ихъ около чиновника, въ видъ крыльевъ летучей мыши. Любопытные могли-бы разглядъть тогда потертый вицъ-мундиръ съ серебряными пуговицами, изъ подъ котораго выказывался жилеть нике и часовой ключикъ, привъшенный на черной лентв. Зацъпивши указательнымъ пальцемъ за согнутую ручку зонтика, остальными онъ держалъ что-то бережно въ красномъ клътчатомъ платкъ. При этомъ неожиданномъ порывъ вътра чиновникъ совершенно растерялся; боясь выпустить платокъ изъ левой руки, правою старался онъ поймать развъвающінся польт шинели и снова запахнуть ихъ. Долго продолжался этотъ маневръ, и наконецъ, приведя все въ порядокъ, чиновникъ снова готовился начать свое путешествіе, какъ вдругъ передъглазами его, на тойже самой линіц камней, очутилось хорошенькое, свіженькое .ничико девушки, въ маленькой меховой шапочке, съ закинутымъ назадъ чернымъ вуалемъ. За нею, на второмъ планъ, показывалась чья-то грозная голова въ зеленомъ

платкъ, изъ подъ котораго вырывались клоки съдыхъ волосъ, вившихся по щекамъ, изрытымъ осною. Эта фигура, покрытая сверхъ того шубейкой, держала надъ дъвушкой зонтикъ, съ котораго струилась вода. Дъвушка стояла противъ чиновника, глядя на него пристально своими живыми, голубенькими глазками, въ которыхъ проглядывало нетеривніе. Чиновникъ такъ быль пораженъ этимъ явленіемъ, что стоялъ неподвижно, не понимая, что все это значить, и что онъ долженъ делать. Вдругъ дребезжащій, сиповатый голосъ старухи, державшей зонтикъ, возвратилъ ему разсудокъ. Старуха ворчала съ гиъвомъ: «Да чтожъ ты, батюшка, сталъ тутъ середь дороги, словно пень какой! Столбиякъ на тебя чтоли нашелъ? Али барышнъ-то для тебя въ грязь лъзть!... Хоть-бы изъ учтивости дорогу-то далъ! Что ты буркальцы-то выпялилъ?... Небось ножки промочишь! Аль тяжело отойти въ сторонку?... Ахъ ты, этакой»!... И старуха выразительно кивнула головою. Тутъ только чиновникъ поняль, что учтивость требуеть дать дорогу дамъ, и проворно соскочивъ въ сторону, пробормоталъ: «Извините сударыня, я думалъ!... то есть я полагалъ».... и онъ разшаркивался по грязи. Дъвушка улыбнулась и прошла мимо его, старуха ворчала: «То то-же!... «Сударыня»!... вишь и растаяль и пошель вздоръ молоть... не для тебя эта «сударыня»! Вдругъ и дъвушку и старуху остановилъ громкій крикъ чиновника: онъ нагнувшись надъ грязью, казалось, искалъ чего-то, восклицая: «Ахъ Боже мой!... куда я дълъ его!... Господи! . . . куда онъ упалъ»? Эти жалобы заставили дъвушку снова подойти къ нему и спросить съ участіемъ: «Вы что-то потеряли»? Но чиновникъ не обратиль вниманія на этоть серебряный голось, на это милое личико, нагнувшееся надъ нимъ, и заботливо продолжалъ шарить руками въ лужъ, по временамъ восклицая: «Да кудажъ онъ дълся? . . . Неужто я не найду его».... Старуха ворчала: «Охота вамъ, барышня, останавливаться надъ всякимъ рохлей!... Ну что онъ тамъ потерялъ еще?... Пойдемте-ка! Пойдемте-ка, барышня! Маменька и то будеть сердиться, что вы въ такую погоду пошли отъ Алены Семеновны. Не стоять-же намъ тутъ въ грязи до завтрева. Развъ вы не видите, что онъ ишеть вчерашняго дня»!... И дъвушка съ сожальніемъ готова была удалиться за старухой, какъ вдругь ралостное восклицание чиновника заставило ее еще на минуту остановиться. Онъ бережно взяль что-то черное, плававшее по лужъ, п положилъ въ платокъ, взявъ его за конпы. «Что? вы нашли»? спросила его дъвушка съ участіемъ, въ которомъ проглядовало любопытсво. Чиновникъ, отирая грязь съ коленъ и рукъ, поправляя шляпу и зонтикъ, отвъчалъ радостнымъ тономъ: «Да-съ! Слава Богу! Вы были такъ добры!... Безпокоились!...

- Ла что-же вы такое нашли?
- Очень драгоцънную для меня вешь?...
- Върно кольцо какое-нибуль?
- THE CHAPTE CELVO IST OFF TREES, OT VIOUS WYDOWN TO BELL
- Можетъ-быть, это секреть?
- Нътъ-съ! это чорный тараканъ!

 — нътъ-съ: это сорист
 И старуха и дъвушка съ крикомъ пустились бъжать отъ чиновника по грязи. воряо сосночины из сторону,

сударения и дунальных то остьей полагальных и опъ разинериниваем по грязи. Дупунила улыбиулась и процяд.

мимо его, ставуха ворчала: «То то-жей... «Судерение !... вашь и растата и Мента Рода водости и живтов и вини ста осударьные Вдруга и длунку и старуху остановыть

Петербургскій мистикъ XIX стольтія. Біографія героя. Симверванось, искаль Чалочаров пилочитьи Ахь боже чойы. nyta a akar crol... Toenogal ... nyaa onu yaaruni Dan

Для того, чтобы узнать, кто быль чиновникъ и отчего чорный таракант составляль для него такую драгоцънность, намъ должно обратиться назадъ, и представить нашимъ читателямъ слъдующую сцену.

Въ маленькой, грязненькой комнать на Пескахъ, у истертаго письменнаго стола, сидълъ человъкъ лътъ 60-ти, погруженный въ чтеніе какой-то книги. Отъ верхней части носа до самаго затылка голова его представляла гладкую, глянцоватую поверхность, на вискахъ ръдъли еще длинные, серебряные волосы, которые можно было пересчитать. Глубокія морщины бороздили нахмуренный лобъ старика, огромный красноватый носъ его, на которомъ сидъли черенаховые очки, бросалъ широкую тънь на книгу, которую старикъ держалъ передъ самыми глазами. Онъ читалъ, какъ читаютъ обыкновенно люди прошлаго покольнія, шевеля губами и издавая какіе-то неясные звуки; подбородокъ его нъсколько выгнутый, трясся отъ этого съ какимъ-то лихорадочнымъ движениемъ, и вообще вся фигура старика, освъщенная колеблющимся свътомъ нагоръвшей сальной свъчи, имъла въ себъ чтото странное, оригинальное. Прибавьте къ тому убранство комнаты: кожаный диванъ, изорванный во мно-гихъ мъстахъ, изъ которыхъ высовывались клоки войлока; надъ нимъ портретъ какого-то старика въ большомъ напудренномъ парикъ и селадоновомъ кафтанъ, съ огромными манжетами и угрюмою физіогноміей; шкафъ въ углу, полный запыленными банками и ретортами, на верху котораго красовалась чучела кошки; на стънъ четыре полки, прибитыя параллельно одна надъ другой, полныя книгъ и вполовину задернутыя зеленою занавъсью; комодъ съ выдвинутыми ящиками, изъ которыхъ выглядывають рукава съ серебряными пуговками и концы бълья какой-то странной формы. Еслибы мы не жили въ XIX столътіи, то приняли-бы этого человъка за алхимика, занимающагося кабалистикою, но одинъ взглядъ на его письменный столь тотчасъ-бы разогналъ всѣ наши поэтическія мысли: тамъ, подлѣ графина, съ какою-то темнокоричневою жидкостью, на книжкъ въ кожаномъ переплетъ, лежала Анна второй степени, величины баснословной. На столъ кромъ того еще валя-лась кипа бумагъ и въ углу передъ образомъ Николая Чудотворца, почернъвшимъ отъ времени, теплилась лам-пада. Старикъ до того былъ погруженъ въ чтеніе, что не слыхаль, какъ заскрипъла дверь и въ нее показался знакомый уже намъ чиновникъ, въ мундиръ съ серебряными пуговицами, въ жилетъ изъ пике, въ черномъ гал-стухъ съ бантомъ. Это былъ Иванъ Аванасьевичъ Совинскій, младшій помощникъ столоначальника. Лицо молодаго человъка выражало какую-то робость, смъшанную съ надеждой; оно было не дурно: черные волосы, зави-Кн. V. — 18.

тые самой природой, большіе стрые глаза, нелишенные выразительности, маленькой ротикъ, сдълавшій-бы честь не одной цетербургской красавиць, и вострый, нъсколько согнутый носъ. Онъ сначала почтительно остановился въ дверяхъ, но потомъ, видя, что старикъ не обращаетъ на него никакого вниманія, нъсколько разъ кашлянулъ. Примътя, что и этотъ маневръ не имълъ ни какихъ последствій, онъ решился на самое последнее средство: подошелъ къ самому носу старика, и громкимъ голосомъ произнесъ: «Мое почтеніе, Никита Семеновичь»! «агримент в подотне в

- Старикъ вздрогнулъ, положилъ книгу, не закрывая, на столь, вверхъ переплетомъ, потомъ, запахнувшись теплымъ зеленымъ халатомъ, опрокинулся на спинку стула и, взглянувъ сквозь очки на пришедшаго, сказалъ тоненькимъ голосомъ:» А, это вы, Иванъ Аоанасьевичъ, по добру-ли по здорову? Давненько не видались! Ну, да габжъ молодежи стариковъ помнить! Садитесь-ка, пожалуйста. Да и какъ вы подкрались? Совсемъ не слыхалъ!

Иванъ Асанасьевичъ усаживался, раскланиваясь и повторяя:

- Помилуйте!... я всегда уважаль васъ.... ваши познанія.... Извините, что я вошель безь доклада, но вашъ человькъ такъ кръпко спаль въ передней, что миъ жаль было разбудить его....
- Спитъ! и въчно спитъ, разбойникъ!... натура! И Никита Семеновичъ запищалъ такимъ пронзительнымъ голосомъ: «Петька», что у Ивана Аванасьевича зазвеньло въ ушахъ. Черезъ минуту, въ отвътъ на призвание барина, отъ котораго вздрогнулъ-бы и мертвый, послышалось въ передней паденіе какого-то тяжеловъснаго тъла, и вслъдъ за этимъ въ дверяхъ комнаты показалась заспанная фигура съ всклокоченными волосами, въ съромъ сюртукъ, нъкогда довольно-опрятномъ и, въроятно, украшавшемъ барина. Никита Семеновичъ началъ допросъ: — Ты спишь, Петька?

  - Никакъ нътъ-съ?

- Да какъ-же Иванъ Аоанасьевичъ прошелъ мимо тебя, а ты и не замътилъ?
- Никакъ нътъ-съ!
   Что никакъ нътъ-съ?
   Ихъ благородіе и не изволили проходить мимо ме-. — Да чтоже онъ сюда въ окно что-ли влезъ?

  - Не могу знать-съ!... и за поставания
- Какъ! не могу знать? Да ты еще и теперь стоя CHRIEF THE PRESENT HE STATE INCOME THEORY OF STORE
  - Никакъ нътъ-съ! прина минеска дами да порежения
- Послушай, Истька, долго-ли это съ тобой будеть, что ты все будешь спать? Въдь этакъ у насъ все оберуть, пожалуй и тебя самого украдуть!
  - Никакъ нътъ-съ!...
- Да, что никакъ нътъ-съ! Долго-ли я буду тебъ говорить, что-бы ты хоть дверь запираль, когда спать ло-Paradelinit an armen his annuag of the жишься? - Слушаю-съ! протого ставий подаразения става
- Пошелъ-же вонъ, да запри дверь!-Только слушай! Ну воть ей Богу, усни ты еще разъ, такъ и въ Часть отправлю.

Петька ушелъ, сдълавъ какую-то неизъяснимую гримасу. Баринъ обратился къ чиновнику.

 Ну вотъ, что ты будещь дълать съ этимъ наро-домъ? Мученье да и только! Никакого нътъ радънія къ хозяйскому добру. Хоть все вонъ изъ дома вынеси, имъ и горя мало! Ужъ народецъ!... Нътъ! сто разъ благодарите Бога, Иванъ Аоанасьевичъ, что онъ вамъ далъ такого человъка, какъ вашъ Сидоръ. Вотъ ужъ истино за хозяйскую конейку горой стоитъ! А мой-то только и знаетъ, что спитъ. Да хоть бы и спалъ-то по человѣчьи, прости Господи,—а то уткнетъ носъ въ подушку, да такъ и дрыхнетъ. -- Сколько разъ я говорилъ ему, что это вредно, и ухомъ не ведетъ. Ну ужъ народецъ»! И старикъ, покачивая головою, вытащилъ изъ-за рукава большой платокъ и табакерку. Иванъ Аванасьевичь слушалъ эту расправу, слегка улыбаясь, и, казалось, заранъе ръшившись хладнокровно слушать все, что-бы старикъ ни началъ разсказывать. Никита Семеновичъ продолжалъ, посмотръвъ изъ подлобья на чиновника:

— Вы улыбаетесь, Иванъ Аванасьевичъ. Вамъ смѣшно слышать болтовню стирика, не правда-ли? Что дѣлать? «Погода къ осени дождливѣй, а люди къ старости болтливѣй!» сказалъ нашъ баснописецъ, бывши самъ старикомъ, значить, что правда! Ну! да что дѣлать! Потерпите, послушайте! Я знаю, что вы все будете сидѣтъ смирно хоть до заутрени, чтобы я тутъ ни говорилъ. Вѣдь вамъ есть до меня, такъ сказать, нужда.

Иванъ Аоанасьевичъ покраснѣлъ, видя, что хитрый старикъ разомъ угадалъ его намѣреніе, но отвѣчалъ, запиналь: «Помилуйте!... нисколько!... Я собственно хотѣлъ навѣстить васъ, навѣдаться о вашемъ здоровьи!... Я еще помню ваши милости!... ваши совѣты!»

— Полно, правда-ли? Ну! такъ очень-радъ! Посиди, да по раскажи, что новаго въ Петербургъ?

Иванъ Асанасьевичъ спять остановился. Онъ не нашелъ чъмъ начать разговоръ и спросилъ на удачу: «Что это вы читали съ такимъ вниманіемъ, когда я вошелъ?»

Никита Семеновичъ посмотрѣлъ на него съ насмѣшливымъ видомъ и молча отвернулъ переплетъ засаленной книги.

Иванъ Аоанасьевичъ спряталъ въ нее свое раскраснъвшееся лице и прочелъ:

«Мартына Задека, сто-шести лѣтняго славнаго Швейцарскаго старика, любонытное, примѣчанія достойное и многихъ весьма важныхъ въ Европѣ происшествій, событіємъ оправданное предсказаніе, которое онъ друзьямъ своимъ, 20 декабря 1769 года, передъ кончиною своею открылъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ присовокупленіемъ особливаго сочиненія подъ названіемъ: Любопытное предсказаніе о паденіи Турецкаго царства Аравійскимъ звѣздоєловомъ Муста-Эддыномъ. С.-п.-б. въ типотрафіи Байкова.» Года этой знаменитой книги, заглавіе которой вынисано съ историческою точностью, къ-несчастію нельзя было разобрать, по причинь огромнаго пятна какого-то страннаго цвъта. Иванъ Асанасьевичъ положилъ книгу на столъ, повторяя: «Любопытная книжка! очень-хорошая книжка!»

— Полноте вамъ хитрить со мной, Иванъ Аоанасьевичъ, сказалъ старикъ, пощелкивая по носу какую-то красавицу, намалеванную на его табакеркъ: ужъ говорите просто, зачъмъ вы ко мнъ пожаловали? Гдъ вамъ меня обморочить? Не даромъ говоритъ господинъ Лафатеръ, что мысли человъка можно узнатъ по его физіогноміи (И старикъ сдълалъ особенное удареніе на слогъ шо).

Иванъ Аоанасьевичъ, видя, что дальнъйшія отнъкиванія были-бы смъшны и неумъстны, началъ робкимъ голосомъ:

— Видите-ли, Никита Семеновичъ: вы съ разу угадали, что у меня есть что-то на сердцъ. – Позвольте мив разсказать вамъ всв обстоятельства моей жизни, и тогда вы поймсте, чего я буду просить отъ васъ, какъ отъ человъка, извъстнаго своею ученостью. Я, къ-сожалънію, очень-поздно познакомился съ вами, и если-бы судьба свела насъ на первой поръ жизни, то я увъренъ, что теперь не нуждался-бы въ вашей помощи.

Старикъ, нъсколько смягченный словами молодаго чиновника, улыбнулся самодовольно, и въ знакъ одобренія, предложивъ ему табаку, сказалъ важнымъ тономъ: «Продолжайте! Продолжайте, молодой человъкъ! Вы знаете, что я всегда принималь въ васъ участіе и очень-мобопытенъ узнать исторію вашей жизни, потому-что въ тапиствахъ прероды есть скрытое значение каждаго маловажнаго обстоятельства бытія». Последнія слова произнесъ старикъ протяжно и торжественнымъ голосомъ, поднявъ къ верху указательный палецъ правой руки. Иванъ Аванасьевичъ продолжалъ: «Жизнь моя небогата происшествіями: вотъ она въ нъсколькихъ словахъ. Родившись отъ бъднаго человъка, я потерялъ мать свою, еще не понимая, что значить это слово. Отецъ мой не могъ дать мив приличнаго воспитація и я началь учиться въ увадной школь Ванницы, гдъ прошли первые года моего дътства. Выучившись тамъ первымъ началамъ, я какъто по-счастію попаль на глаза къ попечителю Винницкой Гимназін и онъ перевель меня туда на казепный счеть. Я учился порядочно, вышелъ однимъ изъ первыхъ, и поступилъ на службу въ Увздное Казначейство, съ правомъ на 14 классъ. Но тутъ начались непріятности моей службы. Грустно сыну вспоминать о проступкахъ отца. Ничего нътъ ужаснъе положенія — знать и понимать, что отепъ мой дурной человъкъ, что онъ не заслуживаетъ уваженія честныхъ людей. Къ-несчастію это было моимъ уделомъ. Отецъ мой, служившій въ Уездномъ Суде, подвергся всеобщему презрънію, какъ лихоимецъ и человъкъ дурнаго поведенія, и наконецъ долженъ быль подать въ отставку; Окружное Начальство было еще такъ милостиво, что не предало его суду. Отцовскій стыдъ палъ также частію и на меня. Мнъ больно было сносить незаслуженную холодность сослуживцевъ, и я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ перебраться въ Петербургъ. Здъсь, безъ помощи и безъ протекціи, я не зналъ къ кому обратиться. Самъ Богъ внушилъ мнъ мысль прибъгнуть къ вамъ. Вы были единственный человъкъ, котораго я зналъ по имени, потому-что родня ваша жила первоначально въ нашемъ городъ. Вы приняли благосклонно и радушно человъка, вамъ совершенно неизвъстнаго, вы обласкали его, обнадежили, доставили ему штатное мъсто, помогали ему въ нуждъ и совътами, и деньгами. Безъ васъ я-бы, можетъ-быть, погибъ въ этомъ общирномъ городъ, гдъ такъ мало мъста для бъднаго человъка. Но вы недолго были моимъ начальникомъ. Васъ отставили за старостью и я потеряль въ васъ болье чъмъ другіе. - Для другихъ вы были начальникомъ, для меня отцомъ.... Скажите, къ кому-же миъ теперь обратиться съ просьбою, какъ не къ вамъ, у когоже просить миъ совъта, какъ не у васъ?... Никита Семеновичъ! Положеніе мое горько! Новый начальникъ выживаетъ меня съ моего мъста: что я тогда буду дълать? куда пойду я, круглый сирота, потому-что я почти не могу считать отцомъ монмъ того, кто живеть въ Винницъ, проводя дни въ питейныхъ домахъ!... Миъ придется умереть съ голоду. За милостынею руки мон не протянутся, а утопиться въ Невѣ не пустить образъ, которымъ благословила меня мать моя и который никогда не сходить съ груди моей. Къвамъ пришель я въ самую ръшительную минуту, и я увъренъ, мнъ говорить что-то здъсь, въ моемъ сердцъ, что вы поможете мнъ, что вы не оставите меня, что вы во второй разъ спасете меня!»

Молодой человъкъ схватилъ руку старика и кръпко сжалъ ее; въглазахъ его блистали слезы; щеки разгорълись,—онъ былъ прекрасенъ въ эту минуту. Старикъ съ своей стороны отвъчалъ ему на пожатіе, и устремивъ на него свои глаза, блестъвшіе сквозь очки какимъ-то страннымъ огнемъ, отвъчалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ душевнаго волненія:

— Ты правъ, Иванъ! Старикъ тебя не оставитъ, какъ оставили его самого эти люди, которые славятся своимъ великодушіемъ. Да! они лишили меня мъста, они сказали, что я слишкомъ старъ для службы, что память мой неимъетъ необходимой свъжести, что разсудокъ мой ослабълъ, что я имъю множество предразсудковъ, что я суевъръ, если еще не совсъмъ помъщался на монхъ примътахъ.... О! они нашли много причинъ, чтобы отнять у меня кусокъ хлъба, у меня, который быль Бригадиромъ, когда кончалась Великая Екатерина! Мить 80 летъ, но я духомъ и тъломъ бодръе нашихъ двадцати-лътнихъ юношей. Я видълъ то, чему не повърять потомки черезъ сотни лътъ, я видълъ этотъ баснословный въкъ, которому подобный найдется развъ въ арабскихъ сказкахъ, я видълъ такія дъла Русской Императрицы, которыхъ не дълала ни одна сказочная волшебница.—И эти люди, эти выскочки нынъшияго покольнія, нашли, что я шутъ для ихъ въка!... Ты не похожъ на нихъ, Иванъ, и вотъ за что я полюбиль тебя! Въ твоемъ неиспорченномъ сердце хранятся заветы неныненняго века; ты свято въришь въ преданья мудрой старины. Ты не безбожный сорванецъ, не холодный себялюбецъ — и я, на зло всему нынъшнему свъту, спасу тебя!-А! они лишили меня матеріальных в средствъ помочь тебъ!-Но они не знаютъ, что въ моей власти помочь теб' средствами духовными, сдълать тебя во сто разъ богаче и счастливъе пхъ!

И старикъ гордо поднялся съ своего мѣста и, сорвавъ съ себя очки, устремилъ свои сѣрые зрачки, прыгавшіе въ ихъ красноватой оболочкѣ, на изумленнаго чиновника.

ка.

Въ головъ Ивана Аванасьевича мелькнула сначала мысль о томъ, не справедливы-ли слухи о разстройствъ разсудка бывшаго Директора Департамента, но видя увъренность, съ какою этотъ странный старикъ говорилъ о своемъ могуществъ, онъ, слабый и суевърный по природъ, совершение подчинился магическому вліянію своего бывшаго начальника, и смиренне склонилъ голову, не могши вынести магнетическаго блеска его глазъ. Старикъ продолжалъ въ томъ-же торжественномъ тонъ.

— Да, я могу побъдить человъческую элобу! я открыль тайны, которыя тщетно отыскивали всъ великіе люди минувшихъ льть! Я могу сдълать тебя счастливымъ, но для этого, ты долженъ слъпо повиноваться миъ, слъпо върить той сверхъ-естественной силъ, которую я покорилъ себъ!...

Иванъ Аванасьевичь снова съ изумленіемъ взглянуль на старика, лицо котораго получило новое, странное измѣненіе: морщины собрались на лбу его, сѣдыя брови сдвинулись, всѣ черты приняли выраженіе важности и суровости. Это былъ не тотъ человѣкъ, который нѣсколько минутъ тому назадъ такъ прозаически ругалъ своего слугу. Онъ былъ похожъ на прорицателя среднихъ вѣковъ, на древняго волшебника. И еслибы въ это время, на голосъ старика явился какой-нибудь духъ, убѣжавшій изъ волшебныхъ сказокъ, то Иванъ Аванасьевичь нисколько-бы этому не удивился: такъ-овъ былъ увѣренъ въ его могуществѣ. Я весь принадлежу вамъ, вскричалъ онъ наконецъ: располагайте моими поступками! Я вѣрю всему, вѣрю, что вы не обманете надеждъмоихъ!

— И ты не ошибешься! сказаль старикъ. Я сдёлаю для тебя то, чего я не сдёлаль-бы ни для никого на

свъть. Я дамъ тебъ существо, которое внесеть въ домъ твой обиліе, счастіе и спокойствіс; оно будеть охранять, надежнъе всякой стражи, твой покой, твое имущество, твое здоровье; оно будеть невидимо блать надъ всеми твоими поступками, наставлять тебя на истинный путь, указывать теб'в твои недостатки. Это существо драгоц внно для меня самого: оно много помогало мн въ монхъ открытіяхъ, подкрѣпляло меня въ трудахъ монхъ, сдѣлало меня счастливымъ. И для тебя я разстаюсь съ нимъ, я отдаю тебъ моего хранителя, который для меня дороже всёхъ сокровищъ. Онъ будетъ также вёрно служить тебъ, какъ служилъ и миъ самому!-Съ этими словами старикъ подошелъ къ комоду и выдвинулъ нижній ящикъ съ скриномъ и трескомъ. Воображение Ивана Аоанасьевича было такъ взволновано этой сценой, что опъ въ полной увъренности сталъ ожидать, какъ Никита Семеновичъ подарить ему какого-нибудь маленькаго генія, въ родъ Аріеля, съ лазурными крылышками за плечами, съ шелковыми волосами, въ туникъ небеснаго цвъта, сотканной изъ крыльевъ бабочекъ, и въ волнении ожиданія устремиль взоръ свой на открытый ящикъ комода. Тамъ валялось нъсколько кусочковъ бълаго хлъба, сухія корки и крошки чернаго, перем'єшанныя съ кусками сахара. Никита Семеновичъ, нагнувшись надъ ящикомъ, тихо поскребъ ногтемъ по дну его, и огромный чорный тараканъ выбъжалъ изъ щели комода. Старикъ осторожно взялъ его за спину и протянулъ къ Ивану Аоанасьевичу.

 Какъ? что это! проговорилъ едва-внятнымъ голосомъ, внъ себя отъ удивленія, бъдный молодой чело-

въкъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ.

 Это чорный тараканъ, торжественно произнесъ старикъ: для тебя ръшаюсь съ нимъ растаться!...

Иванъ Аоанасьевичъ все еще колебался. Старикъ на-

жмурился.

— Ты, мив кажется, сомивваещься въ справедливости

словъ монхъ, не ръшаешься принять моего дара!

Эти слова возвратили Ивану Аоанасьевичу его рѣшимость. Овъ вспоминаъ наролное повърье, запрешающее Кв. V. — 19. убивать чорныхъ таракановъ, потому-что они приносятъ счастье дому, гдъ заводятся. Онъ сообразилъ всъ слухи, носившеся въ Денартаментъ объ умѣ Никиты Семеновича, о знаніи кабалистическихъ наукъ, о томъ, что онъ часто у себя на дому дълаетъ какіе-то странные опыты. Въ его положеніи, у другихъ ему нельзя было искать никакой помощи, не на что было надъяться; суевъріе взяло верхъ—и онъ рѣшительно протянулъ руку къ старику. Тотъ бережно передалъ таракана и невольная дрожь пробѣжала по тълу молодаго человѣка, когда онъ почувствовалъ въ рукѣ это холодное гладкое тъло. «Нътъ-ли у васъ какой-пибудь коробочки?» сказаль онъ, невольно блъднъя, и чувствуя, какъ тараканъ перебираетъ ножками, стараясь выкарабкаться изъ его горсти.

— Развѣ ты хочень, чтобъ онъ задохнулся въ коробкѣ? — сердито отвѣчалъ старикъ. Положи его въ илатокъ и снеси домой, но смотри, не прищеми ему ланокъ
и не сожми его. Помни, что если онъ умретъ отъ твоей неосторожности, или если ты самъ убъешь его, то всевозможныя страданія обрушатся на тебя и ты мученіями цѣлой жизни не искупншь смерть этого невиннаго существа. Постой! дай миѣ еще разъ посмотрѣть на него!—
И старикъ взялъ илатокъ, въ который Иванъ Афанасьевичъ ужъ увязалъ было таракана, и разостлалъ на столѣ.
Тараканъ, почувствовавъ себя на свободѣ, тотчасъ хотѣлъ-было убѣжать, но вдругъ остановился, услышавъ
голосъ старика, который звалъ его самыми нѣжными
словами, раскрашивая передъ нимъ кусочекъ бѣлаго хлѣба.

— Поди сюда, мой чернушка!... Нокушай въ послъдній разъ изъ рукъ монхъ хльбца. Да смотри-же, служи върно твоему новому хозянну. И въ то время, какъ тараканъ нъжно бралъ хльбъ передними усиками и проворно ълъ его, старикъ, обратившись къ Ивану Афанасьевичу, давалъ ему наставленія, какъ обходиться съ таинственнымъ существомъ: —Ты очистишь для него, какъ и у меня, нижній ящикъ комода. Онъ не станетъ житъ тамъ, но это будеть его столовая. Ты туда каждый день будешь класть мълко искрошенные куски бълаго и чер-

наго хатоа, крошки сахара и всего, что только будеть сладкаго. Онъ тебя еще не знастъ, и потому не будетъ фсть изъ твоихъ рукъ, а приходить объдать въ ящикъ. Для этого ты продержи его только дня три въ ящикъ, чтобы онъ зналъ это место, и потомъ прорежь внизу или съ-боку щель и онъ уйдеть самъ, куда внаетъ. Смотри-же! Берегись нанести ему какой-либо вредь! Не забывай кормить его и ты вскоръ увидишь во всемъ перемъну. Прощай! помни слова мои и не забудь, что твоя судьба тесно связана съ судьбой таракана!-И старикъ, снова, спрятавъ его въ платокъ, бережно сложилъ концы, отдаль Ивану Аванасьевичу и велёль взять рукою пониже за платокъ, чтобы тараканъ не ушелъ въ отверстіе, но вм'єсть съ тімъ, чтобы не лишать его и свободы движенія.... Полный надеждъ и страха, Иванъ Аванасьевичъ, сжимая платокъ съ роковымъ даромъ, пробъжалъ мимо спящаго Иетьки и пустился по грязи съ Несковъ въ Офицерскую.

strongs of the same of T A A B A all, some in the same of the same

norgenterial apertadorenterial les en l'acceptant policie de l'acceptant orant est a l'acceptant de l'acceptant

О домашнемъ бытъ младиаго помощника Столоначальника и о дивномъ и непонятномъ приключени, съ нимъ случившемся. Исторія Сверчка и Паука.

вахъ. Опискеста бълго усраз кунья, и пр. вакуючев по-

Теперь, когда мы внаемъ, кто былъ Иванъ Асанасьевичъ и какимъ образомъ достался ему чорный тараканъ, обратимся снова къ нашему герою т. е. къ Ивану Асанасьевичу, а не къ таракану.

Промоченный до костей, весь въ грязи, вошелъ онъ въ свою скромную комнату, и снявши шинель, опустился на кожаный диванъ, окидывая печальнымъ взоромъ свой костюмъ и стараясь угадать, какія важныя поврежденія произвела въ немъ эта ужасная погода и это несчастное происшествіе, въ которомъ погибъ-было тараканъ. Заперевъ дверь за бариномъ, старый слуга при-

нялся раздівать его. Это быль знаменитый Сидоръ, которому такъ завидовалъ. Никита Семеновичъ. Онъ былъ кръпостной человъкъ матери Совинскаго, которая принесла въ приданое отцу его три ревизскихъ души. Мать Ивана Аоанасьевича, умирая, просила стараго Сидора ходить за ел сыномъ и не оставлять его. Бъдная знала характеръ своего мужа и предвидъла, что онъ не будетъ много заботиться о сынъ. Сидоръ нянчилъ Ивана Абанасьевича, былъ дядькой въ лета молодости барина, наконецъ, последовавъ за нимъ въ Петербургъ, сделался его камердинеромъ. Это былъ одинъ изъ тъхъ слугъ, которых в тенерь можно встретить очень-редко, и то только вдалекъ отъ столицы, гдъ-нибудь въ глуши увзянаго города. Онъ былъ безъ души привязанъ къ Совинскому, никогда не бралъ въ ротъ ни капли вина, не ходиль въ театръ и ворчалъ на барина безъ церемоніи. Любимымъ его занятіемъ быль чулокъ, который онъ вязалъ прекрасно, распъвая исалмы и стихеры. Наружность его была самая обыкновенная: морщиноватое лицо, толстый приплюснутый носъ, нижняя губа немного отвислая и глубокой рубецъ на лъвой щекъ-единственное доказательство, что и Сидоръ былъ когда-то молодъ. Его другомъ и собесъдникомъ былъ жирный котъ Мурька, котораго онъ спасъ въ самые нъжные года отъ мучительной смерти потопленія въ одномъ не-ароматномъ мъсть и котораго самъ вскормилъ и воспиталъ, т. е. выучилъ прыгать черезъ руку и сидъть на заднихъ лапахъ. Они всегда были неразлучны, и въ какую-бы погоду Сидоръ ни выходилъ въ лавочку или булочную, Мурька всегда шелъ за нимъ, поднявъ хвостъ, самымъ важнымъ шагомъ. Такъ какъ посъщенія Сидора ограничивались этими двумя м'встами, то Мурьк'в не было большаго труда ему сопутствовать. Сначала это всёхъ смёшило, но потомъ всѣ къ этому привыкли, и безпокоились, когда старый слуга являлся одинъ. Впрочемъ два раза въ недълю, именно въ воскресенье и въ большіе праздники Сидоръ ходилъ въ церковь, и въ субботу въ Желтый рынокъ закупать для барина недельную провивію; тогда Мурька уже не провожаль его, и спокойно

оставался дома лежать на нечкъ. Для этого Сидору нужно было только сказать: Мурька! я иду въ церковь, или Мурька! я иду на рынокъ!—И понятливый котъ свертывался кольцомъ и ложился на свое обыкновенное мъсто. Изръдка Сидоръ принималъ у себя гостей—Осица лавочника, и Ивана Антоновича, обрусъвшаго нъмца булочника, и этимъ ограничивался весь кругъ его знакомства.

Въ этотъ вечеръ старикъ принялся было молча раздъвать барина, но, увидъвъ, въ какомъ положени нахо-

дится его платье, вскричаль, всплеснувъ руками.

— Что это съ вами, батюшка? Гдв это Богъ помогъ вамъ этакъ отделать вашъ вицъ-мундиръ и брюки! Смотрите ведь на нихъ лица нетъ! Это удивительно! только вы одни, кажется, и можете такъ вышачкаться!... Создатель мой! А сапоги-то, сапоги, хоть выжми!... На-долго намъ станетъ вашего жалованья! Нобойтесь Бога, Иванъ Аоанасьевичъ!... Можно-ли такъ не беречь своего платья, ведь у васъ и всего-то-на-все две пары! Что это такое»?..

— Ничего, Сидоръ... я уналъ по дорогъ... это можно отчистить, высущить. Къ новому году, дастъ Богъ полу-

чу награжденье.... Сошью новое....

— Получу награжденіе!... сошью новое! это все еще когда-то будеть, а теперь, глядишь, все испортили!... Отчистить?... Разв'в это ничего не стоить? Надъ этимъ часа два потрудишься!

— Хорошо, хорошо!... только теперь, сдёлай одолженіе, дай ми объдать... я очень проголодался!.. Да! вотъ пятиалтынный.... спроси ми въ лавкъ бутылку пива!... Я хо-

чу сограться! по отпри принцина принцин принцина принцина принцина принцина принцина принцина принцина

— То-то согръться, чай всъ ноги промочили! Долголи тутъ до простуды, въ такую погоду!... Извольте у меня тотчасъ надъть чистое бълье и теплые чулки! Захво-

раете, такъ одной возни съ вами не оберешься!

— Я сей-часъ все сдѣлаю, только пожалуйста сходи поскорѣе. —Сидоръ, въ сопровожденіи Мурьки, отправился въ лавочку, которая была въ томъ-же домѣ. Иванъ Аоанасьевичь, нарочно пославшій его, чтобы остаться одному, проворно бросился къ своему комоду, опорожнилъ нижній ящикъ, потомъ открылъ маленькой шкафикъ, стояв-

шій на этомъ-же комод'ь, вынуль кусокъ хліба, покрошиль его въ ящикъ, вытряхнулъ туда платокъ, и задвинувъ, заперъ на ключъ; потомъ въ одну минуту раздълся и легъ на диванъ въ ожиданіи об'єда и Сидора. — Весь этотъ вечеръ Иванъ Аоанасьевичъ провелъ дома, лежа на диванъ и читая «Библіотеку для Чтенія». Чтеніе его однако-же было очень-разсъянно: въ его воображени поминутно мелькалъ Никита Семеновичъ и чорный тараканъ, и эта хорошенькая дъвушка, съ которой онъ столкнулся посреди грязи. Съ тайнымъ страхомъ легъ онъ спать на этомъ-же диванъ, ожидая чего-то сверхъ-естественнаго. Долго не могъ онъ сомкнуть глазъ и не разъ съ трепетомъ сердца обращалъ взоры свои на нижній ящикъ комода; мысли быстро смінялись въ головів его. Спачала сквозь дурно-притворенную дверь сосъдней комнаты слышалось ему однообразное и вніе Сидора, и длинная полоса свъта проръзывалась изъ щели, потомъ она погасла, пъніе смолкло и вм'єсто его раздалось тихое храпъніе, сопровождаемое изръдка глухимъ каплемъ. Ничего этого обыкновенно никогда не слыхалъ Иванъ Аоанасьевичъ, но въ эту ночь слухъ его получилъ удивительную тонкость. Онъ явстенно услышалъ бой карманныхъ часовъ, которые клалъ всегда подлъ себя на столикъ, нереложилъ ихъ на самой край, -- они все еще стучали, сприталь ихъ цодъ подушку—еще хуже — онъ звънъли ему подъ самымъ ухомъ. Это ему надоъло, онъ вздумалъ перенести ихъ на другой край комнаты, но долго не ръшался встать съ постели. Наконецъ, тихо опустивъ ноги, онъ взялъ эти досадные часы, и долго сидълъ, смотря на движение стрълки и считая біенія сердца. Потомъ всталь, подошелъ къ письменному столу, положилъ-не корощо! на окошко-не ловко, на шкафъ съ платьемъ - высоко, оставался одинъ комодъ-страшно! Наконецъ онъ ръшился запереть ихъ въ ящикъ письменнаго стола, но когда щелкнуль замокъ, онъ почувствовалъ невольную дрожь и, проворно опустивъ часы въ ящикъ, вскочилъ на диванъ и закутался въ одъяло. Онъ твердо ръшился лежать съ вакрытыми глазами и кръпко зажмурилъ ихъ, но какаято странная сила поминутно заставляла его открывать ихъ и смотреть на роковой ящикъ. Грозный комодъ, стояшій въ углу, быль освіщень сіяніемь лампады, внсъвшей передъ образомъ на противоположномъ концъ комнаты. Остальная часть ея была погружена во мракъ. Нъсколько портретовъ, развъщанныхъ по стънъ надъкомодомъ. вокругъ зеркала, какъ-то странно смотръли на Ивана Аоанасьевича. Мышь, которая заскреблась гдв-то въ углу комнаты, заставила его вздрогнуть. Отъ протяжнаго оклика будочника на улицъ-серце его замерло. Онъ насильно закрылъ глаза, твердо ръшившись ни о чемъ не думать и повернулся къ стънъ. Но темнота принимала для него странныя формы, расцвъчивалась красками и двигалась. Сначала массы ел закружились, потомъ пробъжали быстро мимо глазъ, и по нимъ посыщались свътлыя точки. Вотъ онъ слились въ одну и она начала описывать круги и зигзаги, и Иванъ Аоанасьевичъ слъдилъ за ней глазами, хотя они были закрыты. Точка то опускалась, то поднималась, то растягивалась свътлою полосою, края ея то багровъли, то становились ярко-фіолетоваго цвъта, и вотъ появилось множество колецъ темныхъ и яркихъ, красныхъ и безцвътныхъ, и они закружились. Вотъ какія-то фантастическія фигуры начали показываться въ ихъ центръ, развиваясь быстро къ окружности, перемъняя цвъта и формы, уменьшаясь и увеличиваясь, приближаясь и удаляясь, какъ въ фантасмагоріи. Вотъ показалось въ нихъ угрюмое лиде Никиты Семеновича: оно начало растягиваться до исполинскаго объема и превратилось въ какое-то чуловище, которое вдругъ исчезло. Потомъ явилось въ мізховой шапочкъ миленькое личико дъвушки: оно такъ привътливо улыбалось—и вдругъ, о ужасъ! обратилось въ огромнаго чернаго таракана! Холодный потъ выступилъ на тыть Ивана Аоанасьевича. Онъ чувствоваль, какъ кровь медленнъе приливалась къ сердцу, потомъ она вдругъ съ новой силой къ нему прихлынула, онъ не чувствовалъ присутствія своихъ членовъ, теплый паръ обхватилъ его голову, массы мрака опять закружились передъ его глазами. Тъло таракана вдругъ уменьшилось до точки, но за то ноги и усы его вытянулись въ длинныя свътдыя нити, которыя переплелися между собою въ

блестящія сътки; потомъ все это заколебалось, мракъ становился гуще и гуще, и вдругъ застыль стъною. Электрическая дрожь пробъжала по тълу Ивана Аоанасьевича. Какой-то болъзненный ударъ отозвался въ голову, все тъло приняло неподвижное положеніе, машинально открылъ онъ глаза.... На противоположномъ концъ дивана, на высокой спинкъ его, украшенной разными арабесками, сидълъ, поджавши заднія лапки, чорный тараканъї

Иванъ Афанасьевичъ остался неподвиженъ, не имъя ни силы, ни воли пошевельнуть однимъ членомъ, и устремивъ глаза свои на это существо, которое, облитое свътомъ лампады, ярко рисовалось на жолтомъ грунтъ диванной спинки.

Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ въ ушахъ Ивана Аоанасьевича раздался тонкій, пискливый голосъ, едва внятный, но который доходилъ однако прямо до его уха, съ малѣйшими оттѣнками звука, съ тончайшими переливами голоса.

Тараканъ говорилъ:

— Заравствуйте, Иванъ Абанасьевичъ! очень-радъ познакомиться съ вами! Я чрезвычайно доволенъ, что перемънилъ квартиру! На той мнъ становилось очень-скучно: я зналь на-изусть каждую трещину въ штукатуркъ, каждую щель въ полу. Старые мои знакомые большой паукъ, жившій очень-весело въ одной трещинъ карниза, и молодой сверчокъ, имъвшій свою квартиру за печкою, давно умерли! Одному мнъ было скучно. Паукъ былъ очень-веселаго характера: онъ часто спускался ко мнъ въ норку, поговорить со мною въ прекрасныя темныя ночи. Я также иногда платиль ему визить, взлъзая на карнизъ, гдъ мы обыкновенно усаживались рядомъ и часто, проговоривъ всю ночь, съ сожалъніемъ разставались. Паукъ былъ большой философъ: сверху своего карниза онъ бросалъ на міръ высшіе взгляды, и опутывая паутиною бъдныхъ мухъ, всегда читалъ имъ правоучение. Одно въ немъ миъ не правилось: онъ былъ такой охотникъ до крови, такой жадный. — Бывало, мы говоримъ очень-спокойно, какъ вдругъ онъ весь надуется, задро-

житъ, и опрометью бросится отъ меня, заслышавъ крики мухи, попавшейся въ его съти. Не разъ онъ уговаривалъ меня попробовать его добычи, но признаюсь, я всегда былъ скромнаго нрава и любилъ одинъ бълый хльбъ и сахаръ. А какой онъ былъ славный охотникъ! какъ искусно онъ плелъ свою паутину, и раскидывалъ ее въ такихъ мъстахъ, гдъ чаще летали мухи! Я нъсколько разъ бывалъ свидътелемъ его хитрости и хохоталъ оть души. Иногда мы съ нимъ вмѣсть отправлялись въ гости къ сверчку. Этогъ, напротивъ, былъ большой нелюдимъ: онъ никогда не выходилъ изъ своей теплой канурки и въчно, бывало, гръеть лапки въ теплой золъ или поетъ свою пъсню. Мы часто смъялись надъ пустынникомъ, особливо паукъ, не разъ приглашая его посмотръть на свътъ. Но сверчокъ никогда не соглашался. Онъ съ удовольствіемъ принималь насъ и разговариваль съ нами, но никогда не отдавалъ намъ визита. Мы удивлялись всегда, какъ онъ можетъ жить въ такомъ жару, но онъ, повалившись на спину и вздернувъ къ верху свои лапки, замаранныя въ сажь, грълся, пълъ цълой день и ничего не хотълъ слушать. Ведя такую праздную и бездъйственную жизнь, онъ, разумъется, быль мало образованъ и часто не върилъ нашимъ разсказамъ о томъ, что дълается въ свътъ. За то какія прекрасныя сказки онъ намъ разсказывалъ: у меня, бывало, сердце замретъ отъ умиленія, и самъ паукъ, хоть и называлъ меня добрякомъ и простякомъ, бывало, всегда растрогается. Особливо одна! Ахъ накъ она хороша была!... «О Мушкъ Черноглазкъ» и «О Тараканшъ Бълоусъ» - хотите-ли я вамъ разскажу ее?... Да что это вы лежите такъ неподвижно, не скажете ни слова, дажене мигнете глазами?.... Ужъ не б онтесь-ли вы -меня?... Иванъ Аоанасьевичъ покраснълъ при мысли, что онъ могъ испугаться таракана: онъ постарался улыбнуться, и голосомъ, не совстмъ еще твердымъ, пробормоталъ.

— O! совсъмъ нътъ-съ! Помилуйте! какъ это можно?...

я напротивъ.... чрезвычайно радъ вашему знакомству!...
мнъ весьма лестно!... я такъ.... немножко удивленъ!...

[—] Чему? продолжалъ тараканъ. Что я ръшился познакомиться съ вами! . . . Это было желаніе Никиты Семе-

повича, который рекомендоваль мив вась, какъ человъка умнаго и прекраснаго. Я, признаюсь вамъ, ръдко свожу знакомство съ людьми пынёшияго века. Они ничему не върятъ, такіе скептики — но вы совсъмъ на нихъ не по-хожи. Вы, върно, не находите ничего страннаго въ моемъ появленіи. Вы вірно не изъ тіхъ смінныхъ людей, которые имъютъ странную претензію - думать, что имъ однимъ дана возможность говорить на этомъ свътъ и что будто всв прочія созданія лишены дара слова, и должны всю жизнь свою молчать. Какая сумасбродная идея! По ихъ мивнію, мы должны прекрасно знать пантомиму, потому-что вёдь надобно-же какъ нибудь объясняться.-Но вы, върно, не довольны тъмъ, что я такъ много говорю - извините: я такъ давно молчалъ! Никита Семеновичъ не любилъ меня слушать, а друзья мон, какъ я уже вамъ говорилъ, умерли въ цвътущихъ лътахъ. Вы сами, прио, имъли друзей, и понимаете, что значить остаться одному на этомъ свъть, совершенно одному.... Извините! л не могу хладнокровно вспомнить объ ихъ кончинъ. Слезы текуть изъ глазъ моихъ.-И тараканъ передними лапками началъ отпрать свою мордочку. Иванъ Аванасьевичь все еще не върплъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Онъ находился подъ вліяніемъ какого-то особеннаго магическаго чувства и не могъ дать себт отчета въ своемъ положенія. Тараканъ продолжаль: до дизи и запесью сво

— Я увъренъ, что вы примете участіе въ моей горести, и потому разскажу вамъ въ нъсколькихъ словахъ исторію смерти монхъ друзей. Разъ какъ-то я изъ своего убъжища любовался на прыжки ловкой и стройной мыши, бъгавшей но комнать и катавшей передъ собою кусокъ заплъснъвъвшей корки, которую она нашла гдъ-то подъ шканомъ. Игрунья забавляла меня, и я, забывъ всё предосторожности, вышелъ изъ норки, чтобъ поближе посмотръть на нее. Вдругъ коварная, оставивъ свой хлъбъ, бросилась на меня, и прежде, чъмъ я успълъ сдълать шагъ,
сжала меня правой передней лапкой. Я почувствовалъ
ужасную боль во всъхъ членахъ, но по-счастію успълъ
спрятать подъ себя свои ноги: безъ этого она-бы тотчасъ оборвала ихъ. Она подержала меня съ минуту и

потомъ бросила на полъ; по-счастію кожа моя довольнокръпка и я не ушибся, но все-таки лежалъ какъ мертвый, зная что она прытнетъ на меня если сделаю хоть малъйшее движение. Сколько мучений перенесъ я въ это время! Съ минуты на минуту ждалъ я, что она меня раздавить, и воть чувствую, какъ она спять меня схватила и понесла въ ротъ: я слышалъ уже какъ зубы ея скользнули по моей гладкой и твердой оболочкъ ... еще мгновеніе и я былъ-бы раздавленъ ея зубами.... но видно, что она не нашла меня по своему вкусу и выплюнула вонъ. Этимъ страданія мои еще не кончились: она опять схватила меня и начала швырять изъ угла въ уголъ какъ мячикъ. Я былъ совсъмъ избитъ и измятъ, и ужъ терялъ чувства, какъ вдругъ скрипъ двери заставилъ мою мучительницу бросить меня и опрометью убъжать въ свою квартиру. Къ-счастью еще, что она не догадалась унести меня съ собою. Избавитель мой былъ Петька, слуга Никиты Семеновича. Онъ пришелъ вымести комнату (самый глу-пый обычай, лишающій насъ часто средствъ къ пропитанію и веселаго препровожденія времени — рыться въ сору и играть съ пробками, лоскутками бумаги и кусочками дерева). Онъ несъ съ собою ужасное орудіе пытки, которое вы называете щеткой, и началъ свою безчеловъчную работу. Застигнутый въ такомъ углу, гдъ не было никакого отверстія, я поб'єжаль по стінь-и прямо въ щель къ моему другу - науку. Петька по-счастію не разглядель меня своими заспанными глазами. Другь мой, послъ сытнаго завтрака, сидълъ безъ движенія, сложивши ланки. Вокругъ него валялось множество обрывковъ наутины, въкоторыхъ была запутана куча сухихъ мушекъ, головокъ, ногъ, крылышекъ, и скелеты комаровъ еще

прошлаго л'ьта.

— Здравствуй, другъ мой! сказалъ я ему. Онъ такъ на влел и растолствль, что насилу отв'ьчалъ мн'ь охриплымъ голосомъ: «А! это ты, Чернуша! что скажень новенькаго»?

— Я ему разсказалъ о несчастій со мной случившемся, и о гибели, мн'ь угрожавшей. Онъ см'вліся.... «Эге! такъ она теб'ь порядочно бока помяла!... Ха! ха! ха! это очень хорошій моціонъ!... Ты-же такой увалень, на-силу перева-

мышиныя прыжки! Ахъ ты фаля!... И онъ опять захохоталь».

Признаюсь, отъ друга моего я не ожидалъ такого пріема; я думалъ встрътить сожальніе, а не насмышку надъмоей простотою.

- Грвшно тебъ смъяться надъ несчастіемъ другаго, сказалъ я печально. Оно можетъ случиться со всякимъ. Повърь, что я сердечно пожалью о тебъ, если ты будешь когда-нибудь въ подобномъ положеніи.
- Я не такъ глупъ, какъ ты, отвъчалъ онъ, й мена не скоро поймаеть. Это ваша братья, простяки, всему удивляетесь! Я на своемъ въку довольно наглядълся на разныя разности!... Постойка!... что это? и онъ началъ пристально слушать, потомъ вдругъ задрожалъ, затрясся, глаза налились кровью.... Такъ и есть! муха.... да какая жирная! У! да какъ она кричитъ!... Славно! славно! еще добыча!...
- Помилуй, сказалъ я, стараясь удержать его: не стыдно-ли! Давно-ли ты позавтракалъ? Смотри, насилу двигаешься!...
- Ничего! ничего! лакомый кусокъ никогда не лишній! отвічаль онь съ какимъ-то злобнымъ выраженіемъ, и быстро побіжаль по ниткі къ своей паутинів.—Не усивль я оглянуться, какъ вдругь убійственное орудіе смахнуло его внизъ вмісті съ паутиной и страшный, отчаянный крикъ, услышанный только мною, раздался подъ ногою Нетьки. Я безъ чувствъ свалился съ карниза.

Три дня пролежаль я больной оть внутренняго потрясенія и оть пожатія мыши, оплакивая моего погибшаго друга. Не смотря на его алчность и насм'єшливость, онъбыль очень веселое созданіе и я всей лушой любиль его. На четвертый день я вздумаль посётить нашего общаго друга сверчка и принести ему плачевное изв'єстіє. Вечеромъ отправился я въ переднюю и, взлезши по печк'є възнакомую дыру, остановился въ удивленіи: друга моего сверчка тамъ не было! Я хорошо зналъ его привычки,

и быль увърень, что найду его въ знакомой ямкъ, гдъ онъ обыкновенно лежалъ на спинъ, поднявши къ-верху ножки; но увидя противное, признаюсь, я не зналъ, что подумать. Со страхомъ въ душъ пошелъ я искать его въ печкъ, и... о ужасъ! нашелъ его въ длинной черной отдушинъ, прищемленнаго за объ переднія ножки огромною выошкою. Онъ лежалъ безъ движенія, и я сначала подумалъ, что онъ умеръ, но на голосъ мой онъ открымъ глаза и радостно закачалъ усиками.

- Ты-ли это другъ мой Чернуша? сказалъ онъ слабымъ голосомъ.
- Я! я... милый мой Пискунчикъ!... Но скажи ради Бога, что съ тобою?
- Ты видишь мое положеніе!... Я вышелъ немножко прогуляться въ этотъ проходъ, потому-что внизу сдѣлалось очень жарко, и легъ здѣсь не много отдохнуть. Вдругъ раздался ужаснѣйшій шумъ. Я не успѣлъ опомниться, какъ одна стѣна изчезла, въ нее мелькнулъ дневной свѣтъ и въ туже минуту полезла сюда эта грозная машина; я едва успѣлъ отскочить въ сторону, какъ она обрушилась и придавила мнѣ переднія ноги. Вотъ уже третій день, какъ я нахожусь въ этомъ положеніи, умираю отъ голода и изнуренія и чувствую, что конецъ мой близокъ.
- Но помилуй, другъ мой! Ты-бы могъ избавиться отъ этого ужаснаго положенія. Стоило теб'є только по-казать твердость характера и рвануться впередъ. Ты-бы спасся, оставя зд'єсь только кончики ногъ: все-же это лучше, ч'ємъ умереть.
- И ты думаешь, что я на это когда-бы нибудь рѣшился? Оторвать себъ ноги! ни зачто на свътъ!
- Ну такъ ты-бы могъ перекусить ихъ!
  - Боже меня сохрани.
- _ Какой-же ты малодушный!
- За чтожъ я себя буду мучить?
- Ну, хочешь, я теб' окажу услугу—откушу теб' кончики ногъ, какъ множно ближе къ выюшкъ?

- Не хочу! не хочу! Ты съ ума сошель! закричалъ сверчокъ и забился на мъстъ. Это еще болъе усилило боль и онъ въ изнеможени упалъ, повторяя жалобнымъ голосомъ:—Голубчикъ Чернуша! не тронь!... сдълай милостъ не тронь! Это будетъ очень больно!... Я и безъ того умираю!
- Какъ хочешь, отвъчалъ я сквозь слезы!... Не принести-ли тебъ по-крайней-мъръ чего-нибудь покушать?...
- Нѣтъ, я не въ силахъ!... прошепталъ онъ едва слышно!... Я умираю!... Тамъ.... въ углу.... у меня спрятанъ запасъ разныхъ лакомствъ, оставляю тебъ въ наслъдство.... не забудь друга!... похорони меня, какъ слъдуетъ доброму и честному сверчку.... Прощай, другъ мой.... Оставь!... Не кусай мнъ мои хорошенькія ножки, на которыхъ я такъ весело прыгалъ.... Съ этими словами предсмертная дрожь пробъжала по его тълу, онъ зашевелилъ задними лапками и скончался!...

Съ мрачнымъ отчаяньемъ въ сердцѣ, отгрызъ я несчастныя ноги у покойника, бывшія причиной его преждевременной смерти, и стащивъ его въ самый отдаленный уголъ печки, вырылъ ему у стѣны, въ сажѣ, скромную могилу, насыпалъ надъ нимъ изъ мелкихъ угольевъ высокій холмъ, и собственною своею лапкою выскоблилъ эпитафію на толстомъ слоѣ сажи, прилипшей къ стѣиѣ!

И окончивъ свой разсказъ, тараканъ закрылъ голову лапками и грустно опустилъ ее!...

Иванъ Аоанасьевичъ лежалъ, попрежнему, неподвиженъ. Все, что онъ видълъ, все, что онъ слышалъ, было такъ странно, такъ несбыточно, но между-тъмъ такъ очевидно, что онъ не зналъ, какъ объяснить себъ свое положеніе. Ему казалось невъроятнымъ, чтобы существо, которое было такъ пичтожно, могло имъть вліяніе на его судьбу. Онъ ръшился наконецъ сдълать вопросъ въ самомъ почтительномъ тонъ:

— Но позвольте мив спросить васъ.... Никита Семеновичъ говорилъ мив, что вы можете устроить.... т. е. улучшитъ мое положение. Такъ мив-бы хотвлось узнать....

Тараканъ быстро поднялъ голову. - Вы сомнъваетесь въ этомъ? не правда-ли? Вы хотите знать, какимъ образомъ я, существо слабое, могу имъть власть надъ вами, царями животныхъ, какъ вы себя называете? Но знайте-же (и тутъ голосъ его сдълался важенъ и торжественъ), что въ природъ есть тайны, которыхъ никогла не понять и не разгадать вамъ, царямъ земли! Я докажу на дъль власть свою надъ обстоятельствами. Но если-бы я даже разсказаль, какимъ образомъ имью эту власть и какъ она проявляется, вы-бы этого никогда не поняли!... Вы мъряете все своимъ умомъ, и все, что находится за его предълами почитаете несбыточнымъ. неправдоподобнымъ. Я знаю ваше положение и могу улучшить его. Вы мив понравились, вы върите, что я точно могу все это сдълать и ничего не находите сверхъестественнаго въ моемъ появленіи. Если-бы Никита Семеновичъ и не приказалъ мив служить вамъ, то я бы самъ принялъ въ васъ участіе. Къ тому-же вы спасли меня отъ смерти въ этой глубокой лужъ, хоть для себя, но все таки спасли. Вы въ опасности потерять мъсто, безъ котораго можете умереть съ голоду, успокойтесь! Завтра-же все перемънится! У васъ еще одна тайная мысль, въ которой вы сами себъ боитесь признаться: завтра-же вы опять ее увидите, а теперь ужъ поздно! Надъйтесь! върьте миъ и спите спокойно! И въ туже минуту дрожь снова пробъжала по тълу Ивана Аванасьевича; онъ противъ воли закрылъ глаза, темнота снова заклубилась передъ нимъ, снова запрыгали яркія точки,онъ потерялъ сознаніе всёхъ чувствъ. st pobsant romocogy cappoints alabe, in Magaril Cresa-

BORNEL CROURS Group or Brain of Manie Ca, Creax

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕВЪ ПОВЪСТВОВАНІЕ О КАНЦЕЛЯРСКОЙ ЖИЗНИ, О ВТОРИЧНОМЪ ПОЯВЛЕНІИ ЧОРНАГО ТАРАКАНА И О СТРАННЫХЪ ВЕЩАХЪ, КОТОРЫЯ ОНЪ РАЗСКАЗЫВАЛЪ.

Когда Иванъ Аванасьевичъ открылъ глаза, дневной свътъ билъ въ окна, и Сидоръ стоялъ передъ нимъ съ недовольнымъ выражениемъ въ лицъ.

— Да что это вы, сударь, заспались, ворчаль онъ: я васъ не добужусь; ужъ давно 9-ть часовъ; пора въ Департаментъ. Спите какъ убитый и ничего не слышите! Чтожъ вы ночь-то дълали? Словно глазъ не смыкали. Ла полноте-же валяться, вставайте, вставайте, а то я право стащу одбяло....

Иванъ Афанасьевичъ поднялся съ смутными глазами. Въ головъ его бродилъ хаосъ догадокъ, сомнъній, предположеній. Сцена прошедшей ночи живо представлялась его воображению: и этотъ тараканъ, и его разсказы, и смерть паука и объщанія — все это такъ перепутало его идеи, что онъ не быль даже увъренъ, спить-ли онъ теперь или нътъ? Нъсколько разъ во-время одъванья восклицалъ онъ про-себя: Во сиъ или на яву я это видъль? Казалось, что по всёмъ соображеніямъ разума ничего подобнаго не могло случиться, а между-тъмъ онъ такъ живо, осязательно видълъ все это, и слова страннаго созданія такъ неизгладимо напечатл'влись въ его памяти! Выславъ за чёмъ-то на минуту изъ комнаты своего слугу, онъ бросился къ комоду: нижній ящикъ быль заперть: быстро выдвинуль онъ его, что-то черное бросилось опрометью въ другой уголъ, испуганное шумомъ — это былъ тараканъ. Иванъ Аванасьевичъ въ ужасъ захлопнулъ ящикъ. Дорогою онъ размышлялъ о странномъ приключении, и приготовлялся перенести выговоръ строгаго начальника отдъленія за позднее прибытіе въ Денартаментъ. Противъ его воли однако какой-то тайный голосъ шенталъ ему: надъйся! Когда онъ въ передней отдалъ сторожу шинель свою

и робкимъ голосомъ спросилъ: «Здъсь ли Игнатій Степановичь?» и когда сторожъ отвъчалъ: «Ужъ давно-съ, » страхъ заставиль сильнъе биться его сердце, и онъ на цыпочкахъ вошелъ въ святилище Департамента, доступное не

многимъ избраннымъ. Тамъ все было по-прежнему: тъ-же длинные столы, накрытые черною вощанкою, тъ-же чернильницы, симметрически на нихъ разставленныя, тотъ-же бледно-красный цвыть стынь, тыже столовые часы, на которые чиновники поглядывають съ тайнымъ желаніемъ, чтобы

стрълка поскоръе стала на вожделенное число III. Снова представилась ему эта длинная, темная, скучная комната, которая, казалось, жила особенною, ей свойственною, однообразною жизнію. Это быль огромный полипъ, котораго живыми, движущимися членами были эти блёдные, худые чиновники, живущіе отд'ёльною жизнію, но прикованные невидимою, кръпкою нитью къ стънамъ своего жилища. Тамъ были люди, которые, казалось, срослись со стуломъ, на которомъ они проводили большую половину своей жизни: имъ чего-то не доставало, если передъ-ними не было ихъ роднаго, чорнаго стола, на которомъ каждое пятнышко, каждая неровность, были имъ извъстны и знакомы. Тамъ были олицетворенныя выписки изъ д'влъ, худые и тощіе, которые даже къ своимъ пріятелямъ писали сокращенно: «См: братецъ! прим: за твоимъ слугой, онъ тебя обкрадываетъ», и которые были сами сокращениемъ человъка - чекъ. Жизнь эта была холодна, какъ улитка, регулярна какъ маятникъ, однообразна какъ петербургскіе дожди. Все было по-старому: муха, убитал на стънъ какимъ-то досужимъ чиновникомъ прошлое лъто, бантъ на галстухъ Потапа Васильевича, третья пуговица на вицъ-мундиръ Семена Николаевича, у которой ноги орла приходились на-верху! Маленькая перемъна была только въ одномъ: передъ грознымъ Игнатьемъ Степановичемъ, начальникомъ отдъленія, стояль съ потупленной головою не младшій помощникъ столоначальника Иванъ Аоанасьевичъ Совинскій, какъ это всегда бывало, но старшій Александръ Ивановичь Петликовъ, какъ этого почти никогда не бы-

Увидя входящаго Ивана Аванасьевича, начальникъ отдъленія, вибсто того, чтобъ сдълать ему строгій выговоръ, ласково обратился къ нему, и подавая руку, сказаль смягченнымъ голосомъ: «Здравствуйте! я васъ ждаль! Потрудитесь-ка мив разсмотръть вотъ это дъло, и сдълать изъ него краткую вышиску, изложивъ самую сущность дъла. Г-нъ Петликовъ напуталъ тутъ Богъ знаетъ что.» Съ этими словами онъ передалъ огромную кипу бумагъ.

Иванъ Аванасьевичъ остановился въ изумленіи: вопервыхъ его поразило то, что Игнатій Степановичъ бранилъ своего любимца, который отъ него никогда не слыкалъ другаго выговора, кромѣ того, что онъ у него на
вечерѣ сходилъ съ туза, когда ему надобно было ходить
съ маленькой; во-вторыхъ, то, что онъ сказалъ ему:
«здравствуйте», когда обыкновенно только кивалъ головою,
и въ-третьихъ, онъ подалъ ему руку, что случалось только тогда, когда Иванъ Аванасьевичъ поздравлялъ его съ
наградой или повышеніемъ. Въ-силу всѣхъ этихъ законныхъ причинъ Иванъ Аванасьевичъ истинно могъ удивиться.

Каково было его удивленіе, когда начальникъ отдѣленія, просмотрѣвъ записку, оконченную имъ около четырехъ часовъ, еще разъ пожалъ его руку и сказалъ: «Очень, очень-хорошо, Иванъ Аванасьевичъ! Признаюсь, я до-сихъ-поръ дурно цѣнилъ васъ. У васъ удивительно вѣрный вглядъ на предметы. Проту короче познакомиться. У меня сего-дня вечеръ. Пожалуйте, безъ церемоніи ко мнѣ, милости просимъ. Скажу вамъ но секрету, что я очень не доволенъ Алексѣемъ Иванычемъ и что мѣсто это по всей справедливости должно принадлежать вамъ!» Съ этими словами начальникъ ушелъ.

Могъ-ли Иванъ Аоанасьевичъ, характера по природъ довърчиваго и слабаго, не повърить послъ этого могу-щественному вліянію чорнаго таракана? Какъ онъ ни объясняль себъ обыкновеннымъ образомъ все съ нимъ случившееся, но никакъ не могъ отыскать причины, по которой все это могло произойти. Съ другой стороны, наклонный къ суевърію, съ воображеніемъ, разгоряченнымъ происшествіемъ прошедшей ночи, онъ повърилъ власти таракана и благодарилъ судьбу за неожиданное покровительство. Возвратясь домой, онъ пообъдалъ, и въ ожиданіи вечера, улегся опить на своемъ диванъ помечтать.

Покамъстъ было еще свътло, мысли его кружились около обыкновенныхъ предметовъ: онъ строилъ воздушные замки, воображалъ себя начальникомъ отдъленія, съ Анной на шеъ, и мужемъ хорошенькой дъвушки въ мъховой шапочкъ. При этой мысли пришли ему на умъ слова таракана: «завтра-же вы опять ее увидите». Онъ снова сталь думать объ этомъ необыкновенномъ существъ, снова фантастические образы замелькали у него передъ глазами, голова его закружилась, и вдругъ снова опять эта странная электрическая дрожь пробъжала по его тълу, снова непреодолимая сила заставила его открыть глаза, и во мракъ вечернихъ сумерекъ, на томъ-же мъстъ дивана, неясно обрисовался призракъ чорнаю тара-кана. На этотъ разъ Иванъ Афанасьевичъ не такъ испутался. Тараканъ говорилъ:

мен. гаракан в говорым в. «Вотъ я и опять пришемъ съ вами побесъдовать, почтенньйшій Иванъ Аванасьевичь. Ну что? Правду-ли л говорилъ? Не улучшились-ли дъла ваши? Вотъ то-то и есть: не мудрить-бы напрасно, а побольше върить, такъ дъло-бы лучше было. Погодите! еще то-ли вы увидите! Положитесь во всемъ на меня-и повърьте, что не будете раскаяваться. Позвольте однако сдёлать вамъ маленькое замъчание: вы обо мнъ и позабыли. Накрошили вчера мив очень-мало хлаба, а сего-дня и совствить ничего. Пожалуста не забывайте объ этомъ. Вамъ, можетьбыть, покажется страннымъ, что я являюсь къ вамъ по ночамъ, въ то время, когда вы дожитесь спать; но вотъ видите-ли, у меня есть на это свои причины. Да и къ томуже ночью какъ-то намъ удобнъе разговаривать. Днемъ это можеть показаться страннымъ; намъ могуть помъщать, да и я самъ не люблю являться при другихъ. Днемъ у меня много важныхъ дълъ, управление моимъ народомъ.

- Какъ? вскричалъ изумленный Иванъ Абанасьевичъ:
   такъ стало-быть вы....
- Повелитель многочисленнаго племени таракановъ, Чернуша XXI. Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Что вы находите въ этомъ страннаго?
- Ничего, совершенно ничего.... но мив кажется.... я полагалъ....
- Вы думали, что между милліонами таракановъ нётъ никакого порядка; что они живутъ всё какъ-ньбудь, безъ законовъ, безъ правилъ, могутъ обижать одинъ другаго и дёлать что имъ вздумается; что у насъ нётъ ни узъ родства, ни

правъ, ни обязанностей, ни чувствъ, ни радостей, ни огорченья, ни веселья, ни скуки. Странныя вы существа—люди! Думаете, что только у васъ все идетъ какъ надобно, и что остальныя творенія живуть такъ, спустя рукава. Это нисколько не самолюбиво. Я-бы не кончиль в'ькъ, если-бы сталъ пересчитывать всв наши преимущества передъ челов'вчествомъ. Вы присвоили себ' власть надъ всею природою, надъ всеми существами, а между-темъ они имъють такое-же право жить въ этомъ мірѣ и употреблять въ свою пользу всю неодушевленную природу. Вы сами работаете на насъ, хотя и не замъчаете этого. Вы строите для насъ эти прекрасные дома, гдв мы тогчасъ-же поселяемся, гдъ мы защищены отъ колода, гдъ намъ такъ просторно бъгать и ръзвиться. Вы собираете огромные запасы, которые мы истребляемъ. Вы для насъ готовите пищу, и послъ смерти, вы, цари природы, становитесь въ свою очередь пищею существъ, которыхъ вы презираете при жизни. Мы раздъляемъ съ вами всю жизнь вашу, видимъ ваши горести и радости, учавствуемъ во всьхъ перемънахъ, которыя съ вами случаются. Мы можемъ иногда причинить вамъ много неудовольствія и досады, можемъ имъть большое вліяніе на жизнь. Кто знаеть, на чьей-бы сторонъ была побъда, еслибы всъ звъри, всъ живыя существа, вооружились на человъка, чтобы сжить его съ земли.

Иванъ Аоанасьевичъ былъ такъ сконфуженъ словами таракана, что лежалъ молча, не найдя ничего, что-бы можно было отвъчать на его парадоксы. Тараканъ продолжалъ:

— Я двадцать нервый князь из нашего рода. Со смертью моего отца, Чернуши ХХ, я получиль власть надъ безчисленнымъ покольнемъ петербургскихъ таракановъ. Въ другихъ городахъ есть не менъе обширныя и славныя тараканныя княжества. Въ Москвъ, напримъръ, живетъ теперь сильный и храбрый князь Головачь XVIII-й. Въ другихъ мъстахъ есть также знаменитые владыкн. Мы живемъ мирно между собою, не такъ какъ вы, люди, потому-что не находимъ никакой выгоды истреблять другъ друга, и войны между нами не бываетъ никогда. Мы довольно имъемъ внъшнихъ враговъ, отъ которыхъ также

защищаемся не силою, потому-что мы вообще слабы и не стыдимся въ этомъ признаться, а большею частью стараемся спастись бъгствомъ. Мы никогда и никому не делали зла, а между-темъ враговъ у насъ множество, какъ у всъхъ слабыхъ существъ, и вы люди въ числъ первыхъ и самыхъ опасныхъ. Что мы вамъ сдълали? За что вы всегда стараетесь поймать насъ и убить? Развъ мы мъшаемъ вамъ жить спокойно? Развъ мы портимъ у васъ что-нибудь, какъ мыши, или безпокоимъ васъ самихъ, какъ мухи! Мы живемъ смирно, спокойно, гдъ-нибудь въ своемъ уголку за печкой, и если когда-нибудь и выйдемъ оттуда погулять или освѣжиться-такъ неужели насъ за это надо преследовать и убивать? Стыдно и грешно поступать вамъ такимъ образомъ! И за все это мы еще дълаемъ вамъ добро. Никита Семеновичъ, властью, которою онъ пріобръль надъ нами тайными средствами, заставиль меня, повелителя милліоновъ подданныхъ, служить ему, -и я съ покорностью исполняль это! Онъ передалъ меня вамь, —и я для васъ готовъ сдълать все, что могу. Переселясь въ этотъ домъ, я не успъль еще принять моихъ подданныхъ, живущихъ здёсь, которые желаютъ мнё представиться. Сего дня ночью я приказаль имъ всёмъ собраться, и саблаю имъ большой парадъ, на которомъ они покажутъ мив свое искусство маневрировать т. е. бъгать отъ непріятеля. Если вы хотите, то я велю сделать его въ этой комнать, и вы на-дъль можете увидъть все мое могущество. ____ Съ большимъ удовольствіемъ, если вы позволите....

Я почту за большое одолжение.

— Пожалуйста безъ оразъ, Иванъ Аоанасьевичъ! Вы говорите съ тараканомъ, какъ съ начальникомъ отдъленія. Сего-дня ночью я вамъ покажу мой парадъ, а теперь прощайте; сюда идеть вашъ несносный Сидоръ; до свиданія!... Въ туже минуту все завертвлось въ глазахъ Ивана Афонасьевича, и онъ почувствовалъ, что чья-то рука толкаетъ его въ плечо; яркій свъть разлился по комнать: передъ нимъ стоялъ Сидоръ со свъчою.

— Да что съ вами сдълалось, батюшка, говорилъ старикъ: что вы, Христосъ съ вами, спите день-деньской. Давнымъ давно пора въ гости собираться. Посмотрите-

Иванъ Аванасьевичъ вскочилъ съ диваиа.... Старикъ думаетъ, что я спалъ, сказалъ онъ про-себя, протирая глаза: тъмъ лучте! Отчего-же это однако такъ скоро прошло время? Кажется я не долго говорилъ съ тараканомъ.... И онъ началъ одъваться.

актична савт — попрад А.В.А. V. 1 топ и сто визуман адти отната баквата в втоположно отвисото во вови

у васт что наблам зав с манам, или безпоковим вистус мих завас моло! Мы живеми смирно, спокобно, тур-ил-

Баль у начальника отделенія; вторичное появленіе девушки въ меховой шаночкъ. Любопытная исторія преферанса и мазурки. Судьба переменяєтся.

Сердце его сильно билось, когда онъ входилъ на крыльцо дома, въ которомъ жилъ Игнатій Степановичъ. Онъ думалъ: что если начальникъ отдъленія сухо приметъ меня, и если тараканъ да обманулъ, такъ хорошъ я буду!

Когда онъ вошелъ въ залу, танцы уже начались. Въ нъсколькихъ шагахъ отъ него, спиною къ дверямъ, стояла одна пара, которая первая бросилась ему въ глаза: кавалеръ былъ въ коричневомъ фракъ съ золотыми пуговицами, въ желтыхъ перчаткахъ и коротко обстриженныхъ волосахъ. Дама въ съренькомъ тафтяномъ платьъ, въ розовомъ газовомъ эшарив, въ фероньеркв, и въ локонахъ à la tire-bouchon. При скрыпъ двери она повернулась. Иванъ Аоанасьевичъ остановился неподвиженъ отъ изумленія: передъ нимъ, въ полномъ блескъ красоты и молодости, сіяло личико дівушки, которую вчера встрітиль онь посреди грязи, въ мъховой шапочкъ. Голубые бъглые взоры дъвушки также остановились на Иванъ Аоанасьевичь, но видя его неподвижность и какое-то безмольное удивленіе, тотчасъ-же скользнули внизъ, и вследъ за этимъ она повернула голову и стала въ прежнее положеніе. Иванъ Аванасьевичь, можетъ-быть, еще долго-бы остался на этомъ мъстъ, еслибы начальникъ отдъленія не увидълъ его и не взялъ за руку.

 Благодарю васъ, Иванъ Аванасьевичъ, сказалъ онъ, что вы не поцеремонились и явились тотчасъ-же на мое приглашение. Миъ это очень нравится. Не угодно-ли, я васъ представлю моей женъ и тещъ!

И онъ потащилъ Ивана Аоанасьевича, еще не со всъмъ пришедшаго въ себя, къ дивану, на которомъ сидъли три женщины: одна не совсемъ пожилая, въ фероньеркъ и гранатовыхъ бусахъ, другая, старуха, въ ченцъ съ желтыми лентами, третья, старуха съ открытой шеей и съ DESCRIPTION OF STREET, STREET, STREET,

Рекомендую тебъ моего чиновника, Настя, сказалъ онъ, обращаясь къ первой: Ивана Асанасьевича Совинскаго, прекраснаго молодаго человъка. «Иванъ Аванасьевичъ Совинскій,» прокричаль онь на ухо старух въ желтыхъ

лентахъ: «нашъ чиновникъ, маменька»!

Дама въ фероньеркъ улыбнулась, кивнула головою и сказала жеманнымъ фальцетомъ: «Очень-рада съ вами познакомиться! Прошу садиться.

- Милости просимъ, Иванъ Асанасьевичъ! пробасила

дама въ желтыхъ лентахъ.

- Вы давно на службъ? спросила начальница отдъленія, перебирая свои гранатовые бусы.
  - Шестой годъ пойдеть объ Рождествъ-съ!

— Имъете штатное мъсто?

- Младшаго помощника столоначальника!
- А!... у васъ старшій помощникъ столоначальника
- А!... у васъ старина дол.
  Александръ Ивановичъ Петликовъ?
   Точно такъ-съ! Я въ столъ Франца Васильевича
  - Aa! M-г Петликовъ прекрасный человъкъ!

— Очень-хорошій-съ. За этимъ посл'єдовало минутное молчаніе, которымъ воспользовалась старуха въ желтыхъ лентахъ.

- Позвольте спросить васъ, батюшка Иванъ Аванасьевичъ, вы не родня тому Завицкому, который служилъ въ финскомъ стрълковомъ баталіонъ? пробасила она.

- Извините, сударыня—я его совершенно не знаю.
  - Странно! у васъ съ нимъ одна фамилія.

Иванъ Аоанасьевичъ посмотрълъ на старуху и хотълъ поправить ошибку, какъ вдругъ старуха съ усами обратилась къ ней и сказала:

- Ихняя фамилія не Завицкой, Мавра Алекстевна, а Станцицынъ.
- A! извините! и не дослышала! сказала старуха въ лентахъ.

Иванъ Аоанасьевичъ опять хотълъ поправить другую старуху, какъ вдругъ хозяйка начала говорить:

— Я очень-благодарна мосму мужу, что онъ знакомить меня съ своими подчиненными: мнъ всегда очень пріятно знакомство съ образованными людьми.

Иванъ Афанасьевичъ всталъ и поклонился.

 Да, моя Настасья очень любить чиновниковъ своего мужа, сказала старуха въ желтыхъ лентахъ.

Иванъ Аванасьевичъ всталъ и поклонился.

— Прошу и со мной познакомиться, сказала старуха съ усами: я прихожусь нъсколько съ родни Настась в Лу-кинишнъ!

Иванъ Аоанасьевичъ всталъ и поклонился.

- Но что же мы васъ задерживаемъ, сказала Настасья Лукинишна, жеманясь: вамъ, върно, гораздо пріятнъе танцовать, нежели бесъдовать съ пожилыми женщинами. Пожалуста не церемоньтесь и вы положите вашу шляпу.
- Помилуйте! напротивъ! Очень пріятно-съ!... Еслибъ я осмѣлился попросить васъ на слѣдующую кадриль.

Начальница очень-довольно улыбнулась и отв'вчала, потупляя глазки: «Смотрите! Чтобы вы не раскаялись въвашей учтивости!...»

Иванъ Афанасьевичъ не нашелъ ничего отвъчать на это, кромъ прежней фразы: «Помилуйте, напротивъ! очень пріятно-съ», которую онъ произнесъ однако съ совершенно другою интонацією.

Потомъ онъ раскланялся и отправился отыскивать visа-vis. У печки, заслоненной экраномъ, работы хозяйки, стоялъ одинъ молодой человъкъ съ завитымъ хохломъ, въ палевыхъ перчаткахъ, заложивъ правую руку за чорный жилетъ съ серебряными разводами. Иванъ Аоанасьевичъ подощелъ къ нему и, раскланиваясь, сказалъ.

— Могу я просить васъ быть моимъ vis-a-vis на слъдующую кадриль?

Франтъ окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы и сказалъ: «И вы здъсь, Иванъ Аванасьевичъ! какимъ образомъ»?

Иванъ Аванасьевичъ поднялъ къ верху голову и съ удивленіемъ увидёлъ, что передъ нимъ стоялъ Алексъй Ивановичъ Петликовъ, старшій помощникъ столоначальника, котораго по-утру такъ горячо бранилъ начальникъ отдъленія. «Ахъ, это вы, Алексъй Ивановичъ! скажите, я васъ совсъмъ не узналъ. Какъ вицъ-мундиръ-то перемъняетъ человъка! Я сего дня здъсь въ первый разъ. Игнатій Степановичъ самъ по-утру звалъ меня!

- Не за то-ли, что вы такъ хорошо обработали выписку, которую мнъ слъдовало сдълать? спросилъ насмъшливо обиженный помощникъ столоначальника.
- Я обязанъ былъ исполнить предписание начальства! ...
- Да! но вы кажется просили меня быть вашимъ visa-vis? Извините, я не танцую! Постойте!... кого вы пригласили на первый разъ?
  - Хозяйку дома, Настасью Лукинишну!...
- Въ такомъ случав.... Можетъ-быть вы не найдете другаго vis-a-vis, и это неучтиво.... Я согласенъ протанцовать для васъ одну кадриль.
  - Очень вамъ благодаренъ!

И Иванъ Аванасьевичь, пошелъ бродить по залѣ, изрѣдка откланиваясь знакомымъ чиновникамъ.—«Вѣрномнѣ на-роду написано удивляться всю свою жизнь, думаль онъ: тугъ чорный тараканъ, тамъ эта дѣвушка, тутъ Алексѣй Ивановичъ, неуклюжій въ Департаментѣ и франтъ на балу, тамъ старухи, которыя перевираютъ мою фамилію, и наконецъ обхожденіе Игнатія Степано-

вича. Но эта дъвушка, кто она такая? Воть она тамъ въ углу, въ толиъ: непремънно апгажирую ее на слъдующую кадриль! - дамеромувани и пизовые - делитоморы и даннеми

Въ это время занграла на фортеніано какал-то красноносая мадамъ кадриль изъ «Дъвы Дуная», и онъ отправился просить хозяйку. Vis-a-vis, старшій помощникъ столоначальника съ дъвушкой въ тафтяномъ платъв и розовомъ шарфъ. Иванъ Аоанасьевичъ чуть опять не вскрикнуль отъ удивленія, принося въ мысляхъ благодарность чорному таракану. Калриль прошла безъ особенныхъ приключеній; только Иванъ Аоанасьевичь чувствовалъ всякій разъ невольный трепеть, когда въ фигурахъ и нереходахъ касался ручки незнакомой дъвушки, да Алексъй Ивановичъ настояль на томъ, чтобы въ пятой фигуръ перемѣнять дамъ. Замѣчательнаго больше ничего не было. Иванъ Аоанасьевичъ отправился послъ кадрили къ дъвушкъ и ангажировалъ ее на слъдующую; она мило улыбнулась и саблала головкой знакъ согласія. Иванъ Аванасьевичъ растаялъ. Кадриль началась.

Онъ чувствовалъ ужасное безпокойство: «О чемъ начну я говорить съ нею?» думаль онъ. «Нынче со мной случаются очень странныя вещи!... И что значить этотъ Алексъй Ивановичъ!... Сказалъ что не будетъ танцовать, а самъ опять пришелъ просить меня на vis-a-vis на весь вечеръ и теперь танцуетъ съ хозяйкой. Спрошу у него имя моей дамы!»

ин моеи дамы:» И въ шеињ первой фигуры онъ быстро спросилъ у него: «Скажите, пожалуста, какъ зовутъ мою даму?»

— Марья Павловна Трощеева! отвъчалъ тотъ также Иванъ Аванасьевичъ началъ разговоръ: скоро.

No. V. - 23.

- Мић кажется, сударыня, что я имћаъ уже удовольствіе вид'ьть васъ?
- віе вид'єть васъ? Извините; но я право не помню!... Мн'є кажется, что я завсь вижу васъ въ первый разъ, отвечала аввушка самымъ обворожительнымъ тономъ.
- Конечно, сударыня, эдись я въ первый разъ имъю удовольствіе васъ видіть, но.... въ другомъ місті....

— Гді-же-съ? съ любопытствомъ спросила дівушка.

Какое-то странное чувство остановило Ивана Асанасьевича въ ту минуту, какъ онъ готовился разсказать ей ихъ встръчу. «Не будетъ-ли это глупость, подумалъ онъ... говорить о грязи, о дождъ?... Она совсъмъ непомнитъ моего лица и, можетъ-быть, давно позабыла о нашей встръчъ. Къ чему я буду напоминать ей? Къ тому-же, если она спроситъ объ тараканъ?...» И онъ съ замъщательствомъ отвъчаль:

- На Невскомъ.... въ театръ?
- Ахъ, сударь, сказала дъвушка самымъ жалобнымъ и наивнымъ голосомъ: я очень ръдко гуляю по Невскому! Маменька почти совсъмъ туда не ходитъ, а больше идти мнъ не съ къмъ. Въ театръ я тоже бываю раза три въгодъ: Тальйони видъла всего одинъ разъ, а «Жизнь за Царя» и совсъмъ не видала!...
- Но все таки.... мнъ кажется.... сколько я припомню.... бормоталъ Иванъ Афанасьевичъ, смъшавшись.— Дъвушка взглянула на него своими живыми глазками, какъ будто стараясь себъ что-нибудь припомнить, и отвъчала, смъясь:
  - Нътъ-съ! Я право вижу васъ въ первый разъ!

Это нанесло жестокій ударъ самолюбію Ивана Аванасьевича; онъ немножко поколебался въ своей вѣрѣ въ

таракана.

И эта кадриль кончилась благополучно. Иванъ Аоанасьевичь говорилъ съ своей дамой о томъ, какъ въ Петербургъ дурна погода, какъ въ маъ мъсяцъ нельзя выйти на улицу безъ шубы, а въ августъ безъ калошъ, какъ
одинъ турецкій посланникъ называлъ наше лъто зеленой зимой, какъ прекрасно танцуетъ Тальойни и какъ хорошо поетъ Петровъ, какъ нынче въ «Библіотекъ» помъщаются прехорошенькія повъсти, и какъ тамъ смъшно
бранятся въ «Литературной лътописи» и т. п.—Разговоръ,
какъ видите, былъ самый занимательный. Иногда Иванъ
Аоанасьевичъ, бросая мимоходомъ взглядъ на своихъ visа-vis, видълъ, что Алексъй Ивановичъ также о чемъ-то
съ жаромъ разговаривалъ съ Настасьей Лукинишной и

въ пятой фигуръ не настанваль уже на томъ, чтобы пе-

Когда кадриль кончилась, дввушка граціозно присвла, остановившись на недоконченной фразв и убіжала, слівдун петербургскому обычаю—никакъ не продолжать разговора съ кавалеромъ, когда кончится кадриль. Иванъ Афанасьевичъ свлъ въ уголъ и началъ отираться платкомъ. Черезъ нісколько времени, мимо его прошла хозяйка, съ заботливымъ видомъ, съ картами въ рукъ. Слівлавъ нісколько шаговъ, она вернулась и опять пошла мимо Ивана Афанасьевича.... Онъ иміслъ глупость спросить: Вы кого-нибудь ищете, Настасья Лукьяновна? Хозяйка отвібчала:

- Ахъ, Иванъ Аоанасьевичъ! Я ищу партнера для преферанса Анив Петровив Трощеевой. Если-бы я смвла просить васъ.... Вы, вврно, играете? Иванъ Аоанасьевичъ попался. Онъ пробормоталъ: «Помилуйте.... Я-бы съ большимъ удовольствіемъ, но.... я такъ дурно играю....
  - О! повърьте, что вы будете лучшимъ игрокомъ въ этой партіи. Игра небольшая. Итакъ вы согласны, продолжала хозяйка, втирая ему въ руку червоннаго короля.

Волей, или неволей Иванъ Аванасьевичъ долженъ былъ отправиться къ зеленому столу. За нимъ уже си-дъла старуха съ усами и толстый господинъ въ бъломъ галстухъ съ огромнымъ жабо, о накрахмаленные концы котораго онъ поминутно чесалъ свой носъ.

Старуха съ усами, увидя Ивана Аванасьевича, обратилась къ хозяйкъ, съ гримасой, выражающей улыбку.

- Послушайте, Настасья Лукинишна, за что вы отвлекаете молодаго человъка отъ танцевъ? Ему-бы гораздо пріятнъе было танцовать кадрили, чъмъ играть съ нами.
- Иванъ Аванасьевичъ былъ такъ добръ, что самъ вызвался быть вашимъ партнеромъ, отвъчала хозяйка, лу-каво улыбаясь.
- Любезнъе этого ничего быть не можетъ, процъдила сквозь зубы старуха, разводя открытыми илечами и

вскрывая трефовую двойку. Мы играемъ по маленькой, — пять копъекъ поэнь.

- Серебромъ! песниндер да помот виде примента

— И нътъ! куда намъ? мъдью, батюшка, мъдью!

Иванъ Аоанасьевичъ началъ приготовлять карты, размышляя: это значить 100 поэнь отписывать за карты: очень-весело! Ништо мнѣ дураку! очень-нужно было спросить у Настасьи Лукинишны чего она ищеть? Разумѣется, она нарочно около меня ходила. Да еще и утѣшила: вы лучше всѣхъ играете!—Очень весело играть съ болванами. Хоть-бы обыграть мнѣ ихъ! Да кончить-бы до мазурки.... А если между-тѣмъ ее кто нибудь ангажируетъ!... Чортъ побери этого усача въ чепцѣ! какъ тихо онъ сдаетъ!... Такъ и есть.... засдалась. Ну, еще новое удовольствіе!

Въ это время господинъ съ жабо повернулъ голову въ правую сторону, гдъ сидълъ Иванъ Аоанасьевичъ, почесалъ лъвую сторону носа объ конецъ жабо и сказалъ дурнымъ русскимъ языкомъ:

— Здравствуйте, Иванъ Аоанасьевичъ, я васъ совсемъ не узналъ!

Иванъ Аванасьевичъ протянулъ ему руку... Ахъ, Францъ Васильевичъ, воскликнулъ онъ.

Игра началась.

Иванъ Аванасьевичъ игралъ очень-разсѣянно, но не смотря на это вдвое лучше своихъ партнеровъ, которые играли съ отличнымъ вниманіемъ. Но что всего хуже: Францъ Васильевичъ бранился за каждую ошибку, а старуха при каждой сдачѣ горько плакалась на свои дурныя карты, и ходила разомъ со всѣхъ четырехъ тузовъ.

Началась новая кадриль. Иванъ Аоанасьевичъ оглянулся: девушка съ голубенькими глазками танцовала съ какимъ-то гимназистомъ, который ужасно топалъ и подпрыгивалъ. Алексей Ивановичъ танцовалъ противъ Настасьи Лукинишны. Засмотревшись, онъ забылъ козырнуть и вышустилъ старуху съ усами, которая сделала своего маленькаго козыря. Францъ Васильевичъ заревелъ: «Да помилуйте, кто-же этакъ играетъ»? Но старуха ласково улыбнулась, Въ следующую кадриль девушка опять танцовала, но на этотъ разъ гимназиста заменилъ офицеръ съ серебряными эполетами и съ себряными петлицами на воротнике, у котораго былъ огромный кокъ и грязныя замшевыя перчатки. Алексей Ивановичъ танцовалъ съ На-

стасьей Лукинишной.

— Что это значить? полумаль Иванъ Аванасьевичъ: мой начальникъ отплясываетъ все съ хозяйкой, а говориль, что совсъмъ не хочетъ танцовать? Хоть-бы эта миленькая дъвушка стала поближе!—Въ это время Алексти Ивановичъ подвелъ хозяйку почти къ столу, и подалъ ей стулъ, придвинувши его спинкой къ спинкъ стула Ивана Аванасьевича.... Очень-нужно, полумалъ онъ. Но это очень было нужно. Въ жару разговора, пара, сидъвшая спиною къ нему, начала говорить довольно-громко. У Ивана Аванасьевича слухъ былъ прекрасный, но онъ-бы ни за что не сталъ прислушиваться къ разговору, если-бы его не поразило то, что Петликовъ съ большимъ жаромъ произнесъ его имя.

— И когда я полумаю, что этому Совинскому суждено наслаждаться этимъ счастіемъ!... говорилъ помощникъ столоначальника, живописно закинувши лъвую руку за

спинку стула.

 Какое-бы это было счастіе?—подумалъ Иванъ Аванасьевичъ.

— Какое-же въ этомъ счастье? спросила хозяйка.

Иванъ Аванасьевичъ не разслышалъ отвъта. Францъ Васильевичъ въ это самое время закричалъ сердито:

— Что-жъ вы, сударь: ужъ двое купили.

— Пасъ! пасъ! закричалъ Иванъ Асанасьевичъ, коть у него полны руки были червей.

 И вы думаете мужъ мой сдълаетъ это? говорила хозяйка.

- Помилуйте! за чѣмъ вы пошли съ пикъ? говорилъ столоначальникъ.
- Я увъренъ въ этомъ! говоримъ старшій помощникъ столоначальника.
- Извините.... Я думалъ, что вы ихъ бъете! говорилъ младшій помощникъ столоначальника.

— Францъ Васильевичъ! Не извольте разговаривать во время игры, говорила старуха съ усами. Подобный разговоръ продолжался почти во все время. Все, что Иванъ Афанасьевичъ понялъ изъ этого хаоса, было то, что Петликову угрожала какая-то непріятность, что начальница хотъла просить за него о чемъ-то у мужа.

Преферансъ, по-счастью, скоро кончился. Партнеры Ивана Аванасьевича мало ремизились и мало выигрывали. Иванъ Аванасьевичъ игралъ разсѣянно и рисковалъ. Онъ выигралъ отъ Франца Васильевича 5 рублей, а цѣлковой проигралъ старухѣ. Онъ заплатилъ ей, а Францъ Васильевичъ, вставая, дружески потрепалъ его по плечу и сказалъ: Сочтемся, братецъ, сочтемся! Свои люди! Не въ первый, да и не въ послѣдній разъ играемъ. Иванъ Аванасьевичъ съ горестью ждалъ чѣмъ-же наконецъ наградитъ его судьба за этотъ преферансъ!

— А что? сказала старуха, укладывая въ ридиколь свой выигрышъ, не сыграть-ли намъ еще пульку? Вѣдь еще довольно-рано. Поставили-бы по 20 ремизовъ!

Туть Иванъ Аоанасьевичь не выдержалъ. «Извините меня, но я ангажировалъ даму на мазурку, и потому....

- Помилуйте, батюшка, отвъчала старуха, я въдь такъ сказала. Еще-бы я стала васъ удерживать отъ танцевъ. Вы уже и такъ были черезъ-чуръ добры, что ръшились играть со старухой. Очень рада познакомиться съ вами. Я, какъ кажется, въ первый разъ вижу васъ въ этомъ домъ!
- в Это правда, сударыня! принце И правления
- Такъ прошу и ко мив пожаловать! Мужа моего теперь здвсь ивтъ, а то-бы я васъ представила. У него бъдненькаго разболълось горло, такъ я его напоила мятой, да и уложила въ постель, а сама прівхала сюда съ дочерью. Хотите я васъ рекомендую! Она сдълала ивсколько выразительныхъ знаковъ своей дочери, которая была на другомъ концъ залы, и продолжала. Впрочемъ, вы ужъ върно съ ней познакомились; вы съ нею танцовали кадриль.

Иванъ Аванасьевичъ, который все это время раскланивался, вдругъ поднялъ голову, пораженный словами старухи. Передъ нимъ стояла его дъвушка съ голубенькими глазками, раскраснъвшаяся отъ танцевъ, съ распущенными локонами, съ волнующеюся грудью.

Онъ готовъ быль благословлять преферансъ, познакомившій его съ матерью той, которая такъ занимала его воображение. Когда кончились обыкновенные поклоны и привътствія, маменька стала что-то ноправлять на груди дочери, что со всъмъ не требовало поправки, а Иванъ Аванасьевичь началь несмелымъ голосомъ: Сударыня! если-бъ я осмълился воспользоваться случаемъ, который лоставилъ миъ такое пріятное знакомство, и просить васъ.... Но въ это время, какъ онъ вытягивалъ свою длиниую фразу, къ Марьѣ Павловиѣ подлетѣлъ офицеръ съ серебряными петлицами и, повернувшись на каблукахъ, проговорилъ: «Смъю-ли я, Марья Павловна, просить васъ на мазурку?» Иванъ Аоанасьевичъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ наъздомъ; Марыя Павловна стояла въ замъшательствъ! Она очень-хорошо поняла, о чемъ просилъ ее Совинскій. Но быстрое нападеніе офицера ее нерепугало; ей не хотълось показать Ивану Аоанасьевичу, что фраза его была уже окончена въ ел мысляхъ-и она молчала въ неръшимости. Къ-счастію на помощь нашему герою явилась старуха. Видя молчаніе дочери, она обратилась къ ней, и полу-шутливымъ, полусерьезнымъ тономъ сказала: «Что-жъ, ты ничего не слыхала, что Иванъ Аоанасьевичъ просилъ тебя сей-часъ объ этомъ-же самомъ? Извинись передъ господиномъ офицеромъ, душенька!» И Машенька, еще болбе сконфуженная словами матери, нокрасивла и, не говоря ни слова, присъла передъ офицеромъ и подала руку Ивану Аоанасьевичу. Первые аккорды мазурки изъ «Жизни за Царя», загремъли на разстроенныхъ форгеніанахъ. Иванъ Афанасьевичъ готовъ былъ отъ радости броситься на шею къ старухъ съ усами. Офицеръ повернулся на каблукахъ, и пробормотавъ: «Штафирка»! началъ крутить свои рыженькіе усики, нафабренные безъ милосердія. Мазурка началась. Я не стану вамъ подробно разсказывать, о чемъ говорили наши герои во-время этой часовой женитьбы. Разговоръ былъ однакожъ очень-интересенъ. Иванъ Аоанась-

евичь узналь изъ него, что отець Марьи Павловны служить въ Министерствъ Финансовъ, что онъ очень мобить все русское, и большой патріоть, что у нея есть брать, который учится во второй Гимназіи, что у нихъ гостить старая тетка Дарья Васильевна, которая по вечерамъ читаетъ имъ «Священную Исторію», что они почти никуда не выбзжають и принимають очень немногихъ, и наконецъ, что сама Марья Павловна очень наивна. Тъмъ и ограничилось первое знакомство. Старуха съ усами, уважая съ дочерью тотчасъ после мазурки. еще разъ повторила свою просьбу Ивану Аоанасьевичу безъ церемоніи прівзжать къ нимъ поиграть въ преферансикъ. Иванъ Аоанасьевичъ и самъ вскоръ послъ нихъ отправился домой, потому-что очень усталь. Алексый Ивановичъ, танцуя въ первой паръ съ хозяйкой, поминутно выдумываль такія странныя фигуры.... запостива бътмиваться въ перы и побавы большихъ.

отврати услови, которых в им осторожно ихв праправинать внути; было туть и и А.В.А.В.А. Тойных ворименных сорожность, которыя И А.В.А.В.А.В.А. объемы по компеть,

Bello Tyre unchonend crapmione, out generalmixer, ca-

И очень интересная, повъствующая о царъ таракановъ и о его подланныхъ. Весьма - неприличнов суждение Чорнаго Таракана о людяхъ. Плачевная исторія бълаго таракана.

Воротившись домой далеко за полночь, Иванъ Аеанасьевичъ никакъ не могъ уснуть: балъ, Марья Павловна, преферансъ, старуха съ усами, все это вертълось цередъ нимъ и онъ совсъмъ забылъ о тараканъ, но не замътно мысли его мъщались, голова отяжелъла, глаза раскрылись сами собою и онъ увидълъ странное эрълище.

На полу комнаты, освещенной слабымъ сіяніемъ лампады, двигалась и шевелилась безчисленная армія таракановъ. Изъ темнаго угла поминутно выступали новыя, огромныя массы и располагались вдоль стенъ. Милліонъ маленькихъ тараканчиковъ, едва замѣтныхъ для глаза пересекалъ комнату во всёхъ направленіяхъ. На па-Кн. V. — 23. нели, огибавшей комнату, въ нъсколько рядовъ сидъли важныя тараканши, матери сотенъ дътей, изръдка покакаго потомства ихъ, ръзвившагося посреди комнаты. Многія, не въ-силахъ будучи поб'єдить материнскаго чувства, вскакивали со страхомъ, когда толпа молодыхъ шалуновъ, поваливши на спину одного изъ среды своей, начинала тормошить его и онъ, бъдный, едва могъ отбиться отъ нихъ, перебирая своими маленькими ножками. Другія видя, что дъти ихъ переступали уже границы ръзвости, подходили къ толиъ, важно разталкивали ее и, поймавъ виновнаго, тутъ-же наказывали его своими материнскими дапками и возвращались на свое мъсто. Нъкоторые даже, опасаясь, чтобы самыя младшія дъти ихъ не потерялись въ толив, прибывавшей каждую минуту, приходили, брали ихъ за усики и сажали подлъ себя, строго запретивъ вмъщиваться въ игры и забавы большихъ. Было туть нъсколько стариковъ, едва двигавшихся, съ съдыми усами, которыхъ вели осторожно ихъ праправнуки; было тутъ нъсколько стройныхъ, хорошенькихъ тараканшъ, которыя съ кокетствомъ бъгали по комнатъ, увлекая за собой многочисленную толну поклонниковъ, и заставляя ихъ драться между собою. Начальники отря-довъ устанавливали между-тъмъ войско въ колонны, равняли ихъ, становили въ ряды, переходили съ мъста на мъсто, строились, выправлялись, прогоняли толпы зъвакъ далъе къ стънамъ, и вдругъ все это заколебалось, нобъжало въ разныя стороны, остановилось неподвижно. Изъ того-же угла показался старый знакомецъ Ивана Аванасьевича, Чорный Таракант, въ сопровождени много-численной свиты изъ другихъ чорныхъ таракановъ и изъ большихъ прусаковъ. Его появленіе произвело общій восторгъ: ряды дрогнули, заполошились, вытянули впередъ головы, чтобъ лучше разсмотръть его, миллюны усовъ поднялись вверхъ и радостно закачались. Нъсколько таракановъ изъ свиты притащили на средину комнаты какое-то возвышение въ видъ каоедры. Чернуща XXI быстро вбъжаль на него, уперся задними ножками, а переднія положиль на канедру. Въ такомъ по-

ложеній онъ быль видимъ всему народу. Съ своей постели Иванъ Аоанасьевичь могъ только видъть его цереднія ноги и живую стройную голову, вооруженную четырмя щупальцами. Онъ поднялъ вверхъ усики, и всеуспокоилось и остановилось. Напрасно Иванъ Аоанасьевичъ напрягалъ слухъ свой, онъ не могъ подстеречь ни одного звука мэт той ричи, которую тараканть, по-видимому, говорилъ народу. Все, что онъ могъ разобрать, ограничивалось какимъ-то неопределеннымъ жужжаньемъ, а по однимъ жестамъ оратора онъ никакъ не могъ понять содержанія ръчи. По окончаніи ся, къ Чернуш'в начали подходить отдельный лица, какъ казалось Ивану Аванасьевичу, просители и истцы. Они съ жаромъ объясняли ему свои дёла, царь призывалъ другихъ таракановъ, въроятно, для справокъ и свидътельства, совътовался со своею свитою и потомъ тотчасъ-же произносиль приговоръ. Такъ, по-крайней-мъръ, объяснялъ се бѣ Иванъ Аванасьесичъ то, что одни уходили радостно, махая усиками, а другихъ брали другіе тараканы, въроятно, исполнители приговора и тотчасъ куда-то уводили. Когда уже просителей больше не было, царь подалъ знакъ и нъсколько таракановъ, отдълившись отъ его свиты, ушли и вскоръ возвратились, ведя, или, лучше сказать, таща за собою бълаго таракана. При видъ его, массы таракановъ заколебались: казалось, ярость и негодование пробъжали по ихъ рядамъ; разомъ они готовы были броситься и растервать его, но одно слово властителя остановило ихъ: они повиновались этому слову и только судорожно-дрожавшіе усики обличали ихъ волненіе. Тараканъ опять произнесъ какую-то рѣчь, но гораздо короче первой и потомъ сделалъ какой-то знакъ; на средину комнаты вышли илть рослыхъ и дюжихъ таракановъ, двое другихъ притащили и отдали имъ бълаго таракана, и тъ въ одну минуту бросились на него, умертвили своими щупальцами и оторвали ему голову при радостномъ качаніи усиковъ цълаго тараканьяго царства. Ивана Аоанасьевича очень тронуло это жалостное зрълище: онъ не могъ понять причины озлобленія всего народа и казни этого бъднаго таракана, который и безъ того быль чуть-живъ.

Также ему казалось очень-страннымъ то, что онъ ничего не слышить и не можеть сделать ни одного движенія. Онъ пробовалъ приподнять руку или ногу, но всѣ усилія его были напрасны, физическія силы его, казалось, исчезли совершенно, а между-тъмъ онъ чувствовалъ, какъ отъ одной силы его воли, отъ одного напряженія мысли, поть каплями выступаль у него на лбу. Видя совершенную невозможность поб'вдить летаргическую омертвылость своихъ членовъ, онъ снова въ отчаяніи обратиль глаза на поль. Тамъ сцена уже перемънилась: крошечный мышенокъ былъ выпущенъ на средину комнаты, онъ быль худъ и бледенъ и насилу двигался. По одному знаку изо всъхъ угловъ комнаты бросились на него густыя толны таракановъ, осыпали и, черезъ нъсколько секундъ отступили, оставя на землъ неподвижный трупъ мышенка и нъсколько ланокъ, верхнихъ шкурокъ и даже труповъ своихъ товарищей. Потомъ веж разступились и въ одномъ углу открылась куча хльбныхъ крошекъ, довольно порядочная, насышанная въ видъ сахарной головы. По знаку Чернуши все народонаселеніе удалилось въ противоположный уголь, и вдругъ оттуда бросилось на кучу. Въ одно мгновение отъ нея не осталось ничего и всъ тараканы, получившіе изъ нея хоть крошку, разсыпались по темнымъ угламъ комнаты, събсть на свобод всвою добычу; у многих воднако, которые не успъли убъжать, отгого, что старались захватить побольше, Чернуша приказалъ отнять все, ими добытое и отдать темъ, которые отъ старости не могли участвовать въ набъгъ. Послъ этого они начали показывать примъры своей ловкости, вбъгая на комоды, шкафы и карнизы. Иванъ Афанасьевичъ виделъ какъ одинъ отрядъ побъжалъ къ его дивану, въроятно, съ намъреніемь взлыть на него, ужасъ овладыль имъ до такой степени, при одной мысли, что эти холодныя, гадкія существа поползуть по его телу, что онъ сделалъ не-человъческое усиліе, и рухиулся съ дивана на полъ. Въ ту минуту какъ онъ свалился, ему показалось, что всъ эти массы таракановъ вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ него, бросились къ нему со всехъ сторонъ, но мысль эта была мгновенная, потому-что едва онъ почувствовалъ прикосновение холоднаго пола, какъ въ туже минуту ему возвратились всъ способности и онъ быстро вскочилъ на ноги, осматривая вокругъ себя. Въ комнать ужъ не было ни одного таракана, слабый свътъ пробивался сквозь зеленыя сторы, пламя лампады трещало и вспыхивало, и готово было потухнуть отъ недостатка масла. Невольная дрожь била Ивана Аоанасьевича, зубы его стучали, холодный поть выступаль изъ всёхъ поръ, сердце билось ускоренныхъ движеніемъ, дыханіе сділалось часто и прерывисто, на груди было какъ-то тяжело. Съ недовърчивостью развелъ онъ руками и съ радостью увидълъ, что члены не отказываются служить ему. Осмотръвшись около себя и видя, что все въ комнатъ тихо и спокойно, онъ ръшился наконецъ снова лечь въ постель и пролежаль до утра, не могши сомкнуть глазъ, думан объ ужасномъ тараканъ, и вздрагивая при каждомъ Sections the many land recommends as acrepted any. Section

Утромъ, явившись въ канцелярію, онъ былъ такъ блівденъ, что даже Начальникъ Отдівленія, ласково пожимал ему руку, спросилъ, не боленъ-ли онъ?

День этотъ прошелъ безъ особенныхъ приключеній. Съ утра до вечера по обыкновенію шелъ дождь, а ночью къ Ивану Аванасьевичу опять явился тараканъ.

Въ этотъ разъ Иванъ Аоанасьевичъ самъ началъ съ нимъ разговоръ:

— Послушайте, г. тараканъ, товорилъ онъ, это ужъ черезъ чуръ! Вы меня такъ испугали прошедшей ночью, что я чуть не захворалъ отъ страха. Развъ можно поступать со мною такимъ образомъ? Слълайте одолженіе, въ другой разъ не извольте приводить сюда всю эту гадость. Мнъ совсъмъ не интересно смотръть на вашъ отвратительный народъ.

Тараканъ насмѣшливо покачалъ головою.

— Какъ вы странны и смъщны, люди! Вамъ отвратителенъ тараканъ. Почему-жъ вы думаете, что вы для него не отвратительны? Вы, не создавшие ни одной тычинки растения, ни одного мускула животнаго,—находи-

те отвратительнымъ то, что создалъ Творецъ! И только оттого, что тараканъ не походить на васъ. Вы должны удивляться разнообразной форм'в животныхъ, а не гнушаться ею. Что-бы было, если-бы все въ природъ было вылито въ одну форму, устроено по одной мъръ. Изобрътите какой-нибудь новый образъ животнаго, новый видъ, новую форму! Попробуйте!-И ваше произведение будетъ только подражаніемъ уже существующаго, собраніемъ различныхъ частей, взятыхъ у многихъ животныхъ, и сплоченныхъ въ одну массу-какъ ваши баснословныя животныя. Никогда вы не создадите новой формы. Одно ваше чудовищное воображение можетъ породить отвратительное существо, не похожее ни на что живущее, но тогда вы будете сами творцомъ вашего созданія, и можете гордиться тъмъ-что оно отвратительно! Для Бога, создавшаго человъка и таракана-ни тотъ ни другой не отвратительны! Глупая привычка, нервы, раздраженныя изнъженною жизнью, ваше воспитание, въ которомъ пугаютъ васъ безвредными существами и заставляють бояться ихъ въ дътствъ и гнушаться ими въ эръломъ возрастъ — вотъ причины вашего отвращенія. Посмотрите на ребенка, который безъ страха мучить бъдныхъ таракановъ, на анатомика, который ихъ изследуеть-и скажите, имъютъ-ли они къ нимъ отвращение? Чемъ человекъ больше наблюдаетъ твореніе Создателя, тімь болье пріучается онъ удивляться ему, а не гнушаться имъ. Разсмотрите, какъ прекрасно приспособлены всъ органы таракана къ его скромной, миролюбивой жизни; какъ его оболочка, нъсколько роговая и упругая, защищаеть его отъ внезапныхъ паденій и вліянія бакихъ веществъ, какъ шесть ногъ его служать ему для всёхъ надобностей въ жизни, какое тонкое осязание заключается въ его щупальцахъ, какъ красивы и полезны его усики! Изследуйте ближе жизнь его, привычки и характеръ, - и вы будете удивляться ему, а не отвращаться отъ созданія, которое никогда не сдълало вамъ никакого вреда! Тараканъ съ особеннымъ чувствомъ и жаромъ произ-

несъ эту фразу.

Иванъ Аванасьевичъ отвъчалъ:

- Вы совершенно правы въ этомъ отношени, но в не могу-же побъдить себя въ одну минуту, и согласитесь, что какое-бы уважение не питалъ я къ тараканамъ, все же очень непріятно чувствовать, какъ они прогуливаются по моему тълу, и я имъю полное право согнать ихъ, если они меня безпокоятъ, и даже просто не позволить имъ дълать изъ своего тъла мъсто публичнаго гулянья.
- Но знаете-ли, чему вы подвергались, нарушивъ вашимъ неожиданнымъ паденіемъ таинственность пашихъ собраній? Раздраженные одною мыслью, что челов'єкъ могъ подстеречь ихъ въ такія минуты и въ такихъ занятіяхъ, которыя никому не должны быть изв'єстны, кром'є ихъ, мои подданные хот'єли умертвить васъ.
- Умертвить меня? вскричаль въ ужасъ Иванъ Аоанасьевичъ.
- Да! и имъ-бы это не стоило большаго труда. Късчастію, я имъю надъ ними довольно власти и остановилъ ихъ. Безъ того вы-бы непремънно слълались ихъ жертвою. И теперь, вы ужъ меня извините, но я больше не стану дълать васъ свидътелями нашихъ собраній.
- Будьте увърены, что я и самъ не попрошу васъ объ этомъ. Съ меня довольно и того, что я видълъ. Я право не могу еще опомниться!... Быть съёдену тараканами— самое ужасное положеніе!... Да растолкуйте пожалуйста, что вы туть дълали, что значить казнь этаго объднаго обълаго таракана, ваши объганья и ръчи?
- Я ужъ говорилъ вамъ, что мои новые подданные собрались праздновать день моего къ нимъ прибытія. Ихъ радость и игры должны вамъ быть очень-понятны. Я, по обыкновенію, сначала говорилъ имъ рѣчь, потомъ разобралъ кой-какія спорныя дѣла, и наконецъ, чтобы доставить удовольствіе всѣмъ моимъ подданнымъ, приказалъ казнить всенародно ужаснаго преступника, которымъ гнушалось все мое царство.
- Такъ этотъ бълый тараканъ былъ преступникъ? По его жалкому виду я никогда-бы этого не подумалъ.
- Я разскажу вамъ исторію этого б'єднаго существа,
   о которомъ сожал'єю самъ, хотя и долженъ былъ при-

нести его въ жертву народной ненависти. Не одни вы, люди, имъете предразсудки, которыя иногда стоятъ дорого находящимся подъ ихъ опалою. Мы, тараканы, подвержены также этой необходимой язвѣ общества, бичу слабыхъ существъ. Весь народъ мой питаетъ отвращение къ несчастному классу былых таракановъ, отвращение такое, котораго вы, люди, никогда не питали къ вашимъ паріямъ, неграмъ, жидамъ, прокаженнымъ. Бълый тараканъ у насъ есть выродокъ тараканства, Албиносъ, отверженецъ всего тараканьяго міра; білый цвіть его-слідствіе одной ужасной бользни, не изследованной нашими докторами-внушаетъ всеобщее омеравніе: это нравственная проказа, воплотившаяся чума, отъ которой всь бъгуть, которою всв гнушаются. Консчно, это предразсудокъ, но предразсудокъ укоренившійся до такой степени что онъ можетъ уничтожиться только съ уничтожениемъ всего нашего рода. Преслъдование и истребление этихъ несчастныхъ существъ сдълалось закономъ, обычаемъ, необходимостью, обязанностью каждаго таракана. Матери, у которыхъ родится подобное существо, должны тотчасъже убивать его-и этимъ только спасаются они отъ всеобщаго презрѣнія, которое, однако, и безъ того падаетъ на нихъ, если только кто-нибудь узнаетъ, что у нихъ-родилося бълое дитя. Если бользнь эта случится съ къмънибудь възръломъ возрасть, то его отецъ, другъ, братъ, сестра, жена должны тотчасъ-же умертвить его; если-же они не исполнять этого, укроють его, спасуть или войдуть съ нимъ въ какое-нибудь сношение, то должны погибнуть вмъсть съ нимъ. Цълое народонаселение дълается врагомъ преступившихъ законъ, и болье всего наблюдаеть за тымъ, чтобъ былый тараканъ не развель своего потомства. Это было-бы гибелью, язвой для общества. Вы, люди, имбете наследственныя болезни, позволяете людямъ больнымъ и истощеннымъ излишествами всякаго рода соединяться съ цвътущей и здоровой молодостью, вы губите счастіе семействъ, распложая въ нихъ вредныя бользии, производя на свъть существа невинныя даже въ своемъ существовани, но носящия на себъ последствія дурной жизни отца. И после этого вы хотите,

чтобъ дъти ваши, убитыя на первой поръ ихъ молодости, гибельною бользнію, благословили вась за то, что вы дали имъ жизнь, лишенную лучшаго и необходимаго условія ея-здоровья. И это все у васъ позволено! И вы допускаете это, заботясь только о сохраненіи въ чистотв породъ вашихъ лошадей и собакъ! У насъ, таракановъ, отецъ, который осмълится выдать молодую и здоровую дочь свою за дряхлаго и больнаго таракана подвергается всеобщему презранію, и союзъ тотчасъ расторгается. Всв больные, извъстные обществу, находятся до излеченія подъ строгимъ присмотромъ, и имъ не позволяется имъть никакого сношенія съ своими соотечественниками. Тотъ-же, который утантъ бользнь свою, и произведетъ потомство, въ которомъ бользнь эта обнаруживается-наказывается, какъ нарушитель закона, жестоко, но справедливо: его и дътей его умерщвляютъ для того, чтобы они не распространили бользии, потому-что больные безполезны, если не вредны для общества. Все это я вамъ говорю для того, чтобы дать понятіе о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ долженъ находиться билый таракант, если онъ какъ-нибудь успреть спастись отъ неизбржной смерти. Если у насъ такъ строго смотрятъ вообще за бользнями, то каково-же должно быть бъдняку, одержимому этой ужасной бълизиою? Судьбу-то одного такого отверженца хочу я вамъ теперь разсказать.

Сынъ одного изъ знативитихъ нашихъ таракановъ готовился вступить въ союзъ съ дочерью таракана, также изъ лучшей фамиліи. Женихъ былъ самый здоровый и самый сильный тараканъ, невъста самая милая, самая веселая тараканша. Все предвъщало счастіе будущаго семейства, но не за долго до свадьбы, женихъ вдругъ сдълался грустенъ, задумчивъ, боленъ. Онъ едва ходилъ, худълъ примътнымъ образомъ, цвътъ кожи его сталъ блъдъть; —мы всъ подумали, что онъ былъ отравленъ людьми, которые иногда, изъ зависти къ нашему роду, подсынаютъ намъ лду въ видъ сладкихъ крупинокъ. Невъста была въ отчаяніи: она любила его до безумія. Всъ ждали скорой его кончины; но въ одинъ день, когда все наше народонаселеніе спало кръпкимъ сномъ, онъ исчезъ

Кн. V. - 24.

и напрасно искали его по всёмъ угламъ и щелямъ комнаты. Тараканша чуть не сошла съ ума. Она нотепяла анцетить и веселость, стала чуждаться общества, и бъгала по самымъ отдаленнымъ границамъ нашихъ владеній, въ надежд'в отыскать коть трупъ несчастнаго, потому-что мы всв полагали, что онъ отъ слабости силь упаль куданибудь и быль раздавленъ безжалостными людьми. Въ поннадкъ унынія, она однажды забъжала такъ далеко, въ такія мъста, гдъ ни одинъ изъ насъ не бываль ни разу. Бъгая по мъстамъ, совершенно ей незнакомымъ, она вдругъ услышала слабый стонъ, выходившій изъ одного отверстія. Не смотря на то, что она уб'єгала всякаго сообщенія съ тараканнымъ родомъ, желаніе помочь стражаущему соотечественнику заставило ее спуститься въ эту шель, и на самомъ диъ ея, сквозь пыль и темноту, разсмотръла она ужасныя формы бълаго таракана! Первымъ чувствомъ, овладъвшимъ ею, былъ страхъ; она быстро бросилась вонъ изъ отверзтія, но потомъ пришель ей на мысль долгъ каждой върной гражданки и подданной, и она вооружась всею твердостью, бросилась съ поднятыми усиками, чтобы умертвить его. Вообразите-же весь ужасъ ел положенія, когда въ этомъ отвратительномъ, отверженномъ существъ, она узнала своего жениха, который, стоная, умолялъ ее не о жизни, не осмерти. Будучи принуждена прислониться къ стънъ, чтобы не упасть. дрожа отъ волненія, слушала она того, котораго нъкогда видъла съ цвътущимъ здоровьемъ и жизнію, и каждое слово его наносило ей ударъ неожиданный и губительный. ... да променя става да та

— Это ты! говорилъ несчастный. О! благодарю сульбу за то, что она позволила мнѣ еще разъ увидѣть тебя! за эту мвнуту я прощаю ей всѣ ея несправедливости. Ты меня узнала, не правда-ли? ты узнала меня?... О! вглядись хорошенько въ эти черты, искаженныя страданіями и болѣзнью, и скажи, похожъ-ли я на жениха твоего? Теперь тебѣ понятно, о чемъ такъ грустилъ я, отчего такъ внезаино скрылся отъ свѣта? Не обвиняй меня, что я остался жить, заклейменный этой позорной болѣзнью. Сколько разъ хотълъ я броситься подъ ноги безжало-

стнымъ людямъ и ждать мучительной смерти, но одна мысль о тебь удерживала меня. Я все еще надъялся увидыть тебя гдв-нибудь тайкомъ, во время дня, когда всв спятъ глубокимъ сномъ. Если-бы надежда эта не сбылась, я все таки могъ-бы всякую минуту думать о тебъ-а развъ это также не счастіе? Я отыскаль для себя это уединенпое убъжище и надъялся, что никто не найдеть меня. Забсь провель я четыре дня, думая только о тебъ, живя только тобою. Наконецъ положение мое сделалось невыносимо, я ръшился прокрасться въ наши владънія, увидъть тебя и пасть подъ ударами моихъ раздраженныхъ согражданъ. Но представь себъ весь мой ужасъ, когда я примътилъ, что силы мои ослабъли, что и не могу подняться на ноги, не могу сдълать ни одного движенія! Я осужденъ былъ умереть отъ страданій и голоду. Сегодня уже осьмой день, какъ я не бралъ въ роть ни куска хлъба!

И несчастный, утомившись отъ длинной рѣчи, въ безсиліи опустиль голову, все тѣло его задрожало, казалось, что послѣдняя минута жизни его наступила; тараканша стояла въ какомъ-то оцепѣненіи. Она не плакала, нѣтъ! потому – что судьба не дала намъ слезъ, не позволила ими облегчать наше сердце, и только въ одномъ этомъ люди счастливѣе насъ!... Но она была такъ поражена ужаснымъ положеніемъ своего жениха, его страданіями, этимъ внезапнымъ переходомъ отъ веселой и счастливой жизни къ отверженію, голодной смерти, этой игрою судьбы, поразившей безъ вины бѣдное созданіе. Въ головѣ ея смутно бродили восноминанія, картины прошедшаго. Она не могла произнести ни одного слова. Она не знала, сожалѣть—ли объ немъ, или презирать его. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ, наконецъ несчастный снова собрался съ силами.

— Что-же ты не убиваешь меня?... Не долгь-ли это твой?... Я тебя видёль и могъ-бы умереть съ радостью, но умереть отъ руки твоей—это блаженство, котораго я не смёль надёяться. Умоляю тебя!... Не призывай сюда толпы моихъ безжалостныхъ собратій, умертви меня сама, и я умру, лепеча твое имя!... О! не отвергай моей

просьбы!... Сжалься надъ монин страданіями, убей, убей

Столько мукъ, любви, горести побъдили бъдную тараканшу: она задрожала отъ волненія и бросилась вонъ изъ щели. Жалкій крикъ раздался ей въ слёдъ, она ничего не слыхала.

е слыхала. Черезъ минуту она снова стояла передъ изумленнымъ тараканомъ, который думалъ, что никогда уже болъе ея не увидитъ. тельно тобою Паконец'я коложение мое

- Понимаю, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ: ты' призвала сюда монхъ палачей.
- Я принесла теб'в пищи, которою ты долженъ подкръпить свои силы, отвъчала она, кидая передъ нимъ кусокъ хлъба.
- Доброе и благородное существо! прости мнъ мое подозръніе! О, какъ я дурно зналъ тебя!.. Теперь я умру еще довольнъе и счастливъе, зная, что есть созданіе, которое пожальеть обо мив!...
- Ты долженъ жить! Я требую этого.
- Къ чему миъ жизнь? Развъ я принадлежу къ обществу таракановъ? Развъ я существую для моихъ братьевъ, для своего отечества name office are manne communication
  - Ты можешь выздоровъть!
- Ты знаешь, что это невозможно!

Они замолчали. Тараканша видъла, что несчастный правъ, что жизнь въ его положении не радость, а тяжелое бремя. Состраданіе, любовь, еще не уснувшая въ ея сердцѣ, возвышенность поступка, благородство подобнаго самсотверженія, все это овладівло ея чувствами, и она, дрожа отъ внутренняго волненія, произнесла:

— Живи! есть существо, для котораго жизнь твоя до-

рога!...

— O! не обманывай меня напрасными надеждами!... Я чувствую, что смерть ко ми'ь приближается.... Скажи мнъ, кто оно, чтобы я въ послъднюю минуту могъ благословить его.... Ты видишь я умираю! Одно слово!...

Только одно!... Сулорожная дрожь пробъжала по тълу несчастнаго. Одно мгновеніе могло навсегда ръшить судьбу его. Въ ужасъ бросилась къ нему тараканша, нъжно обхватила его лапками, прижала къ груди своей, и вскрикнула въ порыв'в страсти и отчаннія: «Живи! о! живи! потому-что я хочу этого, потому-что я люблю тебя....»

Вы можете представить себъ, чъмъ все это кончилось, продолжаль чорный тараканъ. Ея частыя отсутствія, вовремя которыхъ она приносила своему любовнику пищу и утвшенія любви, стали зам'єтны для всёхъ; начали подозръвать, и наконецъ одинъ изъ прежнихъ ел обожателей, котораго она когда-то съ презрѣніемъ отвергла, изъ ревности сталъ следить за нею-и открылъ.... Однажды я принимался за вкусный завтракъ, какъ вдругъ мив пришли сказать, что одинъ изъ моихъ подданныхъ желаеть объявить мив объ очень-важномъ происшестви. Я неохотно приняль его; -- это быль отвергнутый обожатель; онъ все разсказаль мив, и я тотчасъ-же побъжалъ вслъдъ за нимъ, желая предупредить ярость и ожесточеніе народа. Но было уже поздно. Толны народа съ криками стремились по этому-же направленію. Онъ все успъль пересказать имъ, изъ низкой мести, желая сдълать какъ можно болъе гласнымъ это происшествіе. Волненіе было ужасно. По-счастію я бъгаю очень-скоро и успълъ остановить раздраженныя толпы моихъ подданныхъ. У щели однако толиилась масса таракановъ, я разстолкалъ ихъ и вобжаль въ отверзтіе. Несчастная мать — она была уже матерью целаго поколенія белыхъ таракановъ, -защищала съ геройской храбростью плодъ преступной любви, но всв усилія ея были тщетны; - въ то самое время, какъ я входилъ, она упала, произенная сотиями ударовъ, и дъти въ глазахъ умирающей матери были растерзаны разсвиръпъвшей толной. Я едва успълъ утолить общую прость и спасти преступника, для того, чтобъ казнить его предъ глазами цълаго народа. Казнь его вы видъли! Признаюсь вамъ, что я съ стесненнымъ сердцемъ произнесъ приговоръ несчастной жертвъ предразсудковъ, но что дълать! Обычай сильнъе всего на свътъ. Я однако сего-дня съ вами заболтался. Скоро разсвътетъ. Спите спокойно! До слъдующей ночи! И тараканъ исчезъ.

nameto on the Pal ABA VII. To amend down on the account of the control of the con

Визить къ русскому патріоту. Занимательный разговоръ съ героинею романа. Жалобы Чорнаго Таракана.

Однообразно шли дни за днями въ жизни Ивана Аоанасьевича. Каждое утро въ канцеляріи, каждый вечеръ дома, каждую ночь въ бесерт съ чорнымъ тараканомъ. Выпустивъ его наконецъ изъ ящика, онъ каждый вечеръ насыпаль ему туда сухарей и хльба, и тараканъ всегда въ извъстное время, приходилъ всть ихъ. Однажды отворивъ ящикъ, онъ увидълъ что-то чорное, побъжавшее быство въ противоположный уголь, и потомъ всякій день началь отворять ящикъ и насыпать хлеба въ это самое время. Сначала тараканъ всякій разъ убъгалъ, потомъ привыкъ и спокойно блъ при немъ сухія крошки, не позволяя однако до себя дотрогиваться. Нъсколько разъ во-время ихъ ночнаго разговора Иванъ Аванасьевичъ просилъ, чтобы гараканъ заговорилъ съ нимъ днемъ, но тотъ всегда отговаривался разными способами. Разговоры ихъ были впрочемъ всегда одинаковы. Тараканъ разсказываль о самомъ себъ, о своемъ народъ, о нравахъ, обычаяхъ, занятіяхъ тараканства, о своемъ управленін и другихъ предметахъ; иногда онъ разсказывалъ ему сказки, большею частью волшебныя, въ которыхъ конецъ обыкновенно былъ тотъ, что тараканы, послъ кровопролитныхъ войнь, побеждали и истребляли всехъ людей и делались одни обладателями всего міра. Но всё эти разсказы, по словамъ самого Ивана Аоанасьевича. который даль намъ позволение описать его странныя похожденія, нисколько не занимательны для другихъ. Для него самого они были чрезвычайно-утомительны: всякое утро просыпался онъ съ головною болью и дурнымъ цвътомъ лица. Всъ его сослуживны и пріятели ръшили, что онъ, въроятно, страдаетъ безсопницею. Иванъ Аоанасьевичь въ-самомъ-дёле после всякаго свиданія съ тараканомъ, на другой день чувствовалъ сильную охоту уснуть, особливо подъ вечеръ. Въ-следствие сего обсто-

ятельства, онъ ръшился однажды попросить таракана не такъ часто являться къ нему. Тотъ повиновался съ видимымъ неудовольствіемъ, и съ техъ-поръ сталь являться только по желанію Ивана Афанасьевича. Лля этого между ними былъ особый условный знакъ. Вечеромъ, насыная кормъ, Иванъ Аоанасьевичъ долженъ былъ стукнуть три раза по дну ящика, и тогда тараканъ являлся въ ночь. Иванъ Аознасьевичъ призывалъ его ръдко. только въ важныхъ случаяхъ, -и бледность въ лице и головныя боли пропали. Онъ сталъ, по прежнему, эдоровъ и румянъ. Сидоръ, правда, нъсколько разъ допытывался. что за секреть хранится у барина въ нижнемъ ящикъ комода, но когда Иванъ Аоанасьевичъ сказалъ, что съ этимъ секретомъ сопряжено его счастіе и будущность, то добрый слуга повърилъ и больше не заботился объ этомъ. Скрыть-же отъ него было не трудно, потому-что онъ быль подсленовать и спаль большую половину дия. Показалось-было разъ Ивану Аоанасьевичу, что котъ Мурька знаеть также его тайну, нотому-что однажды засталь. какъ тотъ похаживалъ около комода, мурлыча и поводя хвостомъ. Но такъ-какъ все его наблюдения ограничивались однимъ этимъ случаемъ, то онъ и оставиль это дъло подъ сомивніємъ. Иванъ Аванасьевичь заходиль какъ то разъ къ Никить Семеновичу навъдаться объ его здоровьи и поблагодарить за таракана, но старикъ наговорилъ ему такой чепухи о симпатическомъ вліяній душъ и о магнитной жидкости въ человъкъ, что онъ почти повърилъ разстройству его разсудка, въ чемъ увърями и всв знавшіе бывшаго Директора Департамента. Онъ быль также на вечеръ у Игнатья Степановича, который становился къ нему день-ото-дия благосклониве. Вечеръ быль похожъ на первый: тъже лица, тотъ-же преферансъ, съ тою только разницею, что Иванъ Аванасьевичь сънграль двѣ пульки и выиграль 10 рублей, которыхъ его столоначальникъ ему не отдалъ. Старухи съ усами и ся миловидной дочки не было въ этотъ вечеръ, и вотъ почему Ивану Асанасьевичу было не такъ весело. Онъ замътилъ только одно, что Настасья Лукинишна все время танцовала съ Алексвемъ Ивановичемъ и о

чемъ-то долго съ нимъ перешентывалась, изръдка поглядывая весьма-непріязненнымъ образомъ на Ивана Авана насьевича.

На следующее воскресенье онъ отправился съ первымъ визитомъ къ Аннъ Петровнъ Трощеевой.

Въ маленькой, но опрятной квартиркъ, въ трстьемъ этажъ, жило почтенное семейство Павла Петровича Трощеева, служащаго глъ-то по Министерству. Въ гостиной которая простиралась въ длину около четырехъ саженъ, въ ширину около трехъ, сидъло разнообразное общество, состоящее изъ отца семейства, старика лътъ 60-ти, толстаго, круглаго, краснаго, коротенькаго, живаго, въ свътлокоричневомъ фракъ и съренькихъ брюкахъ съ голубымъ отливомъ, изъ жены его Анны Петровны, съ которой мы уже отчасти познакомились, изъ дочери, также уже намъ извъстной, сына, мальчика лъть 16-ти, въ мундиръ съ краснымъ воротникомъ и золотыми петлицами, и синими обводами подъ глазами, и наконецъ старухи тетки, сестры Павла Петровича, женщины замічательной съ нерваго взгляда по одному носу необыкновенной толщины. Какой-то длинный худощавый господинъ во фракъ съ протертыми локтями и съ ленточкой въ петлицъ, и офицеръ въ мундиръ, сидъли гостями, т. е. офицеръ держалъ граціозно шляпу двумя пальцами за верхнюю часть ея подлъ пера, а скромный господинъ прижалъ свою между кольнами и все смотрълъ въ нее, изръдка примъшивая къ разговору нъсколько словъ. Анна Петровна рекомендовала Ивана Аванасьевича мужу и свояченицъ, и онъ, какъ гость усълся на диванъ между офицеромъ и скромнымъ господиномъ. Начался обыкновенный разговоръ про погоду, потомъ про службу-и эти два главныя обстоятельства въ петербургской жизни были разсмотръны взвъшены и обсужены со всъхъ пунктовъ. Марыя Павловна ръдко примъшивала къ разговору нъсколько словъ, изъ которыхъ можно было заключить, что она предпочитаетъ военную службу статской, чемъ Иванъ Аоанасьевичь быль очень не доволенъ, а офицеръ съ довольной улыбкой погладилъ свои тощія усики. Скромный господинъ умильно раскрывалъ ротъ при всякомъ словъ

хозянна. Тетушка Дарья Петровна поминутно прятала въ носъ огромныя порціи бабковаго табаку. Хозяйка поминутно выходила и отдавала какія—то приказанія. Между ею и дочерью былъ установленъ родъ особаго телеграфа изъ взглядовъ и движеній. Часто мальйшее движеніе матери вдругъ заставляло дочь остановиться на неоконченной фразъ, или перемънить положеніе. Хозяинъ вертълся на стуль, хохоталъ и ужасно размахивалъ руками. Чтобъ составить полное понятіе обо всъхъ этихъ лицахъ и ихъ отношеніяхъ, представляю при семъ обращикъ разговора:

- У насъ въ военной службъ, говорилъ офицеръ, есть очень много поэзіи: лагери, маневры, компаніи.
- Ахъ да, подхватила Марья Павловна: полковая муз...
   и вдругъ остановилась, поправляя локоны, которые ни сколько не развились.

Офицеръ, подождавъ изъ учтивости окончанія ръчи, продолжаль:

— Возьмите напримъръ, во время лагеря! Вы спите спокойно, раздъвшись до р.... то есть самымъ еладкимъ сномъ; ночь самая бурливая, и вдругъ тревога: офицеры, вскочивъ съ походной постели, выбъгаютъ изъ палатокъ и тамъ начинаютъ одъваться — зрълице необычайное! И къ тому-же, вокругъ свиръпствуетъ буря, дождикъ льется съ неба, трескъ, громъ барабановъ, ружейная и пущечная пальба....

Офицеръ, какъ вы изволите сами видъть, говорилъ чрезвычайно красноръчиво, и увлеченный величіемъ картины, въ жару разсказа прибавилъ обстоятельства довольно странныя, которыя побудили тетушку Дарью Петровну сдълать слъдующій вопросъ:

— Какъ, батющка, такъ еще въ васъ стръляютъ когда вы одъваетесь?

Офицеръ не почелъ за нужное отвъчать на этотъ вопросъ и, ни мало не сконфузившись, продолжалъ:

— Я не говорю уже о военномъ времени—тамъ на каждый шагъ можно написать цълую поэму. Въ послъднюю турецкую войну, когда мы ходили....

Ke. V. - 25.

Зайсь офицеръ немножко остановился: сказать, что онь быль въ походъ было слишкомъ невъроятно. Хозяинь, три года тому назадь, зналь его еще ученикомъ одного петербургскаго военно-учебнаго заведенія, и потому, смиривъ пыль своихъ воинскихъ воспоминаній, онъ очень смиренно продолжалъ:

— То есть, когда мы ходили на работы подъ Москву, тамъ.... былъ у меня братъ, который самъ былъ, то есть

видълъ ужасныя картины подъ самой Варной....

Офицеръ опять остановился, придумывая, что-бы разсказать поэффективе, но къ-несчастию, на этотъ разъ

прерваль его хозяинъ громкимъ восклицаніемъ:

- Знаемъ, знаемъ батюшка! Не бось хотите разсказать какъ Русскіе побъждали—ктожъ не знасть!... Да тотъ сударь не Русскій!-Вотъ у меня дочь и д'ввушка, а наизустъ разскажетъ, сколько гдъ побито непріятелей, сколько гдь въ плынъ взято. А этого нътъ въ самой «Исторіи» Кайданова, новъйшихъ временъ!...

И старикъ съ довольной улыбкой посмотрѣлъ на дочь, которая потупила глазки при папенькиной похваль. Онъ

продолжаль:
— Люблю за это военныхъ! Вездъ побъждаютъ! Да и кто можетъ устоять противъ насъ Русскихъ. Дали мы себя знать всякимъ народамъ. Небось всв насъ боятся и уважаютъ. Я человъкъ старый — а приди ка опять къ намъ Французъ или какой другой—первый возьму ружье и надъну ранецъ. Я Русскій и люблю одно русское.

- Ахъ папенька! Это будетъ очень мило, вскричала дочь: къ вамъ такъ идетъ военный мундиръ! Я такъ лю-

блю военныхъ!...

Офицеръ пріосанился, хозяйка вскочила съ креселъ и ушла въ другую комнату. Въ то время, когда она проходила мимо дочери, та выпрямилась и, умильно окинувъ глазками комнату, сказала:

— Я то-же люблю и статскихъ!... Всякая служба имъпросъ и, на мало до споноувления

етъ свои выгоды....

Иванъ Аванасьевичъ, ничего не подозрѣвая, повѣрилъ и этому взгляду, и этимъ словамъ. Хозяннъ продолтуроциум помпу, когда нь: колили... 18 - V. BR

— Конечно, вездё можно быть хорошимъ человёкомъ и полезнымъ гражданиномъ. Надо только любить Россію и быть Русскимъ въ душё. Терпёть не могу тёхъ, которые толкуютъ только о французскомъ языкъ да о французскомъ парламентъ. Отъ нихъ ничего путнаго не будетъ:

деть: Скромный господинъ въ это время усмѣхнулся, думая, что хозяинъ, въроятно, сказалъ что-нибудь остроумное.

— А ты чему смъешься, Семенъ? продолжалъ Павелъ Петровичъ: что ты нашелъ смъшнаго?... Сидълъ-бы да молчалъ, коли ничего не понимаешь!...

Скромный господинь почтительно согнулся, чуть не спрятавшись въ свою шляпу. Иванъ Аоанасьевичъ, давно уже молчавшій, нашель приличнымъ помѣстить здѣсь свою

фразу.

— Я съ вами совершенно согласенъ, Павелъ Петровичъ. Стыдно и странно Русскому не любить своего отечества, но это не мъшаетъ ему однакоже заниматься нолитическими происшествіями другаго государства.

- Пустое, сударь, и слышать не хочу, закричаль хозявнь, завертъвшись на стулъ: Къ чему намъ знать, что дълается въ другихъ государствахъ? чтобы перенимать тамошнія вольнодумства?... Лучше нашего устройства и образа правленія не было да и быть не можетъ. Знай свое и этого довольно! Россія не нъмецкое княжество, въ часъ кругомъ не объъдешь—не скоро узнаешь ее матушку, что называется, вдоль и поперекъ. Видимъ мы, кънесчастію, у насъ много этихъ выскочекъ, что всъ трактиры парижскіе на-перечетъ знаютъ, а спроси-ка, на Волгъ или на Днъпръ стоитъ Кіевъ, върно не знаютъ.
- Вы совершенно правы, придакнулъ офицеръ....
- Однакоже.... если мы разсмотримъ.... нововведенія.... заграничное образованіе.... пробормоталъ Иванъ Аоанасьевичъ, совершенно сконфуженный таковою патетическою выходкою старика....
- И не возражайте! опять закричаль хозяинъ: а то мы съ вами съ перваго знакомства на всю жизнь поссоримся. Я человъкъ старый, меня не переувъришь, и что я вбилъ себъ въ голову, не выколотишь ничъмъ. Поде-

русь, а не уступлю ни шагу. Воля ваша, сердитесь не сердитесь, а ужъ я таковъ. Въ чемъ другомъ я передъ вами можетъ быть и пасъ — а ужъ въ этомъ, извините! готовъ поспорить съ цъльить свётомъ.

Иванъ Аванасьевичъ не возражалъ болъе.

Разговоръ въ такомъ родъ продолжался еще съ полчаса. Наконецъ Иванъ Афанасьевичъ всталъ и началъ откланиваться, за нимъ поднялся офицеръ, по-видимому, весьма неохотно!...

- Что вы, что вы, господа, куда? заревъль хозяннъ. А откушать развъ не останетесь!... Пожалуста безъ церемоній.... Константинъ Никанорычъ.... что это? вы человъкъ свой!... кладите-ка вашу шляпу. А вы, Иванъ Аванасьевичъ, развъ отозваны куда-нибудь?
- Нътъ-съ!... но я въ первый разъ у васъ въ домъ! Я такъ мало еще имъю честь знать васъ....

Иванъ Аванасьевичъ, какъ видите, зналъ приличія.

— Помилуйте, какъ вамъ не стыдно!... Этого у Русскихъ не дъластся. Что за деликатность. Если вы охотники до русскихъ щей и каши—то не будете у меня голодны, я за это ручаюсь.

Иванъ Аоанасьевичъ также долженъ былъ усъсться.

Разговоръ продолжался.

Къ объду явились еще два сослуживца Павла Петровича. Хозяннъ занялся исключительно ими одними. Хозяйка совсъмъ изчезла, изръдка появляясь въ гостиной, или вызывая въ другую комнату свою дочь, съ которой разговорился офицеръ и Совинскій. Хозяинъ съ двумя вновь прибывшими гостями, скоро отправился въ свой кабинетъ, прося гостей извинить его, а дочь занимать дорогихъ гостей. Скромный господинъ сидълъ молча и смотрълъ въ шляпу. Ивану Аоанасьевичу показалось, что дочь по уходъ отца и матери сдълалась гораздо развязнье. Она начала толковать о петербургскихъ удовольствіяхъ, о томъ, что они на будущее лъто непремънно поъдутъ на дачу, и отпускала иногда очень наивныя фразы. Иванъ Аоанасьевичъ замътилъ только одно неслишкомъ благопріятное обстоятельство: не-смотря на свою

простоту, дъвушка была лукава и очень искусно перемъняла разговоръ каждый разъ, когда мать входила въ комнату. За объдомъ ничего не произошло особеннаго. Посидъвъ еще съ часъ, Иванъ Аванасьевичъ счелъ нужнымъоткланяться хозяину и хозяйкъ и отправился домой. Его просили, разумъется, почаще навъщать ихъ, онъ, разумъется, отвъчалъ, что непремънно будетъ, какъ только найдетъ свободное время отъ занятій. Тъмъ и кончился первый визитъ. Ночью этого-же дня, противъ всякаго ожиданія, къ Ивану Аванасьевичу явился чорный тараканъ.

- Не удивляйтесь, что я нарушаю ваше условіе, и безъ зову являюсь къ вамъ. Ваша собственная польза требуетъ этого. Завтра начальникъ отдъленія предложить вамъ мѣсто старшаго номощника столоначальника. Это еще ничего, вы, разумѣется, примите мѣсто и поблагодарите начальника, но вамъ надобно имѣть въ рукахъ своихъ какую-нибудь защиту отъ нападенія вашего предмѣстника, который будетъ выискивать всѣ возможныя случаи вредить вамъ. Для этого вы должны хорошенько порыться въ ящикѣ, куда у васъ бросаютъ черныя и ненужныя бумаги. Тамъ найдете вы бумагу, которая начинается слъдующими словами: «И такъ опасенія мои сбылись....» Прочитайте ее, вы сами увидите, что вамъ надобно будетъ дѣлать.
- Удивляюсь, какимъ образомъ вы могли узнать все это?
- Я забочусь объ васъ, вотъ все, что вамъ нужно знать. Остальное не въ моей власти открыть вамъ, да вы и не поймете. Предоставьте-же попечение о вашихъ дълахъ и будьте спокойны на-счетъ остальнаго. Я еще хотълъ поговорить съ вами объ Марьъ Павловнъ Трощеевой. Вамъ она нравится, это я знаю. Я доставилъ вамъ случай видъть ее, но если-бы зналъ, что изъ этого произойдутъ такія послъдствія, то ни зачто-бы не согласился устрошть ваше свиданіе. Любезничать съ нею вы можете сколько вамъ угодно, но пожалуста ни о чемъ серьезномъ не думайте, и ради Бога не ръшайтесь жениться на ней.

- Позвольте узнать, отчего?

- Я не въ правъ открыть вамъ этого. Скажу только одно: женитьба съ нею погубить васъ и меня. Она ужасно боится чорныхъ таракановъ.
- Но, върно, не боится людей. И долг во это выблага
- Повърьте, что я совътую это вамъ отъ чистаго сердца. У нее дурной характеръ—это вы сами могли замътить. Но кромъ того она много принесетъ несчастій въ вашъ домъ, и конецъ вашъ будеть самый плачевный — вотъ все, что я могу сказать вамъ.

— Послушайте! вы върно клевещете на Марью Павловну за то, что она не любить вашей братьи. Я не знаю

дъвушки милъе ея.

- Богъ вамъ судья! прошенталъ тараканъ, печальнымъ голосомъ. Вы обижаете всѣ наше тараканство. Мы не люди и никогда не говоримъ неправды. Совѣты-же мои происходятъ изъ одного участія къ вамъ. Если вы меня не послушаетесь, вамъ-же будетъ хуже. Повѣрьте мнѣ, Иванъ Афанасьевичъ, не занимайтесь этой Марьей Павловной; я вамъ пріищу невѣсту гораздо лучше.
- Подите вы пожалуста. Неужъ-то я стану полагаться на тараканій вкусъ.

ся на тараканіи вкусъ.
— Не смъйтесь, Иванъ Аоанасьевичъ, и върьте словамъ моимъ.

Иванъ Аоанасьевичъ былъ очень не доволенъ, что тараканъ дѣлаетъ ему выговоры, подаетъ совѣты, и вообще принимаетъ съ нимъ такой диктаторскій тонъ. Онъ попросилъ не учить его и говорить свои мнѣнія тогда, когда объ нихъ будутъ спрашивать. Тараканъ видимо былъ опечаленъ словами чиновника.

- Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, попросить васъ позаботиться хоть о моей безанасности. Вашъ котъ Мурька мой злѣйшій врагъ. Онъ все такъ и ходитъ по комнатѣ, когда васъ нѣтъ и ищетъ случая, какъ-бы поймать меня. Пожалуста запретите вашему Сидору пускать котавъ комнату.
- Хорошо! отвъчалъ Иванъ Аванасьевичъ, и заснулъ-

- Houseouve youars, erecat

BEET AND THE TABLE VIII. STORED OF STERRICE

Курьозное и замъчательное письмо начальницы отдъленія. Сватовство героя.

На другой день Иванъ Асанасьевичъ былъ уже старшимъ помощникомъ столоначальника. Алексъй Ивановичъ Петликовъ подалъ въ отставку, по приказанію своего начальника. Молча онъ сдалъ ему дъла свои, и уходя сказалъ:

 Вы таки успѣли своими интригами получить мое мѣсто, но я поручусь, что не долго будете обладать имъ.

Фраза эта была сказана самымъ трагическимъ тономъ, но Иванъ Аоанасьевичъ, какъ примърный чиновникъ, ничего не отвъчалъ на нее.

Оставшись нарочно часовъ до четырехъ въ Департаментъ, онъ началъ перебирать всъ грязныя бумаги и нашелъ завътное письмо. Читая его, онъ не върилъ глазамъ своимъ. Оно заключалось въ слъдующихъ словахъ:

— И такъ опасенія мои сбылись. Мужъ мой призывалъ сего-дня Франца Васильевича и долго о чемъ-то разговаривалъ. Францъ Васильевичъ потомъ все разсказалъ миъ: дъло шло о вашей отставкъ. Мужъ мой непреклоненъ и всъ слова Франца Васильевича были напрасны. Судьба ваша ръшена. Не могу понять, какъ онъ узналъ нашу тайну. По всему вижу, что онъ сбирается сдълать мив сцену, я уже приготовилась и готова выдержать ее. Но судьба разлучаетъ насъ. Мы не можемъ уже такъ часто видъться какъ прежде-мы должны разстаться. Вы не забудете клятвъ вашихъ, вы будете въчно любить меня, останетесь мив върны. Не правда-ли, другъ мой, никакія усилія свъта и злобы людей не могутъ разорвать союзъ нашъ? Я еще разъ повторяю вамъ клятву быть вашею до гроба. Вы знаете моего мужа: онъ вспыльчивъ, горячь и дъластъ все по первому впечатлънію. Теперь онъ подозрѣваетъ насъ, и ничто въ мірѣ не заставить его перемънить жестокаго приказанія — дать вамъ отставку. Но потомъ вы знаете, какъ я его умъю

держать въ рукахъ. Все пойдетъ, какъ я хочу. Мы выживемъ этого несноснаго Совинскаго и найдемъ случай погубить его. Пишу къ вамъ на-скоро, потому-что мужъ наблюдаетъ за мною—разорвите эту заниску!

Подписи не было, но не трудно было догадаться, кто писаль эту записку, на канцелярской бумагь, мълкимъ и женскимъ почеркомъ, карандашомъ.

Ивану Аванасьевичу стало все понятно: и перешептыванья начальницы отделенія съ Петликовымъ и угрозы его начальника. Онъ понялъ, какой важный документъ составляеть въ рукахъ его эта записка и какимъ образомъ можетъ она предохранить его отъ дальнейшихъ замысловъ его новыхъ враговъ.

Сначала ему пришло въ голову отнести эту записку къ Игнатью Степановичу, но доброе сердце тотчасъ сказало ему, что это не честно, и что онъ можетъ употребить ее въ дъло только въ крайнемъ случав, какъ средство оборонительное, но никакъ не наступательное.

Въ тотъ-же день однако, онъ принужденъ быль по дъламъ службы войти въ большія объясненія съ Алексъ-емъ Ивановичемъ, и когда тотъ снова началъ осыпать его упреками и угрожать, онъ очень спокойно отвъчалъ, что ничего не боится и что у него въ рукахъ есть записка отъ Настасьи Лукинишны, которую онъ тотчасъ-же отдастъ Игнатью Степановичу, если увидитъ, что противъ него строятъ уже слишкомъ большія козни.

Алексъй Ивановичъ поблъднълъ. Какимъ образомъ вы достали ее?

- Нашелъ въ ящикѣ, въ грязныхъ бумагахъ.
- Это правда, что и кинулъ ее туда, чтобы не подать подозрѣнія, когда онъ подошелъ ко мнѣ. Но въ тотъ день и нерерылъ весь ящикъ и не нашелъ записки.
- А и быль счастливье вась и нашель ее.
- Вы должны мив отдать ее?
- Для того, чтобы вы безъ всякаго опасенія могли чернить меня, когда вамъ вздумается? Извините! Я долженъже съ своей стороны также чёмъ-нибудь защищаться. Судьба послала мив записку, и я воспользуюсь ею. Будь-

те увърены, что я никогда первый не употреблю ее противъ васъ, если только вы сами не принудите меня къ Вы тогьеже вечель ода отправился на Громенскамумоте

И онъ оставилъ опальнаго чиновника придумывать но-

вые планы мщенія. Перем'єнилась жизнь Иваца Афанасьевича: прибавка жалованья дала ему возможность жить немножко получше. У него даже появились кой-какіе предметы роскоми. Кругъ его знакомства ибсколько увеличился. Онъ началъ чаще выходить изъ дому, посъщать своихъ сослуживцевъ, являться въ театрахъ, кондитерскихъ, иногда объдать у Дюме. Чаще всего являлся къ Павлу Петровичу Трощееву, и пгралъ съ нимъ въ преферансъ по грошу, хвалилъ все русское, иногда осмъливался при взглядъ на Марыо Павловну испускать изъ глубины души тяжкой вздохъ. Часто встръчался онъ съ неизбъжнымъ офицеромъ, который также, по-видимому, имълъ какіе-то виды на дочь чиновника. Соперничество это сильно безпокоило Ивана Асанасьевича, но онъ върилъ въ свое счастіе, которое, съ некоторыхъ поръ, такъ ему благопріятствовало. Начальникъ отдъленія становился къ нему ласко-въе день-ото-дня. Алексъй Ивановичъ вдругъ куда-то пропалъ, объ немъ не было ни духу, ни слуху. Настасья Лукинишна, противъ ожиданія, была очень любезна съ Совинскимъ. Онъ являлся у нихъ по пятницамъ аккуратно, часто танцовалъ съ хозяйкой и игралъ въ вистъ съ столоначальникомъ, который проигрывая, никогда не платилъ денегъ. Ивану Аоанасьевичу очень хотелось узнать, какъ къ нему расположена Марыя Павловна. Онъ часто заводилъ съ ней разговоръ о чувствахъ симпатіи двухъ любящихъ душъ и т. и. Но отвъты дъвушки были такъ непонятнопросты, что онъ не могъ вывести изъ нихъ никакого заключенія. жей ... эондиден одналовак вонготин

Вдругъ судьба снова двинула его впередъ.

Францъ Васильевичъ Риттеръ волею Божією скончался отъ удара, который постигь его въ самое замъчательное время жизни, когда онъ, играя въ червяхъ, укладывалъ уступомъ восьмую взятку, и улыбаясь говорилъ: Оба безъ одной-съ!

Иванъ Аванасьевичъ сдъланъ былъ столоначальни-

Въ тотъ-же вечеръ онъ отправился къ Трощеевымъ.

На грязной и темной лѣстницѣ, столкнулся онъ съ какимъ-то человѣкомъ, который быстро бѣжалъ внизъ. Въ темнотѣ онъ не могъ ни разсмотрѣть, ни узнать, кто былъ этотъ таинственный незнакомецъ. Они помѣнялись извиненіями и разошлись.

Войдя въ гостинную, онъ нашелъ тамъ одного Павла Петровича, который въ сильномъ волненіи мѣрялъ са-женными шагами трехъ-аршинную комнату, поминутно перебѣгая отъ одной стѣны къ другой.

Ему показалось также, что когда онъ спрашивалъ у слуги: «Дома-ли Павелъ Петровичъ и Анна Нетровна?» въгостиной, смежной съ передней, раздался шумъ быстро отодвинутыхъ стульевъ и захлопнутой двери.

Старикъ однако принялъ его съ видимымъ удоволь-

ствіемъ. — Добро ножаловать, Иванъ Аоанасьевичъ! Какими судьбами! Сколько лътъ, сколько зимъ. Куда это запропастились? Давнымъ давно не видались. Садись-ка почтеннъйшій! ревълъ старикъ, усаживая его въ кресла.

Иванъ Аванасьевичъ кланялся и говорилъ:

- Что дълать-съ! И радъ-бы, да вы знаете, служба! До четырехъ часовъ въ Департаментъ. Придешь домой усталый, тутъ не до гостей, а какъ-бы отдохнуть. Повърите, что нътъ ни минуты свободнаго времени. Я нынче получилъ мъсто столоначальника, прибавилъ онъ важнымътономъ, поправляя галстухъ.
- Поздравляю, почтеннъйшій, поздравляю! говориль старикъ, улыбаясь и подвигаясь къ нему еще болъе. Мъсто не шуточное, жалованье изрядное... Какъ-же вы располагаетесь теперь.... то есть, въ отношеніи къ вашей жизни... знаете холостому человъку жить одному скучно, ни хозяйствомъ некому заняться, ни за людьми присмотръть. Въдь что гръха таить—въ этомъ дълъ бабыто побольше смыслятъ, чъмъ мы съ вами, Иванъ Аванасьевичъ.

И Трощеевъ съ какимъ-то глупымъ смѣхомъ ударилъ по колънкъ новаго столоначальника.

Тоть отвъчаль съ замъщ ательствомъ, и разстановкою.

— Конечно-съ! Я и самъ такъ думаю!... Въ разсужденіи семейной жизни нътъ ничего пріятнъе.... И я-бы хотьль, я-бы смълъ т. е. поговорить съ вами....

Туть онъ остановился, собираясь съ новыми силами.

- Со мною? вскричаль старикъ, съ дурно-скрываемой улыбкой радости. Я очень радъ, что вы меня удостоили вашимъ довъріемъ и готовъ отъ всей души дать вамъ добрый совътъ. Повърите-ли? Я васъ полюбилъ какъ сына.
- Я-бы желаль имъ быть на самомъ дѣлѣ, сказалъ
   Иванъ Афанасьевичъ и остановился.
- Что вы хотите этимъ сказать? продолжалъ старикъ, принимая на себя серьезный видъ. Эхъ, Иванъ Аванасьевичъ, и столоначальникъ, а не знаете, что ясность и отчетливость первое условіе во всякомъ дѣлѣ.
- Я всею душою люблю Марью Павловну и прошу у васъ руки ея, едва слышнымъ голосомъ отвъчалъ покраснъвшій столоначальникъ.
- Давно-бы вы сказали! заревълъ старикъ, вскакивая съ своего мъста и бросаясь обнимать Совинскаго: Оченьрадъ! Я, правду сказать, и самъ давно замътилъ, что Маша моя пришлась вамъ по сердцу. Душевно радъ породниться съ такимъ человъкомъ, какъ вы. И жена моя также оченьбудетъ рада... При этихъ словахъ Трощеевъ остановился, какъ-будто вспомнивъ о чемъ-нибудь нечаянно, и продолжалъ уже съ гораздо-меньшимъ восторгомъ.
- Впрочемъ, разумъется, тутъ могутъ встрътиться разныя обстоятельства, препятствія.... согласіе моей дочери.
- Я объ этомъ-то и прошу васъ, Павель Петровичъ. Мив необходимо знать, какъ Марья Павловна приметъ мое предложение, а самъ я не рвшился сперва открыться ей самой, думая, что гораздо приличные будетъ сначала обратиться къ вамъ.
  - И вы сдълали очень-хорошо, Иванъ Аоанасъевичъ, какъ слъдуетъ благородному человъку. Одни сорванцы

стараются сначала векружить всякимъ вздоромъ голову дъвчонокъ, которыя, разумъется, по неопытности согласны со всъмъ, что имъ тамъ нашъваютъ. Вы поступили прекрасно, повторяю вамъ еще разъ, и потому-то вы позволите мнъ переговорить съ моею дочерью, посовътоваться съ женою. Завтра мы дадимъ вамъ ръшительный отвътъ.

Иванъ Аоанасьевичъ молча поклонился, и старикъ уже не съ прежнимъ довольнымъ видомъ простился съ сво- имъ будущимъ зятемъ. Сходя по лъстницъ, Совинскій думалъ: кажется, я сдълалъ большую глупость, обратившись прежде къ старику, а не къ дочери.

А старикъ, проводивши гостя, подошелъ къ дверямъ, которые изъ гостиной вели прямо въ спальню, и торжественно растворивъ ихъ, провозгласилъ:

— Жена! Маша!

вичъ, и столопачальнить, в ис вилоте, что испостт и от-

принива на себя серьсивый инта, Эха, Подив Аовисье-

- if aceto tymoso Ware Manage Hantonny is been a property of the second or branch no measurement.

versuoceta nepsos venosis no semeouta glarla.

КОТОРАЯ СОДЕРЖИТЬ ВЪ СЕБЪ ОПИСАНІЕ РАЗНЫХЪ ДОМАПНИХЪ-СЦЕНЪ, И ВЪ КОТОРОЙ САМЪ АВТОРЪ ВЫХОДИТЬ НА СЦЕНУ.

Жена и Маша вошли въ комнату. За ними, хотя и незваная, явилась тетушка Дарья Петровна и тотчасъ-же опустилась въ стоящія подлів дверей кресла, шевеля губами и считая петли чулка.

Жена вышла съ раскраснъвшимися щеками и съ ченцомъ, сдвинутымъ съ своего первобытнаго положенія, въроятно, въ слъдствіе какой-нибудь сильной сцены. У дочери также распухли глаза и растрепались локоны.

Трощеевъ съ торжественнымъ видомъ сдѣлалъ два шага впередъ, остановился передъ женою, заложилъ руки на спину, раздвинулъ ноги и спросилъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства:

- H sar extrans orone-sopono, Hears forengh cars,

пар Жена также отвъчала ему:ппротокай атераба анал

- Ну что! Ничего! все тоже!... Стою на томъ, что лучше жениха для Маши и не сыщешь. Офицеръ, получаеть жалованье по капитанскому чину.... И отчего было отказать ему?...
- Такъ стало-быть ты не слыхала о чемъ Совинскій говорилъ со мною.

 Есть миъ время!... Я все уговаривала Машу, чтобъ она не плакала и что авось мы еще переупрямимъ тебя.

Трощеевъ бросилъ на жену и дочь взглядъ, которому онъ хотълъ придать глубокое значеніе, и потомъ сталъ по срединъ комнаты въ живописное положеніе, размахнувъ руками:

— Такъ неужели-же вы думаете, что у меня тиранское сердце, что я пожертвую счастьемъ моей дочери моему собственному, что я захочу ръшеніемъ одной минуты уничтожить судьбу цілой жизни?...

Хотя въ этой фразв не было ни на волосъ здраваго смысла, но Трощеевъ произнесъ ее такимъ важнымъ тономъ, что жена и дочь посмотрвли на него съ чувствомъ
удивленія и почтенія, а тетушка Дарья Петровна спустила нъсколько петель.

Когда люди необразованные захотять сказать что-нибудь съ-высока, то у нихъ всегда выходить нескладица, а подобные имъ чъмъ-менъе понимають фразы такого рода, тъмъ больше имъ удивляются.

Потому-то Трощеева спросила его цёлымъ тономъ ниже:

- Что ты этимъ хочешь сказать?...
- А то, что смъщно намъ было обрадоваться первому жениху, отдавать дочь нашу за всякаго встръчнаго, пеперечнаго. Офицеръ посватался! Экая невидаль! Найдутея женихи и почище.
- Но подумай самъ, другъ мой, отвъчала Анна Петровна, еще тише, удивленная ръшительнымъ тономъ супруга: Наше состояніе не такое, чтобы генералы могли ухаживать за нашей дочерью. Константинъ Никанорычъ человъкъ хорошій; мы давно знаємъ его и никогда за нимъ ничего дурнаго не замътили. Этакъ мы все будемъ выбирать жениховъ а ужъ Машъ-то двадцать четвертый годъ ношолъ.

- Двадцать второй, маменька, отвѣчала сквозь слезы Марья Павловна,
- Да кажись ты, матушка, въ пятнадцатомъ году родмлась, прибавила тетушка Дарья Петровна.

Племянница посмотръла на тетушку искоса и отвъчала со злостью: «Ужъ вы-бы тетушка чулокъ вязали, коми не помните ничего.

мать между-тъмъ продолжала:

- Конечно, Константинъ Никанорычъ человѣкъ не очень богатый, ну да вѣдь живутъ-же люди и съ тремя стами рублями, да еще и семейство содержатъ. Машинька наша съ дътства пріучена къ бережливости, мотать не любитъ....
- Да что ты туть ми разсказываешь, прерваль Трощеевъ съ досадой. Какъ ни будь хорошъ этотъ женихъ, да все-же онъ не лучше Ивана Аоанасьевича Совинскаго.

При этихъ словахъ и мать и дочь съ изумленіемъ взглянули другъ на друга и потомъ на старика.

- Такъ развъ онъ дълалъ предложение? спросила наконецъ мать.
- Разумъется! Онъ сей-часъ просилъ у меня руки Маши, и объявилъ въ добавокъ, что онъ сдъланъ столоначальникомъ. Удивляюсь, какъ онъ не встрътился съ Константиномъ Никаноровичемъ. Тотъ сей-часъ толькочто вышелъ отсюда.—За симъ послъдовало долгое молчаніе, прерванное наконецъ рыданіями дочери, которая говорила сквозь слезы.

— Да я не люблю Ивана Аоанасьевича. Я люблю Константина Никаноровича, Иванъ Аоанасьевичъ такой гадкій.

Я долженъ, по долгу безпристрастнаго и върнаго историка, увъдомить почтенныхъ читателей, что въ это время Ивану Аванасьевичу, уже возвратившемуся домой, сильно икнулось, и онъ сказалъ: «Ктобъ это про меня вспомнилъ?» Послъ этого прошу не върить прамътамъ нашихъ прадъдовъ!

Отецъ между-тъмъ говорилъ дочери:

— Дура, ты сама не понимаешь собственной пользы.
 Знаешь-ли ты, что столоначальникъ получаетъ 2000 руб—

лей жалованья, да столовыхъ 500, да на квартиру, на освъщение и на отопление, да черезъ годъ награждение, а въ иныхъ мъстахъ и каждый годъ, то третное жалованье, то годовой окладъ—шутка! Онъ того-й-смотри выскочитъ въ начальники отдъления, а тамъ и до директора Департамента не далеко. Способностями Богъ его не обидълъ, онъ малой съ головой, а твой офицерикъ-то что за птица? Благо Богъ ему эполеты послалъ, такъ ты и обрадовалась. Тебъ лишь-бы перья на шляпъ были. Послъ этого ты во всякаго пътуха влюбишься.... А вы, матушка, хорошо вы смотръли за воспитаниемъ дочери вашей, доброму вы ее научили?...

Послъднія слова грозный Павелъ Петровичъ обратилъ

Последнія слова грозный Павель Петровичь обратиль къ своей супругь, которая отвечала ему воплями и слезами. Супругь, разументся, для поддержанія собственнаго достоинства горячился еще боле, супруга плакала, дочь плакала, тетушка Дарья Петровна также о чемъ-то плакала, супругь кричаль, супруга кричала, дочь кричала, тетушка Дарья Петровна также кричала—все это вмёстё составило такую ужасную катавассію, въ которой невозможно было понять ни одного слова, которая продолжалась битыхъ два часа и которая кончилась наконецътемъ, что волей или неволей, а Марья Павловна согласилась выдти за Ивана Афанасьевича.

Если-бы герой мой могъ присутствовать при этой сценѣ, то онъ, можетъ-быть, не такъ скоро рѣшился-бы надѣть на себя узы супружескаго счастія.

Онъ однако женился на дочери патріота, который такъ

горячо любилъ Россію и гречневую кашу.

Здёсь мы должны остановиться и сдёлать маленькое обращение къ читателямъ, прежде нежели приступимъ къ окончанию нашего романа.

Безиристрастные критики могутъ привязаться къ автору, за-чёмъ онъ назвалъ романомъ вздорный разсказъ свой, который безъ труда умёстится на трехъ печатныхъ листахъ какого-нибудь всеобъемлющаго журнала, выходящаго книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себъ отъ 15 до 20 листовъ большаго формата, равняющихся 30—40 листамъ обыкновенной печати; но любая

Реторика можеть дать отвъть благонамъренному критику. Во всъхъ ихъ ясно сказано, что повъстью называется разсказъ о какомъ-нибудь отдъльномъ происшествіи изъ жизни лица идеальнаго или историческаго, а романъ разсказываеть всю жизнь его до самой смерти или, по крайней-мъръ, до свадьбы, которая, вирочемъ, также можетъ назваться смертью идеальной и поэтической жизни, надеждъ и мечтаній. Есть также романы, которые, подробно описавши погребальную церемонію героя, не оставляють его въ поков и въ самой могилъ, пугая читателей тънью его, являющеюся въ 4-й части, но подобнаго рода нарушеніе условій романа происходять единственно отъ чрезмърнаго чадолюбія господъ авторовъ, желающихъ какъ можно попозже разстаться съ своимъ дътищемъ.

Мы довели разсказъ нашъ до свадьбы; свадьбою онъ и могъ-бы окончится, хотя много осталось-бы не яснымъ и не досказаннымъ, но что нужды? въ новъйшее время изобрътенъ удивительный способъ оканчивать повъсти. Если ты запуталъ свою исторію до того, что нътъ человъческой возможности распутать его, ставь смъло нъсколько точекъ, пиши огромными буквами конецъ, и дъло въ шляпъ, и хоть твой конецъ будетъ тутъ, какъ говоритъ пословица, безъ хвоста огурецъ, да тебъ какое дъло? Книга напечатана и—главное—куплена, а тамъ пожалуй превратись она въ рукахъ читателя хоть въ бълые листы—все равно, еще онъ пожалуй за это и спасибо скажетъ!

Но мы не хотимъ оканчивать подобнымъ образомъ этотъ странный романъ о чорномъ тараканѣ и бѣломъ чиновникѣ, который насъ очень занимаетъ, а доведемъ его до тѣхъ поръ, до которыхъ сами имѣемъ объ немъ свѣдѣнія. Пусть однако-же не ожидають отъ насъ подробнаго объясненія всѣмъ невѣроятнымъ вещамъ, тѣ люди, которые даже и въ басняхъ любятъ, чтобы въ правоученіи прямо было сказано: вы не думайте, почтенные читатели, что этотъ волкъ настоящій волкъ и осель настоящій осель, но что напротивъ, волкъ этотъ такойто колежскій секретарь, а осель накой-нибудь совѣтникъ. Подобнымъ людямъ на всѣ вопросы о томъ, неу-

-жели и въ самомъ-дъль случились такія нудеса въ Офицерской улиць, мы отвътимъ очень-просто: сами не знасмъ! Думайте какъ угодно!

Все это разглагольствование ведеть однако воть къчему:

Есть двъ половины въ нашей жизни: одна смъшная, личгая грустная, конечно онъ не равны, и не ръдко отдъляются одна отъ другой, чаще даже бывають перемъшаны-а все таки существують. Нъть такого Лемокрита, который-бы хоть разъ въ жизни не улыбнулся горько, не отъ радости. Вездъ и во всемъ есть смъщная сторона, которая однако не всегда можетъ возбуждать одинъ чистый сміхъ, но иногда заставляеть и призадумываться надъ нею. Смъщенъ самъ тотъ, кто только смъется надъ сочиненіями Гоголя, а не ищеть въ нихъ философической разгадки которой-нибудь стороны нашей жизни. Юморъ родился у самаго положительнаго народа, и отъ него до площаднаго фарса далеко, какъ отъ неба до земли. Комизмъ, если не основанъ на какой-нибуль илеъ. не объясняетъ какую-нибудь сторону духа или правовъпревращается въ уличное гаерство, способное возбудить негодованіе человіка со вкусомъ. И холодный философъ. върно, не разъ смъялся въ своей жизни; но то, надъ чемъ онъ смъется, стоитъ глубокихъ изследованій. Счастанвъ человъкъ, если часть жизни, въ которую онъ см'вется, равна той, въ которую онъ грустить. Чаще однако перевъшиваетъ последняя. Счастливъ тотъ, кто можетъ перемъшать ихъ и принимать радость, смъшанную съ горемъ, какъ микстуру съ сахаромъ, чаще однако-же онъ събдаетъ сахаръ, а потомъ уже выпиваетъ горькую микстуру. Есть писатели, выбирающіе охотно только веселую сторону человъчества и разбирающіе ее по-поламъ со см'бхомъ; есть и такіе, которые отыскиваютъ всв возможныя средства, чтобы возбудить въ читателяхъ чувство грусти, и которые, глядя сквозь черное стекло на людей и ихъ поступки, хотять и другихъ заставить глядъть ихъ глазами. Я принадлежу къ первымъ и, заставивъ васъ улыбнуться надъ изображениемъ моего героя в его чудными похожденіями, не хочу показывать вамъ Ka. V. - 27.

черную сторону этого предмета и наводить на васъ грустное расположение. Потому-то съ этихъ поръ разсказъ мой быстро пойдетъ къ концу, къ удовольствию и почтенных читателей и добрых критиковъ.

TAABA X.

Per interpresentation of the single of the state of the single of the si

Приготовленія въ свадьбъ. Характеръ героини развивается. Размолька съ тараканомъ.

День свадьбы приближался.

Марья Павловна, не смотря на первоначальное отвращеніе отъ замужства съ Иваномъ Аоанасьевичемъ, кажется, была очень рада, что выходитъ за-мужъ. Въроятно, какъ философка, она разочла, что личныя недостатки Совинскаго легко замъняются другими, не личными выгодами, и за-

была объ офицеръ съ серебряными петлицами.

Иванъ Аванасьевичъ перемънилъ квартиру. Хотя она была гораздо больше, лучше и удобиће прежней, и что важнъе всего, была очень-хорошо расположена, какъ требуется для человъка готовящагося вступить въ супружескія отношенія, и онъ быль очень ею доволенъ; но ни Сидоръ, ни Мурька, ни тараканъ не одобряли его переселенія. Перетащивъ свои поистертыя пожитки въ чистую и свътлую людскую, Сидоръ, осмотрълъ ее съ-верху до-низу и сказалъ: «Эвона! да здъсь все такъ важно, что ни къ чему и прислониться нельзя»!.. Котъ Мурька торжественно обнюхалъ всъ углы новаго жилища, недоброжелательно покачалъ хвостомъ и, съвъ по срединъ комнаты, взялъ такую жалобную ноту, что даже Иванъ Аванасьевичъ, убиравшійся въ другой комнатъ, вздрогнуль отъ неожиданнаго сюрприза. Тараканъ-же, котораго онъ также перенесъ на новую квартиру въ томъ-же коммодъ, явился къ нему на другую-же ночь и предсказывалъ, что этотъ домъ будетъ гибелью для ихъ обоихъ и что онъ дорого заплатить за то, что не слушался словъ его. Иванъ Аоанасьевичь ничему этому не повъриль, разсуждая оченьосновательно, что стыдно столоначальнику слушаться таракана; что у него есть, слава Богу, свой умъ, что тараканъ не можетъ понимать человъческихъ надобностей и что, наконецъ, ему необходимо принять молодую жену въ новыхъ и просторныхъ комнатахъ.

И онъ началъ ходить къ Трощеевымъ, какъ женихъ, и съ Марьей Павловной началъ обращаться, какъ съ невъстой.

Она ему нравилась все также, хотя въ характеръ ея онъ замътилъ какую-то неуступчивость, нъсколько походившую на упрямство. Однажды онъ объщаль Ехать на Крестовскій и долженъ быль остаться по діламъ службы. Долго она не хотъла этому върить и упрашивала его поъхать. Когда-же онъ ръшительно отказался, то она ушла со слезами на глазахъ и сильно хлопнула дверью. Три дня она, какъ говорится, дулась на него и простила ему только тогда, когда онъ ей подарилъ бриліантовыя серьги. Что-то похожее на капризъ также проявилось у нея: напримъръ, Иванъ Аоапасьевичъ носилъ на пальцъ маленькое серебряное колечко, подаренное ему матерью еще въ первыя льта юности; она настояла на томъ, чтобы онъ сняль его, говоря, что это, въроятно, подарокъ какой-нибудь женщины, что если оно и отъ матери, то онъ можетъ хранить его на память въ какомъ-нибудь ящикъ, и что, однимъ-словомъ, если онъ любить ее, то сниметъ это гадкое кольцо. Посл'в этого разв'в можно было противиться Ивану Аоанасьевичу? Она попросила его также, чтобы онъ не носиль жабо, и онъ пересталь носить жабо. При всехъ этихъ поступкахъ, которые онъ называль девичьями прихотями, онъ всегда думаль, исполняя ихъ: «Вотъ, какъ она будетъ моей женой, такъ пріучу ее поступать согласно съ моими желаніями». А въ это-же самое время, въ душъ Марьи Павловны, на черномъ поль, рисовались ярко былыя слова: «Дай только мив за-мужъ выдти, такъ я еще не такъ поверну имъ»! Истина плачевная, но историческая.

Невъстъ захотълось, между-прочимъ, видъть квартиру, въ которой она будетъ жить, и въ назначенный день, въ сопровождения своей матушки Анны Петровны и тетушки Дарьи Петровны, она явилась къ Совинскому.

Первое слово, которое произнесла она, вступивъ подъкровъ своего будущаго жилища, было: «Ахъ, Боже мой, какъ здъсь гадко»! Матушка, державшая строго дочку свою только въ ожиданіи жениха, по полученіи таковато, начала во всемъ потакать ей и потому отвъчала также, покачивая головою: «Да! неудобно расположено»! Тетушка Дарья Петровна не сказала ничего, потому-что зазъвалась на амуровъ, расписанныхъ на потолкъ.

Потомъ ей не поправились комнаты, потомъ мебель, потомъ улица, потомъ полъ, потомъ стъны, и все это было заключено формальнымъ приказаніемъ выгнать кота Мурьку, потому-что она не могла видъть кошекъ.

Иванъ Аоанасьевичъ показалъ однако-же въ этомъ случав свою твердость: онъ отвечаль, что ни его положеніе въ свъть, ни его жалованье не позволяють ему нанимать квартиры въ четыре тысячи, съ паркетнымъ поломъ и съ цъльными стеклами; что эта квартира уже нанята и опъ мънять ея не будеть; что они и здъсь могугъ быть счастливы, если она только этого захочетъ, и что наконецъ котъ Мурька будетъ жить въ кухив съ Сидоромъ, который къ нему очень привязанъ, и по этому она не будеть видъть его. Разсказавши ей все это, онъ ждалъ слезъ и жалобъ, но очень удивился, когда услышаль нежныя слова: «Какъ вамъ угодно, другъ мой: вы знаете, что я во всемъ готова васъ слушаться, и дълать все, что вамъ угодно». Обрадованный Иванъ Аоанасьевичъ въ восторгъ поцъловалъ у нея ручку. Онъ не могъ видъть слезъ досады, которыя она умъла искусно скрыть; онъ не могъ прочесть въ сердцъ ся этихъ словъ: «Надобио уступать ему покамъстъ онъ женихъ: этакъ пожалуй, если я стану ему противоръчить, такъ дъло можетъ и разойтись»!

Свадьба была назначена черезъ недёлю.

Однажды Иванъ Аоанасьевичъ, лежа на двуспальной кровати съ розовыми занавъсками, которая замъняла его скромный кожаный диванъ, облумывалъ свое положение. Онъ увъренъ былъ, что Марья Павловна дъвушка добран, тихая, скромная, умная, и что маленькіе капризы не помъщаютъ супружескому счастію. И это его нисколько не безпокоило. Гораздо болье безпокоился онъ о чорномъ тараканъ, и о чудныхъ приключеніяхъ, въ которыхъ это странное существо играло такую важную роль.

Если-бы когда-нибудь напечатать все то, что со мной случилось, думалъ онъ, то этому никто-бы не повърилъ. Какъ-же послъ этого говорять, что на свъть нъть ничего сверхъ-естественнаго? Прошу объяснить все, что со мной случилось. Хорошо еще, что тараканъ дълалъ мнв. только добро... Добро!.. а его последнія предсказанія, его старанія пом'єшать моей свадьб'в? Что, если онъ им'єсть, такую-же власть дёлать и эло?... Конечно, онъ говорилъ, что расположенъ ко мнъ, что любитъ меня, что ему приказано служить мив, но это ничего не значить. Онъ также, можетъ-быть, обманываетъ меня.... Это однако очень непріятное положеніе. И очень нужно было этому Никить Семеновичу сдълать мив такой подарокъ!.. Онъ, я думаю, ходить теперь, да ищеть случая, какъ мнв повредить. Тутъ геніальная мысль мелькнула въ головъ Ивана Аоанасьевича.

— Тараканъ хочетъ сделать мив зло, за то, что я его не слушаюсь, это ясно. Я долженъ принять противъ этого меры. Выбросить его я не хочу: это была-бы неблагодарность; я многимъ обязанъ ему, и къ тому-же мив сказано, что если его не будетъ у меня въ домъ, то мнв ни въ чемъ не будетъ удачи. Такъ чтобы сохранить его у себя, и вмъстъ съ тъмъ номъщать ему вредить мив — запру его въ кръпкой ящикъ, буду посыпать кормъ, но не выпущу его пикуда и, такимъ образомъ, буду безопасенъ, и перестану безпокоиться.

Пораженный такою геніальною мыслыю, онъ тотчасъже привель ее въ исполненіе, выдвинуль нижній ящикъ коммода и сталь насыпать туда корму, поцарапавъ ногтемъ по дну ящика.

Тараканъ, которому знакомъ былъ этотъ условный знакъ, тотчасъ-же прибъжалъ на приглашение веселый и довърчивый; но коварный чиновникъ измъннически схва-

тиль его, сжаль въ рукъ и перенесъ въ маленькую пустую шкатулку, которая стояла на коммодъ. Заперевъ его на ключъ, онъ вздохнулъ изъ глубины души, какъ будто какая-нибудь тяжесть спала съ его сердца, и снова легъ

на кровать.

Не смотря на то, что онъ всеми доводами разума убъждаль себя, что сдълаль прекрасный поступокъ и что заботиться о своей безопасности есть непремънный долгъ всякаго чиновника, совъсть громко кричала ему на ухо: «Стыдно, стыдно, Иванъ Аванасьевичъ, этакъ не поступають добрые люди»! Потъ катился съ него градомъ и сердце билось, какъ послъ сильнаго испуга. И вдругъ, къ довершенію непріятности его положенія, при слабомъ св'ьть сумерекъ, онъ ясно различилъ грозную фигуру чорнаго таракана, сидъвшую у него на спинкъ кровати.

Тараканъ, казалось, былъ сильно опечаленъ; онъ сидълъ на заднихъ лапкахъ, грустно опустивъ голову и покачивая задумчиво усиками. Ивану Аванасьевичу совъстно было смотръть на него. Тараканъ самъ началъ говорить

— Странный вы челов'вкъ, Иванъ Аоанасьевичъ. Вы ръшительно хотите своей погибели. Кажется, ужъ я-ли не сдълаль для васъ все, что могъ-а вы все еще не върите словамъ моимъ! Вамъ кажется страннымъ, что я сдълаль столько добра для васъ безъ всякой для себя выгоды. Но если вы, какъ и всъ люди вообще, цъните выгодой каждой поступокъ, скажите, какая-же, мнъ выгода обманывать васъ, или дълать вамъ эло? Вы ослъплены вашей Марьей Павловной и никакъ не хотите понять, что я должент заботиться о вашемъ счастін, должент служить вамъ. Теперь вы заперли меня въ темницу, осудили на тяжкое заключение, но вы видите, что я все таки явился къ вамъ и бесъдую съ вами. Знайте, что никакіе замки и стъны не удержать меня, и что я могу везд'в проложить себ'в дорогу. Не вашъ ящикъ, а ваша воля осуждаеть меня на бездъйствіе. Вы не захотили, чтобы я помогаль вамъ, и и цълый день долженъ буду сидъть въ этомъ ящикъ, являяся только къ вамъ однимъ. Вы не захотили, чтобъ я пользовался свободой, — и я

принужденъ оставить попеченія о благѣ моихъ подчиненныхъ, заботы объ управлении моимъ государствомъ, долженъ позволить безпорядкамъ и анархіи ниспровергнуть мои прекрасныя учрежденія. Подумайте, сколько зла сділаете вы своею недовърчивостію мнъ, самому-себъ, всему тараканству. И за что Иванъ Аванасьевичъ, обдумайте все хорошенько! Въ послъдній разъ являюся я къ вамъ противъ вашей воли, и если-бы вы могли знать, чего мнъ это стоитъ? Не губите себя и меня!... Будьте разсудительны!

Иванъ Аоанасьевичь слушалъ съ большимъ неудовольствіемъ этотъ монологъ. Его самолюбію было обидно, что тараканъ поминутно упрекаетъ его и даетъ ему совъты. При послъднихъ словахъ онъ потерялъ теривніе и вскричалъ:

вскричалъ: — Отстанете-ли вы отъменя, тараканъ? Мив надовло слушать ваши увъщанія и упреки. Я самъ знаю, что мнъ нужно дълать. Я ужъ сколько разъ просилъ васъ не являться ко мит безъ приглашенія; —вы все-таки не слушаетесь. Это кончится темъ, что вы мне надобдите, и я васъ.... брошу!...

Тараканъ задрожалъ всемъ теломъ. Вероятно, какъ и вст слабыя животныя, въ томъ числт и человъкъ, онъ любилъ пожить. Слабымъ и прерывистымъ голосомъ отвъчаль онъ: предотне в предотне в

 — Я повинуюсь! Вижу, что все потеряно невозвра-тно!... Вижу, что человъческія идеи побъдили въ васъ всякое чувство тараканской разсудительности. Увидимъ, кто правъ: тараканъ или человъкъ! Я удаляюсь.... Жаль мив васъ! искренно жаль! Вы-бы поступали иначе, еслибы могли имъть тараканью проницательность. Прощайте, и обвиняйте только самого-себя въ несчастіяхъ, которыя васъ постигнутъ! n sywn a no napagement Hytometi,

- Иолобиск поглав, ком то писавляю не безнолован нечербургских жителей. Она точно также обтали по ули-

Lineary or a state of the sale

И онъ псчезъ.

near the contract of the last and the contract of the contract

Последнее свидание съ бывшимъ Директоромъ Департамента. Герой въ недоумении.

Иванъ Леанасьевичъ проснулся на другой день въ тяжоломъ раздумьи. Онъ началъ ходить въ волнении по ком-

нать и разсуждать самъ съ собою:

— Что мив делать? Этоть тараканъ становится чрезвычайно дерзокъ. Его угрозы выводятъ меня изъ терпънія. Гав-же туть подчиненность, если тараканы станутъ грубить столоначальникамъ? Положимъ, онъ сдълалъ для меня много добра, - но я не хочу больше его услугъ, особливо съ тъхъ поръ, какъ онъ въ будущемъ объщаетъ мив одни несчастія. Теперь я и безънего могу обойтись. Дъла мои идутъ какъ нельзя лучше. Буду я столоначальникъ, мужъ хорошенькой дъвушки, чего-жъ миъ еще больше? Не можеть-же тараканъ саблать меня директоромъ, а до начальниковъ отдъленія я дойду своимъ умомъ и безъ его помощи. Это скверное животное только на каждомъ шагу делаетъ мив неудовольствія и разстранваетъ меня. Ръшено! Отнесу его назадъ къ Никить Семеновичу. Поблагодарю его за подарокъ, скажу, что онъ принесъ мн очень-много пользы, но что я въ немъ больше не нуждаюсь. По-крайней-мъръ я не буду больше вависъть отъ таракана. Buck, Ere

И съ этимъ намъреніемъ онъ посадиль таракана въ коробочку и отправился къ Никитъ Семеновичу, съ ко-

торымъ уже не видался нъсколько мъсяцевъ.

Погода была настоящая петербургская, лётняя. Дождь лиль ручьемъ въ продолженіи 40 дней и ночей, и хотя не видать было никакихъ приготовленій ко всеобщему потопу, однако всё домы были окружены океанами грязи и лужъ, и по выраженію Пушкина,

Всплыль Петрополь, какт Тритонъ, Водой отвсюду окружонъ.

Подобная погода, кажется, нисколько не безпокоила петербургскихъ жителей. Они точно также бъгали по ули-

цамъ во всъхъ направленіяхъ, хладнокровно бороздя жидкую грязь, не обращая никакого вниманія на разные сорты дождя, падающаго ежемпнутно изъ съроватыхъ облаковъ, и, казалось, хотъли доказать дождю, что скоръе ему надобсть идти, чемъ имъ слушать его однообразное капанье. Иванъ Аоанасьевичъ былъ однакоже неловоленъ этой погодой: она ему живо напоминала тотъ день, когда скромный младшій помощникъ столоначальника перебирался на свою скромную квартиру, неся въ платкъ залогъ своего будущаго счастья-чорнаго таракана.

Входя въ незапертую, по-обыкновенію, дверь Никиты Семеновича, онъ остановился въ изумленіи. Петька, конечно какъ и всегда, спалъ на лавкъ глубокимъ сномъ, сопровождаемымъ самымъ оглушительнымъ храпъньемъ, но въ комнатъ царствовалъ ужасный безпорядокъ, и изъ неплотно-притворенных зверей проникаль въ переднюю странный, удушливый запахъ, вмъстъ съ плачевнымъ дребезжаньемъ незнакомаго голоса. Иванъ Аоанасьевичъ ръшительно отвориль дверь, и грустная картина предста-

вилась взорамъ его.

Вся мебель, сдвинутая съ евоихъ мъстъ, была въ безпорядкъ разставлена по комнатъ; весь гардеробъ, все бълье Никиты Семеновича было разбросано по угламъ, навалено въ кучи, завязано въ узлы, развъшено по стульямъ; всъ его книги, инструменты и спаряды переломаны и перем'вшаны, конторка открыта, всв ящики выдвинуты, бумаги перерыты; старый диванъ, который болве 20 льтъ стояль на одномъ м'ьсть безъ подушекъ и спинки, опрокинулся назадъ, лишенный своихъ заднихъ ножекъ. Единственная вещь, оставшаяся на своемъ мъсть, было зеркало, завъшенное какимъ-то грязнымъ полотенцемъ; письменный столъ Никиты Семеновича стоялъ по серединъ комнаты и на немъ, покрытый бълою простынею, лежалъ самъ Никита Семеновичъ, жолтый и неподвижный; руки его были связаны на-крестъ чорной ленточкой; на груди лежалъ какой-то старый образокъ безъ ризы; глаза покойника были прикрыты медными грошами; въ головъ у него горъла восковая свъча въ высокомъ посеребренномъ подсвъчникъ, пожелтъвшемъ отъ времени; въ углу комнаты, передъ чорнымъ налоемъ, стоялъ псаломщикъ и, зъвая, переворачивалъ листы псалтиря, читая на распъвъ и въ носъ чудныя пъснопънія Давида.

Грустно стало въ душѣ Ивана Асанасьевича; почти невольно перекрестился онъ, пожелавъ усопшему царства небеснаго, и прислонившись къ стънъ, устремилъ на него взоръ печальный и безсознательный.

Онъ, можетъ-быть, долго-бы проспавль въ такомъ подоженіи, если-бы скрипъ двери не заставиль его оглянуться.

Передъ нимъ стоялъ высокій, худощавый купчикъ, съ рѣдкою черною бородкою, съ маленькими сѣрыми и вертиявыми глазами, въ сюртукѣ до пятъ, держа въ рукѣ высокій пуховой картузъ съ стоячимъ козырькомъ. Онъ поклонился въ поясъ и, повертывая въ рукахъ картузъ, прошенталъ самымъ сладкимъ голосомъ:

— Извините, сударь, что безъ всякаго, такъ сказать, приглашательства, я, то есть, самъ, собственноручно представился изъ христіанскаго усердія, истинно изъ одного только этого, услыхамши, что покойникъ, дай Богъ ему царство небесное, были человъкъ одинокій-съ, не имъвшій сродственниковъ-съ, такъ по долгу христіанскому осмълился я позаботиться объ умершемъ-то. Не побез-

покою-ли я васъ прошеніемъ глануть на покойника? Редкой души человекъ, добродетельнейшій....

При этихъ словахъ фигура страннаго посътителя опять согнулась по поламъ.

- Ты, върно, зналъ покойника? спросилъ машинально Иванъ Асанасьевичъ.
- Какъ же-съ! Гробовыхъ дълъ мастеръ, Ермолай Акинфіевъ, отвъчалъ посътитель, согнувшись еще болъе. Иванъ Асанасьевичъ невольно улыбнулся и молча показалъ ему на двери. Гробовыхъ дълъ мастеръ тотчасъже проскользнулъ въ нихъ, придерживая одною рукою картузъ, а другою вынимая изъ безконечнаго кармана складной аршинъ.

Сцена эта разбудила даже Петьку. Онъ сидълъ на ларъ, почесывая затылокъ и смотря заспанными глазами то на дверь, то на неожиданнаго гостя.

- Когда умеръ баринъ? спросилъ Иванъ Аоанасье-
- Да вчерашняго дни, этакъ около вечера изволнии скончаться.
- Чтожъ онъ, долго боленъ былъ, что-ли?
- Никакъ-нътъ-съ! Всего-почитай, что съ-лишкомъ денекъ.
- Чемъ-же онъ быль боленъ?
- Да кто ихъ знаетъ-съ! Мало-ли болъзней есть на свътъ. Всъхъ не упомнишь. Не то лихорадка, не то другая какая. Докторъ сказалъ, что у барина уморой пришелъ.
- Стало быть Никита Семеновичъ совътовался съ докторомъ.
- Никакъ нътъ-съ! Они всегда говорили, что докторская наука вздоръ-съ, что ужъ кому суждено умереть, тотъ таки дъйствительно и скончается, а докторъ пришолъ ужъ когда они умерши были.
- Отчего-же это такой безпорядокъ въ комнатъ? Тыбы по-крайней-мъръ прибралъ ее немножко?
- Да къ чему-съ! Въдь ужъ барину теперь все равно, что прибрано, что нътъ-съ. Ужъ теперь ему ни въ чемъ нужды не имъется.

Иванъ Аоапасьевичь быль такъ пораженъ этимъ справедливымъ замъчаніемъ слуги, что не сказаль ни слова и всталъ съ ларя.

— Ну, а когда-же булутъ хоронить Никиту Семеновича?

 Да вотъ какъ скоро батька управится. Онъ, кажись, на какой-то имянинный объдъ званъ, и сказалъ, что придетъ послъ и что мертвому въдь все равно дожидаться.

Последнія слова Петьки Иванть Аоанасьевичть услышаль уже за дверьми. Ст. груствыми мыслями вышелть онты изть дома бывшаго директора Департамента. Тяжело было у него на сердце, медленно спускался онть по лестнице. Но вдругть ужасная мысль заставила его остановиться; «Никита Семеновичть умерты! Куда-жть я теперь дену таракана!» Эта мысль какть громомть поразила его. Онть со страху чуть не упалть сть лестницы и, шатаясь, пошелть влоль домовть, размышляя о томть, что ему делать сть тараканомть и не замечая потоковть дождя, падавшихть ему на голову.

— Во-что-бы-то ни стало, я долженъ сбыть его съ рукъ, подумалъ онъ въ заключение и машинально повернулъ за уголъ, къ канавъ.

Подойдя къ периламъ, онъ облокотился на нихъ и сталъ смотръть въ воду. Подлъ него, на спускъ, пропеходило довольно-жаркое объяснение писаря съ какой-то бабой. Но онъ ничего этого не замъчалъ, сердце его сильно билось. голова горъла и онъ, съ отчаянной ръшимостью, опустилъ руку въ карманъ и вынулъ оттуда коробочку съ тараканомъ. Подъ его ногами текла мутная и грязная жидкость, которую добродушный Петербургъ пьетъ круглый годъ въ полной увъренности, что это вода! Надъ его головою лениво шевелились серыя и густыя массы разведенной грязи, которую онъ, также по добротъ сердца, привыкъ называть небомъ. Какъ-то томительно-скучна была эта погода съ ел убійственно-однообразнымъ дождемъ и за душу тянущею сыростью. Однако-же она нослужила къ спасенію б'єднаго таракана, наведя грустныя думы на сердце ожесточившагося чиновника. Ярко блестьло на темномъ ихъ поль тяжелое слово: неблагодарность! Онъ вспомниль, что тараканъ быль причиною его благосостоянія, что безъ него онъ, можетъ-быть, давнобы кончиль жизнь гдь-нибудь въ питейномъ заведеніи или окоченьль отъ морозу въ гостепріниномъ и богоспасаемомъ Петроградь. Тутъ-же пришли ему на мысль грозныя слова бывшаго директора Департамента: «Помни, что если тараканъ умретъ отъ твоей неосторожности, или ты самъ убъешь его, то всевозможныя бъдствія обрушатся на тебя». Все это сильно подъйствовало на Ивана Афанасьевича. Въ раздумьи пришелъ онъ домой и заперъ таракана на прежнее мъсто.

вибудь тощій топоша правать, доводно ультоваю; «Фу канальство! какъ ваку ПХпоАтВ АсАтВ, или скромная дьвущей прочителя укодной от в маменьки эти увлекатель-

лезавить картикъ, которым=многіе изъ госиодъ сочинателей наполимоть скои творенія, для того, чтобы какой-

ВАКЛЮЧАЮЩАЯ ВЪ СЕБЪ РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО МЕ-ЖДУ МОЛОДЫМИ СУПРУГАМИ ВЪ ДЕНЬ ИХЪ СВАДЬБЫ И О ПЛАЧЕВ-

ставили Пална Асанасьский остановиться въ почтитель-

- Съцграми и свадьбу. научить ото изинетовод а кон

Ничего особенно-замѣчательнаго не случилось въ этотъ день, кромѣ того, что во-время бала, на которомъ, разумѣстся, была и начальница отдѣленія, она сказала счастливому супругу самымъ ласковымъ голосомъ:

— Иванъ Абанасьсвичъ, теперь, когда всѣ ваши надежды увѣнчались усиѣхомъ и вы мечтаете только объ ожидающемъ васъ счастіи, надъюсь, вы исполните мою маленькую просьбу?

Иванъ Аванасьевичъ объщалъ ей все на свътъ.

Она попросила у него извъстное письмо, писанное ею къ бывшему старшему помощнику столоначальника, и которое, по ея словамъ, было самой неправдоподобной клеветою и могло подать поводъ мужу ея думать Богъ знаетъ что.

Иванъ Асанасьевичъ отдалъ письмо, чтобы мужъ ея не думалъ «Богъ знаетъ что».

На свадьбъ и ъли, и пили, и танцовали, и острили насчетъ повобрачныхъ, и плакали, и поздравляли, однимъсловомъ, свадьба была сыграна какъ слъдуетъ.

- Странныя однако есть у насъ выраженія въ русскомъ языкъ. У насъ говорится «сыграть свадьбу» и «сыграть въ преферансъ». Точно, и въ-самомъ-дълъ, свадьба игра и еще, можетъ-быть, азартная. Или не игрушка-ли она?

Когда разъбхались всё докучливые посётители и моло-

Милостивыя государыни, почтенныя читательницы, не останавливайтесь изъ скромности на этомъ мѣстѣ, а продолжайте смѣло читать далѣе. Я не охотникъ до скандалезныхъ картинъ, которыми многіе изъ господъ сочинителей наполняють свои творенія, для того, чтобы какойнибудь тощій юноша сказалъ, довольно улыбаясь: «Фу канальство! какъ натурально написано», или скромная дѣвушка прочитала украдкой отъ маменьки эти увлекательныя страницы.

. И такъ молодые остались одни.

И новость положенія, и волненіе чувствъ, и любовь, заставили Ивана Аванасьевича остановиться въ почтительномъ разстояніи отъ его супруги, и долго, и молча, смотръть на нее, какъ она, погрузясь въ мягкія кресла и опустивъ на кольни свои полныя ручки, сквозившія сквозь кисею распашнаго капота, закрыла глаза въ какой-то сладкой задумчивости.

Прошло нъсколько минуть, а супругъ все молчалъ.

видя его неподвижность, супруга наконецъ сама сказа-

— Иванъ Аоанасьевичъ! Чтожъ вы все тамъ стоите? Сядьте подлъ меня—и поговоримте!

Влюбленный супругъ молча подвинулъ къ кресламъ маленькій табуретъ, молча сълъ подлъ нее, молча взялъ ел руку и прижалъ къ губамъ своимъ.

— Я очень устала отъ танцевъ, сказала она, послъ продолжительнаго молчанія.

во — Вы ангелъ! отвъчаль супругъ, прижимая ся руку къ груди своей.

И супруга мило улыбнулась, но въ тоже время личико ея какъ-то непріятно наморщилось и она сказала съ досалой: mus... Obase; Gproku ....

- Постойте! вы такъ кръпко сжали миъ руку, браслетъ можеть сломаться взаво оченом в выскаться отогото

Иванъ Асанасьевичъ только тогда замътилъ, что вкругъ ручки его супруги обвивался золотой браслеть съ сердоликомъ, филиграновой работы и осыпанный бирюзою; онъ освободиль руку ея отъ страстныхъ пожатій.

в Она почти выдернула ее и отстегнула браслетъ.

Иванъ Аванасьевичъ въ это время решился, пропустивъ руку свою въ ръзную ручку креселъ, обвить полную талію Марын Павловны, которая, покрасніввь, глазами искала чего-то на коммодъ, стоявшемъ подлъ креселъ.

Иванъ Аоанасьевичъ осмълился приложиться губами къ ея полуоткрытой шейкът втомподов и втопува окущимо

Марья Павловна спросила въ это-же время едва слышнымъ голосомъ:
— Что у васъ тутъ въ этомъ ящикъ.

Иванъ Аоанасьевичъ поднялъ голову, страстно взглянулъ ей въ глаза, кръпче сжалъ ея талію, и обратилъ

взоры свои на коммодъ съ вопросомъ: «Гдъ»?

Й вдругъ.... это точно было ужасное положение... вся кровь прихлынула къ сердцу; губы его посинъли, руки задрожали, въ глазахъ потемнъло. Этотъ ящикъ, о которомъ говорила Марья Павловна, стоялъ одинъ на коммодъ, и въ немъ былъ запертъ-чорный тараканъ!...

Онъ едва могъ собраться съ духомъ и отвъчать на вторичный вопросъ елимана Примуми выда став потоп выда

Ничего! а на что это вамъ?

— Я-бы хотьла спрятать куда-нибудь этотъ браслеть: оставить его на коммодъ еще пожалуй какъ-нибудь упадеть на поль и сломается. Если въ этомъ ящикъ нътъ ничего, такъ подайте мнъ его пожалуста, я спрячу туда браслетъ.

Иванъ Аванасьевичъ сдълался отъ ужаса бълъ какъ полотно, и отвъчалъ дрожащимъ голосомъ:

Да... тамъ.... такъ всего много.... что ему не бусть мьста, то покажите мий его сей-част-же атойм ства

- А вы сказали сей-часъ, что тамъ нътъ ничего.
- То есть... я ощибся... тамъ лежатъ мои разныя вещи... бълье, брюки....

Иванъ Аванасьевичъ думаль, что при этомъ словъ, строго изгнанномъ изъ русскаго языка нашимъ цъломуареннымъ обществомъ, при словъ, котораго ни зачто не произнесетъ ни одна благопристойная барышня, какъбудто оно чъмъ-нибудь хуже сюртука, кончатся всъ вопросы его супруги, но выдумка его была, правду сказать, довольно неправдоподобна, потому-что Марья Павловна отвъчала на нее громкимъ смъхомъ:

— Какъ? въ этакой маленькой ящикъ могуть они помъститься? сказала она, не называя однако по имени этого страшнаго вещества.

Тутъ Иванъ Аванасьевичъ замътилъ, что онъ сказалъ большую глупость, и забормоталъ:

— Конечно.... брюки такая вещь, которая мив показалась.... я такъ разсъянъ, къ тому-же подлъ васъ....

Супруга хмурилась все болъе и болъе и наконецъ пре-

— Вы что-то скрываете отъ меня! откройте сей часъже! Я хочу знать, что тамъ такое?

Иванъ Аванасьевичъ, ошаломленный этимъ повелительнымъ тономъ, машинально опустиль руку въ жилетный карманъ, гдѣ онъ обыкновенно носилъключь отъ ящика, но потомъ снова остановился, вспомня, что отъ его нескромности могутъ произойти гибельныя послъдствія какъ для него, такъ и для таракана. Придумавъ новую хитрость, онъ началъ робкимъ голосомъ, силясь сжать губы въ ульюку:

- Но къ чему-же душенька!... Время-ли теперь намъ думать объ ящикъ, когда насъ ждетъ любовь.... Я ска-жу тебъ по секрету, что тутъ у ме няспрятанъ сюпризъ для тебя, который я хочу тебъ сдълать завтра утромъ, когда мы проснемся.
- Не правда! закричала супруга. Сюрпризъ всегла дълается въ день свадьбы, а не на другой день; если это сюрпризъ, то покажите миъ его сей-часъ-же....

- Но я... видишь-ли... по неосторожности... л потеряль ключь отъ этого ящика.... выдумаль опять Ивань Аоанасьевичь.
- А за-чъмъ-же вы сей-часъ-же опускали руку въжилетъ? Ключъ тамъ у васъ, я увърена въ этомъ!... Отоприте-же, говорю вамъ, не то я....

Она хотъла-было сказать: «Не выду за васъ за-мужъ», но вспомнила, что фраза, которую она говорила еще вчера, будетъ неумъстна сего-дня, и окончила:

.... Сей-часъ-же уйду отъ васъ!

Видя однако, что Иванъ Аоанасьевичъ и на эту угрозу не отвъчаетъ ничего, она продолжала, постепенно возвышая тонъ:

— Это ужасно! это нестерпимо! только-что женился и ужъ имъетъ отъ жены секреты, прячетъ что-то въ ящикъ. Отворите его сей-часъ-же: я знаю, у васъ тамъ хранятся любовныя связи!...

Тутъ Марья Павловна и сама не облумала хорошенько, что «любовныя связи» никакъ не могутъ лежать въ ящикъ. Не-смотря на это, она вскочила съ креселъ, схватила ящикъ и, гордо взмахнувши имъ, вскричала:

— Дайте ключъ, а то я сломаю его.

И она приложила ящикъ уху, и потрясла его.

— Иванъ Аоанасьевичъ въ ужасъ бросился къ ней, и вынувъ ключъ, вскричалъ: Марья Павловна, позвольте! поосторожнъе... я разскажу вамъ... я отопру... поставьте ящикъ на коммодъ.

Марья Павловна, все еще не довъряя ему, поставила ящикъ на коммодъ, не выпуская его однако изъ рукъ. Иванъ Аванасьевичъ вложилъ ключъ въ замокъ.

- Только вы не испугайтесь!... я вамъ тотчасъ-же все объясню... И въ ту-же мвнуту Марья Павловна отдернула крышку и отскочила съ крикомъ назадъ. Иванъ Афанасьевичъ тотчасъ-же захлопнулъ ящикъ.
- Что это?... какія ужасти! къ-чему это? за-чёмъ это?... Бросьте этого гадкаго таракана! За-чёмъ вы держите его! Убейте!

Иванъ Аванасьевичъ побледнелъ.

- Но послушайте, Марья Павловна, повърьте миъ!... это не возможно! Съ этимъ тараканомъ сопряжена судьба моя.... Я погибну самъ.... Это таинственное созданіе.... Позвольте, я разскажу вамъ...
- Что вы тамъ мнъ разскажете? сказку какую-нибудь! Ничего не хочу слышать! Не хочу, чтобы вы держали у себя таракановъ: я ихъ боюсь до-смерти! Убейте его! убейте сей-часъ-же.... HO BENCOURSE, TTO TRADE,
  - Но увъряю васъ....
- Боже мой! такъ-то вы, сударь, поступаете съ вашей женою! Вы просто тиранъ! Я прошу васъ о самой малости, а вы и этого не хотите! Это ужасно! Я не шутя говорю вамъ, что все будеть между нами кончено, если вы не убъете его!

Иванъ Аоанасьевичь не ръшамся.

Туть началась одна изъ тъхъ сценъ, которыя оченьтрудно описать: слезы, упреки, крики, жалобы съ одной стороны, и увъщанья, просьбы съ другой. Кончилось тыть, что Иванъ Аоанасьевичь рышился пожертвовать тараканомъ домашнему спокойствію. Съ какимъ-то отчаяннымъ самоотвержениемъ протянулъ онъ къ ней ящикъ, и сказалъ: Asire amora, a ro a carran era.

— Марья Павловна, для васъ я жертвую тъмъ, отъ-чего зависить, можеть-быть, судьба моя: возьмите его и дълайте съ нимъ, что хотите.

Но Марья Павловна отвъчала:

rione ronomin house, an home — Вотъ еще! стану я брать въ руки такую гадость. Возьмите его и убейте сами!

Иванъ Афанасьевичъ съ минуту оставался въ неръшимости и потомъ подошелъ къ окну и отперъ форточку.

- Что вы хотите дълать?
- Выбросить его за окошко.
- За-чъмъ? Вы еще, можетъ-быть, спрячете его куданибудь или онять возьмете завтра? Раздавите его просто - To stol ... takis goodmand ka-gent ord sa-Giora
  - Но, Марья Павловна.... ответст отого отстоей .... того
- Да или нътъ?... сказала она самымъ трагическимъ Изанъ А занасковить побливать. fr. V. - ??

Дрожа всемъ теломъ, вынуль Иванъ Аванасьевичъ таракана, едва-шевелившагося отъ сильной боли, которую онъ претерпълъ во время потрясеній ящика. Еще разъ взглянуль на него и остановился неподвижно, ожидая, что громъ небесный поразить его въ это-же мгновеніе.

 Что-жъ? вы еще не раздавили его? вскричала разъяренная супруга.

И чорный тараканъ хруснулъ подъ ногою....

Совершивъ это преступление Иванъ Аоапасьевичъ упалъ въ обморокъ....

негоди не обесправильных нерваго саглада,

Alegorithic confidence of the sound and a supposed

то вышебиета от рад В А XIII, от вышей ителе

въ которой авторъ дълается дъйствующимъ лицомъ въ романъ, которая содержить въ себъ повъствованіе о дальнейшей участи героя и о наказаніи, постигшемъ его, и которая—къ удовольствію читателей—последняя.

Мить надобно было отдать переписать много нужныхъ бумагъ. Писарямъ не могъ я поручить ихъ, потому-что переписка требовала правильности, и просилъ одного знакомаго начальника отдъленія рекомендовать мить какогонибудь бъднаго чиновника, который-бы, во время, свободное отъ канцелярскихъ занятій, могъ переписывать мить бумаги за извъстную плату. Пріятель мой объщалъ мить прислать какого-то, по его словамъ, большаго чудака, мистика и суевъра. Онъ увърилъ меня въ правильности и четкости его письма и просилъ только объ одномъ, во избъжаніе какихъ-либо могущихъ встрътиться непріятностей, не давать ему никакихъ кртикихъ напитковъ.

Какъ-то вечеромъ, когда я занятъ былъ работой, человъкъ пришелъ сказать миъ, что меня спрашиваетъ какой-то чиновникъ, присланный Г-нымъ. Я велълъ просить его въ кабинетъ.

Чиновникъ явился.

При слабомъ свътъ матовой лампы явилось предо-мною какое-то длинное, худощавое существо, съ ръдкими воло-

сами, начинавшими по мъстамъ покрываться съдинами, въ вицъ-мундиръ съ серебряными пуговицами, замътно поношенномъ, изъ подъ котораго выказывался обдерганный конецъ нъкогда шолковаго жилета. Лицо чиновника было непріятное и отвислое, щеки отекли и покрылись багровыми нятнами, лобъ былъ весь въ прыщахъ непріятнаго цвъта; глаза, тусклые и подернутые какою-то влажностью, едва поворачивались въ ихъ глубокихъ впадинахъ, и носъ съ какимъ-то пурпуро-синеватымъ отливомъ, носилъ на себъ слъды частого употребленія съногъ-синбательнаго напитка и табачнаго зелья—картипа весьма пе привлекательная съ перваго взгляда.

Я, въ короткихъ словахъ, объяснилъ ему какого-рода будуть бумаги, чего я отъ него требую, и прибавилъ, что иногда онъ даже долженъ будетъ у меня-же въ кабинетъ переписывать листы, только-что мною написанные.

Онъ молча поклонился.

 Позвольте узнать адресъ вашъ, если миъ случится послать къ вамъ бумаги на-домъ.

Чиновникъ замътно смъщался и отвъчалъ:

- Не извольте безпокопться-съ: я буду самъ приходить за ними. На что-жъ вамъ посылать человъка? Я живу не-очень-близко отъ васъ: въ Колтовской, въ Зелениной улицъ, близь Крестовскаго перевоза.
- А ваша фамилія?
- Иванъ Аоанасьевичъ Совинскій.

Фамилія эта не сділала тогда на меня никакого впе-

Но потомъ, когда я покороче узналъ его, когда въ минуты сердечнаго изліянія, иобужденный къ довъренности тремя стаканами чаю съ ромомъ пли, точиве сказать, рома съ чаемъ, онъ разсказалъ мив свои дивныя похожденія, я сталъ благоговъть передъ человъкомъ, съ которымъ въ XIX въкъ случились такія чесбыточныя приключенія. Конечно, начальникъ отдъленія, встрътясь потомъ со мною, распрашивалъ, что дълаетъ рекомендованный имъ чиновникъ, хорошо-ли пишетъ, и не разсказываетъ-ли своей сказки о тараканъ. На мои утвердительные отвъты, онъ, смъясь, сказалъ, что Совинскій давно

уже разстроенъ въ умѣ и иногда бредитъ на яву о чрезвычайно странныхъ вещахъ. Въ тотъ-же день я рѣшился подробно распросить обо всемъ стараго чиновника.

Вечеромъ мы сидъли съ нимъ за большимъ столомъ, другъ противъ друга. Свътъ отъ лампы падалъ прямо въ лицо Ивана Аоанасьевича. Передъ нимъ стоялъ стаканъ чаю съ ромомъ. Онъ писалъ, отворотя обшлага своего вицъ-мундира, и гробовое молчаніе въ комнатъ нарушалъ только скрипъ его пера.

... Наконецъ я ръшился начать съ нимъ разговоръ.

 Знаете-ли, что Иванъ Аоанасьевичъ? Въдь говорятъ, вся ваша исторія съ тараканомъ сущій вздоръ.

Иванъ Аоанасьевичъ презрительно улыбнулся.

- А кто говорить это? Не тѣ-ли, которые не садятся за столъ, если на немъ стоятъ три свѣчи, и увѣрены, что на ихъ лошадяхъ разъѣзжаетъ по ночамъ домовой? Посмотрѣлъ-бы я, что-бы они сдѣлали, увидѣвъ таракана носомъ къ носу? Хорошо имъ не вѣрить! Съ ними ничего подобнаго не случалось. Я и самъ прежде ничему не вѣрилъ, а повъришь по-неволъ.
- Но.... скажите пожалуйста, вы не досказали миъ конца вашей исторіи и остановились на смерти таракана!
- Вотъ, то-то и есть! По неволъ остановишься, какъ придется разсказывать вещи вовсе неутъшительныя.
- Но я принимаю въ васъ такое участіе! Мив вы все можете разсказать. Это останется между нами.
- Конечно вы и всѣ такъ говорите?... Ну, да ужъ куда не шло! Сдѣлалъ разъ глупость, такъ послѣ не стыдись каяться. Слушайте! разскажу я вамъ конецъ этой «сказки», какъ ее называютъ ваши умники. Прикажите только подать мнѣ еще стаканъ чаю съ ромомъ!

Чай принесли. Я собственноручно налилъ Ивану Аоанасьевичу порядочную порцію рома, все ожидая, что онъ скажеть наконець: «Довольно», но Иванъ Аоанасьевичь не говорилъ ничего, въроятно, занятый грустными размышленіями, и я остановился тогда ужъ, когда ромъ началъ выступать изъ береговъ стакана и водопадомъ разливаться по блюдечку. Чтобы еще болье смягчить чиновника, я сняль съ подноса графинь съ ромомъ и поставиль подль него, сказавъ: «Если будетъмало, прилейте». Онъ поблагодарилъ меня легкимъ наклоненіемъ головы и продолжалъ:

- Эхъ, эхъ, эхъ! Подумаешь, какъ все измъняется.... Давно-ли, кажись, и я самъ былъ столоночальникомъ, а теперь...наказаль меня Богъ, каюсь я, виновать самъна другихъ и жаловаться нечего. Не послушаль я таракана-и женился - это было худо, а послушался жены, убилъ таракана-вышло еще хуже. И кажись, чего-бы мнъ еще недоставало? Быль и въ чинахъ и въ достаткъ, жениться дернуло-и навязаль себъ на шею, прости Господи, дьявола! Съ перваго дня женитьбы все у меня пошло верхъ дномъ, всъмъ завладъла жена, каждый вечеръ ругала меня на-пропалую, прибрала къ рукамъ всъ деньги, сама стала объдомъ и платьемъ завъдывать, а на соб-ственныя мси удовольствія денегъ мнъ почти-что ничего не давала. Это-бы еще ничего, да вотъ по службъто дъла мои пошли очень-худо. Начальница отдъленія, очень-ласковая со мною до свадьбы, начала меня просто ненавидъть, и потому самому и начальникъ отдъленія сталъ очень-косо на меня посматривать. Вздумала жена моя выгнать изъ дому стараго кота Мурьку, за него заступился Сидоръ, она и его погрозилась прогнать. Старикъто не вытеритьль, да и насказаль ей разныхъ истинныхъ вещей съ три короба, что она-де просто мучительница моя, что сживеть меня долой съ бълаго свъта, что заъстъ въкъ мой.... Жена не стерпъла и дала ему оплеуху. Старикъ заплакалъ, взялъ кота на руки и вышелъ изъ дому. Тутъ ужъ я, не-смотря ни на какія увъщанія жены, плюнулъ и самъ пошелъ за Сидоромъ. Не далеко ушелъ старикъ. Дряхлыя ноги отказались служить ему. Я нашелъ его на лъстницъ внизу. Онъ сидълъ на покалъ на-взрыдъ. Около его терся Мурька, изогнувъ спину, шевеля хвостомъ и мяуча. Я сълъ подлъ старика и началь утвшать его и звать его опять къ себв, обвщая всякое покровительство, а онъ отвъчалъ миъ: «Барыня

не любить Мурьки, барыня прогнала Мурьку, говорить, что онъ паршавый, что комнаты пачкаеть—большая бъла! будто и подтереть за нимъ нельзя!... Барыня вельла выбросить Мурьку,—кудажъ я теперь пойду съ нимъ?» Я увърилъ его, что не позволю выгнать Мурьку, что все останется по прежнему, и повелъ его опять на лъстницу, но старикъ не вошелъ въ комнату: параличъ пришибъего въ самыхъ дверяхъ....

Иванъ Аоанасьевичъ обтеръ общлагомъ слезы, клебнулъ чаю и продолжалъ:

— Мурька пропаль въ тотъ самый день, какъ хоронили Сидора, и съ-тъхъ-поръ никто не видаль его. Недъли черезъ двъ-три послъ этого я получилъ отставку
и третную пенсію. Начальникъ отдъленія писалъ ко мнѣ,
что, по долгомъ разсмотръніи, нашелъ меня совершенно-неспособнымъ къ продолженію службы. Начальница отдъденія сдълала внизу карандащемъ приписку: «Вотъ вамъ
ва Александра Ивановича». Въ такихъ горестяхъ одинъ
изъ моихъ пріятелей посовътовалъ мнѣ пріучиться пить
настойку; я послъдоваль его совъту и, повърите, теперь
ужъ нетакъ горюю и на меня находятъ даже иногда
веселыя минуты.

Съ этимъ словомъ онъ налилъ себѣ въ стаканъ, гдѣ оставалось еще нъсколько чаю, полъ-графинчика и опять началъ:

— Это-бы все еще было ничего — да посътило меня и другое горе. Потерявъ мъсто, таракана, Сидора, Мурь-ку—я все еще любилъ жену свою, и любилъ очень-сильно и искренно, а она обманывала меня!... Къ намъ началъ что-то очень часто ходить одинъ чиновникъ и долго просиживалъ съ женою. Она говорила, что это ея родственникъ. Я върилъ ей, но разъ очень-ясно увидълъ, что родства между ними никакого не было и быть не могло.... Грустно и больно стало мнъ, когда жена, вмъсто раскаяния, начала меня-же ругать пьяницей и говорить, чтобы я не совался туда, гдъ меня не спрашиваютъ... я заплакалъ, и пошелъ вонъ изъ комнаты. Это, что называется, со всъмъ меня съ ногъ сръзало. Съ-тъхъ-поръ я хожу, какъ

шальной, и не мудрено, что многимъ кажется, будто я всегда пьянъ. Нечего сказать, не завидна жизнь моя. Дай Богъ, чтобъ она послужила урокомъ и другимъ. А ръдкостныя вещи случились со мной, — хоть въ печать отдавай.

- И вы позволите мнъ сдълать это? прервалъ я, привязавшись къ слову.
- Да пожалуй! только къ чему? кто повъритъ этому?
   Васъ же назовутъ сумасшедшимъ, что печатаете такія исторіи.

Я замолчалъ, думая, что онъ не ошибается, но что все таки я напечатаю его похожденія.

— И вы ужъ больше не видите таракана? сказалъ я наконецъ для того, чтобы что-нибудь сказать.

Иванъ Аоанасьевичъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

- Вотъ-на! Развѣ я не сказалъ вамъ, что убилъ его? Какъ-же вы хотите, чтобы я его видѣлъ?
  - Я думалъ въ воображении... во снъ!...
- Вотъ это правда: я часто вижу его во снѣ. Но это не самый тараканъ, а только тѣнь его, такая блѣдная и задумчивая.... Онъ часто является ко мнѣ вмѣстѣ съ тѣнью Никиты Семеновича и обѣ вмѣстѣ упрекаютъ меня. Да! Я вижу иногда странные сны, и часто думаю.... что вотъ если-бы напримѣръ ромъ, ну.... такъ это дѣло другое.... а то сладкая водка, просто чортъ знаетъ что такое.... дрянь.... яичница!...

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ивана Аоанасьевича и увидѣлъ, что онъ ужъ положилъ руку на столъ, а на нее свою голову и что графинчикъ съ ромомъ, стоявшій подлѣ него, былъ совершено пустъ.

Я попросилъ его кончить свою работу, далъ ему денегъ на извощика и велълъ человъку проводить его.

Съ-тъхъ-поръ я больше не видалъ его.

Онъ пропалъ безъ въсти, какъ Мурька.

Говорятъ, что какъ разошлась Нева, то гдъ-то на Ръзвомъ островъ нашли утопленика, но онъ былъ безъилатья и безъ сапоговъ, а Иванъ Аванасьевичъ соблюдаль во всемъ благопристойность, и ни за что-бы не сиялъ вицъ-мундира и сапоговъ, если-бы даже и вздумалъ то-питься.

Въ заключение этой странной исторіи, я долженъ сказать, что совершенно върю всему, что въ ней написано.

Въ доказательство чего и подписываю свое имя:

ВЛАДИМІРЪ ЗОТОВЪ.

На башах высокой стоить часорог И смотрить крыгомь на калабии

поп ст. болав и фиотаво, отнью П

Fore research deproences peneraline To percent as a server to deprose apolici as a server to deprove de deprove deprove deprove deprove deprove de deprove deprove de

Већ въ саваналь былкъ всклоть и прив П саваном стыль заметають Воть въ кругъ собрадися и руки меють И плеку свою начинають. Но въ саванахъ занивыхъ ваъ тру ио плесать. Ихъ већ безъ стыла начинають симиять. У бании винуу ост налисть.

Бест савачонь плащуть, тудата и гремать,

Облиты потоками свыта; Спиблясь друга сь друговы иха мости прешать Въ погровь гробовой не отыть.

Kn V. - 30.

илитан и беза сапокова, а Иван в Авандсковичь соблюдань во всемъ благопристойность, и писая что бы не силла вищъ-мунапра и сапосовъ, ссти бы каког и изгувать то-

ROUTER

120

стихотворения. «Стихотворения» стихотворения.

SECURE STREET SOUTH

Въ заключено этой странной история, и должени ска-

ПЛЯСКА МЕРТВЕЦОВЪ.

БАЛЛАДА ИЗЪ ГЕТЕ.

На башив высокой стоить часовой
И смотрить кругомь на кладбище;
И облито сввтомь и яркой луной,
Какь днемь — мертвецовь пепелище.
Вдругъ гуль.... то скелетовь гробы выдають,
То мертвыя кости изъ гроба встають....
Пустветь усопшихъ жилище.

Всѣ въ саванахъ бѣлыхъ встаютъ и идутъ И саваномъ слѣдъ заметаютъ;
Вотъ въ кругъ собралися и руки даютъ, И пляску свою начинаютъ.
Но въ саванахъ длинныхъ имъ трудно плясать: Ихъ всѣ безъ стыда начинаютъ снимать, У башни внизу оставляютъ.

Безъ савановъ плящуть, гудять и гремять, Облиты потоками свёта, Сшибаясь другъ съ другомъ ихъ кости трещать, Въ покровъ гробовой не одёты.

Ku V. - 30.

Чтобъ важность имени придачь,

Положимъ, терията все бумако Но пало довезать песач

И съ башни на пласку глядить часовой.... А на ухо шепчеть лукавый и злой, Чтобъ саванъ украсть у скелета!

И саванъ украденъ. Онъ смотритъ вокругъ:

«Ко мив не придутъ они въ гости!»

И пляшетъ и вьется веселый ихъ кругъ,

И тактъ бьютъ ихъ голыя кости.

Вотъ кончена пляска, всякъ саванъ беретъ,

Одинъ лишь покрова мертвецъ не найдетъ—

И смотритъ вокругъ, полный злости.

Боится, байдниеть, дрожить часовой,
А савань дуна освищаеть;
Онь спрятать сийшить, и хватаеть рукой....
Но витерь его развиваеть.
Увидиль скелеть то—и къ двери бижить,
Грызеть и стучится.... дверь страшно трещить,
Но кресть на ней ярко сіяеть.

И дверь невредима. Скелеть отбёжаль,
Но вдругъ, обхвативши колонну
Костливой рукою, карабкаться сталъ
Онъ вверхъ по угламъ, по фестонамъ
Готической башни, цёпляясь ползетъ,
Какъ длинный паукъ, все впередъ, да впередъ
И нётъ отъ него обороны.

Дрожить часовой.... близокъ страшный мертвець—
И съ жизнью бъднякъ распрощался—
Скребется о камни, съ зубца на зубецъ
Вотъ лезетъ.... вотъ выше поднялся....
Доползъ, на платформу влъзаетъ, скребясь....
Вдругъ пробилъ на башнъ спасительный часъ!
И съ башни онъ внизъ оборвался....

M ca bamua Tremas RAHREME 4803 ci. A ca yxo micuvera gyranalii u caoi, ... Troba carana yrpaera y cheleral

Нашъ Мейстеръ-Фло, крикунъ журнальной, Чтобъ важность имени придать, Въ печати вздумалъ вдругъ нахально Себя профессоромь назвать. Уроки азбуки расейской од анм од Мальчишкамъ онъ преподаваль, атопика и И пишеть съ наглостью еврейской, Что я-де «лекціи читаль»... вначном атой Откуда вдругь взялась отвага, Скажи, пустая голова! Положимъ, терпитъ все бумага, Но надо доказать права. Какой твой чинъ? Ты – не Ассессоръ.... Гав твой профессорской патенть? Нъть, милый мой, ты не профессорт, А просто-выгнанный студенть!!

"жинятаки и келеть то-и кь двери бынть, Грызеть и стучится... дверь странию трещить

He spects as nell spac ciners.

И дверь невредина Сведоть отбымаль,
Но вдругь, облистивни колому
Костанкой рукою, карабилться сталь
Онь вверхь по углань, по фестонамь
Готической башии, прилянсь ползеть,
Какь длинный наукь, все впередь, за впередъ
И въть отъ него обороны.

Дрожить часовой ... бывают странный мертвенть—
М ст живнью былыкь распрощамся—
Сиребется о намин, съ зубед на зубедъ
Воть гезеть ... коть выше поднамся ...
Дополсь, на платеорну въбласть, сиребись ...
Вдругь пробиль на бынић спасительный часы!
М съ бышни опъ винзь оборналея...

О Рубики им изложили свое мимие въ мулькальных заифткахъ, помьщейных и въ 4-их мумерь «Репер, и Пант.», и ногому повторять себя не намърены. Во исмоит слузав, изнае Рубкии можетъ нослужить прекузенычь образцомъ для наших ибъщовъ. Авось-либо ликогорые изъ пихъ, послушавъ берганскаго соловъя, перестанутъ вричать, и поймутъ, въ чемъ нисино состоить важибимая сторона въ некуставъ ибии.

музыкальная хроника петербурга.

rps n Hannorsio, to osu, no nameny spainent pasyub-

взглядъ на концерты 1843-го года. — рубини въ «отелло». — рубини въ «лючіи ди-ламмермуръ».

пеність Рубики, и по превосходному управленно ориестромъ Мауреромъ отномъ. Можно бълго-бы, видето увер-

Бросимъ бъглый взглядъ на концерты великаго поста. Посмотримъ, что въ нихъ было замъчательнаго, и принесли-ли они существенное удовольствие любителямъ и самой публикъ?

Концерты наши, ежеобычно, начались съ воскресенья первой недъли поста, концертами Театральной Дирекціи, въ которыхъ весьма важную, если не важнъйшую, роль играли живыя картины, а не музыка. Потомъ явился Рубини и далъ три концерта; послъ чего онъ пълъ четыре раза въ концертахъ Нигри, Пиццолато, Мауреровъ и Театральной Дирекціи. Филармоническое Общество дало два концерта. 19-го марта былъ военный концертъ въ пользу инвалидовъ, составленный изъ музыкантовъ и пъвчихъ гвардейскихъ полковъ. Наконецъ, 2-го апръля, любители дали концертъ въ пользу Патріотическаго Общества. Сверхъ сего было множество концертовъ какъто: пьяниста Рубинштейна, скрипача Селлье, г-жъ Мерти и Боничи, г-на Чаббато и проч., — всъхъ не перечтешь.

О Рубини мы изложили свое мивніе въ музыкальныхъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ нумерѣ «Репер. и Пант.», и потому повторять себя не намѣрены. Во всякомъ случаѣ, пѣніе Рубини можетъ послужить прекраснымъ образцомъ для нашихъ пѣвцовъ. Авось—либо нѣкоторые изъ нихъ, послушавъ бергамскаго соловья, перестанутъ кричать, и поймутъ, въ чемъ именно состоитъ важиѣй—шая сторона въ искусствъ пѣнія.

Концерты Пиццолато и Нигри если и заслуживали какое-либо вниманіе, то собственно потому, что въ обоихъконцертахъ пълъ Рубини. Что касается до самихъ Нигри и Пиццолато, то они, по нашему крайнему разумънію, пъвцы — болье нежели посредственные. Предоставляемъ другимъ восхищаться ихъ голосами и методою; намъ такъ даже совъстно и досадно было слышать ихъ, не только съ Рубини, но и самихъ-по-себъ отдъльно.

Концертъ братьевъ Мауреровъ замѣчателенъ, все-таки, пѣніемъ Рубини и по превосходному управленію оркестромъ Мауреромъ отцомъ. Можно было-бы, вмѣсто увертюры-вальса изъ Оберона, сыграть, напримѣръ, увертюру—«Эгмонтъ» Бетховена, или ей подобную, отъ чего концертъ получилъ-бы большую важность, солидность.

Концерты Филармоническаго Общества заключали въ себъ двъ примъчательныя вещи: «Реквіемъ» — Сарти и «Кантату» Мендельзона-Бартольди. Однакожь должно замътить, что любители и самая публика, въроятно, получили-бы большее удовольствіе, если-бы въ концертахъсихъ услышали большія піесы изъ музыки Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетховена.... Концерть въ пользу инвалидовъ доставилъ любителямъ

Концерт вт пользу инвалидовт доставилъ любителямъ и публикъ, какъ и всегда, удовольствие сединениемъ огромнаго военнаго оркестра и многочисленнаго хора. Концертъ этотъ имъетъ свой оригинальный характеръ и, по преимуществу, можетъ быть названъ русскимъ, національнымъ концертомъ. Въ исполнения куплетовъ Кавоса участвовалъ Рубини и пълъ по-русски.

Концерть мобителей хотя и заслуживаль особенное внимание, но на этоть разъ, въ музыкальномъ отноше-

ніи, не быль слишкомъ замѣчателенъ. Мы номнимъ, что концерты эти бывали горадо посущественнѣе, когда любители исполняли, напримѣръ, почти всего «Вильгельмъ-Теля», большую часть оперы «Гугенотовъ», «Реквіемъ» Моцарта и т. п.

Концертъ Рубинитейна обратилъ вниманіе игрою молодаго пьяниста, нашего соотечественника. Въ-самомъдълъ, въ игръ этого мальчика замътно уже нъчто артистическое—Листовское, Тальберговское. Если онъ, съ этихъ лътъ (13-ти), будетъ идти къ усовершенствованію путемъ восходящимъ, то конечно сдълается замъчательнымъ ньинистомъ.

Скринача Селлье мы не слыхали и потому объ немъ ничего не можемъ сказать. По отзывамъ музыкантовъ, Селлье скрипачъ первой руки,—скрипачъ артистъ.

Г-жу Мерти н'вкоторыя изъ нашихъ газетъ превознесли до небесъ и поставили чуть не наравив съ Малибранъ. Что касается до насъ, то мы будемъ гораздо
хладнокровнве и не подумаемъ ошибиться, если скажемъ,
что Мерти принадлежитъ къ разряду т'вхъ п'ввицъ, которымъ Французы даютъ названіе passable, а Италіанцы—
seconda donna. Само-собою разум'вется, что у Мерти есть
голосъ; она хорошо говоритъ речитативъ; но вотъ и все.
Метода ея не есть италіянская, а в'вриве сказать н'вмецко – италіянско – французская. Голосъ ея уже устарыль; интоннація часто нев'врна; при-томъ-же она никогда не им'вла гибкости и б'вглости въ исполненіи украшеній. Въ концертв ея не было ничего особеннаго.

Концертъ *Чаббато* былъ замѣчателенъ, но вовсе не по достоинству музыкальныхъ піесъ или по совершенству исполненія, а просто потому, что въ немъ была живая картина, и это никто другой, какъ самъ-же господинъ Чаббато, который имѣетъ прекрасную наружность и — только!

Боничи тоже давала концерть, да, кажется, еще не одинъ. Въ послъднемъ мы были. Славными пъвцами и пъвицами надълнетъ насъ Италія! Одинъ прібхалъ удивалть развалинами своего голоса; три другихъ хотять

восхищать тъмъ, что у нихъ нътъ голосовъ; наконецъ нъкая пъвица Боничи.... Но что сказать о ней? — а ничего не скажемъ! Богъ съ нею. Въ ея концертъ мы только и слышали Донидзетти, Донидзетти bis, Донидзетти, и еще разъ Донидзетти!

Кто еще? Да, Риччіарди, концертъ котораго былъ, кажется, до поста, но ужъ кстати и объ немъ. Старый знакомый, первый тенористь лондонской пталіянской оперы, мы было васъ и забыли. Здравствуйте, господинъ Риччіарди! Мы объ васъ воспомнили, - да и какъ не вспомнить? вы доставили большое удовольствіе своимъ п'ьніемъ, еще въ прошломъ году, при исполнени «Stabat Mater Россини. Нечего сказать, славное было исполнение! Г-жа Чинти-Даморо рулядировала (въ духовной музыкъ!); ктото просто ревълъ, какъ и всегда; кто-то еще, не то дъвица Фальконъ, не то кто-то другой, право забыли, и на конецъ Риччіарди, который до того надувался, что запълъ пътухомъ и произвелъ всеобщій смъхъ!... Доставивъ удовольствіе публик'ь, нашего брата-горемыку любителя, желавшаго получить хотя какое-нибудь понятіе о «Stabat», просто кольнулъ по сердцу. При такомъ исполнении соли-стовъ и многочисленныхъ хоровъ, которые шли съ оркестромъ въ разладицу, — кто въ лъсъ, кто по дрова, — какъ было не почувствовать всъхъ красотъ «Stabat»? Замътъте притомъ, что только половина «Stabat» была исполнена, а прочее выброшено, какъ нестоявшее вниманія. Впрочемъ, у насъ часто бываютъ подобныя продълки и съ другими музыкальными произведеніями, не-смотря на всв ихъ красоты. Но это въ сторону, по пословицв «кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ»!-Концерть Риччіарди, по просту говоря, не стоилъ упоминанія. Больше ничего не скажу ни о концерть, ни о самомъ первомъ тенористь лондонской италіянской оперы!

Вообще, всё частные концерты можно охарактезировать такимъ образомъ: въ нихъ пёлось все то, что слышано и переслушано въ тысячу первый разъ. На аффитахъ и въ самыхъ концертахъ, мы только видели и слышали: арію Донидзетти изъ «Велизарія», дуэтъ Донидзетти изъ «Лючіи»; квартетъ Беллини изъ «Пуританъ»; хоръ

Беллини изъ «Нормы», хоръ Допидзетти и проч. т. п. Все Донидзетти и Беллини, Беллини и Донидзетти... невольно положить руку на сердце и задать себъ вопросъ: чего хотять всъ эти господа отъ любителей, подчуя музькою Донидзетти и Беллини, которую давно уже они съъли и все-таки изъ этого ничего не вышло, кромъ огромнаго нуля? Весьма и весьма ръдко доставалось услышать какую-либо піесу Россини, да и то изъ такихъ его оперъ, которыя, что называется, мы также проглотили, отъ частаго ихъ повторенія. Это по части пънія!

По части инструментальной музыки, разыгрывались избатыя, всёмъ уже прискучившія увертюры, изъ «Семирамиды», «Нормы», «Фрейшюца», «Оберона» (особенно); изъ «Весталки», «Олимпіады», «Кортеца» (Спонтини) и проч. т. п. Разъ или два, не бол'єе, досталось услышать увертюры Моцарта изъ «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты» и изъ «Фиделіо» Бетховена, да и то какъ-то невзначай. Солисты на разныхъ инструментахъ являлись восхищать разыгрываніемъ собственныхъ своихъ Тщедушныхъ сочиненій—дуэтовъ для двухъ кларнетовъ, концертантовъ, варіацій, фантазій и тому подобнаго музыкальнаго сумбура.

И такъ въ концертахъ великаго поста не досталось услышать ни увертюръ Бетховена («Эгмонтъ» и «Прометей»). ни симфоній его и Моцарта; ни одной изъ ораторій Генделя, Гайдна и Моцарта-же, -словомъ, ни одного великаго произведенія ни вокальной, ни инструментальной музыки! Само-собою разумъется, что концерты наши имъли свою публику, которая, напримъръ, въ концертахъ Дирекціи, занималась живыми картинами, а о музыкъ вовсе не думала. И потому для нея все равно, что-бы ни пълось, ни игралось: увертюра-ли Штамитца, вальсъ Штрауса или Симфонія Бетховена; арія Моцарта или Донидзетти, -- последняя, в роятно, болье понравилась, нежели первая. Мы не дошли еще до того, чтобы слушать музыку считалось у насъ важнымъ занятіемъ, положимъ, им вющимъ цвлію удовольствіе, но не для развлеченія, не для ушей, а высокое наслаждение для сердца и ума. Артисты (музыканты и певцы) являлись въ концерты Кн. V. - 31.

или съ избитыми старыми вещами, или съ музыкою Донидзетти, нѣкоторымъ образомъ, по должности, а не по любви къ искусству, не по страсти. Вообще предпочитаютъ музыку Донидзетти потому, что она, какъ говорится, въ модѣ, и ее легко исполнять; между-тѣмъ какъ, для исполненія музыки Моцарта, Россини, требуется нѣкоторый трудъ, занятіе. Все, здѣсь сказанное, дѣйствительно такъ въ самой сущности; тѣмъ не менѣе любители отъ подобныхъ концертовъ ничего не выигрываютъ, вкусъ публики къ хорошей музыкѣ нимало не образуется.

Взаключеніе, хотя и знаю, что слова мои будуть гласъ вопіющаго въ пустынъ, -однакожъ долгомъ считаю сказать, что вотъ изъ какихъ піесъ инструментальной и вокальной музыки должно-бы составить репертуаръ нашихъ, по-крайней-мъръ, гласныхъ концертосъ. По части пенія: исполнять аріи, дуэты, хоры, финалы, даже целыя сцены изъ оперъ, которыхъ мы не слыхали или и слышали, да забыли, какъ-то: изъ оперъ Моцарта, Чимарозы, Паэзіелло, Мегюля, Керубини, Вебера, Россини, Мейербера. Разънгрывать только образновыя увертюры: изъ «Ифигеніи въ Авлидъ» — Глюка; «Донъ-Жуана» и «Волшебной Флейты»—Моцарта;«Эгмонта»и«Прометея»— Бетховена; «Hotellerie Portugaise» и «Анакреона»—Керубини. Исполнять последовательно: Симфоніи Гайдна, Моцарта, Бетховена; Ораторіи: Генделя «Мессія» и «Мысли при гробъ Господнемъ»; Бетховена «Христосъ на Элеонской горъ»; Гайдна «Сотвореніе міра» и «Четыре времени года»; Моцарта «Кающійся Давидъ»; «Реквіемъ»—Моцарта и Керубини; «Stabat Mater» — Перголези и т. п.

Вотъ музыка, которую надобно слушать не одинъ, а сто разь! Вотъ музыка, которую надобно изучать, чтобы постигнуть безконечную возвышенность музыкальнаго искусства! Кто изъ образованныхъ артистовъ не уносился въ другой міръ, не былъ проникнуть благоговѣніемъ, при слушаніи Генделевой ораторіи Мессія? Кто не былъ тронутъ страстными звуками Моцартовой симфоніи въ sol-mineur? Кто не чувствоваль возвышенности въ идеяхъ своихъ отъ величественнаго въ ходѣ Бетховеновой симфоніи въ ut-mineur? Скажите кто? Развѣ только тотъ,

Ert. V.

кто восхищается музыкою Донидзетти; кто говорить утвердительно, что музыка его требуеть изученія; кто прижодить въ восторгъ отъ какихъ-нибудь увертюръ-попурри-вальсовъ-Вебера, наконецъ всв имъ подобные, всв тв, которые восхищаются только модною музыкою, не смотря на то, хороша она или нътъ....

Депомоват ст дивнічні на троду відковій сідена Л. лемона ст Вогроса и вейнующи по точе тротоми.

Музыка «Отелло» написана пезарскимъ маэстро въ 1816-мъ году, когда ему было около 25-ти лътъ, отъ роду; въ этомъ-же году явился его chef-d'oeuvre «Севильскій цирюльникъ.»-«Отелло» заключаетъ въ себъ много мъстъ прекрасныхъ, увлекательныхъ и изобилуетъ трогающими душу мотивами и мелодіями, идущими прямо къ сердцу. Вся почти музыка оперы проникнута трагико-элегическимъ характеромъ, не расилываясь однакожъ въ плаксивую Беллиніевскую элегію, и заключаеть въ себ'в положенія сильныя, драматическія. Вообще въ этой оперѣ много драматической истины, можетъ-быть, болъе, нежели въ десяткъ другихъ оперъ Россини, взятыхъ вмъстъ. Иден во многихъ мъстахъ раскрыты прекрасно; ощущенія, возбуждаемыя ими — живы и разнообразны. Лучше прочихъ обрисованъ характеръ Дездемоны, роль которой есть самая трудная и самая блестящая въ оперъ. За нею сявдуеть Отелло, хаактеръ котораго, хотя очерчень довольно ощутительно, но гораздо слабъе, нежели Дездемоны. Родриго, молодой венеціянскій дворянинъ, влюбленный въ Дездемону и нареченный ел женихъ, также обрисованъ довольно хорошо. Характеръ Яго, этого ужаснаго созданія гигантскаго воображенія Шекспира, имветь только и жоторыя черты и вообще вы музык в не развить. Наконецъ Брабанціо-Сенаторъ и Эмилія — вотъ всв шесть ролей оперы; изъ нихъ первыя три главныя, а последнія второстепенныя. Въ музыка цалой оперы есть связь, есть общая идея, изъ которой развиваются частности и потому, можетъ-быть, не найдется ни одного мъста, ни одной отдельной пьесы, которую можно-бы было выбросить, тымъ-болье, что, за исключениемъ двухъ, много трехъ нумеровъ, носящихъ характеръ обыкновенности, всъ прочіе болъе или менъе прекрасны. Къ сожалънію на этотъ разъ, опера не вся въ цълости была исполнена, и именно суровый остракизмъ палъ на прекраснъйшія мъста. Такъ, въ первомъ дъйствіи выпущены: прелестный дуэтъ Яго и Родриго, въ которомъ первый убъждаетъ последняго отметить за себя; - за темъ сцена и дуэтъ Дездемоны съ Эмиліею; во второмъ дъйствін сцена Дездемоны съ Родриго и следующая потомъ трогательная арія последняго. Въ третьемъ действін, интродукція передъ началомъ акта; наконецъ самый дуэтъ Дездемоны съ Отелло значительно, если не на половину, сокращенъ! По нашему крайнему разумънію превосходнъйшая и наиболье драматическая часть всей оперы есть третій актъ, который заключаеть въ себъ речитативы Дездемоны,. пъснь Гондольера, романсъ и молитву и наконецъ потрясающій дуэть Дездемоны и Отелло. За тімъ прекрасенъ въ первомъ дъйствін терцетъ (Родриго, Дездемона и Брабанціо) и квинтеть; во второмъ дъйствін дуэть Отелло и Яго, дуэтъ Отелло и Родриго и терцетъ (Отелло, Родриго и Дездемона); наконецъ трогательная арія Дезде-Here no manufact whereas necessary manufactor or and them.

Скажемъ нъсколько словъ о самомъ исполнения.-Роль Отелло не изъ числа тъхъ ролей, въ которыхъ отличался Рубини.—Это мы сказали еще прежде въ «Музыкальныхъ Замѣткахъ» а теперь всякій можетъ убѣдиться въ справедливости словъ нашихъ на самомъ дълъ. Партія эта требуетъ силы голоса и страсти въ исполнении. У Рубини не оказывается ни того, ни другаго; у него даже замътенъ недостатокъ жара и драматическаго чувства, что, конечно, болбе или менбе ощутительно для каждаго, кто будетъ смотрѣть на роль Отелло съ надлежащей точки. Въ этой роли, сколько извъстно, отличался теноръ Гарсіа, который быль великъ и неподражаемъ именно во всъхъ сильныхъ и драматическихъ роляхъ.-Речитативъ и арію въ первомъ дъйствіи Рубини исполнилъ съ неподражаемымъ искусствомъ; во второмъ дъйствіи былъ прекрасно исполненъ дуэтъ имъ и Артемовскимъ. За тъмъ въ квинтеть 1-го дъйствія, терцеть 2-го и наконецъ въ

дуэть 3-го дъйствія, съ Дездемоною, синьоръ Рубини, просимъ извиненія, вы насъ не удовлетворили. -- Многихъ пассажей пънія вашего мы вовсе не слыхали, а въ квинтеть и финаль 1-го дъйствія вы сделались, какъ будто, невидимкою. Само-собою разумъется, что мы судимъ о Рубини, какъ о великомъ пъвцъ. Можно сказать многое въ извинение его. Такъ, напримъръ, отчего дуэть 2-го дъйствія, съ Артемовскимъ, шелъпревосходно, между-тъмъкакъ въ дуэтъ съ Бейеромъ, послъдній силился, сколько было мочи, перекричать Рубини, вмісто того, чтобы по возможности уравнивать свое пъніе? Безъ сомнънія оттого, что Артемовскій-пъвецъ съ италіянскою методою. а Бейеръ, въ отношении пения, чистый Немецъ, который, кажется, убъжденъ въ томъ, чъмъ сильнъе взять ноту, тымь лучше! Если-бы партію Родриго исполняль тенорь Михайловъ, тогда было-бы совсемъ иное дело. - Словомъ вообще въ мъстахъ ensemble, всъ прочіе пъвцы, не нужно говорить какіе, просто заглушали п'вніе Рубини. Акомпанименты пенію шли, по большей части, такъ, какъ будто оркестръ разыгрывалъ симфонію, -слишкомъ сильно. даже неистово. Впрочемъ это постоянный недостатокъ нашихъ оркестровъ, который однакожъ легко могъ-бы быть исправленъ хорошимъ дирижоромъ, напримъръ, г-мъ Мауреромъл. причина спіненция дре дія ви вида-тесті.

Приносимъ полную нашу благодарность г-ну Артемовскому (Яго). Онъ пълъ какъ Италіянецъ и исполняль свое дёло прекрасно. В роятно Рубини имъ совершенно доволенъ. Г. Ферзингъ (Брабанціо) пълъ также не дурно, хотя вообще былъ холоденъ, какъ всегда и во всъхъ роляхъ.

Теперь о роли Дездемоны. Въ настоящее время едва-ли найдется въ Германіи пъвица, которая могла-бы исполнить роль Дездемоны удачно. Даже въ самой Италія, можетъ-быть, отыщется (псключая Гризи и Персіани, которыя въ Парижъ) двъ и уже никакъ неболъе трехъ пъвицъ, которыя исполняютъ эту роль прекрасно. Партія Дездемоны, пропътая чисто и върно отъ начала до конца, безъ сомпънія, немаловажная заслуга, потому-что роль эта, въ механическо-музыкальномъ отношеніи, представ-

ляеть большія трудности; но, исполнявь в'врно сін последнія, певица еще не расквиталась съ маэстро. Онъ скажетъ вамъ: это ноты, которыя и написалъ; но спросить, габ-же тоть образь, который носился предо мною, въ минуту творенія? - гдъ-же моя страстная, мечтательная Дездемона? Этой-то Дездемоны немецкія певицы не понимаютъ. — Для Дездемоны потребна сильная натура, огонь и въ голосъ и въ движеніяхъ: тогда только примуть значеніе эти звуки, тогда только они покажутся художническимъ произведениемъ, а не сборомъ руладъ и бравурныхъ пассажей, часто, по-видимому, неумъстныхъ, но только потому, что исполнители не понимаютъ ихъ значенія, не ум'єють псполнять ихъ. Одно изъ сильн'єйшихъ средствъ италіянской музыки есть рулада. Это музыкальное междометіе, само-по-себъ не имъетъ никакого значенія, но получаеть его отъ міста, гді поставлено, н интоннаціи исполненія. Напримъръ: ет квинтеть перваго акта, въ кадансъ, soprano дълаетъ легкую руладу; голосъ, снускаясь по скаль, запинается на нъкоторыхъ нотахъ, легко колеблется на нихъ и падаетъ нъжно, тихо. Эта рулада, какъ исполняетъ ее большая часть пѣвицъ, и какъ исполняла г-жа Нейрейтеръ, кажется просто музыкальнымъ украшениемъ, неимъющимъ значения въ цъломъ. Между-тъмъ въ ней есть значение: квинтеть глухо выражаеть тяжелое, бользненное чувство; медленный вздохъ Дездемоны въ кадансъ есть именно музыкальный вздохъ, знаменующій чувство, выражаемое квинтетомъ. Дайте-же этой руладъ соотвътственное значение и интоннацию, -- но не сыпьте ноты какъ горохъ, который, падал на землю, производить одинъ и тотъ-же мърный звукъ. - Въ финаль 2-го дъйствія арія Дездемоны, на кольняхъ предъ отцомъ, составлена изъдвухъ разрывчатыхъ мотивовъ, повторяющихся одинъ за другимъ, или періодъ музыкальный: устроенъ такъ, что за первою его частью, простой, медленной, умоляющей, слъдуетъ вторая, совершенно противоноложная по характеру, состоящая изъ массы руладированныхъ нотъ. Ясно, что здъсь заключается вопль отчаннія на отринутую молитву. За чёмъ-же не дають этого колорита? Такимъ-образомъ у Россини всякая рулада, не имѣющая, по-видимому, никакого значенія, получаєть его оть умѣнья исполнителя; но коль скоро исполнитель не понимаєть этого, а поеть только машинально, тогда прощай Девдемона, прощай Россини, и горе слушателямъ! Въ разсматриваемомъ нами спектаклѣ мы натериълись этого горя отъ г-жи Нейрейтеръ и г-на Бейера.

Роль Дездемоны занимала г-жа Нейрейтеръ. Пъвица эта одарена отъ природы довольно-обширнымъ и звучнымъ голосомъ, и могла-бы сдълаться хорошею пъвицею, если-бы, въ свое время, прибъгла къ учению; но г-жа Нейрейтеръ рѣшительно осталась, относительно методы пънія, въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ была льтъ 10-ть тому назадъ, съ тою разницею, что голосъ ен тогда быль свёже и следовательно пріятнее, а теперь потерялъ даже и это достоинство; да сверхъ-того, отъ малаго упражненія, лишился върности и легкости въ исполненін пассажей, требующихъ хотя малаго блеска. Съ первой своей (вставной) аріи она п'вла уже не такъ, какъ следовало. Мы могли-бы ей простить недостатокъ въ выраженін и даже въ силь; но невърность въ пъніи, но фальшивыя ноты, это такія вещи, къ которымъ нельзя быть снисходительнымъ. Вообще партія Дездемоны г-жею Нейрейтеръ была исполнена болъе нежели неудовлетворительно, и хотя по временамъ были мъста, которыя она пъла не дурно, но ихъ такъ мало, что онъ не могутъ изгладить того непріятнаго впечатабнія, которое осталось въ душть слушателей отъ фальшиваго пънія. — Само собою разумъется, что о воодушевленів, о чувствъ въ пъніи г-жи Нейрейтеръ и ръчи нътъ. Она колодна какъ ледъ.

Г. Фонт-Бейерт пъль съ отчанніемъ и его слушали тоже съ отчанніемъ. Боже мой! что за удивительная, не говорю метода, — у Бейера нътъ никакой методы, — манера пънія у этого тенориста! — Въ его манеръ слово «пъть» составляетъ синонимъ слову «кричать». Между-тъмъ у Бейера есть голосъ, довольно полный и сильный, и если-бы такимъ голосомъ владълъ какой-нибудь Италіянецъ, то, въроятно, изъ него сдълалъ-бы чудеса. Впрочемъ такова, кажется, участь всъхъ нъмецкихъ пъвцовъ, которые ръ- шаются исполнять италіянскую музыку,—за исключеніемъ весьма и весьма немногихъ.

Итакъ вотъ наши впечатлѣнія, вынесенныя съ перваго представленія италіянской оперы въ Петербургѣ. Пока кажется довольно! Посмотримъ, что-то будетъ дальше....

Pest Jeszenbert saunthan 1-mg Hapenmert. Hereng Мы слышали «Лючію», слышали Рубини въ одной изъ блистательнъйшихъ его партій. — Воть одна изъ тъхъ оперъ, въ которыхъ Рубини, отъ начала до конца, — отъ отъ перваго своего полвленія до посл'єдней аріи, — не выразимо-прекрасенъ. Роль Эдгара — одна изъ тъхъ ролей бергамскаго пъвца, которая убъдитъ каждаго, что Рубини абиствительно великій певецъ. Но эта-же партія, после роли Отелло, большой, трудной, сильной, патетической, заставить также убъдиться и вътомъ, что Рубини великъ, именно въ легкомъ родъ музыки. Партія Эдгара вполнъ приходится по голосу Рубини; между-тъмъ-какъ партія Отелло написана для низкаго тенора (basse taille); многіе пассажи этой роли, Рубини, вмъсто того, что-бы исполнять въ низшей октавъ, долженъ былъ обращать въ верхнкою, потому-что у него не достаетъ нъсколькихъ нотъ въ низъ.—Притомъ-же въ Отелло, сколько мы могли замътить, Рубини къ третьему акту утомляется и потому неудовлетворителенъ въ дуэтъ съ Дездемоною, въ которомъ приходится ему пъть столь-сильно и драматизировать свое пвніе; потому-то дуэть этоть быль сокращень, и Рубини въ немъ не произвелъ на насъ никакого впечатавнія. Ва то, какъ невыразимо хорошъ Рубини въ дуэть съ Лючіею (Степанова)! Сколько огня, чувства, выраженія проявлено было имъ въ квартеть 2-го дъйствія, который вообще шель превосходно. Съ какимъ воодущевлениемъ, съ какимъ жаромъ, драматическимъ чувствомъ, онъ выразилъ бъщенство и отчалные человъка, въ речитативъ, когда онъ изрыгаетъ проклятіе на Лючію и на весь родъ Астоновъ! Сколько искусства показаль онъ въ дуэть съ Астономъ (Артемовскій)! Какъ хорошо умьль оттынить чувства, его обуревающія, и выразить ненависть

свою къ Астону! Наконецъ последняя его арія есть верхъ искусства пънія Рубини. Какое глубокое чувство, какая невыразимая драма сердца заключалась въ звукахъ его голоса въ этой аріп! Вы видите здісь именно человіжа, которому ничего не осталось на землъ: все погибло, все попрано, и одна только смерть, кажется, можеть его примирить съ этою юдолью... Словомъ, во всей оперъ, Рубини невыразимо-прекрасенъ, восхитителенъ и истинно великій, великій и сто разъ великій півець! Вотъ, вменно, гді надобно учиться у Рубини; жаль только, что многаго нельзя перенять отъ него, потому-что оно непосредственно слито съ его личностью. Да, чтобы спъть партію Эдгара такъ, какъ поетъ Рубини, надобно ни болве, нимен'ве, какъ сдълаться другимъ Рубини. А это не совсёмъ-то легко!... Какъ-бы то ни было, но въ этой оперѣ Рубини насъ восхитилъ; мы поняли, почему пталіянская музыка, даже музыка Донидзетти, можеть производить сильнъйшія впечатльнія и восторгъ....

Надобно, впрочемъ, отдать полную справедливость и нашимъ соотечественникамъ Степановой и Артемовскому. И та и другой исполнили свое дъло такъ хорошо, какъ едвали отъ нихъ лучшаго требовать возможно. Первая пъла партио Лючін върно, отчетливо, съ воодущевленіемъ и во многихъ мъстахъ съ большимъ чувствомъ. Вотъ что значить трудъ и усердіе артистки, чувствующей и понимающей свое признание. Чего-бы пъвица эта не саълала, если-бы природа была къ ней пощедрве, въ отношенін даровъ своихъ. Природа, можно сказать, ее обидъла, относительно голоса и, что-же? — она и съ настоящими своими средствами производить почти чудеса, нотомучто занимается искусствомъ неутомимо, а не бросаетъ его, какъ-то дълають и которые изъ нашихъ артистовъ, пользуясь пріобратенною репутацією... Честь и слава артисткъ за то, что она не отдыхаетъ на лаврахъ! Мы не находимъ мъста, за исполнение котораго можно-бы было савлать г-жъ Степановой упрекъ. Особенно хорошо пъла она въ луэть съ Рубини; въ аріи 3-го лействія и въ квартеть 2-го, гдв голось ея производиль такой эффекть. Артемосскій также быль везді очень-хорошь, пыль съ

большою отчетливостью, съ чувствомъ; оставалось желать только въ иныхъ мъстахъ побольше движенія, вооду-шевленія и жара. — Словомъ, г-ну Артемовскому и г-жъ Степановой приносимъ, отъ всей души, нашу полную благодарность.

Хоры исполняли свое дёло весьма и весьма-хорошо; на этотъ разъ самый оркестръ игралъ какъ-то иначе; въ оттънкахъ музыки замътно было больше отчетливости, и вообще акомпанименты пънію шли не такъ громко и сильно, какъ то мы замътили при представленіи «Отелло». Впрочемъ это, можетъ-быть, и отъ того, что въ «Отелло» игралъ оркестръ нъмецкой оперы, а въ «Лючіи»—русской. Оба оркестра имъютъ отличныхъ солистовъ. Но вообще въ послъднемъ замъчаютъ несравненно болъе разборчивости и отчетливости, особенно въ акомпаниментахъ пънію, нежели въ оркестръ нъмецкой оперы, который по какомуто непонятному предъубъжденію привыкъ къ чрезвычайно сильной игръ въ оперъ.

Вообще вся опера была исполнена какъ-то особенно хорошо. Рубини, кажется, воодушевлялъ собою всъхъ артистовъ, разумбется, техъ, на которыхъ можетъ действовать воодушевление. Но какъ и въ солнцъ есть пятна, то и исполнение разбираемой нами оперы также имъло свою чорную сторону, которую составляли именно г-да Този, Голландъ и Бейеръ. Всв эти господа, особенно Този, также доставили удовольствіе, только совстить отличное отъ того, какое мы получили, слушая пъніе Степановой, Артемовскаго и наконецъ великаго бергамскаго пъвца. Този своимъ пъніемъ заставилъ хохотать всю публику, а насъ раземъщилъ до того, что мы едва было не вышли изъ театра по невозможности удерживать себя. Жаль только, что такого рода удовольствіе не сообразовалось ни съ характеромъ музыки «Лючіи», ни съ характеромъ Раймонда, роль котораго занималь Този. Боже мой, что это такое? Неужели это пвніе? Ивть, мы не слыхали пвнія, а слышали какое-то безпрерывное, нескончаемое гегеканье, которое до нев вроятной степени уморительно! Да, т-иъ Този, вамъ пора, давно уже пора оставить сцену. Можетъ-быть, вы когда-то и были порядочнымъ певцомъ,

но теперь изтъ возможности васъ слушать, особенно въ такой роли, какъ роль Раймонда. — Голланду (Нортонъ) также пора давно убъдиться въ томъ, что мъсто его не въ оперѣ; онъ похожъ былъ на Фрелиха, а Бейеръ (Артуръ) напоминалъ нъмецкихъ буршей.

Наконецъ надобно-же сказать что-нибудь и о самой музыкъ. Въ музыкъ «Лючіп», какъ и во всъхъ операхъ Донидзетти, нельзя найти ни характеровъ, ни лицъ, ни дъйствія, ни той связи, ни того цълаго, изъ которыхъ въ продолженій всей оперы развилась-бы драма. - Этого нътъ ни въ одной оперѣ Донидзетти, нътъ и въ «Лючіи». Опера эта составлена изъ мотивовъ, выкраденныхъ и вылизанныхъ целикомъ изъ музыки Россини и Беллини. Написана она по заказу, для извъстныхъ пъвцовъ и пъвицъ извъстнаго театра, и именно, для прекраснъйшаго тенора, прекраснаго soprano и прекраснаго basso cantante или баритона. Эдгаръ, Лючія и Генрихъ-три главныхъ партін, почти равнозначительныхъ. Каждый голосъ имветъ по одной аріи, за исключеніемъ Лючіп, которая им'ветъ дв'в, — сл'єдовательно, въ опер'в 4 аріи. Каждый голосъ поетъ дуэтъ съ другимъ голосомъ, - слъдовательно всехъ дуэтовъ три. Наконецъ все три голоса, съ присоединенемъ 4-го (баса), поютъ квартетъ. Все это связано, кое-какъ, речитативами и перемъщано съ нъсколькими общими хорами. Вотъ вамъ и драма, вотъ вамъ и опера! Не спрашивайте, почему то такъ, а не этакъ въ оперъ: музыка «Лючіи» не дастъ вамъ отвъта, -- она ко всьмъ подобнымъ вопросамъ останется глуха. Она отвътить вамъ только, что написана для италіянской сцены, гдъ любятъ слушать концертъ голосовъ, а не драму звуковъ, а не выражение звуками страстей, характеровъ и проч. Словомъ музыка «Лючіп» написана по реценту тысяча-одной италіянской оперы! Лучшее изъ всей оперы, по нашему крайнему разумънію, мъсто, - это квартетъ 2-го дъйствія и следующій за темъ финаль. Что ни говорите, а здъсь есть дъйствіе, здъсь есть въ звукахъ и въ столкновеніи противоположных в страстей и характеровъ драма, и вообще, мъсто это порядочно развито самою музыкою. - Первая часть арін Едгара тоже имбеть характеръ, разумъется, когда исполняетъ ее Рубини. Что касается до второй части этой аріи, когда приходить хоръ и Эдгаръ себя закалываетъ, то, признаемся, что она намъ кажется какою-то крайнею музыкальною несообразностію въ сценическомъ отношеніи, и принадлежитъ къ тому огромному скарбу всякихъ арій, каватинъ и пъсенъ италіянской музыки, — гдъ раненные хохочутъ, умирающіе поютъ и т. п. — За-тъмъ все остальное въ этой оперъ посить на себъ отпечатокъ жалкой посредственности и, если получаетъ какое-либо значеніе, то собственно отъ идивидуальности исполнителей!...

Мы ждемъ съ нетеривніемъ появленія «Somnambula» Беллини, по нашему мивнію, лучшей оперы сего маэстро, въ которой бергамскій півецъ, какъ говорять, поеть неподражаемо.

Caparine Brianes, Books a l'empire - ron russentre nap-

верхъ длятовъ гри. Наконтар вей гри голоси, съ при-

rig, north passaconaurcanidays.

no ognoù apin, as negato enient. 1843 r. 27-ro appla 1843 r. de controlle de contro

drodun aperer hungell

состановник 1-го (баса), ноють възрготь. Все это синжию, кос-какъ, речитативани и персивиано съ иъскольвими общини хорани. Вся воит и грана, коть вакъ и оперы: Не сиращивайте, почену то такъ, а не этакъ всъит подобилить попросамъ останеття глука. Она откътить какъ только, что написана для пладинской спены, тъв любать слушать концерть голосонь, а не драму заукосъ, а не пърсмение зауками страстей, зарактеровъ и проч. Слушить изълка «Лючи» написана по реценту тыкача-олной пталинской оперы! Лучшее паъ всей оперы, по нашечу крайнему разуньнико, и всто. — это квартеть 2-то дъйсския и съблующий за тъмъ типатъ. Что им гово-

pare, a arbee eers ablicraie, aabee eers ee asparen n useroansosenin upornoonologubiya, erpäereli n vapaarepousapane, a noobme, ubero are nopaaoune paanto canon ujaateoro. — Hepran usert spin Karana roce nubera vapaдарованную нам в истинно-высокое наслаждение, ледыли-бы, любили-бы исто кущою стогь таланты— Да, гг.
столичные жители! не сифійтесь: ваки чувства избалованы прокраснымь,—но мы, мы такъ ръдко вилимь торошее, что если оно в рождается у насъ въ провинція, то
тоть—же часъ ноглощается нами; вы, какъ ужисчый кроколить, ножираете его, осышаета золитожь, излежден,
слакого... и мы, несчастино... остаемен—какъ ради на

провинціальные тватры въ россін.

постора рубли сереброма, нало ято решится, такь-бол ю,

ото такое удовольствие пожого найти дома и даронъ. От в этого 2) г. Грабовскій діластей песостолусьными к. с. не платить жалоканых транстоль вома начинають управить

О Воронежскомъ и Курскомъ театрахъ.

composition on tamedomo--- amount of the distance of the state of the Много писали и пишутъ о кіевскомъ, харьковскомъ и казанскомъ театрахъ, разбираютъ игру актеровъ, и тъмъ, хотя мало, но снособствують улучшению сцены. Почему-же не взглянуть на театръ воронежскій, на труппу г. Грабовскаго? почему не пожелать и ему возможнаго улучшенія? Правда, что это, можетъ-быть, одинъ театръ. которой злая судьба такъ скудно надълила. За-то какое спасибо скажеть г. Грабовскій, когда, посл'є этой статейки, сцена его взлельеть новаго Каратыгина, Мочалова, или, по-крайней-мъръ, г. Толченова! Разумъется, я, какъ страстный любитель драматического искусства, обреченный судьбою жить въ Воронежъ (иногда въ Курскв), желаю, душевно желаю этого возрожденія, но.... увы!... «Что ты, гордый замыслъ человъка»? Скоръе. мив кажется, можно надвяться увидеть китайскаго Богдыхана, чёмъ искру генін Каратынина на здёшней сцень! А какъ-бы это было хорошо! чрезвычайно хорошо!! удивительно хорошо!!! и для насъ, посътителей воронежскаго театра, и для г. Грабовскаго. Мы (не знаю, какъ онъ!) унивались-бы прекрасною игрой, прославляли-бы судьбу,

даровавшую намъ истинно-высокое наслаждение, лельяли-бы, любили-бы всею душою этотъ талантъ! - Да, гг. столичные жители! не смъйтесь: ваши чувства избалованы прекраснымъ, -- но мы, мы такъ ръдко видимъ хорошее, что если оно и рождается у насъ въ провинціи, то тоть-же часъ поглощается вами; вы, какъ ужасный крокодилъ, пожираете его, осышаете золотомъ, надеждою, славою.... и мы, несчастные.... остаемся-какъ раки на мѣли! Грѣшно вамъ, ей-ей, грѣшно!! И что-же проис-ходитъ отъ этого? 1) Труппу г. Грабовскаго никто не посъщаетъ, да и требовать того было-бы странно: зъвать за полтора рубли серебромъ, мало кто ръшится, тъмъ-болъе, что такое удовольствіе можно найти дома и даромъ. Отъ этого 2) г. Грабовскій дізается несостоятельнымъ, т. е. не платить жалованья артистамъ; они начинаютъ упрямиться ломать комедь; дело доходить до местной полиціи, и тогда-достается на оръхи: актеру, эрителю, сочинителю и проч. 3) Артисты, придерживающиеся пословицы «Богъ далъ день-Богъ дастъ пищу»-ошиблись: по милосердію Божію день настаеть, но немилосердый Грабовскій не даеть пищи; актеръ съ-голоду упивается дарами Бахуса, піеса отм'вняется; Грабовскій лишается посл'вдняго сбора, и даеть артисту не совстые чистую отставку. 4) На его мъсто поступаетъ какая-нибудь безприотная головушка за самую сходную цену, и, при совершенномъ отсутствін таланта, валлеть роль Скопина-Шуйскаго, Уголино, Гамлета, и т. п. Вообразите положение врителя, обманутаго афишею! каково оно?!! Вы содрагаетесь!... Но самый главный пунктъ тотъ, что мы, будучи лишены пріятнаго удовольствія, и желая поправить это, сов'туемъ, просимъ, умоляемъ содержателя не коверкать Шекспира, а давать легкія піесы, п воть одинъ отв'ять: «Нельзя-съ! водевили сбора не дълають, а г. Отелло хоть что-нибудь да собираетъ: раскъ полонъ и въ совершенныхъ удовольствіяхъ, а этого намъ и надобно.» Вотъ положение несчастныхъ провинцій, гдъ содержатель театра не артистъ, а спекуляторъ! Правда, есть нъсколько театровъ, гдв все идетъ хорошо, но это отъ-того, что какой-нибудь богатый помещикъ, истинный любитель искусства, занимается усовершенствованіемъ труппы, самъ вникаетъ въ характеры піссы, назначаетъ роли, надзираетъ за бутафорской и костюмами, а потому и піссы идутъ удачно. Но обратимся къ воронежскому театру.

Это было въ одинъ прекрасный день, какъ помнится, въ воскресенье; на крыльцѣ театра гордо покачивалась вывѣска, на которой огромными красными буквами сіяли слова «Сего-дни спектакль», а аффиша возвъщала «Князя М. В. Скопина-Шуйскаго». Я, проходя мимо театра, ръшился посвятить вечеръ удовольствію, а потому зашелъ въ кассу, вынулъ изъ кармана полтора цълковыхъ, взялъ билетъ въ первомъ ряду креселъ, и на вопросъ мой кассиру: «Много-ли разобрано билетовъ»? услышалъ громовыя слова: «Еще ни одного, вы берете первый». Должно быть, я побледнель, потому-что сметливый кассирь, замътивъ мое смущеніе, продолжаль съ привътливой улыбкой: «Не бойтесь, сударь! эвто ничего: мы всегды раздаемъ билеты за полчаса до приставленія; таковъ уже обычай, — и всъ остаются довольны; билетовъ обныкновенно оченно много пустыхъ, но нонича даютъ трагедію, и мы не сумльваемся въ благосклонности публики.» Утъшительно, подумалъ я, и отправился домой. На аффишъ было сказано: «Начало въ 7 часовъ», и я акуратно въ 7 явился въ театръ. Вхожу-все пусто; не только «начало», но и освъщение еще пе возымњио начала! Прошло четверть-часа, и сальный огарокъ засіяль въ сальныхъ рукахъ какого-то отставнаго солдата, и пошелъ гулять по сальной собратии. Замъ освътился и наполнился копотью, отъ которой, какъ л послъ догадался, и актеры и зрители чихали сверхъ чаянія. Но вотъ, заснувшій оркестръ, т. е. три скрипки, фаготъ, флейта, контрбасъ и литавры - проснулись: микься, и наконсив, при прози ARREST SPRING AC HOMOSKELL

-стои от 4 «И вздумали сыграть квартеть»! чего от сыпос

Залъ, при звукахъ польскаго, по-немногу наполнялся приказными, сидъльцами, лавочниками и... что дълать, —но гръхъ умолчать... вошли два офицера, мон

хорошіе знакомые. Причину ихъ посъщенія я узналь: виновницею этого была одна молоденькая хористка, играющая роль сънной дъвушки при Екатеринъ Шуйской, и мои знакомые, какъ пламенные поощрители юныхъ талантовъ, пришли ее вызвать. Послъ обоюдныхъ привътствій и взаимной радости, пріятели начали уговаривать меня помочь имъ, и во что-бы то ни стало, вызвать дев. П .... - Но, гг., сказаль я, отчего-же не вызвать достойныхъ артистовъ? - «Э, полно, братецъ! какіе здісь достойные артисты! Ты просто уморителень: эдъсь артисты.... Ха, ха, ха... да это смихт и горе, а не артисты»! Что часъ, то не легче! Но, гг., сказалъ я: чтобъ сыграть Ляпунова и Ск. Шуйскаго надо быть артистомъ, надо быть талантомъ; въ противномъ случаб.... «Тутъ именно, братъ, противный случай, такой противный, что ты, прівзжій изъ Петербурга, віроятно, не видалъ ничего противиње! Вотъ напр. хористка П...., это ужъ совствить дело непротивное, и смотрыть на нее можно безъ сопротивленія. Мы для нея только и ходимъ: она, надо тебф сказать».... Туть пріятель мой пустился описывать всв непротивности хористки, а я, по привычкъ, цачалъ наводить лорнетъ на ложи; но, къ уливленію моему, лорнеть показываль первоначальный хаосъ: въ ложахъ было и темно, и пусто; кое-гдъ мелькало бълокруглое пятнышко на черномъ фонъ - это личико какой-нибудь набъленой купчихи, и встрётить его морнетомъ было также отрадно, какъ увидъть звъздочку на темномъ зимнемъ небосклонъ. Прошло еще полчаса, и вотъ оркестръ, собравъ всв физическія свои силы, грянуль увертюру изъ «Фрейшида»; еще не успѣлъ нетерпъливый литаврщикъ пуститься въ громогласно-оглушительную трель, какъ занавъсъ началъ дуться, сжиматься, и наконецъ, при чрезвычайныхъ усиліяхъ, поднялся криво до половины. Тутъ искусство машиниста дошло до совершенства: занавъсъ, поднимаясь до пололовины тихо и криво, вдругъ пропалъ какъ метеоръ въ заоблачномъ мірѣ,-и взору нашему предстали: Ляпуновъ (г. Лебедевъ), связанный Ржевскій (г. Васильевъ) и Болотниковъ (г. Аносовъ). Не стану, уважая читателя, слёдовать постепенно за ходомъ ціссы, но упоману о ніжоторых сценахъ произведенія Кукольника. О, если-бы нашъ авторъ былъ здісь, онъ, мий кажется, на коліняхъ предъ публикой, умоляль-бы не смотріть его «Скопина-Шуйскаго», погоріваль-бы и разсердился. Еще въ самомъ началі замітиль я величайшее неуваженіе актеровъ къ публикі: исключая г. Лебедева, никто не зналь роли и безпрестанно прибігаль къ помощи суфлера; тоть-же, віроятно, желая доказать г. Грабовскому всю преданность къ искусству, читаль такъ громко, что, казалось, еще невидимый духъ пграетъ всі роли на сцень. О декораціяхъ и костюмахъ лучше молчать—

«Говорить, такъ будеть больно
Вдоль спины и поперекъ!»

Въ сценъ, когда къ Димитрію Шуйскому собрались на пиръ иностранные вожди и русскіе бояре, мы невольно вспомнили стихи:

Какая смёсь одеждь и лиць,
Племень, нарёчій, состояній;
Изъ хать, изъ келій, изъ темниць,
Они стеклись».... для истязаній,

для истязаній бідной воронежской публики! Вообразите декорацію постоялаго двора, едва осв'єщеннаго; за ломберныме столомъ сидятъ: Князь Скопинъ Шуйскій (г. Григорьевъ), Князь Димитрій Шуйскій (г. Ивановъ), Делагарди (г. Бобровъ) и еще какой-то пришлецъ. Долго г. Григорьевъ варварскою декламацією доказываль г. Делагарди, что дурно браться не за свое дело, но, какъ заметно было, тотъ съ нимъ не соглашался, потому-что видълъ живой примъръ въ самомъ г. Григорьевъ. Наконецъ Екатерина (дъв. Острякова) «чтобъ зло пресъчь» подносить смертоносный ядъ. О, ужасъ! Димитрій Шуйскій-въ халать!! да, гг., въ простомъ спальномъ халать!!! За темнотой не . возможно было разсмотръть цвъта и матеріи,-но то быль-халать, ей-ей, халать!!! Русскій вельможа, приближенный къ престолу, братъ царя, словомъ Князь Ди-Ka. V. - 33.

митрій Іоанновичь Шуйскій принимаеть гостей своихъ въ халать!! въ халать покроя XIX стольтія!!! Да, помилуйте, г. Грабовскій, вы, просто, варваръ Выпустить Кн. Димитрія Шуйскаго—въ халать!! и въ добавокъ говорящаго какимъ-то польско-малороссійскимъ нарѣчіемъ!!! Положимъ, что для васъ это бездълица, слидственно, совершенно равно, но вспомните, что вы не на Сандвичевыхъ островахъ, а въ Воронежъ, гдъ-русскій театръ, русскіе зрители, хоть немного знающіе русскую исторію! Какъже вамъ не стыдно, не гръшно выводить на сцену въ роли Кн. Димитрія Шуйскаго полу-русскаго актера, въ шлафрок' воронежеко-французскаго портнаго?!! это тоже, что Фауста нарядить въ зипунъ русскаго извощика!!! Пощадите! помилосердуйте!! В вроятно, этоти случай подъйствовалъ на г. Григорьева: онъ, не знаю отъ яда или отъ халата, но началъ кръпко терзаться, кричать и бить себя кулакомъ по головъ; наконецъ боль его дошла до nec plus ultra: онъ упалъ въ изнеможении.... да и кто устоитъ противъ Димитрія Шуйскаго въ халатъ?!! Стыдно видъть такое незнаніе приличій!! Не смотря на шру г. Григорьева, раскъ былъ на седьмомъ небъ. Всъхъ больше бъсили меня какіе-то приказные, сидъвшіе какъразъ позади моего кресла. Одинъ изъ нихъ съ жаромъ доказываль своимъ сосъдямъ, что «если-бы г. Григорьевъ былъ.... хоть на прим. въ С.-П.-бургъ... то, чортъ знаеть, что-бы надълаль: опъ т. е. говорю вамъ, просто, чортъ знаетъ что-бы надълалы» Ляпуновъ, при очень-маломъ рость, не могь вскинуть на плечо герол-Скопина, а потому, изъявивъ свое сожалъніе и иъсколько разъ тщетно покушансь на это, поволокъ его со сцены. Теперь-новый ужасъ! Кровать, на которую Ляпуновъ складываеть свою драгоценную ношу, оказывается самаго дешеваго достоинства, даже ничъмъ не прикрытою!!! О, создатель!... Да, что вы, г. Грабовскій! опомнатесь! Драма и трагедія—діло великое: если вы не обратите вниманія на бездільныя подробности, каковы халать, кровать и т. п., вы разочаровываете зрителя, обращаете чертогь въ нечистую харчевию, и драма доходить до непристойнаго комизма, а это болье, чемъ

жалости достойно! Вы говорите: «средствъ нътъ»?-Такъ не заводите труппы; сдълайте балаганъ, и собирайте деньги честно; или, по-крайней-мъръ, не уродуйте драмы; играйте водевили, шутки, фарсы всевозможного печенія: туть приличенъ сміхъ, если онъ даже будеть пронеходить не отъ пгры актеровъ; но исказить драму Кукольника, Полеваго, трагедію Шекспира-непростительно, выше всего непростительно!! Актеръ, нгравшій роль Яши (г. Львовъ), безпрестапно ошибался; даже въ сцень, когда Екатерина, ет порывъ отчалнито инъва, нечаянно показала ему кубокъ съ ядомъ, онъ сдълалъ большую неосмотрительность, произнеся гробовымъ голосомъ: «Что это за чаша?» Тогда у Екатерины сіяла въ рукахъ простая пивная кварта изъ ближайшаго трактира!! Вообще вся піеса шла очень-дурно; не стану говорить о прочихъ актерахъ и актрисахъ: это прибавитъ только неудовольствія. Замічу однако, что игра г. Лебедева весьма-сносна; не надо только такъ кричать и жестикулировать, т. е. махать руками, стучать въ грудь и т. д. При маломъ рость, но довольно-пріятной наружности, онъ вель удачно ивкоторыя сцены, и, если-бы занимался своимъ искусствомъ, могъ-бы, со временемъ, быть хорошимъ артистомъ. Вообще наши провинціальные актеры думають, что достаточно быть на сцень, чтобы быть артистомо. а потому пренебрегають ролью, не изучають ея, и дълають изъ Ляпунова — крикуна-мясника, изъ Гамлетаноющаю урода! Часто такое невнимание актера или содержателя выводить изъ границъ всякой терипмости. Возьмемъ въ примъръ двъ-три піесы, видънныя мною недавно въ Курскъ, въ труппъ г. Млотковскаго. Онъ выпускаеть на сцену Квазимодо (въ Эсмеральдъ), одътымъ въ чорный фракъ и красныя шаровары, съ прибавленіемъ къ этому костюму-синебагроваго пятна на щекъ!! Или самъ, въ роли Спидика (въ той-же піесъ) является съ дубиною Алжирца, съ мимикой изверга-Валтера, съ акцентомъ пана Тирункевича!! «Эсмеральда! полюби меня» онъ произносить съ равнымъ одушевленіемъ, какъ «придите завтра» тому, кто приходить къ нему за долгомъ, съ равнымъ чувствомъ, какъ безстрастное «да»

легковърная кокетка-невъста двадцатому жениху своему! И если сыщется добрый человъкъ, который скажетъ ему, что ни одинъ портной не одъваль Квазимодо во фракъ и шаровары, что Клоде-Фрелло никогда не былъ удальцомъ съ большой дороги, не былъ низкимъ корыстолюбцемъ-любовникомъ, не былъ бездушнымъ хвастуномъ-шляхтичемъ, что грешно сменться такъ надъ нубликой, -- онъ, безъ зазрвнія совъсти, отвъчаетъ: «Конечно, гръшно... да что дълать.... единъ Богъ безъгръха» и т. и. Послъ піесы «Дъдушка русскаго флота», гав и Авдушка, и Русскій, и флоть, каждый порознь, и всь вывсть, страдали ужасно оть костюмовъ, декорацій и игры актеровъ, г. Млотковскій, вмівсто обычнаго народнаго гимна «Боже, царя храни» необходимаго для большаго умиленія зрителя, движимаго чувствомъ восторга и благоговънія, повельят виртуозамъ своимъ дернуть «Ай, во лузяхъ, лузяхъ»! или что-то подобное. Нътъ словъ выразить досаду и гиввъ за столь грубую, негодную шутку! Вероятно, г. Млотковскій сделаль это изъ угожденія къ главнымъ посътителямъ своимъ, возсыдлиммя горь, чтобъ задобрить ихъ вниманіе, и на следующій разъ залучить въ кассу нъсколько лишнихъ двугривенныхъ.... Но.... т. Млотковскій! если вы-челов'якъ.... не говорю уже-художникъ, съ эстетическимъ вкусомъ, съ любовью къ изящному.... если вы человъкъ, если въ васъ есть искра уваженія къ публикъ, -пощадите, ради Бога, пощадите и себя, и эрителя! энцег оток! вобор визменов

Нѣтъ, гг. актеры! чтобъ быть артистомъ, надо любить свое призваніе, цѣнить его, какъ даръ неба, даръ, который не всякому посылается! При самомъ талантѣ непремѣнно должно быть желаніе усовершенствованія, а это достигается изученіемъ, усердіемъ, любовью! Взгляните на Каратьшина въ «Заколдованномъ домѣ»—и вы увидите предъ собою Людовика XI. Это онъ, суевърный, капризный, злой тиранъ Людовикъ! Васил. Андреевича какъбы не существовало! Взгляните на него въ Гамлетѣ—и Принцъ Датскій воскресъ въ лицѣ Каратыгина! Куда дѣвался Людовикъ? и тѣни нѣтъ старика! Взгляните на Сосницкаго, на Щепкина! Знаю и вполнѣ увѣренъ, что статья моя ни на волосъ не прибавить улучшенія въ труппахъ гг. Грабовскаго и Млотковскаго, но пусть узнають они, что не для краснаго словца писаль я ее, но съ искреннимъ желаніемъ лучшаго, чего, въроятно, первому весь Воронежъ, послъднему цъльій Курскъ желаютъ. Въдь больно, очень-больно смотръть на прекрасное созданіе, изуродованное невнимательной нянькой, а еще больнъе видъть творенія Шиллера, Шекспира, произведенія Кукольника, Полеваго, на воронежской и курской сценахъ!

Свѣчи догарали, спектакль кончался, занавѣсъ, съ прежнимъ волиеніемъ совершилъ путь свой долу.... Товарищи мои начали громогласно вызывать дѣв. П.... Я поспѣшно удалился....

-об жээін ніявилдаги ал аттоппониколайафрилькурь. П

предположить и недовать въ сюжетахъ; хоти

лье плачительных Пе. прино, потоку-яго светска орловскаго театра, несращенно обшириће средства изкогонибуль колугониче иза тла та угола Россіи спекультора витрепренера Латоцияго, Мютковециго, и подобных в-

одизко-же еги много такихи, которые подин-бы дарить оргенскую публику изтават инмобоко описальными из фарсаки опискими ви из дазы и комедии, лежели из фарсаки опискими ви

он и эмен. (Изт письма къ О. А. И....иу.)

служение психостра спорве подъ за прымъ п

Брошенный случаемъ въ скучную и мрачную сферу Орла, послѣ разпообразныхъ удовольствій столицы, и не могъ придумать ничего лучшаго, какъ слѣдить за ходомъ образованности его жителей—литературою и театромъ; но такъкакъ первой здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, то и съ двойною жаждою обратился къ послѣднему.

Бывая каждый разъ въ сисктакий, я имёль довольно времени присмотрёться къ вкусу здёшней публики, который до того скроменъ и не взыскателенъ; что довольствуется одними водевилями, хотя въ немъ и проглядываеть большое расположение къ драмъ и комедіи. Не-смо-

тря однако-жъ на это, и вопреки всемъ условіямъ провинціальных сцень, онь здісь въ совершенномъ упадкв. такъ что изъ 50 или болбе виденныхъ мною представленій, въ бурному океань фарсовъ и водевилей, едва-ли мелькнули незамътно 5 — 6 драмъ, 2 — 3 комедін, и то тогда только, какъ пышная, огромнаго роста аффиша возвъщала пользу такого-то или такой-то. Удивительноартистическая смътливость!! Но отчего это? Неужели произведенія Кукольника, Полеваго, Гоголя (не говоря уже о Шиллеръ, Шекспиръ и Мольеръ), способны менъе доставить наслажденія, нежели шутливыя произведенія юной Франціи, пропущенныя сквозь тиски плохаго перевода гг. Кони, Григорьева, Перепельскаго, Соколова, и т. п.? Или это прихоть нъсколькихъ почитателей творений братьевъ Коньяръ и другихъ подобныхъ имъ писачекъ?! Или, наконецъ, неувъренность въ исполнении піесъ болье значительныхъ? Не думаю, потому-что средства орловскаго театра, несравненно обширнъе средствъ какогонибудь кочующаго изъ угла въ уголъ Россіи спекулятора антрепренера Латоцкаго, Млотковскаго, и подобныхъ. Нельзя предположить и недостатка въ сюжетахъ; хотя между ними нътъ ни Каратыгиныхъ, ни Сосницкихъ, однако-же есть много такихъ, которые могли-бы дарить орловскую публику несравненно большимъ наслаждениемъ въ драмъ и комедіи, нежели въ фарсахъ «Пикникъ въ Токсовъ» и «Сюрпризъ дочкъ»; а если-бы даже и не такъ, то, въроятно, нашлись-бы многіе, готовые посвятить себя служенію искусства скорбе подъ мудрымъ и заботливымъ кровомъ дирекціи, чамъ въ безпечномъ правленіи какого-нибудь промышленика, содержателя кіатральной артели, тімь-боліве, что дирекцію орловской трупны составляють не поклонники суеты и возмездія, какъ обыкновенно артисто-заводчики-антрепренеры, а истинные любители искусства, добровольно облекшіе себя почетнымъ званіемъ жрецовъ Таліп и Мельпомены, очень-хорошо понимающіе значеніе и главную цыь существованія театра. Отчего-же происходить эта невнимательность? Чемъ заслужили драма и комедія такую неблагосклонность? За что несуть онв гоненіе и

опалу? Принесуть-ли такую пользу необразованному, такое удовольствіе образованному свъту «Купеческая дочка» г. Соколова и «Большое восхождение» (Grande ascension à vol d'oiseaux) г. Далло, какъ «Смерть или честь!» Полеваго, «Ревизоръ» Гоголя?!! Дивлюсь... молчу.... иcomarbo! onedood armyodegdoresaw and der posteor dise

Воть актеры и актрисы орловскаго театра — достой-

ные замічанія: Дьв. Кравченко. По своему таланту, любви къ пскусству, усердію къ его изученію, голосу, наружности, по всему этому, соединенному вмъстъ, есть очень-нечастое явленіе на мало-извъстной сцень. Она занимаеть тоже самое амилуа, какое г-жа Самойлова 2-я въ С.-Петербургъ. Въ роляхъ: Гритли «Дезертеръ», Славской «Въ людяхъ ангелъ не жена», Аннеты «Комедія съ дядюшкой», Лизы «Барышня-крестьянка», Катерины Біанконелли «Молодая Дебютантка», Спротки Сусанны, Кетли и мн. др. она-nec plus ultra провинціальнаго театра! Въ роляхъ: Офеліи, Параши Сибирячки, Майко, Каролины, «Отцовское проклятіе» и Агнесы Доверстонъ — очаровательна! Сколько безумія, грусти, любви, сколько одушевленія выражается ея игрою и пъніемът замень и межатаприму синимизації»

ын потовые «Moero вы знали-ль друга? «Онъ былъ бравый молоденъ!!!»

Право, иногда въ минуты чисто-патетическаго восторга, горько даже становилось, види ее на тесныхъ нечистыхъ помосткахъ, окруженною неравнымъ ей ансамблемъ!

Г-жа Ладина. Весьма опытная актриса, съ прекраснымъ талантомъ на амплуа комическихъ старухъ, русскихъ бабъ и провинціяльныхъ барынь. При хорошей игръ, она соединяетъ истинную преданность къ искусству, обдумываетъ каждую роль, изучаетъ ся характеръ-и потому всегда разнообразна. Роли: Осклы Ослосъевны «Параша Сибирячка», Клушиной «Путаница», Марьи Ивановны «Настенька», Вдовы 14-го класса «Семейныя дъла»торжество ся таланта. Не безъ способности и къ драмъ. Совътую ей однако-жь избъгать пъвучести въ послъдней. Драма не опера: зачъмъ пъть тамъ, гав должно говоpurs? we expense on memory and a present of the and - one

Г-жа Лаврова занимаеть амилуа наивныхъ дѣвицъ. Большею частію бываеть сносна. Лучше всего играеть горничную Машу «Фортункинъ» и Настеньку. Роли: Невѣриной «Полюбовная сдѣлка», и Лизы «Л. Г. Синичкинъ» ей вовсе не кстати. Имѣетъ порядочный голосокъ, жаль только, что онъ мало обработанъ. Вообще дурно занимается изученіемъ ролей и слишкомъ застѣнчива на сценъ, не-смотря на то, что имѣетъ привычку разсматривать оттуда наряды бель-этажа.

Г-жа Красченко играетъ роли вторыхъ любовницъ и благородныхъ матерей. Безъ особеннаго таланта, но-неръдко хороша, всегда терпима. Къ чести ся должно отнести то, что она усердно предана искусству. Очень недурна въ Дивиной «Семейныя дъла», Генріэттъ «Мужъ въ каминъ», Изоръ «Домъ сумашедшихъ». Иногда играетъ

въ драмв, и большею частію успъшно.

Г-жа Соколова занимаеть тоже самое амилуа. Порядочно держится на сцень, но говорить слишкомъ громко, такъ, что слова ея жестоко деруть ухо. Поеть еще громче. Меньше крику, больше толку! Лучшими ролями ея: Вильгельмина «Сардамскій корабельный мастеръ», Ежени «Шельменко денщикъ», и Лелева «Фортункинъ».

Г-жа Кочеткова—старая актриса. Рѣдко появляется на сценѣ. Могла-бы быть сносна на амилуа сплетницъ-бабъ и драматическихъ злодъекъ, но.... увы! никакого понятія объ искусствѣ, никакой любви къ нему! Въ драмѣ—пѣвучесть, въ комедіи—тарабарство; въ томъ и другомъ—или неподвижность, или бъснованіе по сценѣ. Всего нестерпимѣе играетъ она сѣдобородаго духа въ «Чортовой мельницѣ» и магазинщицу-француженку въ «Модной лавкѣ». На прим. вмъсто monsieur, изъ варварскихъ устъ ея выметаетъ «мунціе», вмъсто reputation «репут....» или чтото похожее на рѣпу!! Словомъ, въ этой послъдней роли она также походитъ на парижскую торговку, какъ въ первой на гурію пророка! Совътую ей.... что-бы посовътовать?... Не браться за такія роли.

Г. Лавровъ—актеръ съ прекраснымъ талантомъ на роли водевильныхъ шалуновъ и любовниковъ. Играетъ: хорошо—Кукареку, Городскаго «Приключение на водахъ», Мотылькова «Анютины глазки», Прындика «Въ людяхъ ангель-не жена!» и проч.; спосно: Кн. Вътринскаго «Л. Г. Сяничкинъ», Маркиза де Лорміасъ «Записки Демона» и Маршала Басомпьера. Въ этихъ роляхъ у него недостаетъ важности и обращения высшаго круга. Несносновсъ безъ исключенія первыя драматическія роли. Конечно онъ играетъ ихъ по праву режиссерства... но развъ это право - таланть? развѣ талантъ создается правомъ? И что за охота пускаться въ трагедію, когда для этого не достаетъ ни средствъ, ни призванія? Неужели славолюбіе? Да развів артисть-комикъ и артисть-трагикъ не равно славны, не равно достойны похвалъ и уваженія? Дело не въ амплуа, а въ искусстве! При маломъ рость и слабой груди онъ могъ-бы съ успъхомъ играть Кн. Скопина, Кн. Пронскаго (Боярское слово) и т. п., еслибы говорилъ разумиње, избъгалъ иъвучести и не употребляль вт протяженном состояни буквы м, похожей на мычаніе.... Но помилуйте! что-же это за роли? ихъ играетъ Максимовъ, а г. Лаврову непремънно хочется быть на одномъ амплуа съ В. А. Каратыгинымъ! Ему подавайте-Кина, Гамлета! Шекспиръ для него тоже, что «дътская азбука»! Долго-ль понять его? - И воть, вчерашній Кукарику является сегодня Гамлетомъ.... Но довольно, довольно!... Истъ, г. Лавровъ! отъ-души совстую вамъ не браться не за свое дело, сказать Шекспиру прости, углубиться въ прозу водевилей, учить потверже куплеты, и получие пъть ихъ на сценъ!

Г. Новицкій різкій таланть на роли комических стариковь и благородных отцовь; жаль только, что мало предань своему ділу, не занимается изученіємь характеровь, и поэтому часто однообразень. Хорошь въ Архиваріусь, Дивинь «Семейныя діла», Попукаловь «Чиновникь по особымь порученіямь», Огурчиковь «Харьковскій женихь», Цирюльникь Шнапсь и мн. др. Недурень въ драматическихь роляхь отставныхь солдать.

Г. Орловъ—актеръ, хорошо знающій сцену, съ дарованіемъ на амплуа буфовъ, подьячихъ и комическихъ мужей. Лучше всего играетъ: Наумыча «Жена кавалериста», Фанфана Миньонета «Часъ въ тюрмѣ», Шпака «Шельменко деньщикъ». Иногда впадаетъ въ тривіальность и фарсы, до неистовства веселящіе раскъ и черезъ-чуръ непріятные для партера. Не мъщаетъ также пъть получше куплеты.

Г. Козловъ занимаетъ амплуа драматическихъ стариковъ п резонеровъ. Хорошъ въ Бидеръ «Дъдушка Русскаго Флота», Прохожемъ «Параша Сибирячка» и др. Играетъ всегда съ замътнымъ одушевленіемъ и страстью къ искусству; недостатокъ лишь тотъ, что, по-старости, худо владъетъ памятью.

Г. Кравченко 1-й занимаеть всевозможным амилуа и играеть безъ изъятія всё роли, что самое часто вредить неопытности актера. Наприм. Митрофанушку «Недоросль» и Робена «Записки демона» Ивана «Анютины глазки», Вихрева «Ярославскій пом'єщикъ» и — Стелло «Добрый геній», Лорда Станлея, «Отецъ и дочь»! При хорошемъ рость и фигурь, могъ-бы не безъ успъха занимать амилуа водевильныхъ јешее premiers; надобно только оставить привычку говорить слишкомъ скоро, руками рубить воздухъ и проч. Им'єть довольно-пріятный голосъ, и поеть иногда очень-недурно.

Г. Лисицыих, актеръ безъ вамъчательнаго таланта, но всегда сносенъ. Лучшимъ достоинствомъ его на сценъ— непринужденность и благородство въ обращеніи, что также не бездилица въ нашихъ провинціальныхъ артистахъ, часто произносящихъ вмъсто Принцъ— «Прынцъ», вмъсто курьеръ— «кульеръ» и т. д.! Занимаетъ амплуа водевильныхъ шалуновъ и петиметровъ. Прекрасно играетъ Юлія «Дезертеръ», Хлыстова «Ярославскій помъщикъ», Невърина «Полюбовная сдълка», Веневскаго «Путаница» и др. Умоляю его ради его-эксе пользы не браться за роли Жано-Бижу и Мирошки!

Остатокъ орловской труппы составляютъ три-четыре актрисы (гг-жи Самсонова, Краснова, д-цы Мещерская, Якубовская) и пять-шесть актеровъ (гг. Кочетковъ, Кравченко 2-й, Ладинъ, Съдовъ, Васильевъ).... но объ нихъноговорю когда-нибудь послъ, на досугъ. Теперь-же ограничусь желанісмъ успъха дъв. Мещерской и г. Кравченко 2-му. Первой (очень-недавней актрисъ) совътую оста-

вить робость, несвойственную артисткъ, второму прилежать поболъе къ искусству. При усердной любви къ нему и изучении, пророчу вмъ (особенно послъднему) усиъхъ

на театральномъ поприщъ.

Вообще театръ орловскій, при игрѣ дѣв Кравченко, г-жи Ладиной, г. Лаврова и другихъ, доставилъ миъ много удовольствія. Душевно собользную, что дирекція его такъ неблагосклонна къ драмъ и комедін! Правда, что въ труппъ ея недостаетъ актера на первыя драматическія роли, но ужели невозможно пріобрѣсть его? Мнѣ кажется, что стоитъ только пожелать, и найдутся многіе, разумъется, не великіе геніяльные таланты, но способные къ исполненію ролей значительныхъ, найдутся многіе.... Неужели одному только г. Рыбакову суждено восхищать собою снисходительный вкусъ провинціаловъ? Неужели одному только ему принадлежать провинціальные лавры? Не думаю, и поэтому усердно желаю, чтобы дирекція орловскаго театра обратила свое внимание на этотъ слишкомъ замътный недостатокъ, уничтожила свое far niente и включила въ число любимых вадъ своихъ великоду-шную драму и безвинную комедію, а при появленіи ихъ, и при совершенномъ безпристрастіп къ водевилю, подъ мудрой и благотворной эгидой правленія ея, театръ орловской далеко опередилъ-бы своихъ собратій-провинціа-AOBE!

. To The state of the state of

извъстие изъ одессы.

and the second of the second of the land

Одесскій театръ, съ началомъ театральнаго года, будетъ служить поприщемъ дъятельности четыремъ труппамъ: оперной итальянской, французской, подъ управленіемъ г-жи фришъ, бывшей примадонны-сопрано тамошняго театра, и двумъ русскимъ — старой, подъ управленіемъ г-на Рыкановскаго, и вновь-прибывшей, подъ управленіемъ г-на Мочалова (близкаго родственника знаменитаго трагика). Впрочемъ лучшіе артисты изъ труппы г-на Рыкановскаго переходятъ къ г-ну Мочалову. Судя по первому представленію, труппу сего послѣдняго очень хвалятъ. Лѣтомъ г-нъ Мочаловъ ожидаетъ къ себѣ Щепкина и И. С. Мочалова.

serupos en menore en cerces descentin no dengar de CMBCL. passaborea, no no mulio restinatante reassarest, amendendarea

er neaganearin poach appropriation, authorized continues Hersean somise recent of Padament controls adopted to

cofore contratementalist surveys opening and a

нована жиноста . Ликаниру окупнизациона и втоснор чина aming non-rivery's morrorrive. How verpannel arriver in one ny mayaonin, aponony zam'ior of obsess metabanton's ventura

Booken recrea spassically, and maple also Room estion, r-mentiatunolist. Marpeta in apprara al contrata sur manto viceous critic descent coolsharts were supported and Take Hobistonian and space in consider honoran, with

ne rearpantnoses nonpinuis

merca, ero eroura

сюжетъ для комеди. Было прелестное лътнее угро. Солнечные дучи рисовали яркія сидуэтки оконъ на паркетномъ полу маленькой гостиной, обитой красивыми обоями, на лакированномъ пол в которыхъ отражался свътъ отъ солнечныхъ лучей. На мягкой эластической кушеткъ небрежно лежала молодая женщина: роскошныя складки кисейнаго платья ея, былаго какъ сныгъ, прелестно отдыллись отъ малиновыхъ подушекъ кушетки. Она была задумчива и съ грустнымъ выражениемъ лица смотрела на розовые листки, которые изъ рукъ ея падали на паркетъ.

Мужчина лътъ 30-ти, съ сигарой во рту и закинувъ руки на спину, прохаживался взадъ и впередъ по комнатъ. По-временамъ онъ подходилъ къ окну, нетеривливо стучалъ пальцами по стеклу или гоняль мухъ, пуская на нихъ клубы табачнаго дыму. Онъ, по-видимому, былъ чемъ-то очень недоволень; онъ находился въ состояніи той нравственной летаргін, которую философы называють сномъ души; онъ хладнокровно смотрълъ на прелестные виды, которые самыми разнообразными картинами рисовались предъ домомъ; онъ также равнодушно смотрелъ на свежую зелень и на веселое, свътлое небо, какъ-бы предъ окнами его находился узкій. мрачный, сырой переулокъ. Пройдя разъ двадцать взадъ и впередъ по комнатъ, онъ какъ-бы нечаянно остановился предъ молодой женщиной.

- О чемъ ты задумалась, Катинька? спросилъ онъ.
- Мив скучно, Павелъ! отвъчала она.

Смись 269

Павель Ивановичъ посмотрълъ съ удивленіемъ на жену свою. Ифжный голось ея нашель отголосокь въглубинь дуни его-и онъ скучалъ. Однакожъ отвътъ жены такъ поразиль его, что онь не зналь, что отвечать, бросиль сигару въ песочницу, закурилъ другую, не смотря на то, что Едкій табачный дымъ начиналъ уже щипать языкъ его, и опять сталь прохаживаться,

Но молчание становилось несноснымъ; чтобы выдти наконецъ изъ непріятнаго положенія, Павелъ Ивановичъ подошель въ жень, съль возлъ нея и спросиль съ участіемь:

- Но скажи, дружокъ, о чемъ скучаешь ты?

- Не знаю. Мив все надовло. Скажи, Павель, ты не разсердишься, если я тебъ скажу правду.

Говори смѣло!
Извини, другъ мой, но... я думаю... мнѣ кажется... что... что я люблю тебя меньше прежняго, - и она опустила глазки и разорвала последній, оставшійся у нея въ рукахъ

розовый листокъ, на-двое.

- Признаться-ли тебъ, Катинька? сказалъ послъ минутнаго молчанія мужъ: я давно скрываю отъ тебя то, что лежить у меня на сердив... но, послв откровеннаго признанія твоего, я долженъ открыть тебъ душу свою. Миъ кажется... я думаю... что съ моею любовію сделалось тоже, что и съ твоею... она очень простыла!

Это признаніе произвело весьма непріятное впечатл'яніе на молодую жену; она надыялась, что поразить, приведеть въ отчаяніе мужа своею откровенностью, а между-тьмъ онъ даже сделался спокойнее. Впрочемъ и она тотчасъ-же утеши-

лась и сказала спокойнымъ голосомъ:

- Тѣмъ лучше, Павелъ Ивановичъ. Миѣ-бы очень прискорбно было, еслибъ измѣненіе моихъ къ тебѣ чувствованій тебя огорчило. Теперь мы оба можемъ быть спокойны. Но скажи, ради Бога, почему пламенная любовь наша такъ ско-

- Для меня это очень-понятно, возразиль мужъ: когда я, преодол'євь множество препятствій, испросиль наконець согласіе отца твоего на нашъ бракъ, то мы рѣшились жить только другъ для друга, вдали отъ свъта, въ уединеніи и тишинь, въ прелестномъ помъсть моемъ. Мы сдержали слово: три мъсяца сряду любили мы другъ друга и вполив насладились тымь блаженствомь, которое существуеть только во взаимной любви... но вдругъ пробудились мы отъ этого сладкаго сна, и поэзія жизни нашей покинула насъ, осталась одна существенность, сухая, холодная! Намъ надовла эта однообразная жизнь и даже... взаимная нежность наша. Давно уже мы спрашиваемъ себя въ душе: точно-ли я еще люблю?

- Но что-же туть дѣлать?

— Да, что дълать?

— Перемѣнить вашъ образъ жизни, сказала вошедшая Анна Степановна, тетушка Павла Ивановича: вы должны воротиться въ свѣтъ, переѣхать въ столицу. Но прежде всего пусть каждый изъ васъ дастъ себѣ самому отчетъ о чувствованіяхъ вашихъ другъ къ другу.

Мужъ и жена молча посмотрели другъ на друга. Наконецъ

Павелъ Ивановичъ сказалъ пресерьезно:

Право, Катинька, я тебя больше не люблю!

 — А я къ тебѣ совершенно равнодушна, возразила она весело.

Прекрасно, сказала тетушка, невольно улыбаясь комической торжественности этой сцены: перевзжайте въ Петербургъ, живите только дружно и старайтесь въ столичныхъ удовольствіяхъ прогнать сплинъ, овладъвшій вами.

Предложение тетушки было принято съ радостию.

Недьлю спустя, мужъ, жена и тетушка прогуливались по

великольнной квартирь, въ большой Морской.

Наступила осень. Дачи опустыли. Везды дылались приготовленія къ обыдамъ, баламъ, soirées и концертамъ. Возвращеніе Павла Ивановича и супруги его надылало шуму, хотя настоящая причина этого никому не была извыстна.

Свидъвшись съ знакомыми, друзьями, товарищами холостой жизни своей, Павелъ Ивановичъ былъ въ восторгъ. Съ объда бъжалъ онъ въ театръ, изъ театра въ концертъ; а жена его, при видъ новаго прелестнаго бальнаго наряда, прыгала отъ радости, какъ 15-ти-лътняя дъвушка, только-что вышедшая изъ пансіона.

У князя * быль баль. Ощущеній Павла Ивановича и жены его описать нельзя, когда они вошли въ великол'єпную залу, ярко осв'єщенную и усыпанную пестрыми, граціозны-

ми группами.

Навлу Ивановичу казалось, что всё дамы, бывшія на балу, были прелестны, очаровательны; его ослепляль блескь бризліантовь, алмазовь и другихь драгоценных в камней, которыми усыпаны были наряды цариць этого великолепнаго празднества. Вдругь глаза его обратились на Катиньку. Она очень-ласково разговаривала съ ловкимъ молодымъ гвардейСмись

скимъ офицеромъ, весьма красивой наружности. Нельвя описать того, что произошло въ это время въ душъ бъднаго мужа; огонь пробъжаль по всъмъ жиламъ его, руки сулорожно сжались и какъ-бы искали оружія, чтобы наказать дерзновеннаго, который осмъдивался разговаривать съ его Катинькой!

- Какъ онъ смъстъ! думалъ Павелъ Ивановичъ... онъ береть ее за руку... они танцують вмъсть... дерзкій!... И онъ саблалъ невольное движение, которымъ чуть не выбилъ изъ рукъ слуги подносъ съ лимонадомъ. Это его несколько поуспокоило, онъ даже улыбнулся, нечаянно взглянувъ на одну отцеттично деву, которая, принявъ эту улыбку въ свою
- пользу, отвѣчала ему тѣмъ-же.
   Что мнѣ сердиться, продолжалъ разсуждать про-себя
  Павелъ Ивановичъ: зачѣмъ ревновать? Тѣмъ-болѣе, что она меня уже не любить, да и я... я ее люблю, чорть возьми!...

Еслибъ Павелъ Ивановичъ говорилъ вслухъ, то ужъ, навърное, онъ не сказалъ-бы последнихъ словъ. Онъ. можетъбыть, замѣнилъ-бы ихъ другимъ, однозначащимъ, но болѣе приличнымъвыраженіемъ: « que le diable m'emporte » или чъмъ-нибудь подобнымъ, но тутъ онъ думалъ и думая сердился, и потому, волею или неволей, у него вырвалось: « чорть возьми »!

Съ той минуты, какъ онъ поняль, что любить свою Катиньку болве чемъ когда-либо, балъ потеряль для него всю свою прелесть; онъ мучился, страдаль во все время, какъ жена его танцовала съ гвардейскимъ офицеромъ; предестныя, веселенькія, улыбающіяся личики, которыми онъ за нъсколько минуть такъ восхищался, казались ему теперь отвратительными масками, изъ-за которыхъ выглядывали бабдныя. насмѣшливыя лица; очаровательныя танцовщицы потеряли въ глазахъ его всю свою прелесть, всю грацію. Съ боязнію и стъсненнымъ сердцемъ ожидалъ онъ окончанія бала, и потомъ поспѣшно усадилъ въ карету жену, исполненную радости и восторга.

Дома Павелъ Ивановичъ холодно пожелалъ ей спокойной ночи и пошель къ тетушкъ, единственной повъренной своей.

- Тетушка, милая тетушка, я ужасно несчастливъ! вскричать оно община в пред в по в пред в
- Что съ тобой?
  - Ахъ! я и самъ не знаю.
- TOTAL TOTAL TOTAL ACTION - Павелъ, ради Бога, не пугай меня! говори скоръй, что съ тобой сдълалось?

- Такъ и быть, тетушка, я вамъ все скажу. Только пожалуста, не смъйтесь надо мною. Я... я ревную!
  - Ревнуешь!... Возможно-ли?
- Да, тетушка; на балу столько молодыхъ людей окружали жену мою, и особенно одинъ... о! я готовъ вызвать его на дуэль!
  - Да развѣ ты еще любишь Катиньку?
- Люблю-ли? Обожаю! Больше чёмъ когда-либо, и чувствую, что я безъ ея любви жить не могу!

Тетушка лукаво улыбнулась и, утѣшивъ племянника, сказала ему:

 Не отчаявайся, а лучше послѣдуй моему совѣту. Повѣрь мнѣ, все это къ лучшему.

Недѣлю спустя Павель Ивановичь быль опять съ женою на балу; но въ этоть разъ онь приняль на себя чрезвычайно-трудную роль. Не-смотря на то, онь имѣль довольно твердости духа, чтобы до конца послѣдовать совѣту тетушки. Онъ притворился веселымъ и, нисколько не заботясь о женѣ, ухаживаль за молоденькою и прехорошенькою вдовой.

Мало-по-малу Павелъ Ивановичъ, увлеченный живымъ, веселымъ разговоромъ вдовушки, забылся и почти не отходилъ отъ нея, такъ-что къ концу кадрили она уже считала его пламеннъйшимъ поклонникомъ своимъ. Болъе всего воодушевляло его то, что онъ примътилъ, какими ревнивыми взглядами наблюдала за нимъ Катинька, и онъ ясно видълъ, что цъль его была достигнута... она ревновала!

Павлу Ивановичу много труда стоило, чтобы удержаться и не расцёловать жену свою: такъ блаженство его было велико! Онъ по опыту узналъ, что ревновать — значитъ любить!

Когда они ѣхали домой, то онъ замѣтилъ на прелестныхъ глазахъ ея слезы .. однакожъ онъ и тутъ еще удержался, потому-что прежде всего онъ хотѣлъ увѣриться въ торжествѣ своемъ.

На следующій день Павель Ивановичь, Катинька и тетушка сидели за чайнымь столикомь. Всё молчали и были вадумчивы; замётно было, что всё заняты одною мыслію, которую боялись обнаружить. Вдругъ Катинька, съ трудомъ удерживавшая доселё волненіе свое, залилась слевами и бросилась обнимать мужа.

 Что съ тобою, Катинька? спросила тетушка съ хитростію, свойственною всемъ умнымъ старушкамъ. Смъсъ 273

 О, не спращивайте, вскричалъ Павелъ Ивановичъ, осыпая жену поцълуями: не спращивайте, тетушка, и простите намъ дътскія капризы наши!

— Събдовательно ты зналь, что я ревную? спросила Катинька простодушно, взглянувъ на мужа сквозь слезы, блестъвшія на глазахь ея.

Душка моя, я ревновать не мене тебя, возразиль онъ.
 И я познакомился съ этой ужасной страстію! Ты меня строго наказала. Какъ-же могла ты поверить, чтобы я когда-либо могъ разлюбить тебя?

- Последнія слова исполнили Катиньку радостію; она веседо вскочила и вскричала:

О! воротимся въ наше мирное, уединенное помъстье!

— Не торопитесь! сказала тегушка: останьтесь-ка лучше еще въ столицъ и не отдавайтесь на волю тому нъжному чувству, которое теперь вами овладъло. Въ уединении вы опять станете скучать и едълаетесь равнодушны другъ къ другу. Вы только тогда поймете цъну вашего счастія, когда отъ-времени-до-времени приличія и требованія свъта будуть разлучать васъ.

женихъ въ шкафу. Следующій анекдоть можеть послужить сюжетомь для водевиля или комедіи—стоить только прибавить несколько романическихъ приключеній и украсить его некоторыми занимательными подробностями и остротами. Мы-же ограничимся темъ, что представимъ одни факты, во всей ихъ исторической простоть.

Произымъ зѣтомъ г. Јеопольдъ Б..., путешествуя для удовольствія своего по Швейцаріи, встрѣтилъ въ Унтерлахенѣ г. и г-жу С..., которые, также какъ и онъ, оставили Парижъ, чтобы познакомиться съ классической страной озеръ и горъ, прекрасной родиной Вильгельма Телля, съ которымъ познакомила ихъ музыка Россини. Они позавтракали въ одной залѣ Отель-Бельведеръ; въ одно время пошли осматривать замокъ; сошлись опять на Тунскомъ и на Брізнискомъ озерахъ и на горѣ Хохбюль. Такимъ образомъ они мало-помалу сблизились, да и не могло быть иначе. Г. и г-жа С. и г. Леопольдъ составляли самое прекрасное тріо.

Едва-ли можно было встрътить во всей Швейцаріи такую прелестную женщину, какова была г-жа С.... Высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазками, она обладала тъмъ живымъ и остроумнымъ кокетствомъ, которому вліяніе

274 Смпьсь

озеръ и ледяныхъ торъ придаетъ иногда и вчто томное, сан-

Г. С.... быль более положителень. Онь быль отставной полковникь, съ твердымь и решительнымы характеромы, который ясно проявлялся въ высокомы росте его, строгомы, почти суровомы, выражении лица, увеличивавшемся еще более густыми, длинными усами съ проседью.

Что-же касается до г. Леопольда, то представьте себѣ 30-титетняго dandy, маленькаго, полнаго, румянаго, тщательно причесаннаго, од таго съ изысканностю и перемънявшаго ява раза въ день костюмъ свой; путешествующаго по Швейпаріи въ лакированныхъ ботинкахъ и жолтыхъ перчаткахъ; безпрестанно жалующагося на холодъ, жаръ или усталость и на то, что не можеть въбхать на Юнгфрау или на Монъ-Бланъ въ превосходной дорожной коляскъ своей. Поговоривъ четверть часа съ г. Леопольдомъ, вы-бъ узнали его такъ коротко, какъ будто знакомы съ нимъ десять леть. Онъ былъ очень-мило нескроменъ на-счеть своихъ личныхъ достоинствъ и въ особенности на-счетъ богатства своего, которымъ онъ любиль похвастать. У него было 50,000 ливровъ върнаго, чистаго дохода. За-то надобно было посмотръть, какъ все ему удавалось! Маменьки, у которыхъ были дочки-невъсты, увивались около него; д'ввицы, чтобы понравиться ему, играли блестящія и твердо-заученныя сонаты или п'ели н'ежные романсы. Но все было напрасно: холостая жизнь была еще такъ дорога г. Леопольду, что онъ не решался [променять ее на цепи гименея. Не ранее, какъ въ 40 летъ решусь я составить счастіе какой-нибудь дівушки, говориль онъ: да и то съ тъмъ условіемъ, чтобы приданое ея, по-крайнеймъръ, равнялось моимъ доходамъ,

Г-жа С..., попяла Леопольда и съ своей стороны произведа сильное впечата в на путешествовавшаго денди. Только характеръ мужа ся безпокоилъ его. Слушая разсказы полковника и смотря на него, жаръ Леопольда часто остываль; онъ, можетъ-быть, и совершенно отказался-бы отъ нам вренія овлад в сердцемъ прелестной Парижанки, еслибъ она сама не подала ему и вкоторую надежду.

По окончанія путешествія, когда Леопольдъ прощакся съ г. и г-жею С...., они просили его, чтобы онь ихъ навъстиль въ Парижъ.

 Тамъ ожидаетъ меня счастіе, думаль девди: тамъ я пожну то, что посъяль въ Швейцаріи! Смпьсь 275

И точно, путешественники наши сошлись зимой на одномъ изъ парижскихъ баловъ, и съ тѣхъ-поръ Леопольдъ и г-жа С.... видѣлись каждую недълю одинъ, а иногда и два раза. Но мужъ, страшный и грозный, былъ всегда тутъ, хотя никогда не запрещалъ женѣ танцовать, даже вальсировать съ черезъ-чуръ любезнымъ денди. Вскорѣ появилось на сцену новое лицо-сестра г-жи С...., М-lle Доротея, прелестная, молоденькая дѣвушка, но отъ которой удалялись, послѣ первыхъ попытокъ, всѣ поклонники, по весьма-понятной причинъ.... у нея не было ни копъйки приданаго.

Г. Леопольдъ обращалъ мало вниманія на прелести молодой дівушки; онъ разговаривалъ съ нею только изъ приличія, между-тімь-какъ все вниманіе, всі угожденія, всі умственныя и душевныя силы его принадлежали г-жі С..., которая, наконецъ, позволила ему являться къ ней въ ті часы; когда она бывала одна.

Туть начинается драма. при за даторания взоп жения --

При второмъ посъщени Леопольда, въ то самое время, когда онъ словами и фразами, взятыми на-прокать изъ лучшихъ романовъ, описывалъ г-жъ С.... пламенную любовь свою, раздался звонъ колокольчика.

О, ужасъ! г-жа С.... не ожидала такъ рано грознаго супруга своего! А это онъ, точно онъ.

- - Спрячьтесь! сказала она, испуганная.

— За-чёмъ-же, сударыня? возразиль Леопольдъ: супругъ вашъ можетъ счесть посъщение мое нескромнымъ, но не преступнымъ

- Вы его не внаете! Онъ уже имбеть подозрвніе на вась, ужасное подозрвніе!... Онъ запретиль мив принимать вась, и если онъ вась здвсь застанеть, то можеть убить вась въ первую минуту гивва. О! вы его не знаете! Онъ ужасный человвкъ!

- Денди побладнать и задрожаль.

- Пройдите въ маленькую гостиную, сказала г-жа С.... и спрячьтесь сюда!
- Какъ сюда? Въ этотъ шкафъ? Да помилуйте, если...
- п Ни слова, или мы оба погибли!ком, длядотоп двоследо

Дверь шкафа захлопнулась передъ несчастнымъ обольстителемъ. Въ тоже мгновение мужъ вошелъ въ гостиную; ва нимъ следовала Доротея. Хотя г. С.... и не быль одаренъ особенною проницательностию, однакожъ вамешательство молодой девушки не скрылось отъ него. Онъ посмотрелъ на жену.... она была совершенно спокойна. Г. С.... опять по-

смотрыв на сестру жены своей и вдругь замычив въ углу, на стуль, мужекую шляпу ат то положно стиложност лен

- Кто забеь? спросиль мужъ, едва удерживаясь отъ бъ-Но мужа, отранивным и грозный, быль всегта тугк, .автэныш

- Никого ивть, отвъчала г-жа С.... съ спокойнымъ виsepons-uyth modesuning semm, Henous monumers no come
- Какъ, никого? А эта шляна?
- Она разви не ваша? потом и по он далината водаления
- Ага! закричаль наконець г. С... грознымъ голосомъ: я очень-хорошо зналь, что вы что-то оть меня скрываете! Но я открою все и тогда трепещите! Трепещите, говорю вамъ! проревьль обиженный мужъ, и пустился объискивать всъ The nomest-durations are recognized, with recognized the relative

Шкафъ открылся.... и денди, смущенный, бледный, трепещущій, съ жалкимъ выраженіемъ лица, смотрель на отставнаго полковника и произнесъ едва слышнымъ голосомъ:

- Могу васъ увърить, сударь, что не-смотря на нару-MINI PROPERTY THE PROPERTY ACCOUNTS IN CAMBOO STORES AND ASSESSMENT AND ASSESSMENT AND ASSESSMENT AND ASSESSMENT AND ASSESSMENT AND ASSESSMENT ASSESSMENT

Онъ не могь договорить, мужъ сдавилъ ему горло, и вытащивъ его изъ шкафа, прокричалъ:

- Могу васъ увърить, сударь, что я васъ сей-часъ выки-

Г-жа С.... хотела вмешаться въ дело, но тогда весь гневъ полковника обратился на нее, и Богъ знаеть, что-бы случилось, если-бъ М-не Доротея не сказала оскорбленному суnpyry: armagromated too emphation arears alosson anna

- Я не потерилю, чтобы вы обвиняли сестрицу; она не знала, что г. Леопольдъ здесь, потому-что я приняла его:

После этихъ словъ гиввъ мужа внезапно утихъ и г. Леопольдъ съ удовольствіемъ подтвердиль, слова молодой дівушки, чтобы только какъ-нибудь выпутаться изъ беды.

Между-тымь долгь чести повельваль ему спасти доброе имя молодой девушки, которую онъ окомпрометироваль следственно неизбежный результать этого дела быль бракъ г. Леопольда съ M-lle Доротеей. CHURUSTECH CHURU

Нечего было делать! Денди покорился судьбё, и такимъ образомъ потерялъ десять дътъ холостой жизни и приданное, на которое онъ надъялся. постиноския верхи привы

тайна. Г. В..., проходя около 11-го часу угра возл'в Царицына луга, увидълъ жену свою, торопившуюся куда-то, не смогря на то, что, когда онъ выходиль со двора, она сказала, что чувствуетъ себя несовствъ здоровой и останется

Смись 277

— Ей, въроятно, легче, подумалъ добрый мужъ.

Г-жа В... была, вопреки обыкновенію своему, одёта оченьпросто. На ней была старая лисья шуба и черная бархатная шлянка съ опущеннымъ вуалемъ. Только опытный глазъ, ваоръ орла или мужа, могъ узнать г-жу В... въ этомъ простомъ костюмъ.

- Мић кочется посмотръть, куда она идеть, подумаль г. В...: въроятно въ Лътній садъ. Однако исть, въ теперешнее время это невъроятно... А! понимаю: она идеть въ магазинъ; видно кочеть что-нибудь купить. Пойду за нею, это подасть мић случай сделать ей какой-нибудь подарочекъ.

Вы видите, что г. В... прекрасный, рыдкій мужъ. Онъ въ почтительномъ разстояніи следоваль за женою, но вдругъ

остановился зона листо тамая пинав ди много отвергавайи во

— Ахъ, въ-самомъ-дълъ! подумалъ онъ: послъ завтра мои имянины... можетъ-быть, жена хочетъ мнъ сдълать какойнибудь сюрпризъ? Гръшно было-бы разстроить планы ея...

Добрый мужъ хотвль уже идти въ другую сторону, какъ вдругъ увидвлъ, что жена его, пройдя Царицынъ лугъ, наняла извощика и повхала къ Невъ.

— Странно, подумаль онъ опять: я и забыль, что вдёсь никакихъ магазиновъ нёть!... Куда-же это она поёхала? Видно далеко, коли извощика наняла.

Какое-то смутное безпокойство вкралось въ душу г. В... Онъ немедленно нанялъ другаго извощика и последовалъ за женою черезъ Неву, на Выборгскую сторону. Хоть г. В... и очень простодушенъ, однако-же онъ тотчасъ понялъ, что тамъ не было никакихъ магазиновъ и что поведение жены его имъло въ себъ что-то таинственное. Тутъ въ головъ его стали кружиться самыя неутъщительныя догадки.

Наконець сани въбхали въ узенькую улицу и остановились передъ старымъ деревяннымъ домикомъ, углубившимся въ землю. Г. В... велетъ остановиться своему извощику въ некоторомъ отдалени отъ этого таинственнаго дома, и дрожа всеми членами, отправился къ нему. Въ глазахъ у него потемнело, въ ушахъ шумело, ноги подгибались, словомъ г. В.. самъ не зналъ, на что решиться; онъ даже хотелъ воротиться назадъ. Но, преодолевъ наконецъ трусость свою и поднявъ голову, онъ твердо направился къ дому, возлё котораго стоялъ еще извощикъ, привезщій жену его.

Калитка у вороть была такъ низка, что сбила съ головы г. В... шляпу. Это показалось ему дурнымъ предзнаменованіемъ; однако нельзя было отстунать и онъ толкнулъ старую 278 Cambon

дверь, обитую войлокомъ, и когда паръ, вывалившійся изъ теплой комнаты, разсъялся, то онь увидель... Знаете-ли, что впосто. Ид-ней была старал чесья шеба и веблийкийу жно

Жена его сидъла на старомъ диванчикъ возлъ какой-то опрятной, но весьма-некрасивой старушки, которая держала въ своихъ жилистыхъ, сморщенныхъ рукахъ бъленькую ручку свътской женщины. Передъ диваномъ, на столикъ, нокрытомъ старой, полинявшей красной чайной салфеткой, лежала колода старыхъ карть. Съ перваго взгляду г. В... поняль все дело: жена его пришла къ ворожев съ просьбой, чтобы она ей погадала. Бъдный мужъ, страшившійся гораздо худшаго, очень радъ быль, что дело приняло этотъ обо-DOTE: OH JOHNS OF TRANSPORTS SHEETS OF TRANSPORT

Съ нѣкотораго времени наши дамы стали посѣщать этихъ хитрыхъ старухъ, гивздящихся въ отдаленивинихъ закоулкахъ столицы. И бъдные мужья, которые подобно г. В... не видять ничего дурнаго въ этихъ гаданіяхъ, очень ошибаются.

Въ причинахъ, побуждающихъ женщинъ къ любонытству, есть всегда грешокъ. Женщина, которая довольна своей судьбою не станетъ распранивать гадальщицъ. Къ тому-же вредъ какого-нибудь неосторожнаго предсказанія невыразимъ. Скажите сами, Mesdames, если ворожея предскажеть вамъ върное паденіе, то будете-ли вы въ силахъ защищаться, когда настанетъ минута опасности?-Суждено! скажете вы... One description appliant approach instrument a noterioraxy

поэтъ и министръ. Между всеми норвежскими писателями Вессель особенно отличается легкостью, игривостью слога, природною веселостью и умомъ, чрезвычайно забавнымъ. Трагелія его Амурт безт чулковт есть маленькая пародія, которая по легкости формъ и наивности подробностей имьла большой успьхълатов на истана нико выбрани

Весселю было 40 леть, когда онь умерь. Эпитафія, которую онъ самъ себъ сочинилъ, болъе прилична пьяницъ, чъмъ поэту: «Онъ пиль, влъ и никогда не быль доволенъ. Кривилъ каблуки сапоговъ своихъ, жилъ и умеръ, не безпокоясь HU OF TENENTS . . THE STREET HOLD HOLD THE STREET AND THE CONTRACT OF THE STREET

О немъ разсказываютъ следующій анекдоть:

Однажды Вессель быль еще бъднъе обыкновеннаго, и одинь изъ друзей его, совътникъ Борнеманъ, посовътоваль ему сходить къ министру. Гульдбергу. от выстанта

- Онъ человъкъ просвъщенный, сказалъ совътникъ поэту: приметь въ тебь участіе и, можеть-быть, дасть тебь выподное мъстечко спо и этантично плей взави одина занаји

- Я-бъ охотно пошель къ нему, сказалъ Вессель, недовольный тымь, что обстоятельства вынуждали его выдти изъ обычной апатіи: но у меня нътъ порядочныхъ брюкъ.
  - Это не бъда! я одолжу тебъ свои.
  - Спасибо! но у меня истъ парика.
- Я одолжу тебь парикъ. В тилов сият отр-гистия -

Принарядившись въ чужой костюмъ, Вессель явился къ министру.

- Ваше превосходительство, сказаль онъ: я ищу мъста, гді-бъ мий было мало діла и много доходу.
  — Это трудненько, отвічаль министрь: но для такого со-
- вътника, каковъ г. Борнеманъ, мы можемъ это саблать.

Поэть, замѣтивъ, что превосходительный принималь его за совътника, обрадовадся этому случаю и, надвинувъ парикъ на глаза, продолжалъ:

- на глаза, продолжаль:

   Ваше превосходительство, счастіе мое такъ велико, что мив даже не вврится... удинави и ватаки выполен візначать.
- Но ведь я даль вамь слово...
- Конечно! но я боюсь, чтобы вы не передумали.
- Такъ я сейчасъ готовъ вынознить объщание мое.
- 0, вы это не саблаете. Ст. от о въссия минеция.
- -а- Кто запретить мив?... для чно невдили атпибиларов по-
  - Не я! Въ этомъ вы можете быть увърены.
- Хорошо-же! г. Борнеманъ, я назначаю васъ сегодня-же вице-директоромъ таможень въ Копенгатенъ.
- Позвольте, ваше превосходительство, вы назначаете не меня... Я не советникъ Борнеманъ, но поэтъ Вессель, и съ этими словами онъ снялъ парикъ и спряталь его въ карманъ. Министръ разсмъялся.
- Что-же вы прежде не говорили, сказаль онъ: г. Вессель, съ этой минуты вы считаетесь моимъ секретаремъ.

три привидения. Въ Г...ской губерніи богатый помізщикъ В. даваль баль, на который были приглашены всё офицеры гусарскаго полка, стольшаго въ соседнемъ городке.

Балъ вполи соотвытствоваль богатству помыщика. Между прочими събхавшимися гостями, военными и статскими, быль гусарскій ротинстрь О., переведенный изъ гвардін въ армію и славившійся отчаянною храбростью своею. По окончаніи бала, гостей, остававшихся ночевать, разм'єстили по всему дому и, по забывчивости-ли или по другимъ обстоятельствамъ, случилось, что О-у не было мъста, - Извините, говориль старый, суеверный хозяинь, вёрившій въ преданія: въ одномъ флигель дома моего есть комнатка съ кроватью, но ... я ни зачто въ свъть не захочу помъстить вась тамь, о, ни за-что!

- Почему-же? спросиль ротмистръ, съ любопытствомъ.

- Потому-что тамъ водятся домовые, сказалъ въ полголо-

са и осматриваясь со страхомъ помѣщикъ.

— Только-то, возразилъ гусаръ, засмѣявшись: велите-жъ скорфе проводить меня въ ту комнату, - я домовыхъ не боюсь. Ха! ха! ха!

Желаніе ротмистра было исполнено. Хозяинъ самъ прово-

диль его до дверей, а потомъ удалился.

Гусаръ легъ въ постель, положивъ предъ собою на маленькомъ столикъ два заряженные пистолета и, не гася свъчей, спокойно уснуль. Но не прошло часу, какъ вдругъ его разбудила громкая музыка; осматриваясь, онъ увидыть въ глубин' комнаты трехъ женщинъ, одътыхъ въ какія-то фантастическія зеленыя платья и півшихъ надгробную піснь за упокой души ротмистра О., который однакожъ этимъ нисколько не смутился, а напротивъ съ удовольствіемъ слушаль хотя мрачное, но пріятное пініе.

- Сударыни, сказаль онъ: вы поете прекрасно, но нельзяли переменить напевь; онъ мне начинаеть издобдать. Нель-

вя-ли? Я буду вамъ очень благодаренъ.

Женщины продолжали паніе свое.

- Спойте, пожалуйста, что-нибудь другое!

Паніе продолжалось.

- Сударыни, сказаль ротмистръ нетеривливо: вы хотвли испугать меня, но это вамъ не удалось; а потому бросьте, пожалуйста, эту шутку: она можеть имьть дурныя последствія, и онъ схватиль пистолеты.

Женщины продолжали пъть заунывное «Упокой, Господи»! - Не пеняйте-жъ на меня, сударыни, сказалъ ротмистръ взводя курки: я подожду пять минуть, а потомъ выстредю.

Пять минуть прошло.

. - Вы не перестаете? Хорошо-же, я сосчитаю до 20 и когда скажу посавднее число, тогда... и ротмистръ принялся считать: 18 и 19 было произнесено имъ весьма протяжно и съ большими разстановками, во время которыхъ онъ не переставаль уверять певиць, что пистолеты заряжены пулями. пі Паніе продолжалось.

- Двадиать! вскричаль наконень гусарь и... не выстрыдиль, а напротивъ положилъ пистолеты на столъ и смело Смъсь 281

пошель къ таинственнымъ пѣвицамъ, съ намѣреніемъ заставить ихъ дорого заплатить за то, что онъ считаль шуткой.

Въ посившности, съ которою онъ бъжаль къ нинь, ротмистръ больно ударился лбомъ о большое зеркало и отскочилъ...

Таинственныя женщины продолжали пѣть, но вмѣстѣ съ твиъ раздался громкій смѣхъ.

Ротинстръ съ ужасомъ увидълъ, что півним находились за нимъ. Онъ оглянулся... все изчезло и глубокій мракъ окружиль его. Тутъ онъ не на шутку струсиль и слідовательно не могъ растолковать себі причинъ этого явленія, которыя были очень просты: три півним находились въ соейдней комнать и образь ихъ отражался въ комнату ротмистра, дійствіемъ вогнутаго зеркала.

Вскор в хозяинъ съ некоторыми гостьми вошелъ въ комнату ротмистра, который, когда ему разсказали все дело, очень смендел.... отъ души-ли?

музыкальныя сосъдства. Некто изъ пріятелей моихъ, молодой художникъ, прибежаль ко мий на дняхъ.—Вообрази, воскликнулъ онъ съ отчанніемъ, какое несчастіе! Ты знаешь, какъ и страстно люблю музыку и какъ и радовался, когда перебхавъ на новую квартиру, узналь, что возлѣ меня будетъ жить наша милая певица Н .. Я съ нетерийніемъ ожидаль возвращенія ен изъ Москвы ... вчера она воротилась и, весьма недовольная сырой квартирой, которую для нея наняли, она немедленно перебхала!—Я засмёнлся, и чтобы утёшить опечаленнаго пріятеля, разсказаль ему слёдующіе анекдоты:

Г. И. жиль стена объ стену съ театральнымъ басистомъ С. Мив надобно было по какому-то двлу сходить къ г. И., но къ удивленю моему узнаю, что онъ вывхалъ съ квартиры, которой удобства онъ не переставалъ выхвалять всъмъ знакомымъ своимъ. Помилуйте, вскричалъ И., когда я спросиль его о причинъ столь скорой перемвны квартиры: съ техъ поръ какъ С. сделался соседомъ моимъ, мив тамъ житъя не было! Этотъ человекъ—басъ убивалъ меня визически и морально. Вообразите, у него несчастная привычка пёть по вечерамъ. И какъ еще! Онъ проходитъ весь свой репертуаръ. Я узналъ, что какой-то итальянскій врачь посоветоваль ему это дёлать, потому-что органы более гибки при телесномъ спокойствіи. И воть, лежа въ кровати, опустивъ голову на три мягкія подушки, распеваеть онъ аріи Мо-

282 Смъсь

царта и Россини. Вы знаете, что и охотите занимаюсь по ночамъ, а тутъ я ръшительно ничего дълать не могъ: по временамъ мной овладъвало отчанніе, я готовъ быль убить себя, сосъда, всъхъ!... Какъ послъ этого не переъхать? Да я-бы готовъ быль бъжать отъ С. на край свъта!...

- Молодой иностранецъ прибылъ въ первый разъ въ Парижъ, столицу модъ и любовныхъ приключеній. Три дня прошло и молодой человъкъ крайне удивлялся, что съ нимъ не приключилось еще ни одной авантюры. Наконецъ онъ однажды слышить, что въ комнать, отдылявшейся отъ нанятой имъ квартиры только запертыми дверьми, кто-то поетъ. То быль предестный, мелодическій женскій голосокъ.-Върно туть живеть какая-нибудь знаменитая півица, подумаль молодой человъкъ: нельзя-ли съ нею познакомиться?-Въ тоже мгновеніе кто-то опять запіль, но уже густымь басомь.-Гмъ! подумалъ опять молодой иностранецъ: досадно! Кажись. у пъвщим есть пъвець; но все равно, я долженъ съ нею познакомиться.-Съ этой минуты, онъ сталъ присматривать, не уйдеть-ли певецъ. Несколько времени спустя вышель молодой человькъ съ чорными бакенбартами и весьма красивой наружности.-Прекрасно! сказалъ иностранецъ: теперь она одна; отправляюсь къ ней безъ церемоніи.-Онъ вощель въ соседнюю квартиру и засталь тамь одного слугу.-Дома барыня? спросиль онь. И аппали након вшки атпа в спроси
- Какая барыня? отвічаль съ удивленіемь слуга. Здісь барыни никакой четъ! и подва выплачани визова, и толь

- Что ты врешь! Я самъ слышалъ, какъ она пъла.

Слуга засменлен. Соседъ молодаго иностранца быль никтоиной, какъ тотъ знаменитый певецъ, который однажды въ Италів, за бользнію примадонны, пропыль съ удивительнымъ успъхомъ всю партію ея-словомъ, это быль Тамбирини.

- Когда России сочинять въ Парижѣ новую оперу свою «Графъ Ори», то у него быль сосёдь, который цёлый день, а иногда и по ночамъ, самымъ отчаяннымъ образомъ игралъ на фортеньяно. Наконецъ Россини вышель изъ теривнія и отправился къ незнакомому сосъду, прося его уступить ему маленькую квартирку. От годо-дайновое стого полад он ват

- Я даю вамъ 200 франковъ и недълю сроку, но съ тъмъ условіемъ, чтобы во все это время вы не дотрогивались до вашего фортеньяно, сказаль Россини. от делику В жерут

Соседь быль бедный студенть, а потому съ радостію приняль предложение маэстро. Три дня сряду продолжалось пріятивищая для композитора тишина, однакожь на четвертый Ku. V. - 36.

Смъсъ 283

день студенть пуще прежняго сталь барабанить по своему фортеньяно. Россини разсердился, немедленно побъжаль къ сосъду и напомниль ему объ условіи, между ними заключенномь.

— Она воротилась! воротилась! кричалъ молодой человѣкъ. Возьмите назадъ ваши 200 франковъ, я не хочу выѣзжать отсюда, потому-что напротивъ живетъ хорошенькая дѣвушка, которая подходитъ къ окну, каждый разъ, какъ я заиграю!

Россини увидёль, что туть было нечего дёлать, но чтобы хотя нёсколько облегчить музыкальное мученіе, онь упросиль одного изъ извёстнёйшихъ піанистовъ давать безденежно уроки молодому влюбленному студенту, чтобы онь могъ играть не фальшивя.

the control of a second of the second of the control of the contro

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

reserving manufactures bluespreadings consume an oregan-Въ «Сharivari» Эттингера разсказывають, что у знаменитаго піаниста Делера, на последнемъ маскараде, въ Берлине, вытащили изъ кармана кошелекъ и бумажникъ. Въ-слъдствіе этого Делеръ напечаталь въ Берлинскихъ газетахъ слъдующее объявление: «Покоривише прошу почтеннаго вора, удостоившаго, на последнемъ бале, своимъ вниманіемъ мой кошелекъ и бумажникъ, по удержаніи у себя бывшихъ тамъ 35-ти талеровъ, возвратить по городской почтв находившіяся тамъ, нисколько для него неинтересныя бумаги въ Hôtel de Russie, за что я останусь ему очень благодаренъ». Чрезъ пять дней г. Делеръ получаетъ раздушенную записочку слъдующаго содержанія: «Прилагая при семъ 35 талеровъ, почитатели вашего таланта покорнъйше просять у васъ позволенія оставить себ' на память ваши кошелекъ, бумажникъ и найденные въ немъ три локона волосъ. Два вора, присутствовавшие и наслаждавшиеся вашею шрою во всих ваших концертахт.-Делеръ, взбъщенный этимъ письмомъ, и въ особенности тъмъ, что ему не возвратили драгоцънныхъ для него предметовъ, тотчасъ представилъ письмо въ полицію, которая, по почерку двухъ писемъ, весьма немного и недовко измъненному, тотчасъ узнала, что виновницами этого воровства были двв сестры Анастасія и Матильда Л... Молодыя девицы были остановлены въ ту самую минуту, когда оне

выходили изъ концерта и садились въ фіакръ. Когда ихъ привели въ судъ, оне объявили, что хотели только пошутить и намерены были обратно отдать Делеру его вещи. Но это не спасло ихъ отъ наказанія, и оне посажены на годъ въ исправительный доль.

— Во время представленія одной плохой піссы, какой-тозабавникъ хлональ изъ всёхъ силь каждому слову актеровь, и въ то-же время кричаль во все горло: «Фу какая гадость» Сосёди его, удивленные этой странностію, просили его объяснить, почему онъ въ одно и тоже время аплодируетъ и ругаетъ ніссу? «Мив дали даровой билеть», отвёчаль онъ: «съ тёмъ, чтобы я аплодироваль, и я выполняю мое слово; но я честный человёкъ и не въ состояни говорить противъ собственнаго убёжденія, а потому хоть я аплодирую, но говорю и подтверждаю, что пісса никуда не годится.» Объясненіе это разнеслось по всему партеру и такъ поправилось публикъ, что всё зрители принялись хлопать и свистать въ од-

но и тоже время.

- Одному трагическому актеру, бывшему до поступленія своего въ число жрецовъ Мельпомены, столяромъ, вздумалось снять съ себя портреть въ роли Ахиллеса, въ которой онь, по его мивнію, быль чрезвычайно хорошь. Живописца, къ которому онъ обратился, предварили, что этотъ артистъ преплохой плательщикъ, и живописецъ, чтобы имъть въ готовности мщеніе, въ случав какихъ нибудь непріятностей при расчеть, написаль нашего Ахиллеса масляными красками, а щить, который онь должень быль держать въ рукъ, акварелью. Портреть быль чрезвычайно похожъ; но скупой актеръ, чтобы избавиться отъ платежа полной сумны 40 франковъ, за которые онъ условился съ живописцемъ. нашель въ портреть много недостатновъ и предложиль за него живописцу только 20 франковъ. Живописецъ, казалось, остался доволенъ и этою платою, и вручая актеру портреть, посовътоваль сму, для приданія портрету больше блеска, вытереть его хорошенько губкою, намоченною уксусомъ. Нашъ скупецъ последоваль этому совету, и что-же?-уксусъ выблъ акварельную живопись, и изъ Ахиллеса со щитомъ сдълался-стоияръ съ рубанкомъ!

— Разсказывають, что въ бытность г-жи Малибранъ въ Лондонь, она такъ очаровательно играла роль Дездемоны, что вместь съ цветами, которыя летели на нее со всехъ сторонъ, упала на сцену бумажка. Малибранъ тотчасъ разсмотръла, что это быль банковый билеть, но врители гром-

Смъсь 285

ними восклицаніями требовали, чтобы записка была прочтена вслухъ. Тогда теноръ подняль билеть и съ необыкновеннымъ храднокровіемъ, которому италіянское произношеніеего придавало еще болье комизма, прочель слъдующее:

Вдругъ посреди всеобщаго смѣха Малибранъ подозвала тенора и сказала ему нѣсколько словъ, послѣ которыхъ онъ опять подошелъ къ самой рампѣ и сказалъ:

«Высокопочтенные леди и джентльмены!

«Мы не можемъ продолжать чтеніе этого билета; мы открыли его по ошибкъ, потому-что онъ адресованъ на имя бъдныхъ этой столицы».

Можно представить себь, какимъ громомъ рукоплесканій быль одобрень этоть острый и деликатный урокь, данный неловкому энтувіасту.

— Одинь илохой петербургскій актерь, наскучивь своими неудачами и шиканьемь безжалостной публики, рёшился наконець покинуть навсегда сценическое ноприще. Спустя нёсколько дней послё своего отказа онь встрётился съ нёкоторыми изъ своихъ знакомыхъ.—Что слышно хорошенькаго? спросили его эти знакомые.—Ничего покамёсть, отвёчаль онь: а знаете-ли, вёдь я ужъ больше не актерь?—Воть видишь ты, сказаль одинь изъ знакомыхъ: а говоришь, что не слыхать ничего хорошаго.

- Мольеръ нанималъ квартиру у одного медика. Жена этого медика, ужасная скряга, вдругъ вздумала надбавить влату на квартиру, занимаемую Мольеромъ; Мольеръ не согласился на это и квартира была отдана другому. Съ-техъпоръ Мольеръ безпрерывно осмвиваль медиковъ, которыхъ онь задёль уже и прежде въ «Festin de pierre». Вотъ какъ опредъляеть онъ медика: «Человъкъ, которому платять деньги за то, что онъ точить балы въ комнать больнаго до-техъпоръ, пока его не вылечить природа или не уморять лекарства». Чтобы сильнъе уязвить ненавистныхъ ему медиковъ, онъ вывель въ комедіи своей: «Влюбленный докторъ», представленной въ первый разъ въ присутствии короля, маски, чрезвычайно похожія на первыхъ придворныхъ докторовъ: де-Фужеро, Еспри, Гено (Guenaut) и д'Акена (d'Aquin). Мало того, ему хотелось какъ-нибудь вплести и имена ихъ, и онъ попросиль друга своего Буало придумать, что-бы туть сдідать. И Буало въ-самомъ-дъль придумаль чудесную штуку:

онь ввяль греческія имена, характевирующія то лицо, которое Мольеръ хотьль представить. Такъ напримъръ, актеръ, пародировавшій де-Фужеро назывался Desfonandres, что значить людоморъ; представлявшій Еспри, который быль большой бормотунъ, назывался Bahis, т. е. лающій, а представлявшій Гено, быль названъ Macraton, потому-что Гено чрезвычайно медленно говориль. И наконецъ имя Томе́я, т. е. кровопускатель (кровопійца) дано было актеру, представлявшему доктора д'Акена, который очень любиль лечить свойхъ больныхъ кровопусканіемъ.

- Дъвица Ноогаре (Noogaret)—одна изъ самыхъ хорошенькихъ актрисъ въ Парижъ. Разъ какой-то обожатель красоты превозносилъ похвалами ея прелестную ножку, ручку, талію и т. д., словомъ высчитывалъ весь каталогъ ея прелестей, какъ вдругъ Жюль Жаненъ вступилъ въ разговоръ и сказалъ: Да, правда ваша, М-lle Hoorape очень-хороша,—она напоминаетъ мнъ собою наши hotels garnis (гостинницы), въ которыхъ верхній этажъ всегда меблированъ хуже нижнихъ.
- Во французскихъ газетахъ разсказываютъ происшествіе, которое, если только оно не басня, превращаетъ въ дъйствительность вымышленный сюжетъ Скрибова «Каменьщика». Въ Парижъ, поздно вечеромъ, какіе-то незнакомцы остановили на улицъ проходившаго каменьщика, и завязавъ ему глаза, посадили въ карету. Послъ продолжительной ъзды, частію по шумнымъ, частію по уединеннымъ улицамъ, его привевли въ неизвъстно чей домъ и заставили заложить дверь маленькой комнатки, въ которой находилась молодая женщина. Подобное мщеніе раздраженнаго супруга или любовника, въ наши времена точно было-бы неслыханно.— ві fabula vera!
- Руссо, по выход в изъ театра, гд в давали въ то время комедію его «l'Amant de lui-meme», зашель въ театральную ко-фейню, куда собралась большая часть зрителей, бывшихъ въ театр в, и сказалъ во всеуслышаніе: «Новая піеса упала, и прекрасно! она ми ужасно наскучила, даромъ что я самъ написалъ ее».
- Какой-то драматургъ написалъ комедію въ 3-хъ актахъ; ее приняли на сцену, но такъ уръзали, что изъ трехъ актовъ вышелъ только одинъ. Нашъ драматургъ написалъ другую въ иять актовъ, а актеры сдълали изъ нея три. «Что-же это такое, сказалъ однажды раздраженный драматургъ: не-

ужели мив никогда не удастся поставить на сцену піесу въ ияти актахъ? – Почему-жъ и ивть, отвечали ему: напишите піесу въ одиннадцать актовъ, актеры вымараютъ шесть, а иять все таки останется.

— На второе или на третье представление Расиновой «Аидромахи» завели какого-то степеннаго провинціала, отъ-роду
не бывавшаго въ театръ. Онъ чрезвычайно внимательно слъдилъ за спектаклемъ, который кончился комедіею «Les plaideurs». Вышедъ изъ театра, нашъ провинціалъ отыскалъ Расина, и, полагая слълать ему комплиментъ, сказалъ: «Ваща
«Андромаха» превосходная піеса! Меня удивило только, что
она такъ весело кончилась. Сначала я было чуть не расплакался, но потомъ маленькія собачки уморили меня со смъху».

HAPHNCKIE TEATPLI

stol draight. Anatolic analygue to

THEATRE FRANÇAIS

. John (Olares), represin at they's absorbing an erniste. cor. r-mn Mupapolem (Aeinfund In. Kio ne maera neropin o mone, gare 100000 competensa sonosy Олоферия? А потому и согласитесь, что изъ такого извъстилго перенавастнаго предмета очень-трудно написать трагодію, хоть, положима, и ва треха действівка, которая могля-бы возбудить интересь арителей и поддержать его до конца. По г-жа Жирардень сяйло паклась за этоть предметь и, благолари прекраснымъ стихамъ своимъ, съ успъхомъ совершила свой подвигь. Харантерь Юлион проникнуть глубокимъ возвышенвымъ чуветвомъ. Богъ вложнать въ душу ед безпредъльное чувство любви их отвчеству, этогъ высокій фанативик, порождающій и великих подей и великія ублиія. Это самос чувство велеть ес. пъ лагерь Оловерна. Но тамъ ждеть ес новая опасность вибего жестокаго, неумолимаго врага, она встрвиаеть великолушнаго вонна, который, ка довершение всего, павновъ са красотою. Спасение Тудеевъ можетъ быть куплено иклом одной ультбии... Подюбить-ли Юдиов этого resonbus? Octabbers-in at nel indone as oreversy nepers mobosno espana? Bors rat bopada crpacieli, sora rat por драма. Сочинительний счастиво довела драму до развичи

ужели мив никогла не удается поставить на спену півсу дъ нати зитихъ: Почему-мъ и пъть, отвъчали сму: напишните півсу въ одиниадилть зитовъ, зитеры вымарають пьесть, а нять все таки осуметел.

— На второе или на третъе представление Расиновой Амдромаки завеки какого-то степенияго провинціаля, отк-розу по бынакшаго въ театръ. Онъ чрезвычайно винкательно следилъ за спектаклемъ, который кончила комелісю «Les platdeurs». Вышель изъ театра, нашь провинціаль отыскаль Рас

хроника иносртанныхъ театровъ.

она такъ несело кончилась. Спачала и было чугь не расилакален, но потокъ наленькій соблеки уморили мени со см'яху ..

(AПРБЛЬ.)

парижскіе театры.

THEATRE FRANÇAIS.

Judith (Юдифь), трагедія въ трехъ действіяхъ въ стихахъ, соч. г-жи Жирардень (Дельфины Ге).

Кто не знаетъ исторін о томъ, какъ Юдивь отрубила голову Олоферну? А потому и согласитесь, что изъ такого извъстнаго переизвъстнаго предмета очень-трудно написать трагедію, хоть, положимъ, и въ трехъ дъйствіяхъ, которая могла-бы возбудить интересъ зрителей и поддержать его до конца. Но г-жа Жирардень смело взялась за этотъ предметь и, благодаря прекраснымъ стихамъ своимъ, съ успъхомъ совершила свой подвигь. Характеръ Юдиои проникнуть глубокимъ возвышеннымъ чувствомъ. Богъ вложилъ въ душу ел безпредъльное чувство любви къ отечеству, этотъ высокій фанатизмъ, порождающій и великихъ людей и великія дѣянія. Это самое чувство ведеть ее въ лагерь Олоферна. Но тамъ ждеть ее новая опасность: вивсто жестокаго, неумолимаго врага, она встричаеть великодушнаго воина, который, къ довершению всего, плененъ ея красотою. Спасение Тудеевъ можеть быть куплено цаною одной улыбки.... Полюбить-ли Юдинь этого человъка? Ослабъетъ-ли въ ней любовь къ отечеству передъ любовью сердца? Воть гдѣ борьба страстей, воть гдѣ вся драма. Сочинительница счастливо довела драму до развязки:

женщина изнемогала въ борьбъ съ самой собою; Олофернъ ложными объщаніями обманываль ее.... Но вдругъ онъ получаетъ повельніе истребить Іудеевъ — и при этой въсти душа Юдиои проснулась.... Забыто все.... одно чувство заговорило въ ней-и Іудея свободна!...

Въ особенности хорошъ первый актъ, когда жены іудейскія просять у неба каплю воды, чтобы освъжить запекшіяся уста дѣтей своихъ! Какъ трогательно сокрушеніе этихъ старцевъ, которые ждуть для себя неволи! Какъ ужасно положеніе воиновъ, которые не могуть побъдить скрытыхъ враговъ своихъ-жажды и голода! Довольно одной этой картины, чтобы подвинуть Юдиеь на самопожертвованіе для спасенія всѣхъ.

Рашель, занимавшая въ первый разъ роль новую, нарочно для нея написанную, была, что называется, въ своей тарелкъ: это натура, соединенная съ величайшимъ искусствомъ,
вдохновеніе, полное правды и жизни.

осно и от окраните ре сторо и натранительной и от производить от производить от примента от производить от производить от производить от примента от

Lucrèce (Лукреція), трагедія въ пяти д'виствіяхъ, соч. Пов-

Парижъ, всегда готовый посмѣяться, съ жадностію хватающійся за все, что можеть дать ему случай поострить, покаламбурничать, прочель, за нѣсколько дней до представленія этой піссы объявленіе о ней. Лукреція! вскричали всѣ—Какая Лукреція? Откуда? Ужъ не римская-ли? Не та-ли, о которой разсказываль намъ Титъ-Ливій, когда мы сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ?... Толкамъ, пересудамъ и смѣху не было конца! — Между-тѣмъ бѣдный поэтъ, затаилъ въ душѣ своей дивныя поэтическія мечты, рисовавшія ему нѣкогда прекрасную будущность, рукоплесканія толпы, тронутой, пробужденной изъ апатіи своей прелестными стихами, излившимися прямо изъ души!...

Насталь день представленія. Безпокойная, шумная толпа стремилась со всёхъ сторонь въ театръ. Занавёсь взвился.... настала мертвая тишина, посреди которой раздались звучные, плавные стихи поэта.... и публика, собравшаяся для того, чтобы посмёяться и низвергнуть въ прахъ носую-старую Лукрецію, слушала.... зрители съ недоумёніемъ смотрёли, другь на друга.... Какъ! это Лукреція, и мы не смёсмся, не свищемъ, не шумимъ?... Занавёсъ опустился и мечта поэта осуществилась.... Онъ услышалъ громкія рукоплесканія!

Сюжеть этой трагедіи заимствовань изь Исторіи Тита-Ливія, въ которой такь прекрасно разсказана смерть Лукреціи. Овидій и Шекспирь, были вдохновлены Лукреціей-же и наконець Понсарь, не-смотря на страшное соперпичество, написаль свою трагедію. Если онь много заимствоваль изь Тита-Ливія, то можно сказать, что въ сочиненіи его вы не встрътите ни надутости Шекспира, ни черезъ-чурь цвътистаго слога Овидія.

Не распространяясь на-счеть слишкомъ извъстнаго сюжета, скажемъ только, что въ первомъ сочинени Ионсара добросовъстность играетъ такую-же важную роль, какъ и искусство, талантъ и вкусъ. Не-смотря на нъкоторыя длинноты, которыя авторъ, въроятно, самъ замътилъ и впредь постарается избътнуть, трагедія его заслужила огромный и справедливый успъхъ.

Un tour de roulette, (комедія въ одномъ дійствін въ прозі), г. Армана Дюрантэня.

Г. Дегрмонъ еще спить, и не удивительно! Онъ проиграль всю ночь въ карты; счастіе благопріятствовало ему и онъ вынграль огромную сумму. Жозефь, слуга его, прождавшій всю ночь господина своего, хочетъ наконецъ отдохнуть, какъ вдругъ Дегрионъ просыпается:-Жозефъ! подай инъ сапоги! шлафрокь! журналы! завтракъ! трубку! давай одъваться! трость! шляпу!. . Радость счастливаго игрока прилипчива, а потому Жозефъ, подстрекаемый жаждой выигрыша, отправляется съ порядочной суммой, ввъренной ему господиномъ. въ игорный домъ и.... подрываетъ банкъ!... Поднявъ носъ, Жозефъ гордо и величественно возвращается домой. Онъ чувствуеть, понимаеть достоинство свое - карманы его набиты золотомъ. Почти въ тоже время возвращается домой господинъ его, бледный и разстроенный.... онъ проигрался! Жозефъ разбогатълъ, а Дегрмонъ совершенно разорился. Что двлать? - Послушайте, говорить важно Жозефъ господину своему: помѣняемтесь! Я вамъ служиль, послужите-жъ и вымић; я получалъ отъ васъ жалованье, теперь-же я буду платить вамъ; я носиль платье ваше, носите-жъ вы теперь мое; ваши друзья будутъ моими друзьями и я буду давать имъ деньги въ долгъ; танцовщица Анжелина любила васъ, теперь она будеть любить меня; л-жъ буду дарить ей драгоцанныя вещи и платья; я беру на себя все, что вамъ принадлежало.... Согласны? - Согласенъ. - Слуга дълается господиномъ. господинъ делается слугой. Друзья молодаго Дегрмона увиваются около Жозефа, танцовщица Анжелина делаеть антрша

Eu. V. - 37

и пируэтты только для Жозефа; на разорившагося Дегрмона викто и смотрыть не хочеть. Къ счастію ему остается въ утъщение любовь молоденькой Маріи, которая любила и любить его по-прежнему! Она отдаеть ему руку свою и тымь спасаеть его. Жозефъ въ свою очередь проигрывается и все вступаеть въ прежній порядокъ, только Дегрмонъ навсегда разстанся съ ложными друзьями и Анжелиной. Миленькая пісса, написанная просто, естественно, безъ всикихъ натяжекъ и вполив заслуживающая одобреніе, оказанное ей публикой. a divapre no-secord normers occasive case new locale. From

THEATRE ROYAL DE L'OPERA COMIQUE. на постоящего, ни ложието та типо, пра останции-

Le puits d'amour (Колодезь любви), комическая опера въ трехъ дъйствіяхъ, слова Скриба и Де-Левана (de Leuven); музыка - Бальфа.

Трудно представить себ'в что-нибудь запутанные и нелышье содержанія этой оперы. Дъйствіе происходить въ Англіи, при какомъ-то Эдуардь, англійскомъ король. Хорошенькая дъвушка Жеральдина любить молодаго человъка Тони, котораго она считаеть матросомъ, но который однакожъ есть никто-иной, какъ графъ Салисбюри, придворный короля Эдуарда. Самъ сэръ Эдуардъ, намъревающійся жениться на какой-то принцессь Гэно, которую ждеть онь къ своему двору, какъ новый Пирръ новую Герміону, прощается съ холостой жизнію, въ роскопныхъ пирахъ и оргіяхъ весело проводить дни свои.... Романическая часть этой оперы заключается на дић колодца, находящагося на одной площади въ Лондонћ. и называемаго колодцемъ любви потому, какъ узнаемъ изъ баллады, которую поють въ первомъ дъйствіи оперы, что - одна дівушка, обманутая своимъ любовникомъ, бросилась въ этотъ колодезь, гдт вмъсть съ смертію нашла конецъ своимъ -остраданіямъ и монтат випаченняму потпомит - жинточТ

Сэрь Эдуардь, по какому то странному капризу, желая испытать своихъ придворныхъ, которые клянутся ему, что тотовы отдать за него жизнь, предлагаеть имъ въ доказательство ихъ преданности броситься въ этотъ колодезь. Разумвется, охотниковъ не напілось: а между-твив они на-перерывъ другъ передъ другомъ кинулись-бы исполнить предложение короля, еслибъ знали, что этотъ колодезь есть просто пуфъ, что паденіе въ него нисколько не опасно, потому-что на див колодца лежать мягкія, эластическія подушки, которыя защитили-бы ихъ отъ ушибу, а опускная дверь провелабы ихъ въ роскошныя комнаты, гдв все манить къ насла-

жденію. Жеральдина ничего этого не знаеть, и считая себя обманутою, бросается въ колодезь, чтобы прекратить свои страданія И вдругъ-представьте ся изумленіс!-Она очутилась посреди вельможъ короля Эдуарда, наряженныхъ демонами, которыми повельваеть Плутонъ-самь Эдуардъ. Избавившись кое-какъ отъ Салисбюри, любовника Жеральдины, онъ даетъ ей вышить усыпляющій порошокъ, чтобы удобиве совершить свои желанія, но вдругь, въ самую рішительную минуту. является шерифъ, а за нимъ молодой нажъ гр. Салисбюрии Эдуардъ по-неволъ долженъ оставить свои намъренія. Этотъ шерифъ отыскиваетъ какого-то Эдуарда самозванца, и не зная ни настоящаго, ни ложнаго въ лицо, онъ останавливаеть перваго, ведеть его въ темницу, а самъ между-темъ, располагается завладьть Жеральдиной, которая есть его невъста. Однако, пока шерифъ арестовывалъ короля, Салисбюри усивав похитить спящую красавицу и унести ее черезъ потаенную дверь. Вскоръ Эдуардъ однакожъ освободился изътемницы; онъ простиль шерифу ошибку, во уважение усердія его къ государству, простиль также и Салисбюри, который хотыть обмануть его, а самъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку съ своей нарвченной неввстой.

Бальфъ, прландскій композиторъ, написаль на этотъ текстъ, шумную, блестящую музыку, съ французско-италіянскими мелоліями. Музыка его есть что-то среднее между музыкой Донидзетти и Адана: есть жизнь, есть теплота, но еще больше шуму и музыкальной болтовни....

designation of the the transfer of the the transfer of the tra

Touboulie le cruel (Тубуликъ-жестокій), водевиль въ одномъдъйствім г. де-Комбрусса.

Тубуликъ – существо чрезвычайно глупое и грубое, которому только-бы пасти.... коровъ. Онъ очень-доволенъ судьбой своей; его безпокоитъ только одно, а именно то, что въ него влюблена молодая дъвушка. Тубуликъ такъ обиженъ нъжными взглядами Ивонны, что идетъ жаловаться на нее сульъ и проситъ, чтобы ей запретили смотръть на него, потчивать его хорошимъ виномъ, и въ особенности, чтобы она не смъла говорить ему о любви! — Ивонна сердится и чтобы отомстить Тубулику выходитъ за-мужъ за другаго; — все это совершается при страшной зъвотъ публики.

— Un Péché de Jeunesse (Проступокъ молодости) водевиль въ одномъ действіи, гг. Самсона и Жюля де Вальи. Г. Дервильи уже не молодъ; не смотря на то, ему-бы очень хотьлось жениться на молодой вдовушкь. М-те Лерневиль. которая однакожъ не рѣшается сказать «да», потому-что не можеть себь еще дать отчета въ томъ, любитъ-ли она Дервильи. Она ждеть, колеблется, какъ вдругь встречается съ молодымъ челов комъ Эрнестомъ. – Сударыня! говорить онъ: помогите мнъ; я люблю, обожаю дочь г-на Дервильи. – Но помилуйте, въдь г. Дервильи не женать; у него нътъ дътей.-Есть, сударыня, есть! дватцатильтняя дочь и такая живая, пламенная! Она непремѣнно хочеть, что-бы я ее похитиль! - Это известие смущаеть вдову темь - более, что она получаеть его отъ очень-милаго и весьма-молодаго человъка. Междутемъ къ Дервильи, мечтающему уже о томъ, что скоро по-- лучить решительный и удовлетворительный ответь, приходить пріятель его Ланглуа и разсказываеть, что онь похитилъ изъ пансіона дочь г-жи Дерневиль. - Какъ сударыня! восклицаетъ Дервильи, у васъ есть дочь? - А у васъ развъ нътъ дочери? спрашиваетъ г-жа Лерневиль. - Вотъ и все quiproquo. Эрнесть женится на вдовъ, у которой нътъ дочери – это была шутка; Ланглуа на дочери Дервильи, который самъ остается холостымъ.

 La chambre verte. (Зеленая комната), водевиль въ двухъ дъйствіяхъ, гг. Деноайэ и Довэня.

Въ Сен-Жерменскомъ замкъ, въ присутствіи короля и всего двора, женятъ какого-то герцога на М-Пе Лорансъ. Герцогъ не удостоиваетъ жены своей ни однимъ взглядомъ, онъ къ ней черезъ-чуръ равнодушенъ, потому-что черезъ-чуръ влюбленъ въ жену какого-то графа, который въ свою очередъ влюбленъ въ жену Герцога. Вотъ вамъ завязка.

Наступаеть ночь, и герцогь, пользуясь темнотою, влёзаеть въ окно въ комнату графини, а графъ къ герцогинё. Что-бы случилось, Боже мой! еслибъ вёрныя и осторожныя жены не помёнялись комнатами?-Проходить годъ. Герцогъ уёхаль на войну, а графъ пропаль безъ вёсти. Но воть оба возвращаются. Герцогъ не узнаеть жены своей, но за то, встрётившись съ графиней, онъ восклицаеть: О, съ этой я короткознакомъ!-Но представьте ужасъ и радость мужей, когда они узнають, что у каждаго изъ нихъ есть уже трехмёсячный ребенокъ!-Жена меня обманула! восклицаеть каждый въ бёшенствё, но немедленно-же они утёшають себя слёдующею мыслыю:-Опь думаеть, что ребенокъ сло!-Положеніе мужей

делается весьма затруднительнымь, но наконець все дело поправляется, когда жены объясняють имь загадку.

Водевиль очень забавный:

вогорыя однаком в не рішастя миникованено акинером момати, себі еще мить отчота ва томы, мобить-ми она Деранлам.

Character, co. Jayon-Standard Du Paralacter en monocara en Constanta de Santa Roma. - (constanta continua en constanta de Constanta de

M-lle Déjaset au sérail, водевиль въ одномъ двиствін, г. Баяра.

Г. Баяръ, въ новомъ водевиль своемъ, переносить зрителей въ 1872 годъ!-М-lle Дежазе, молоденькая, ръзвая, весезая-состарблась; ей 50 четь, она давно уже оставила театръ. Однажды, когда она прогуливалась по галлереямъ Пале-Ройя-- ля, ей пришла охота посмотръть на аффину и, представьте себъ пзумленіе ел, когда она прочла на ней следующее объявленіе о новой піесь «M-lle Déjazet au sérail»!-Какъ! восклицаетъ она: я еще жива, а меня уже выводять на сцену? Кто имъ позволиль? И что скажуть сосвди? Что скажеть весь приходъ нашъ? Что скажетъ духовникъ мой? Нъть, нътъ! Я не позволю выставлять себя на показъ!-И она входить на сцену театра въ Пале-Ройялъ. Все какъ-бы невольно ожило при одномъ появленіи той, которая такъ долго и такъ восхитительно царствовала на этой самой сценъ! Все ожило на ней радостью, радостью, съ которою она давно уже не знакома, потому-что лишилась лучшаго украшенія своего!... Молодой человъкъ тридцати лътъ выходить на встръчу старушив Дежазе.-Куда девался нашъ прежній директоръ, г. Сэнвиль? спрашиваеть она молодаго человька. - Это отець мой, отвычаеть онъ, я ванялъ мъсто его. - А гг. Дормель и Альсидъ Туссе, товарищи мои?-Первый купиль большое имение въ Африке, а второй сделался испанскимъ грандомъ.-Неужели! Аг. Баяръ? г. Скрибъ? г. Мельвиль?-Всв перы Франціи! они не пишутъ болье водевилей!-А г. Дюверъ?-Сдъланъ членомъ Французской Академіи за фарсь «Сестра Жокрисса».

Но аффиша изумила и привлекла въ театръ не одну М-llе Дежазе. Альсидъ Туссе, сдълавийся испанскимъ грандомъ, также приходитъ туда и, узнавъ, что сынъ его хочетъ жениться на молодой актрисъ, противится этому браку, но добрая Дежазе сжалилась надъ директоромъ и позволяетъ играть новую піесу. Тутъ-же она уговариваетъ бывшаго товарища своего, Альсида Туссе, позволить сыну жениться на молоденькой и хорошенькой актрисъ.

Водевиль этотъ исполненъ тонкихъ остротъ и сценъ чрез-

Mapuista, octaturatrias al industrias, compara envidenzamente. Laupacita

La Statue de Sainte-Claire (Статуя Св. Клары) мело-драма въ пяти дъйствіяхъ, г. Еженя.

Дюамель получиль въ наследство после смерти отца своего огромное именіе, но промоталь все въ нёсколько лёть. Не имел средствь продолжать прежнюю распутную жизнь, къ которой онь уже привыкь, Дюамель принимается дёлать фальшивыя векселя, подписывается подъ чужія руки, словомь, чтобы избёгнуть галерь, употребляеть всё тё хитрости, которыя ведуть прямо на галеры. Къ довершенію преступленій своихъ онь убиваеть какого-то господина Преваля, въ бумажнике котораго находить такую огромную сумму денегь, что выкупаеть векселя и — дёлается честнымь человёкомь.

Семейство убитаго Преваля очень безпокоится о томъ, куда онъ дъвался. Между-тъмъ Дюамель, недовольный тъмъ, что убиль отца, хочетъ жениться на дочери его Каролинъ Преваль, которая душевно любитъ своего двоюроднаго братца. Однакожъ погибель Дюамеля близка.... онъ спряталъ трупъ Преваля подъ пъедесталъ статуи Св. Клары. Двоюродный братецъ Каролины опрокидываетъ статую и ваходитъ подъ нею.... преступление Дюамеля!

Посътители театра de la Gaité доказали, что они умъютъ славно шикать и свистать.

THÉATRE DE L'AMBIGU-COMIQUE.

Les Enfants trouvés, мелодрама въ трехъ действіяхъ г. Бушарди.

Сенъ-Венсенъ-де-Поль, основатель Воспитательных домово, жившій и дъйствовавній только для блага ближнихь, выведень на сцену. Онъ особенно привязался къ найденьшу своему, предестной молодой дъвушкъ Маріи, оправдывающей добродътелями своими любовь святаго мужа. Старый маршаль Сентъ-Андре воспиталь Марію; онъ любить ее и хочетъ на ней жениться, но сердце молодой дъвушки уже не свободно, она полюбила Фабіуса, другаго найденыша. Къ одному влечетъ ее признательность, къ другому любовь; положеніе ея такъ затруднительно, что она пишетъ прощальное письмо къ тъмъ, которые ее любять, и ръшается умереть, но Венсенъ-де-Поль останавливаеть ее на краю погибели....

Маршаль, оставшись на-единь съ Фабіусомь, говорить ему: Молодой человькь, одинь изъ насъ должень умереть. Сыграемь въ кости: если ты выиграешь, то я умру, если-же ньть, то ты должень убить себя!—Сказано, сдълано. Фабіусь выигрываеть, но вскорь узнаеть случайно, что маршаль отець его, который покинуль его съ самаго дня рожденія, потому-что полозріваль жену въ невърности. — Отець мой, отець мой! восклицаеть Фабіусь и бъжить къ Маріи умолять ее, чтобы она отлала руку маршалу. Но отець не хочеть уступить сыну въ великодушіи и—Фабіусь женится на Маріи.

Вотъ все содержаніе драмы, исполненной интереса и высокихъ мыслей. Г. Бушарди хотьль доказать критикамъ своимъ, что и онъ, избъгая всякой многосложности, можетъ прекрасно изложить самый простой сюжетъ и придать ему

много занимательности.

Успѣхъ былъ совершенно-заслуженный.

— Une nuit à Venise (Ночь въ Венеціи), въ четырехъдъйствіяхъ г. Сенть-Ива.

Сентъ-Ива. Сатурненъ, французскій Фигаро, оставляетъ родину свою, Парижъ, чтобы переселиться въ страну макаронъ-Венецію. Прибывъ туда, онъ тотчасъ получаетъ порядочное мъсто и встръчается съ хорошенькой субреткой Мариной, которую онъ зналъ еще въ Парижъ. О блаженство!... Все это прекрасно, но Сатурнену приходить злосчастная мысль пробраться на великольнный баль, который даеть госпожа Марины, и найдя въ одной изъ залъ жолтое домино, онъ надъваеть его. Едва явился онъ на баль, какъ къ нему подходить сперва молодая женщина, которая повъряеть ему тайну свою и ребенка; потомъ страшный разбойникъ, приказывающій ему кого-то убить; далье отець ребенка, котораго ему ввърили, и наконецъ сбиры. Представьте себъ положение несчастнаго Сатурнена, который, не смёл открыться, делается невольнымъ повъреннымъ всехъ этихъ людей, После многихъ, чрезвычайно забавныхъ quiproquo, онъ наконецъ женится на Маринъ и поскоръе возвращается въ Парижъ, гдъ ньть ни кинжаловъ, ни бандитовъ. шаль Сенть-Хигре воениталь Марінь: онь любить ее и точеть

на ней жениться, по серхие володой кікушка уже не сеоболно, она полюбала Фабіуса, другасо найденання. Ка однону вигчета се признательность, из аругону любовь; положелю ен такъ затрудинтельно, что она пишеть прощальное инказа ва такъ, поторале се любить, и рашлется умерсть по Венесна-ло-Изла останавливить ее на краю погибели .

THE SAME PARTY OF THE TEATPH. TO SEE THE TRANSPORT OF THE PROPERTY OF THE PROP

OUR BLOCKS IN COMMERSA!

Въ придворномъ театръ « Nachit ber Burg» дана была новая трагедія Генриха Лаубе, въ пяти дъйствіяхъ: Monalbeschi, ober ble Abentheurer (Мональдески или искатели счастія).

Кому не извъстна плачевная исторія Мональдески, этого любимца фортуны, который дорого заплатиль за ничьмъ не заслуженныя почести?

Безъ всякой решительной цели, съ единственнымъ неопределеннымъ желаніемъ составить счастіе, оставляеть Мональдески Римъ, отечество свое, и вступаетъ въ Швецію, надъясь, что товарищъ дътства и соотечественникъ его Сантинелли, занимающій при двор'в королевы Христины почетное м'всто, поможеть ему. Но Сантинелли, холодный эгоисть, не только не помогаеть старому пріятелю своему, но даже всёми силами старается отклонить его отъ Двора. Не-смотря на то, во второмъ действіи, Мональдески уже достигь цели своей, и не-смотря на зависть и ненависть придворныхъ, скоро возвышается. Какимъ образомъ этотъ савлалось, о томъ авторъ умалчиваетъ, - весь этотъ переворотъ происходить въ антракть, между первымъ и вторымъ дъйствіемъ.-Однакожъ шведскіе дворяне не перестають преслідовать счастливца, и сама Христина часто должна теривть отъ нихъ неудовольствія. Это укрѣпляеть ее еще болье въ намъреніи оставить престоль и удалиться навсегда изъ Швеціи. Тщетно умоляють ее приближенные, тщетно Мональдески, рискуя жизнію, врывается въ верховный сов'єть и уговариваеть народныхъпредставителей не принимать отреченія королевы! Ничто не въ состояніи поколебать ръшимости Христины, и она передаеть престоль принцу Карду-Густаву, двоюродному брату своему, а сама садится на корабль и оставляеть родину, съ правонъ делать что и какъ ей заблагоразсудится, съ правомъ на жизнь и на смерть техъ, которые за нею последовали, отдавая отчеть въ поступкахъ своихъ одному Богу! Върнъйшіе приверженцы Христины слъдують за нею и между ними: графъ Петръ Брав, дочь его Сильва, Сантинелли и Мональдески, который спасся отъ смерти за дерзновенное вторжение въ верховный совъть только по ходатайству кородевы, которая все болье и болье привязывается нъ нему. Мользуясь непобъдимою, даже сверхъестественною силою взилда своего, онъ опутываеть въ съти свои прелестную Свяьву, дочь графа Брав, невесту молодаго графа Лудоль-Кн. V. - 38.

фа Мальштрема, и дарить ей амулеть, полученный имъ отъ королевы. Что значить для честолюбиваго временщика любовь женщивы, отказавшейся отъ власти и могушества? Тайно сговорившись съ Кардомъ Густавомъ, Мональдески рвинается привесть королеву обратно въ Швецію и подкупаетъ капитана корабля; но Сантинелли, завистникъ и врагъ его, открываеть все королевъ и-Мональдески навърное-бы погибъ, еслибъ природа не одарила съ тъмъ волшебнымъ взилядомь, который усмиряеть королеву. Не-смотря на первую неудачу, Мональдески не отказывается отъ намъренія своего - возвесть опять Христину на престолъ Швеціи; но злобимій и коварный Сантинелли присматриваеть за нимъ и ему удается овладьть доказательствами въ томъ, что Мональдески находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мазарэномъ и самимъ Королемъ інведскимъ, чтобы хитростью или даже насильно завлечь Христину въ Швецію и тамъ обвѣнчать ее съ Карломъ-Густавомъ. - Легко представить себъ справедливый гићвъ королевы; она сердится не за то, что Мональдески въ заговоръ противъ нея, но главное за то, что не-смотря на любовь ея, онъ хладнокровно прочить ее въ супруги другому! Это оскорбляеть гордость ея, тщеславіе, женское самолюбіе-и погибель временщика близка!... Можеть-быть, и въ этотъ разъ всемогущій взилядт любимца поправиль-бы все дело, но здал судьба его наводить королеву на Сильвуона видить у нел амулеть, подаренный ею Итальянцу въ знакъ любви. Это обстоятельство переполнило чащу; Сантинеми получаеть отъ королевы двусмысленное приказаніе наказать дерзкаго, и Мональдески погибаеть поль кинжалами убійнь! Вивств съ нимъ погибаеть и Сильва, како-то нечаянно смертельно-раненная.

Въ исторіи встрічаются довольно часто неразгаданныя, мрачныя, страшныя тайны, которыя ускользають отъ всякой пропинательности и всёхъ поисковъ историковъ. Къ этимъ тайнамъ принадлежить и убіеніе Мональдески, о которомь нав'єстно только то, что оно было совершено, а по какимъ причинамъ?... догадывайтесь! Эги-то догадки и служать богатыми сюжетами для поэтовъ и драматическихъ нисателей. Но не достаточно имъть хорошій сюжеть, пужно также умъть обработать его; этого-то умънья и не достаетъ у г. Лаубе, который хотя прекрасно очертиль Христину, но ногрышиль и явился весьма слабымъ въ расположеніи дъйствів и возбужденія интереса. Однакожъ молодость г. Лауба подаєть надежды, что онь самъ увидить недостатки свои и

сдълается хорошимъ драматургомъ. Піеса его имветь хоро-

— Того-же числавъ театръ и прет Wien и данабыла новая пісса автера и драматическаго писателя г. Нестроя "Liebesgeschichten und Beitathssachen", шутка водевиль въ трехъ двіїствіяхъ,

Г. Нестрой, кака актеръ и авторъ многихъ чрезвычанио забавныхъ піссь и дюбимець вінской публики, доставиль и нынів большое удовольствіе новой піссой своей, имівшей огромный успіхъ.

— Въ театръ « ber Зојервнавт», знакомый намъ фокусникъ Деблеръ, приводить въ изумление публику своими чудесами и

интересными Стацвфен.

— Театромъ и пъвцовъ, подъ дирекцією гг. Весцтеръ Сандора и Добози Кароли. Тамъ нъсколько разъ сряду давали повтореніе извъстной старинной драмы «Преціоза» съ великольнымъ спектаклемъ, венгерскими національными пъснями и плясками.

— Въ придворномъ театръ « nacht bem Rartnerthere» - Nabuhodonosor, новая опера г. Верди, либретто г. Оемистокла Солера.

Недостатки либретто этой оперы прикрываются достоинствами музыки ея. Мы не говоримъ, чтобы партитура новой оперы Верди была совершенва, однакожъ она содержитъ въ себъ столько прекраснаго, что несправедливо было-бы не согласиться съ тъмъ, что композиторъ обладаетъ высокимъ талантомъ. Онъ обратилъ главное вниманіе на хоры, которые вообще въ новъйшихъ птальянскихъ операхъ въ пренебрежени. За одно это надобно благодарить Верди, тъмъ-болъе, что хоры въ новой оперъ его отдъланы со тщаніемъ и почти всъ безъ исключенія хороши; только инструментовка нъкоторыхъ слишкомъ шумна. Соло въ этой оперъ очень мало, и жаль, что партія тенора ужъ черезъ-чуръ мала.

Въ первомъ двиствіи особенно прекрасно быль выполнень секстетъ «Tremin gl'insani», въ котромъ участвоваль г. Ропкони, игравшій роль Навуходоносора. Второе двиствіе слабве другихъ, но въ третьемъ съ восторгомъ были приняты дуэтъ «Dei регдопа», пропътый Ропкони и г-жею де-Джіули, и коръ плънныхъ Гудеевъ «Va pensiero». Въ четвертомъ двиствій въ хвалебной пъсни: Іттель Існова» вполнъ развивается талантъ композитора, и публика умъла оцънить его.

— Въ театръ "an ber Wien" была дана 4 го апръля въ первый разъ пісса Карла Тепфера, "Sabine, ober bie Ginfalt вот Lanbe" (Сабина, или сельская простота), водевиль въ четырехъ дъйствіяхъ. Странно, по какому случаю, эта піеса, причисленная уже къ старымъ, явилась въ первый разъвъ Вънъ, когда она уже почти вышла изъ репертуара берлинскаго театра и была такъ часто играна у насъ на Михайловскомъ. Впрочемъ это не можетъ уменьшить достоинствъ этого очень остроумнаго и забавнаго водевиля, передъланнаго изъ комедіи Коцебу, точно также какъ и передъланнаго изъ Помераніи продевиль, игранный у насъ, въ бенефисъ г. Гемузеуса.

Г-жа Брюннинго-Вольбрюко, дебютировавшая въ роди Сабины, была прелестна и очень понравилась въйской публикъ, которая съ восторгомъ вызвала ее три раза сряду.

" Perspore in the ter required than a business of the regions and a maneral residence of the region and the region of the region

marriagemerca 21: alden,

новости иностранных театровъ въ петервургъ.

Нашъ Михайловскій театръ обыкновенно открывается прежде всёхъ другихъ, вечерними спектаклями, называемыми по-нёмецки "Ябепо-Unterhaltungen".

Первый такой вечерь быль въ понедельникъ, на святой

недъль, 12-го апрыля, въ пользу г. Гемузеуса.

По-этому второстепенные немецкие актеры именоть свои бенефисы вы самое лучшее и выгоднейшее время, въ Пасху, когда публика после семинедельнаго ожиданія, съ жадностію стремится въ театръ. Эти бенефисы темъ интереснее, что въ нихъ обыкновенно участвують лучше и известнейше немецкіе певцы, певицы и музыканты.

Театръ быль полонъ. Двѣ новыя піесы, одна хотя старая, но очень миленькая, Ферзингъ, Шубертъ, Лилла Леве и Германнъ-это такіе магниты, которые изъ самаго туго-связан-

наго кошелька вытащать синенькую ассигнацію!

Первая и послыдиля любовь Карла XII (Сагів XII егре инь letзів Сієве) весьма незначительная маленькая комедія, котораябыла играна и на русской спень, въ переводь П. Г. Ободовскаго. Шведскій король влюблень въ Христину, дочь перваго министра своего графа Пипера, и хочеть на ней жениться; но чтобы заслужить взаимную любовь ел не какъ
король, онъ представляется дочери министра подъ именемъ
графа Эрихсона. Карлъ XII умъеть лучше обращаться съ
солдатами и пушками своими, чъмъ съ очаровательною, молодою дъвушкою: онъ горячь, нетерпъливъ, вспыльчивъ и

даже немножко-грубъ. Избалованная девушка-аристократка, которая, скажемъ мимоходомъ, любитъ какого-то графа Адольфа фонъ-Хессена и взаимно любима имъ, оскорбляется дерзкимъ поведеніемъ мнимаго графа Эрихсона и приказываеть ему удалиться. Нечего делать! бедный піведскій король и туть должень ретироваться. Между-тыть является фонъ Хессенъ и открываеть Христинъ, что графъ Эрихсонъ никто-иной, какъ самъ король. Ахъ! невольно восклицаеть испуганная девушка: а я указала ему двери, оно върно не воротится!... Однакожъ, не-смотря на это опасеніе молодой дъвушки, король возвращается; онъ поспъшно входить, и скрестивъ руки на груди, останавливается передъ нею. Дъвица, говорить онъ: я хочу на васъ жениться! - Вы хотите? спрашиваеть она; а я не хочу! - Какъ! не хотите? - Не хочу! - А я хочу!-А я не хочу!-Король взбитень, но чтобы отомстить, онъ бросается на Христину и начинаетъ пъловать ее. Адольфъ! Адольфъ! восклицаетъ она, и. .. Адольфъфонъ-Хессенъ вбъгаетъ, останавливаетъ короля и вызываетъ его на дуэль. Знаете-ли вы, кто я? спрашиваетъ гнъвно Карлъ XII.-Знаю, Ваше Высочество!-А вы кто?

- Адольфъ-фонъ-Хессенъ. - А знаю! Вы спасли мив при Нарвѣ жизнь. Возьмите-жъ за это вашу Христину и женитесь на ней. По всему видно, что этотъ сюжеть, изъ котораго можно-бъ

сдёлать хорошенькую піесу, набросанъ на скорую руку. Впрочемъ эта комедія иміла успіххь. Что-же сказать объ игрѣ актеровъ? Изъ описаннаго сюжета видно, что министръ графъ Инперъ, отецъ Христины, играетъ совершенно аксессуарную роль; не-смотря на то, она дана была г. Іерманну, для придачи большаго эффекту аффинь, и онъ выполниль ее такъ, какъ подобную роль выполнить можно. Г. Мюллерт въ роли Карла XII былъ-г. Мюллеръ, а междутъмъ это самая лучшая и болье другихъ обработанная роль во всей піесь. Христина – Лилла Леве была очень мила. Кехера-Графъ Хессенъ быль рашительно дуренъ.

Объщанное трю (Reminiscences italiennes) по внезапной бользии г. Шуберта не было исполнено. Съ техъ-поръ, какъ существують "Abend-Unterhaltungen", всякій разь самое интересное и заманчивое не выполняется, и всегда по внезапной бопуть Розон. Она приводить съ собою чейсько и поклинейт

- Гусары въ западию (Die Sufaren in ber Rlemme) чрезвычайно скучная, ничтожная пісска, съ такимъ вялымъ, истертымъ, несвязнымъ сюжетемъ, что о ней не стоить и говорить. Моръ,

актерь весьма талантливый, быль не на своемь мьсть, и очень-плохо зналь роль свою, что весьма замедляеть ходъ дъйствія, сбиваеть актеровь и утомляеть зрителей. Голландо, нобимень пьменкой публики, быль принять общими аплодисманами и выполниль роль свою хорошо, не-смотря на всю незначительность ея. Мюллеръ быль вяль, скучень. Дъвица Шварцъ объщаеть хорошую субретку.

Арія Беллини была прекрасно пропіта і. Ферзиномі, а хоры выполнены съ тою точностью и тімъ согласіемъ, ко-

торыми славятся хоры нашей нъмецкой оперы.

— Несьста изъ Помераніи, (Діє Этант сиз Веншети,) не извъстно почему названай комическою оперою, есть ничто иное какъ весьма забавный и остроумный водевиль извъстнаго ивмецкаго драматурга и актера Анжели, которымь лъть 18 или 20 тому назадъ воехищалась петербургская публика на сценъ малаго театра. Эта пісса была лучшай во всемъ спектакль, тъмъ-болье, что очаровательная Лилла Леве воехищала всъхъ въ двойной роли своей: простой деревенской барыши и столичной львицы. Ее вызвали два раза:

- Во вторникъ, 13-го апрыля быль второй спектакль, въ пользу г. Дамьс.

Посяв увертюры изъ Моцарта, дана была въ первый разъ. Roja, die Dame (?) aus der Banfion oder die Jugendfreundin.

Роза, - комедія въ 2-хъ отд., перев. съ фран. г-нъ Кохомь, и отличающаяся тъмъ, что въ ней рышительно нъть ничего новаго, оригинальнаго, какъ и въ большей части комедій фабрикаціи французскихъ театральныхъ поставщиковъ г-на и г-жи Ансло. Г. Фонъ Ейхталь, вдовецъ, женился начмолодой девушке Луизе; у него отъ перваго брака осталась дочь, у которой есть женихъ, ивкто фонъ Бургдорфъ. Молодые люди ивжно любять другь друга: ничто и никто не противится счастно ихъ. Замътъте, что въ комедіяхъ бываеть обыкновенно такъ: если къ счастію двухъ любящихся есть препятствія въ началь піесы, то къ концу они изчезають; еслижь въ началь все идеть хорошо, то къ серединь или концу непремыно явятся препятствія. Такъ и туть. Къ Луизъ прівзжаеть пансіонская подруга, которая по смерти матери осталась одна на свъть; подругу эту зовуть Розой. Она привозить съ собою письмо и накетецъ, которые мать на смертномъ одрѣ своемъ вручила ей, съ тъмъ. чтобы она передала ихъ Луизъ, на которую они производятъ сильное впечатавніе. Въ дом'в фонь Ейхталя, Роза встрічается съ Бурглорфомъ и узнаетъ въ немъ того, кто ровно за годъ тому назадъ, объщаль на ней жениться и..., уъхалъ,

А! чуловище! восклицаеть она: наконецъ-то я тебя встрътила, измънникъ! - Сударыня ... - Xa! ха! ха! какъ вы сменно повязываете галстухъ! Страшитесь мести моей!-Изъ последнихъ словъ вы замечаете, что Роза ужасная ветренница: но какъ обиженная женщина, она хочеть истить коварному и, узнавъ, что онъ женится на Каролинъ, дочери фонъ Ейхталя, она, во что-бы то ни стало, хочеть пом'вшать этому браку, и обращается къ Луивћ, просить, умоляеть ее и наконець даже приказываеть, чтобы она все разстроила. Бъдная Луиза думаетъ, что Роза знаетъ какую-то тайну ся и боясь, чтобы она не открыла всего мужу, умоляеть Бургдорфа не подписывать свадебнаго контракта, потому-что дъ-10 идеть о собственной чести ся. Все разстроивается. Ейхталь вызываеть Бургдорфа на дуэль: Между-темъ открывается, что Роза ничего не знаеть и сверхъ-того ей становится жаль, что она разстроила счастіе бъдной Каролины и она сама умоляеть Луизу поправить все дело. Теперь, по видимому, все пойдеть хорошо, всь довольны, какъ вдругь.... раздаются два выстрела!-Ейхталь выстрелиль въ Бургдорфа и мимо; въ благодарность ва этотъ промахъ последній стреляеть въ воздухъ. Вст еще болье довольны, особенно темь, что. по всемь вероятностямь, дело, а следовательно и самая піеса приближается къ концу; но увы! мы и забыли, что тайна Луизы намъ еще неизвъстна. За Луизой есть гръщокъ: будучи еще въ дъвицахъ, она нежно любила одного молодаго человека, который хотель на ней жениться, но жестокая, неумодимая смерть раздучада ихъ, и въ воспоминание о первой любви своей, у Луизы остались только письмо, писанное на смертномъ одръ, классическій медальонъ и романическій сынокъ. Только тогда, когда смерть похитила у нея сына, только тогда Луиза ръшилась выдти за Ейхталя, котораго она нолюбила какъ отца, какъ друга, и оба жили счастливо, какъ вдругъ... нозвольте разсказать все по порядку. У фонъ Ейхталя гостигь старинный пріятель его фонъ Штейнбергъ. большой охотникъ повсть и попить: случайно онъ видить въ растворенныя двери, какъ жена друга его излуетъ какой-то медальонъ и прижимаеть къ сердцу письмо. Штейнбергъ готовъ уже пуститься въ разсужденія о коварств'є женщинь, но ему не до того, у него своя забота; передъ отказдомъ своимъ изъ именія своего онъ объявиль всемь соседямь, что непременно воротится съ молоденькой, хорошенькой женою, но гав ее взять? Сама судьба сталкиваеть его съ Розой: она молода, мила, хорошо образована и до того пленяеть Штейнберга, что онъ немедленно предлагаеть ей руку свою; она не отказывается. Внъ себя отъ радости, Штейнбергъ разсказываеть о томъ другу своему. Помилуй, говорить Ейхталь, въдь она ужасная вътренница! - Не безпокойся! эти вътренницы получше тъхъ смирненькихъ овечекъ, которыя въ глаза льстять, а за глаза... въ тихомъ омуть черти волятся!-Что ты хочешь этимъ сказать?-Ничего, это я только такъ, для примъра.... Но Ейнхталь ревнивъ, а потому подозреваеть, что слова Штейнберга имеють какой-то скрытый смысль; онъ приступаеть къ нему и наконецъ узнаеть. что жена его спрятала въ бюро свое какой-то медальонъ и письма. Бъдная Луиза не знаеть, какая гроза собирается налъ головой ея. Мужъ ея находить письмо и медальонъ и въ бъщенствъ прибъгаетъ къ женъ. Сударыня! восклицаетъ онъ, я хочу знать, кто писаль это письмо; на немъ нъть адресса, но я нашель его въ вашемь бюро! - Бъда!... Но успокойтесь, присутствіе духа и догадливость Розы выручають пріятельницу изъ б'єды; см'єло подходить она къ фонъ Ейхталю и вырываеть у него письмо. Я-бы желала внать, сударь, кто даль вамъ право читать чужія письма? Это письмо писано ко инъ!-Къ вамъ? Но туть сказано «милая Луиза »?... Мы съ женой вашей были такь дружны вы пансіонь, что меня звали Луизой! (??!) - следовательно и сынокъ, о которомъ говорится въ письмъ? - Это не ваше дело! отвъчаетъ великодушная Роза. Но Штейнбергъ подслушаль весь этотъ разговоръ. Сынокъ! сынокъ! восклицаеть онъ въ отчанни, следовательно вы, сударыня, не то, чтобы девица.... Роза смъется, однако хитрость ея не обманула фонъ Ейхталя, онъ все понять, и прощаеть жень. Туть-же и Штейнбергъ, соображая всь обстоятельства, догадывается и просить извиненія у Розы. Этимъ оканчивается піеса къ общему удовольствію.

Г-жа Ферзина — Јунза, Јилла Јеве — Роза и Голланда — Фонъ Штейнбергъ очень хорошо выполнили роли свои. Г. Мора, неподражаемый въ роляхъ нёмецкихъ ремесленниковъ и трактирщиковъ, напрасно берется играть роли благородныхъ отцовъ. Это рёшительно не въ его родё. Даже въ самыхъ патетическихъ сценахъ онъ заставляетъ смёлться, потону-что невольно напоминаетъ какого-нибудь ремесленника. Впрочемъ, въ оправдание его можно сказать еще то, что не кому боль-

ше дать этихъ ролей: такъ бѣлна и несовершенна наша нѣмецкая труппа.

Надобно удивляться услужливости г. Ферзина. Мы не знаемъ ни одного бенефиса, какого-бы то ни было нѣмецкаго актера, въ которомъ-бы онъ не участвовалъ. Это дѣлаетъ ему честь и доставляетъ высокое удовольствіе публикъ, которая всякой разъ старается выказать ему свое доброе рас положеніе. Въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, онъ прекрасно пѣлъ.

Обратимтесь теперь къ тому, что особенно влекло публику на нынъшнее представление: это писса Н. А. Полеваго -Иголкина, переведенная на ибмецкій языкъ. Не станемъ говорить о самой піесь, всь ее знають. Переводъ хорошъ. Должно радоваться, что иностранцы получать наконець и которое понятіе о высокомъ дарованіи знаменитаго драматурга нашего по самымъ піесамъ его, а не по-какимъ-нибудь грязнымъ сообщеніямъ, пересылаемымъ въ иностранные журналы людьми, незнакомыми съ честью. Роль Иголкина игралъ Јерманиъ. Странно, почему нѣмецкая публика охладѣла къ актеру, котораго она при первыхъ появленіяхъ его на здізшней сцень принимала съ такимъ восторгомъ? Чему приписать это?... Скажемъ наше мивніе о г-нв Іерманив. Тальма говориль, что въ молодости своей онъ играль безотчетно. никогда не приготовляясь и, воображая себя героемъ, котораго онъ представляль, увлекался, следуя однимь побужденіямъ души. Позже, когда первый пыль страстей его утихъ, онъ сталъ разсуждать; методически изучая каждую позу, онъ, въ самыхъ патетическихъ сценахъ, не забывалъ, что онъ Тальма и что предметы, окружающие его ничтоиное, какъ расписанный холстъ и картонъ; и именно, въ эту вторую эпоху артистической жизни своей, онъ возбуждаль живъйшій восторгь. Изь этого следуеть, что для хорошей игры не достаточно одной натуры, нужно и искусство, котораго у г. Іерманна вовсе нътъ. Онъ, по-видимому, уже человъкъ не молодой, а потому исправленія ожидать нельзя, а жаль! При чистомъ, звонкомъ органъ, въ игръ его столько, можно сказать, неподдильнаго жару, чувства, столько души, что онъ невольно увлекаеть зрителей, какъ вдругъ какой-нибудь неловкій повороть, странное движеніе заставдяють чуть не сменться. Такъ и въ дикціи его, не умеряя отчалиныхъ порывовъ, отдаваясь совершенно на волю выражаемому чувству, которое сильно овладъваетъ имъ, онъ не

разсчитывая силь своихь, возвышаеть голось свой иногда до того, что неистовый крикъ его превращается въ какой-то жалобный, плачевный вопль. Въ доказательство словъ нашихъ, мы прибавимъ, что въ Иголкинъ, г. Германнъ, вспоминая о жень, дътяхь, о прекрасной, несравненной родинь своей, плакаль!... мы сами видели какъ слезы ручьями текли по щекамь его, голось его невольно пресъкался.... а это, воля ваша, не искусство-въ мужчинъ; мы говоримъ не о прекрасномъ полъ. Еще разъ повторимъ: жаль, право жаль, что г. Іерманит не придаеть немного искусства игръ своей: онъ быль-бы прекрасный актерь! - Вчерашній Карль XII (въ комелін: «Первая и посабдняя любовь Карла XII») явился сегояня въ томъ-же мундиръ, съ тъми-же ухватками, словомъ это быль тоть-же Мюллерт. Впрочемь въ настоящей піесь онь быль сносиве. Суровый коменданть крипости быль какой-то слабый, безхарактерный и безголосный старичишка. Г. Іерманна вызвали. В дого акточей стигива от отрини в з

Въ заключеніе спектакля быль данъ извѣстный фарсь — Школьный учитель (Дет ©фиlтеійет). Тутъ Моръ быль умора. Голландъ, игравшій старшій классъ, старался подражать Поль-Мине. Дѣти-школьники были очень милы.

 Третій спектакль въ среду, 14-го апрѣля, въ пользу г. Видеманна.

Странствующій студенть (Дет теібенье Etubent)—очень-забавный водевиль, который долго держится и еще долго держаться будеть на нъмецкой сцень. Морт въ роли мельника, Голландъ—студенть и г-жа Альбрехть— домоправительница мельника, очень забавны.

Дъвица Чекка, пропъвшая арію Беллини, очень-молода, хороша собою, но голосъ ея, хотя порядочно обработанный, вовсе не сценическій.

Г-жа Ферзинг прекрасно продекламировала стихотвореніе Мальтица «Сёрый человёкь» (Дет grane Mann). Это всёмь извістный анеклоть о таинственномь незнакомці, явившемся вь полночь къ Моцарту, за нісколько місяцевь до смерти великаго композитора, чтобы заказать ему знаменитый «Requiem».

Публика вдвойнѣ изъявила г. Ферзину совершенное удовольствие свое, во-первыхъ за прекрасно пропѣтую арію Доннизетти и во-вторыхъ за истинно замѣчательную услу-

жливость его. Три бенефиса сряду, и въ каждомъ участвовалъ г., Ферзинг.

Кикирики - водевиль передъланный съ русскаю Кукарики/... Съ русскаго? Нътъ, воля ваша, это что-то не такъ! Въ прошедшей книжкъ Репертуара и Пантеона г. Т-ко пишеть, что въ Харьковскомъ театръ, въ бенефисъ тамощней даровитой актрисы, г.жи Млотковской, была дана эта піеса, по почтенный авторъ статьи о харьковскомъ театръ забыль объяснить намъ, какой это водевиль-оригинальный или переводный? Воля ваша, а намъ очень кажется, что онъ переведенъ съ французскаго, следовательно г. Видеманнъ напрасно выставиль на аффиць, что перевель его съ русска-20! У насъ своихъ гръховъ много, а потому покоривище просимъ, не приписывать намъ чужихъ! Сюжетъ этой піесы подробно разсказанъ въ прошедшей книжкъ, Репертуара и Пантеона» а потому мы только прибавимь, что г. Видемания - бенефиціанть, самъ взяль на себя роль Старушки-бабушки и быль-забавень. Г-на Ганфъ-Клара, г. Кехеръ-Кикирики и г. Моръ-сержантъ, употребили все стараніе, чтобы савлать піесу хотя нісколько занимательною, но увы! ничто не помогало.... въ началъ представленія было очень мало народу въ театръ, но къ концу онъ совсъмъ опустълъ, и еслибъ г. Видеманну вздумалось прибавить еще хоть одно дъйствіе, то актерамъ пришлось-бы пропов'ядывать въ пурой зожь. Чую, какъ хорона: А что, монь пиръ, съ павинто

— Въ четвергъ, 15-го апръля. Первый дебють г-жи Альберъ, съ театра Vaudeville въ Парижи.

Намъ предстоитъ задача весьма трудная, а именно: сказать прямое, откровенное мивніе наше на счетъ игры новой артистки, прівхавшей украсить нашу, и безъ того уже прекрасную, французскую труппу. Эта задача тёмъ труднѣе, что мы невольно должны поставить г-жу Альберъ въ паралель съ г-жами Алланъ и Александръ-Майэръ, двумя любимицами посѣтителей французскаго театра — соперничество страшное для дебютантки, которая въ первый разъ явилась на нашей сценѣ въ исторической драмѣ: «Un duel sous le cardinal de Richelieu». Она занимала въ ней роль, въ которой мы восхищались уже двумя прекрасными актрисами: г-жею Бурбье, и г-жею Алланъ. Мы не станемъ сравнивать г-жу Альберъ ни съ тою, ни съ другою, потому-что она стоитъ выше первой и на равнѣ со второю. Мы сами одни изъ величайшихъ почитателей очаровательнаго таланта г-жи Алланъ; но не-смотря на то, должны признаться, что второе дѣйствіе

этой драмы было сыграно г-жею Альберъ лучше. Она явилась женщиной страстной, забывающей долгъ свой, мужа, все, чтобы слёдовать влеченію любви пламенной, необузданной. Жизнь того, кого она любить, дороже ей собственной жизни своей, дороже чести, дороже всего!... И избалованная публика французскаго театра, забывъ диффисильность свою, громкими рукоплесканіями и криками вызвала чудную актрису. Настало третье действіе, въ которомъ г. Алланъ быль всегда такъ корошъ.... но увы! роль эту игралъ г. Альберъ, который -lachous le mot!-просто дурень, и третье действіе, въ которомъ прекрасно развита роль герцога де Шевреза, было решительно испорчено. Жаль было т-жи Альберъ, которая сделалась настоящею жертвою бездарности своего мужа. Молчаніемъ, лучше всякаго шума и смѣха, можно-бъ было выразить непріятное впечата вніе, произведенное на зрителей дурной игрой г. Альбера, а между-тымь aux premières, ныкоторыя дамы du beau monde, забывъ обыкновенную retenue свою, см'бялись aux éclats какъ des bourgeoises!... Въ тоже время внизу, въ креслахъ, забренчали шпоры, зашевелились эполеты, поднялись лорнеты, потому-что дверцы одного бенуара растворились съ шумомъ и въ нихъ вошла красавица стройная, граціозная, съ роскошными плечами и эксентрической прической. Видель, mon cher, красавину Д?-Ахъ, где, братець? покажи пожалуйста! - Вонъ тамъ, на лъво, во второй ложѣ. Чудо, какъ хороша! А что, монъ шеръ, съ кѣмъ.... и разговоръ продолжался въ полголоса... А между-тъмъ ужасная драма приближалась къ страшной развязкъ .... ванавъсъ опустился и чудная актриса едва удостоилась вызова!...

За этой піесой г-жа Альберъ явилась въ водевиль: «La fille de Dominique, « опасной соперницей г-жи Александръ-Майэръ. Крестьянкой, помъщанной баронессой и барабанщикомъ, г-жа Альберъ была равно очаровательно-мила, и мы скажемъ тихонько, такъ-чтобы на насъ не разсердились, что она выполнила эти роли гораздо лучше г-жи Майэръ, еt с'est beaucoup dire!... Не - смотря на то, она не удостоилась совсьмъ единодушнаго вызова. Впрочемъ позвольте вамъ напомнить, господа, что вы-же ошикали Брессана въ первый дебютъ его (Henri III et sa cour), а теперь, кто изъ васъ въ томъ признается?...

внается....
Второй дебють г-жи Альберъ, назначенный на слѣдующій день, быль отмѣненъ, по внезапной болѣзни дебютантки; но за то въ субботу 17-го апрѣля мы опять увидѣлись съ г-жею

Аллань въ «La Lectrice». Михайловскій театръ очень старался доказать въ этоть вечерь, что старый друг лучше повых двухь!... *

од замени от оте атизнадо и знапо на измежнад апол -икиот обкод опо такой дотект и пот на подтавато од РАЗНЫЯ ИЗВЕСТІЯ.

pearena!-Hives venuace to rore, we labrams come nor-

Въ началъ прошлаго апръля мъсяца было въ Парижъ годичное собраніе общества драматическихъ писателей и композиторовъ подъ предсъдательствомъ г. Вьениэ.

Г. Локроа, секретарь общества, прочель рапорть о годичных занятіяхь членовь общества. Этоть рапорть, наполненный локальными подробностями, быль единодушно одобрень.

Г. Ф. Ланглэ, казначей, представилъ бюджетъ общества. Изъ него явствуетъ, что число писателей и композиторовъ возвысилось до 400; изъ нихъ половина перестала писать или рёдко пишетъ; что сумма сборовъ этого года дошла до 772,230 франковъ изъ которой приходится среднимъ числомъ на каждаго автора до 4000 франковъ.

Потомъ приступили къ годичнымъ выборамъ. Выбыли изъ общества Гг. Баяръ, Бушарди, Дюманоаръ, Дино, Сянтинъ

и Вьеннэ.

На мъсто ихъ выбраны въ члены гг. Скрибъ, Мельвиль,

Этьенъ, Мадьеръ и Ф. Сулье.

Следовательно, на 1843—1844 годъ драматическая коммиссія будеть состоять изъ вновь выбранныхъ членовъ гг. Ф. Сульс, Мадьера, Этьена, Мельвиля и Скриба, и прежнихъ: гг. Дюнати, де Планаръ, В. Гюго, Ф. Ланглэ, де Сенъ-Жоржъ, Ф. де-Вильневъ, Арну, Локроа, Ф. Галеви и Ад. Адана.

— Лаблашъ оставилъ навсегда парижскій итальянскій театръ въ-слёдствіе непріятностей, происшедшихъ между нимъ и директоромъ этого театра. По этому случаю произсшла ужасная суматоха, къ которой не привыкли посътители италіянскаго театра. При входъ въ театръ раздавались письма отъ имени Лаблаша, въ которыхъ онъ писалъ, что, будучи вынужденъ отказомъ директора напечатать на афишахъ, что

^{*} Съ каждымъ новымъ явленіемъ на сценѣ г-жа Альберъ болѣе и болѣе приобрѣтаетъ поклонниковъ и защитниковъ своему таланту. Въ роли *Маріи*, въ піесѣ «La nouvelle Fanchon» она—само совершенство!

Ред.

Лаблашъ поеть въ последній разъ на сцень парижскаго итадіянскаго театра, онъ прибъгаетъ къ этому средству, чтобы извъстить о томъ публику и поблагодарить ее за всегдашнее лестное вниманіе.- Лишь только поднялся занавъсъ, какъ со всъхъ сторонъ раздались крики:-Директора на сцену! Директора!-Шумъ усилился до того, что Лаблашъ самъ долженъ быль выдти на сцену и объявить, что не можеть боле оставаться въ этомъ театре. Крики еще боле усилились, но такъ какъ директоръ не являлся, а напротивъ началось представленіе, то все пришло понемногу въ порядокъ.- Италіянскій театръ въ Парижь теряеть лучшихъ певцовъ своихъ. Лаблашъ теперь уже въ Лондонъ, откуда онъ думаетъ перевхать въ Неаполь, родину свою; Тамбурини также оставиль италіянскій театръ; но говорять, что къ будущему сезону ангажирують Ронкони и баритона Форнациари, которые теперь оба находятся въ Вѣнѣ.

— Въ сочиненіи г. Карла фонъ-Роденбака, подъ заглавіємъ «Журналь Фридриха Великаю» находится статья о Берлинскомъ оперномъ театрѣ, написанная Фридрихомъ великимъ, слово-въ-слово перепечатанная изъ «Rudersche Zeitung» газеты, въ которой эта статья была помѣщена 25-го августа, 1793 года. Вотъ переводъ этой статьи съ нѣмецкаго языка, который, какъ извѣстно, Фридрихъ употреблялъ только въдълахъ:

«На этихъ дняхъ графъ фонъ-Готтеръ и баронъ фонъ-Шварцъ, директоры опернаго театра, должны были отръщить отъ мъста балетмейстера г. Потье, который присвоилъ себъ непозволительную власть надъ прочими танцорами и до того загордился, что осмълился оскорбить директоровъ.

«Мы не станемъ описывать подробно дурныхъ поступковъего, потому-что они мерзки. Самое непріятное въ этомъ дѣъ то, что мы лишаемся дѣвицы Роланъ, прекрасной танцовщицы, которая своею скромностью и любезностью пъѣняла всѣхъ.

«Не станемъ разыскивать, какія отношенія существують между дівнисю Роланъ и г. Потье; скажемъ только, что ихъ нельзя было разлучить и что присутствіе величайшей танцовщицы въ мірі можно купить только присутствіемъ глушійшаго и грубійшаго человіка, который когда-либо быль на службі Терпсихоры. Ніть золота безъ приміси, ніть розь безъ шиповь».

- Изъ Лейнцига пишуть отъ 11 апръля: Сейчасъ только получили мы печальную новость изъ Фрейберга въ Эригебиргь, что вечеромъ 30 числа прошлаго мъсяца, даровитый драматургъ Адександръ Фишеръ застрелился въ припадке меланхоліи. Пуля попала въ печень несчастнаго, котораго природа одарила довольно здоровымъ сложеніемъ. Онъ прожиль еще до следующаго утра. Александръ Фишеръ, сынъ антекаря, родился въ 1813 году въ С.-Петербургв, гдв родители его живуть еще и теперь. Леть 10-ть тому онь прівхаль въ Лейпцигскій Университеть и записался въ философскій факультеть. Онь занимался эстетикою, нов'йшею литературою и въ особенности драмою. Не задолго до своего отъёзда изъ Лейшинга въ скромный, дешевый Фрейбергъ, появился его « Мазаніелло », трагедія, изобличающая въ авторѣ какъ собственный геній, такъ и глубокое изученіе Шекспира. Посавднимъ трудомъ его была драма «Nausikaa» отрывовъ изъ которой быль помъщенъ въ издаваемомъ имъ прежде, вивств съ Эристомъ Виллькомомъ, драматическомъ альманахъ. Идеаломъ его былъ великій Британецъ, а между нъмцами Граббе. Причина самоубійства его неизвъстна. Въроятиве всего, что онъ считалъ себя неоцененнымъ по достоинству въ литературномъ мірѣ.

— Недавно въ Парижѣ дебютировала сестра Рашель, Ревекка, дѣвочка тринадцати лѣтъ. Она занимала роль Эрифила въ «Ифигеніи». Въ молодой дебютанткѣ замѣчаютъ прекрасный талантъ, который обѣщаетъ высокую артистку въ будущемъ. Чувства въ ней, говорятъ, болѣе нежели въ стар-

шей сестрь ел! поплыятые акаладонди выстаповные приня

- Въ Вънъ умеръ недавно извъстный капельмейстеръ Јаннеръ, прославившійся своими вальсами, одинъ изъ самыхъ народныхъ современныхъ композиторовъ въ Германіи Похороны его были великольпны. Впереди процессіи шолъ знаменитый Штрауссъ съ своимъ оркестромъ, изъ 200 чел., которые играли погребальные марши Всв публичныя заведенія, гдъ обыкновенно разыгрываютъ мелодіи Даннера, покрыли кръпомъ свои вывъски; ввечеру того-дия не было въ нихъ допущено никакого увеселенія.

— Ивкоторые французскіе писатели беруть за свои произведенія нев вроятно огромную плату или, какъ говорится благозвучные, гонораръ. Такъ напримыръ Е. Сю получаетъ отъ редакціи «Journal des Debats» по 500 фран. за каждый фельетонъ, Фредерикъ Сулье по 300, Бальзакъ, отъ редакціи газеты «Siècle» по 200 фр. «Но—замычаеть одинь новышій писатель,—и этихъ огромныхъ доходовъ не достаточно для безумной расточительности нашихъ литераторовъ. Нынче послъдній водевилисть не можетъ обойтись безъ грумма и кабріолета. У Скриба пропасть дворцовъ и увеселительныхъ замковъ; А. Дюма, по случаю своей неудачной трагедіи «Калигула», выбилъ золотыя медали, а въ цвътущій періодъ своихъ драмъ задавалъ праздники, стоившіе ему отъ 40 до 50 тысячъ франковъ!»

— Процессъ Фанни Эльслеръ съ директоромъ Ковентгарденскаго театра кончился мировою сдёлкою, по которой г. Эльслеръ обязалась въ теченіе нынёшняго сезона сыиграть нёсколько разъ на сценё этото театра, чему и сдёлала уже начало 13 прошл. мёсяца.

 Процессъ Комартена, заколовшаго Сирея, въ квартиръ г-жи К. Гейнефеттеръ также кончился, и Комартенъ его выигралъ. Этотъ процессъ кладетъ такое чорное пятно на честь артистки, что она должна была оставить свой ангажементъ

и увхать изъ Брюсселя.

 Сколько Парижъ тратитъ денегъ на театры, можно видъть изъ того, что расходы восьмнадцати тамошнихъ театровъ простирались въ прошедшемъ году до 8,600,000 франк.

— На дняхъ въ Ліонѣ, при представленіи баллета «Живель» случилось слѣдующее несчастіе: одна изъ танцовщицъ подошла какъ-то неосторожно слишкомъ близко къ закулиснымъ дампамъ, и вдругъ весь ея костюмъ вспыхнулъ. Несчастная съ воплями кинулась за кулисы; подруги ея, перепугавщись, бъгали взадъ и впередъ на сценъ, не думая подать ей помощи; наконецъ уже прибъжалъ театральный машинистъ съ ведромъ воды и вылилъ его на несчастную объятую пламенемъ. Положеніе бъдняжки довольно сомнительно.

— Одинъ богатый американецъ изъ Новаго Орлеана устроилъ театръ на пароходъ и разъъзжаетъ съ нимъ изъ города въ городъ, собирая огромные доходы. Скоро на этомъ театръ, при благопріятной погодъ, дана будетъ пісса «Буря». Когда въ кораблъ окажется течь, то директоръ, режиссеръ и всъ артисты должны приняться за выкачиванье воды.— Подобныя вещи бываютъ и въ театрахъ на твердой вемлъ, но, правду сказать, ръдко спасаютъ отъ потопленія піссу, въ воторой окажется такая течь.

Outgoing who, compays, Take congruence E. Con normalist of the processing of the control of the

ФЕЛЬЕТОНЪ.

поволяченными зайздочками; тел блисика покрыта острокопочнымъ куполомъ, на верхушка которыто поставлень кресть. Вщугри башения на післествай стоить броизовый бюсть, вы-

льной римахачальтоговии, колония, куполь, пьедесталь и отупени, кысьчены нав гранита, и отлично имполированы.

Нынышней зимой дано мий было грустное поручение—заказать надгробный памятникь для близкаго къ сердцу моему человъка. Удучивъ досужную минуту, я пригласиль съ собою обязательнаго пріятеля П. и мы отправились къ Смоленскому кладбищу, по-близости котораго, какъ извъстно, изготовляють надгробные памятники.

День быль ненастный. Снёгь валиль хлопьями. Грустное расположение души еще более усиливалось отъ этой непрі-

имах, дароканіе своей ученильт, и свяго чтить имотон йонти

Посав долгой взды, мы прівхали наконець къ сараямь, въ которыхъ стоять готовые камни, разныхъ родовъ, формъ и цены. Такъ-какъ это было воскресенье, то немногія давки были отперты. Мы вашли въ первую, какая попалась.

Пока мальчикъ ходиль за хозянномъ, мы осмотръли всъ стоявшіе въ сарат камни: ни одинъ изъ нихъ мнт не понравился. Мы-было хоттли уйдти, но въ это время явился самъ

RESIDENCE FOR THE PARTY OF TAY BORG VEG SEAR OF THE PROPERTY.

 Пожалуйте, господа, сказаль онь, видя насъ выходящими: если вамь эти камни не нравятся, прикажите сдёдать на-заказъ; мы сдёдаемъ, какой вамъ угодно.

- Но можешь-ли савлать хорошій памятникъ, по рисунку,

какой мы дадимъ тебъ?

 Какой угодно. Мы дъзали памятникъ на могилу госпожи Асенковой: взгляните, если вы не видали. Отсюда недалечко.

 Кстати, сказаль я, обращаясь къ моему пріятелю: мы оба знали и любили ее; пойдемъ поклониться праху ея.

Могилу Асенковой найдти не трудно. Лишь только савлаете вы насколько шагова на кладбища, вы ва туже минуту увидите, недалеко ота церкви, са лавой стороны, памятника, совершенно отличный ота вевха другиха: вама представится готическая шестиугольная башенка, са шестью колоннами, тоторыя соединены остроконечными арками, и нада которыми проходита простенькой карниза; нада каждой колонной на карниза утверждены маленькія шпили. За паменающіеся

Кн. V. - 40.

позолоченными звъздочками; вся башенка покрыта остроконечнымь куполомь, на верхушкъ котораго поставленъ крестъ.
Внутри башенки на піедесталъ стоить бронзовый бюсть, выльпленный г-мъ Витали и вылитый изъ бронзы барономъ
Клотомъ. Къ башенкъ ведутъ три ступеньки, обходящія ее
кругомъ. Все это поставлено на площадкъ, окруженной жельзной ръшеткой. Башенки, колонны, куполъ, пьедесталъ и
ступени высъчены изъ гранита, и отлично выполированы.
Вышина всего намятника, считая отъ площадки, болъе 6
сажень. На одной сторонъ пьедестала высъчена надпись.

Вообще памятникъ, чрезвычайно красивъ, легокъ и совер-

Этотъ изящный памятникъ сдёланъ по начертанію одного заслуженнаго артиста петербургской сцены, которому незабвенная Асенкова обязана развитіемъ своего таланта и первыми успёхами на сцень. Почтенный артистъ глубоко цёниль дарованіе своей ученицы, и свято чтитъ память ея....

19-го Апрыл 1843 г. минуло уже два года со времени кончины нашей милой, незабвенной Асенковой. Два года, какъ театръ нашь сиротъетъ безъ нея — и только теперь можемъ мы вполнъ цънить нашу потерю: въ два года много было дебютантокъ на сценъ Александринскаго театра, а не нашлось ни одной, которая хоть сколько-нибудь замънила-бы Асенкову. При жизни Асенковой мы были строги къ ней и взыскательны, потому-что глубоко уважали ея дарованіе; теперь вмъстъ со всъми оплакиваемъ ея потерю, съ грустію сознаваясь, что въ настоящее время на нашей сценъ, съ весьма немногими исключеніями, не къ кому быть и взыскательнымъ....

Недалеко отъ Асенковой, въ правую сторону, за церковью, увидите вы скромный памятникъ Дюра, поставленный почитателями его таланта. И вотъ еще артистъ, котораго мы забыть не можемъ, который, вмѣстѣ съ Асенковой, составляль наслажденіе петербургской публики.... Теперь амплуа его спротѣетъ – и Богъ знаетъ, когда найдется достойный ему преемникъ!...

Скоро зазеленьеть весна Божія. Пойдемте увънчать цвътами могилы незабвенныхъ артистовъ, которыхъ мы такъ любили при жизни ихъ, и которымъ мы обязаны столькими прекрасными минутами въ нашей жизни....

na naponal yezepazenti natemain mutan, manonomonia Ru. V. - III. Слава Богу! Наконецъ кончилось это шумное и скучное время «большихъ вокальныхъ и инструментальныхъ концертовъ», отъ которыхъ мы не знали куда дъваться. Обращая взоры назадъ, дивимся сами себъ, чего мы не переслушали въ нашъ, такъ-называемый, музыкальный сезонъ. Перечтите въ нынъшней книжкъ «Репертуара и Пантеона» прекрасную статью г-на С. К. и повърьте слова наши.

Между-тыть, какъ-бы въ утышение за всы истязания, которымъ подвергались уши наши, совершенно неожиданно при летыть къ намъ волшебникъ Листъ, пропыть нысколько чулныхъ пысенъ своихъ, и отправился въ Москву, глы его давно уже съ нетерпыниемъ ожидали. Завидуемъ Москвичамъ, и прилагаемъ для нихъ и вообще для иногородныхъ читателей портретъ знаменитаго артиста, снятый съ барельефнаго изображения Листа, сдыланнаго посредствомъ гальванопластики и чрезвычайно-похожий.

Если Листъ огорчилъ насъ скорымъ своимъ отъездомъ въ Москву, то утъщилъ Рубини возвращениемъ въ Петербургъ. Италіянскія оперы, которыхъ мы ждали съ такимъ нетерпъніемъ, начались. Лва раза дана была опера «Отелло», и три раза (третій сего дня, 30-го апр.) «Лючія». Про восторгъ публики говорить нечего. Итальянская опера завладъла вниманіемъ всего Петербурга. Мы распъваемъ итальянскія аріи, и даже утьшаемъ себя мечтами - о существовании въ Петербургъ постоянной итальянской оперы. Дай Богъ! Итальянская опера такъ заманчива, такъ очаровательна, а потому можно надъяться смело, что рождающися вкусь къ итальянскому пенію въ нашей публикъ, не есть мимолетная прихоть, случайный капризъ, временная мода, а прочное, искреннее, сознательное выражение эстетической потребности. Если-же будеть потребность, будеть и итальянская опера. После техъ пріемовъ себъ, какіе привыкли видъть въ Петербургъ знаменитвійшіе иноземные артисты, Петербургъ не покажется никому изъ нихъ варварскою страною, и они охотно промъняють капризный Парижъ и щепительный Лондонъ на роскошный, изящный Петербургъ. Поговаривають, что Тамбурини, оставившій парижскую Итальянскую оперу, вдеть въ Петербургъ. Јаблашъ также оставилъ Парижъ и, нътъ сомниня, при первомъ призыви явится къ намъ. Соедините Рубини, Тамбурини, Лаблаша, да выпишите двухъ примадоннъ - вотъ вамъ и опера, какой могутъ позавидовать знаменитейшія столицы въ Европе. Будемъ пока утешать себя мечтами и наслаждаться темъ, за что вся образованная публика приносить свою глубокую благодарность заботливой Лирекціи Императорскихъ Театровъ... Еще мы услышимъ Ру-бини въ трехъ операхъ – «Пирать», «Пуританахъ» и «Сомнамбуль». Полный прекрасный разборъ «Отелло» и «Лючіи» пом'вщенъ въ особенной статьв, въ нынвшней книжкв «Репертуара и Пантеона»; о другихъ представленіяхъ италіянскихъ оперъ надъемся сообщить въ следующей книжкъ.

Въ какой въкъ живемъ мы, Боже мой! Неужели въ наше время возможно еще писать такія піссы, какова «Заложеніе Санктнетербурга»? Дъйствующія лица ходять, приходять,

На Александринскомъ театрѣ единственная пока новость
 бенефисъ г-на Режиссера Куликова, 26 апрѣля. Въ этотъ спектакль даны были слѣдующія піесы:

[—] Заложеніе Санктпетербурга, русская драматическая быль въ 2-хъ дъйствіяхъ.

уходять и возвращаются безь всякой цели, громъ гремить, молнія сверкаеть, волны вздымаются, вътеръ завываеть, ночной мракъ покрываеть всъ предметы!... страшно! Киязь Мидославскій, бывшій Стрелецкій сотникъ, скитается по лесамъ Ингермандандін подъ финскимъ (чухонскимъ) именемъ рыбака Вольдемара! Потомъ его схватывають, уводять.... тауть, вдуть и вдругь какъ-то опять на то-же место прівзжають, для того, чтобы солдаты могли сыграть какой-то странный маршъ. Князь получаеть прощение и съ радости, съ грудию, огражденной цъпями, женится на хорошенькой рыбачкв чухоночкв. После этого г. Громовт какъ-то странно декламируеть монологь, который есть ничто-иное, какъ чрезвычайпо-слабое подражание тому монологу, которымъ оканчивается « Авдушка Русскаго флота»—и занавъсъ опускается. Вдругъ.... вообразите!... находятся охотники, желающіе познакомиться съ авторомъ, и огромная зала Александринскаго театра оглашается громкими криками, сопровождаемыми протяжнымъ шумомъ, похожимъ на тъ звуки, которыми бъдный учитель, выведенный изъ теривнія, хочеть заставить умолкнуть глупыхъ и дерзкихъ мальчишекъ. Но.... Автора пот вт театры!... И все приходить въ прежий порядокъ, всъ чрезвыбезпрестанно усферменствораться и изучитимновок онивр

Г. Мартыново (Балакиревъ) играль такъ хорошо, какъ могъ, въ бъдной роли своей, а вызвали... другихъ.

- Піроки, оригинальная комедія въ 1-мъ. д. соч. Н. Гоголя.

Читали-ли вы оригинальныя сцены Н. Гоголя, «Игроки»? Читайте, а на сцень не смотрите! Гоголь никогда не думаль называть своихъ сцень комедіей, и никогда не назначаль ихъ для театра. Если г-нъ режиссеръ Куликовъ поставиль ихъ на сцену-это не Гоголя вина; если эти сцены не имъли успъха-не Гоголя вина.... Мало-ли прекрасныхъ вещей, писанныхъ не для сцены, и сыгранныхъ на сцень, не имъли ни какого успъха? «Моцартъ и Сальери», «Русалка», «Цыгане» Пушкина-все это прекрасныя вещи, а на сцень всь они упали. Не даромъ Байронъ пришель въ бъщенство и подалъ жалобу правительству, когда въ Лондонъ хотъли сыграть его трагедію «Марино Фальеро»!...

— Проказы барышень на Карповкъ... нѣтъ! на Елашномъ.... нѣтъ! на Каменномъ.... нѣтъ, виноватъ! на Черной ръчкъ!... тутка-водевиль въ 1-мъ д., соч. П. С Оедорова.

Да, да, точно на Черной рычки: такъ на аффин сказано, хотя впрочемъ барышни могли также хорошо напроказить

этотъ водевиль и въ другомъ мъстъ, отчего локальность ни мало не пострадала-бы! Забавная шуточка эта имела успъхъ, благодаря милой, наивной игръ дъвицы Куликовой, которая объщаеть хорошую и хорошенькую актрису и благодаря еще одному куплету, проивтому г-жею Самойловою 2-й три раза сряду!... Бъдные актеры! Жестокая публика! Кто смветь противиться тебь? Посмотрите пристальные въ глава актеру или актрисъ, которыхъ заставляють пропъть въ третій разо одинь и тоть-же куплеть, очень-длинный и вы прочтете въ нихъ: Я устала.... Фора! кричитъ деспотъ.-Помилуйте!... Фора! фора!-Это мука!... Фора! фора! фора!... Хоть плачь да пой! На это есть слово, одно слово, заключающее въ себъ цълыя фразы - это слово фора!... Оно значить: я заплатиль деньги (это главное!), мив прочія надовли, тебъ одной удалось разсъять хандру, овладъвавшую мною, такъ ты поплатишься за всёхъ, пой-же за мою ассигшается громпини приками, сопросмоси и моди и с. ! мільн

Въ заключение спектакля малольтные воспитанники Императорскаго Театральнаго училища сыграли небольшой водевиль «Актеры между собою» и сыграли очень-хорошо. Тт. Волково и Лаврово будуть хорошіе актеры, если будуть безпрестанно усовершенствоваться и изучать искусство свое, не увлекаясь восторженными аплодисманами нашей публики, которая рада поощрять, только покажи, что въ тебъ есть таланть. А какова піеса? Да такъ себъ, ничего!...

един потого П именя произвитине В. Исжевнув.

ни о Чиголго, а на ененъ не спотрите! Гоголь инкогда не дучаль невышать (поихъ систь констісії, и пинода и к називчаль ихъ ил теогра. Еги достипенерь Буликовь поставиля ихъ на госиу- это не Гогола вина; если эти сиспы но вибли усибха-не Гогола опна.... Мало-ли прекрытьыть нещей, писанинда не лля сцень, и сыгранных, на систь, не пабли ни какого усибъя? Монарук и Сальери. «Ресалка», «Икичне» Рушкина все это прекрасныя чещи, а на сис-

Р. S. Редакція "Репертуара и Пантеона" коткла приложить при нынкінней книжкі дел картинки, но наша красавица-Нева такъ разбурмилась, что съ Васильевскимъ островомъ долго не было никакого сообщенія, и это самое помісшало докончить одну изъ начатыхъ картинокъ; чтобы явиться въ публику не съ пустыми руками "Репертуаръ и Пантеонъ" рішился для другой картинки лучше опоздать двумя днями, и выходить вмісто 1-го мая—3-го.

ОПЕЧАТКИ

Въ 4-й книжкъ «Репертуара и Пантеона».

	HAHEGATARO.	
Стран.	Строк.	
173	10 исполненіе укращеній пъніє	исполненіе украшеній пініл
184	23 миновеніе руки	мановеніе руки
188	4 и 5 Эгмонта, Прометея Анакреона	Эгмонть, Прометей, Анакреонь
195	19 Галли (теноръ)	Галли (баст)

Въ 5-й книжкть.

напечатано.

Стран. Строк. 248 20 и 21 у него не достаеть и всколькихъ нотъ

внизъ»

читай.

« у него не достаетъ силы въ низкихъ звукахъ».

DHTAPHHO

Въ 4-й киммень «Репертуара и Пантеона».

MATERIAL STATES	MARGATANO, ONATAPAHAN	
исполнение упращения	mpan. Empor. 173 10 nenormenie yrpameniu ubnie	
миновеніе руки Этионть, Прометей, Анапреонь	18k 23 minorenie pyra 188 kieli Dimenta, Upometer Anaroeona	
Tasan (bace) case of	195 19 Гелля (тенора)	

Ва 5-й кимонека,

MATHY	. напечатано.
. Y. DOTO DO AGGREGA. OFISE BY PROBLEMS SUF- ROXY.	Conpun. Conpor. 948 90 n 21 sy hero ne goctaers nhomography. shurt.

Печатать повволяется, С.-п.-б. 30 апрёля, 1843 года. Пенсоръ П. Корсаковь. Ө. Кони, успѣла въ пяти книжкахъ своихъ напечатать девять большихъ драматическихъ произведеній, пять повѣстей, одина оригинальный романъ, томъ «Парижскихъ Тайнъ», не говоря уже о множествѣ другихъ статей, изъ которыхъ напримѣръ статьи «Музыкальныя Замѣтки» и «Россини» сдѣлали-

бы честь лучшему русскому журналу.

3. Что могъ отвъчать издатель «Репертуара и Пантеона» на выходку Ө. Кони, который, ссылаясь на небывалую статью небывалой шведской газеты, напечаталь, что издатель · Репертуара и Пантеона» торговаль въ Москвъ, въ Ножовой линіи? Издатель «Репертуара и Пантеона» слишкомъ уважаеть почтенное званіе купца, и увірень, что можно быть честнымъ человъкомъ, торгуя и въ Ножовой линіи; думаетъ, что и О. Кони разделяеть съ нимъ это уважение къ купеческому званію, къ которому принадлежаль и почтенный родитель О. Кони, имъвшій въ Москвъ, какъ извъстно всьмъ, ваведеніе для декатировки суковъ. Песоцкій ни въ Ножовой. ви въ какой другой линіи никогда не торговаль, а потому, если-бы счель эту выходку О. Кони для себя обидною, то могъ-бы также сослаться на какую-нибудь, положимъ, Бердичевскую газету, и выставить и вкоторыя бывалыя и небывалыя черты изъ біографіи О. Кони; но онъ, по весьмапонятному чувству, - щадить О. Кони....

4. Что отвѣчать на послѣднюю выходку О. Кони, который, не зная, чѣмъ досадить редакціи «Репертуара и Пантеона» объявляеть въ «Литературной Газетѣ», что романъ Е. Сю «Парижскія Тайны» выйдетъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, вполнѣ и отлично переведенный, и будетъ продаваться за всѣ томы-по пяти рублей ассиг.!! Какъ можетъ быть этотъ романъ выданъ вполнѣ въ Петербургѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, когда въ Парижѣ по-сіе-время его вышло только шесть частей, а ихъ будетъ, восемь?! И какимъ образомъ восемь частей отличнаго перевода можно продавать по пяти рублей

ассигн.?!

5. Наконецъ редакція «Репертуара и Пантеона» не отвѣчала по-сіе-время О. Кони и потому, что, имѣя для своего изданія большой занасъ дѣльныхъ и занимательныхъ статей, она не видитъ никакой надобности, для наполненія листковъ, прибѣгать къ вздорной полемикѣ, въ доказательство чего и этотъ «первый и послѣдній отзывъ О. Кони» печатаетъ на обверткѣ «Репертуара и Пантеона», обѣщаясь отнынѣ и навсегда не отвѣчать О. Кони ни на какія выходки.

Пишите, г. О. Кони, себъ на здоровье, что хотите!

издатель и. песоцкій.

нижка пятая,

I.	Сынъ Кромвеля или Возстановленіе. Комедія въ 5-ти дъйствіяхъ, соч. Скриба	1
II.	Φ илосо ϕ ія и Исторія музыки. Россини. Статья $C.R.$	92
III.	Чорный тараканъ. Фантастическій романъ изъ жизни одного чиновинка. Соч. Вл. Р. Зотова	131
IV.	Стихотворенія. Пляска мертвецовъ, баллада изъ Гете * * * . — Современная замътка (И. И. Илеткина).	234
v.	Музыкальная хроника Петербурга. Взглядъ на кон- церты 1843 года—Рубини въ «Отелло».—Рубини въ «Лючіи ди-Ламмермуръ». Статья С. К	237
VI.	Провинціальные театры въ Россіи. § 7. Воронежскій и курскій театры. Статья <i>Н. Фридебура.</i> —§ 8 Орловской театръ. Статья <i>Д. Г. Т.</i> —Извѣстіе изъ Одессы	953
VII.	Смъсь. Сюжеть для комедіи.—Женихь въ шкафу.— Тайна.—Поэть и Министръ.—Три привидінія.—Му- выкальныя сосідства.—Анекдоты и мелочи	
VIII.	Хроника иностранныхъ театровъ. (Апръль).—Парижскіе театры.—Вѣнскіе театры.—Новости иностранныхъ театровъ въ Петербургѣ (Мьепь: Unterhaltungen.—Дебюты г-жи Альберъ). Статья П. Р. Фурмана.—Разныя извѣстія	
IX	. Фельетонъ. В., С. Межевича.	

къ сей книжкъ приложено изовражение над-